

БАРБАРА

ВАЙН

ЧЕРНЫЙ МОТЫЛЕК

ДЕТЕКТИВ

ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

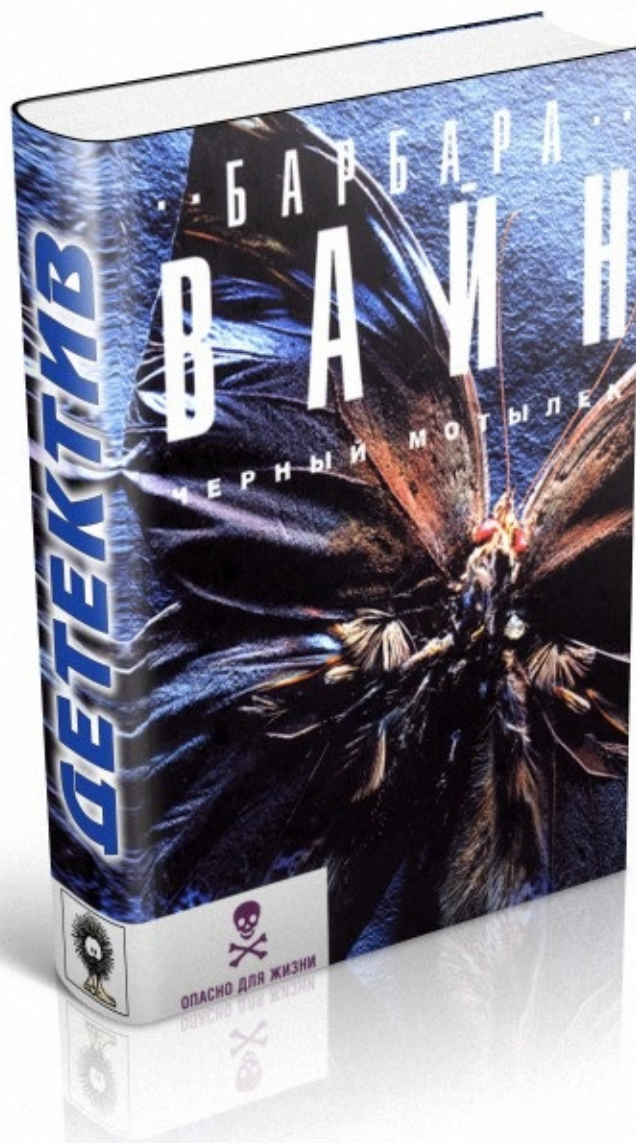

- [Барбара Вайн](#)
- [Черный мотылек](#)
- [АННОТАЦИЯ](#)
- [Барбара Вайн](#)
- [Черный мотылек](#)
- [*](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [I](#)
- [II](#)

- [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
-

Барбара Вайн

Черный мотылек

Название: Черный мотылек

Автор: Вайн Барбара

Серия: Опасно для жизни.

Жанр: детектив

Издательство: Эксмо

Страниц: 576

Год: 2005

ISBN: 5-699-11622-2

Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Знаменитый писатель Джеральд Кэндлесс умирает от сердечного приступа. Его любящая дочь начинает писать книгу воспоминаний и вскоре выясняет, что ее обожаемый отец — не тот, за кого себя выдавал. Он даже не Джеральд Кэндлесс. Но кто же он? И что за ужасная мрачная тайна заставляла его лгать все эти годы? Только черный мотылек может указать дорогу к правде тому, кто осмелится дойти по этому пути до конца.

Захватывающая детективная история с элементами психологического триллера, неожиданные повороты сюжета, которые держат в напряжении от первой до последней страницы, — роман Барбары Вайн (литературный псевдоним Рут Ренделл) «Черный мотылек» впервые на русском языке.

Барбара Вайн

Черный мотылек

Патрику Махеру

Он хотел семью. Он знал это смолоду, с пятнадцати или шестнадцати лет, — уже тогда вглядывался в свои мысли, изучал сердце, а потому внес поправку: он хочет семью, которая добавилась бы к уже существующей. Не только братьев и сестер, но и собственных детей. У его родных появятся племянники и племянницы, у его детей будут любящие братья и сестры. В мечтах ему представлялось, как все они будут жить вместе, в большом доме, более просторном, чем их нынешнее жилье. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать, насколько несбыточна эта мечта.

Позже он понял кое-что другое: мужчины относятся к жизни совсем иначе. За редким исключением. Это женщины мечтают о ребенке, а мужчины снисходят к их желанию. Мужчина думает о рождении сына, чтобы передать ему свое имя, семейное дело. А он хотел детей потому, что ему нравилась большая семья и хотелось, чтобы она стала еще больше. Друзья мало значили в их жизни. Зачем человеку друзья, когда у него есть семья?

Многие из его мыслей и чувств были неуместны для мужчины. Неправильны. Скажем, в той семье, о которой он грезил, должна быть женщина, мать. Он знал правила, знал, как это случится: встретит девушку, полюбит ее, станет ухаживать, обручится и женится. Почему это так сложно? Девушки ему нравились, но «не в таком смысле». «В таком смысле» — это поцелуи, прикосновения и все прочее, о чем бесконечно и однообразно рассуждали одноклассники. Мальчики только и думали о том, как проделать все это с девочками, некоторые похвалялись, что уже сделали это. Но он осознавал, что для него и сам акт, и даже подступы к нему окажутся тяжким испытанием, пыткой и подвигом, словно экзамен по французскому языку, в котором он далеко не силен, или участие в ненавистном кроссе по пересеченной местности.

И он знал уже — как? откуда? — что для него это —
не настоящее.

Джеральд Кэндлесс.

«Меньше значит больше»

Мы заблуждаемся, говоря о «выразительных глазах». Веки, брови, губы — все черты лица передают состояние чувств, но глаза — лишь цветные стеклянные капли.

«Вестник богов»

— Ни слова моим девочкам, — сказал он по пути из больницы. «Моим девочкам» — словно к ней они не имели никакого отношения. Урсула привыкла — Джеральд всегда говорил так, и дочери действительно принадлежали ему.

— Я этого не слышала, — сказала она. — Тебе предстоит серьезная операция, и ты хочешь скрыть все от взрослых детей?

— «Серьезная операция», — передразнил он. — Точь-в-точь сестра Саманта в сериале про госпиталь. Не хочу, чтобы Сара и Хоуп знали заранее. Они будут переживать за меня.

Не лести себе, мысленно съязвила она, зная, что несправедлива. Он прав: девочки будут переживать за него, мучиться. Это ее чувства сводились к легкой обеспокоенности.

Он заставил ее дать слово, и она согласилась без возражений. Ей вовсе не хотелось брать на себя роль горевестника.

Девочки приехали в конце недели — как обычно. Летом они проводили с родителями все выходные, и зимой тоже, если снег не заметал дорогу. О том, что на ланч приглашены Ромни, они забыли. Хоуп скорчила гримасу — ту, что отец называл «большой пастью»: оскалилась, вытянув шею.

— Хорошо, хоть только на ланч, — заметил Джеральд. — Когда я познакомился с этим парнем, то пригласил его на все выходные.

— Он отказался? — Судя по интонации, с какой Сара задала этот вопрос, скорее можно отказаться от бесплатного круиза.

— Нет, он-то не отказался. Но потом я написал ему, предложил остановиться в гостинице и зайти на ланч.

Рассмеялись все, кроме Урсулы.

— Он везет с собой жену.

— Боже, папа, их там много? У него еще и дети есть?

— Не знаю, детей я не приглашал. — Джеральд ласково улыбнулся дочерям и добавил не без лукавинки: — Можем поиграть в Игру.

— С ними? О, давай, — подхватила Хоуп. — Мы уже целую вечность не играли в Игру.

Титусу и Джулии Ромни польстило приглашение от Джеральда Кэндлесса, а если они рассчитывали поселиться в доме и не платить за номер в «Дюнах», то не признавались в этом даже друг другу. Джулия ожидала столкнуться с эксцентричностью, возможно, даже грубостью Кэндлесса — человек-то гениальный, — и для нее приятным сюрпризом стала встреча с гостеприимным хозяином, приветливой; хотя и молчаливой хозяйкой и двумя красивыми молодыми женщинами (как выяснилось, дочерьми).

Ее супруг — наивный человек — надеялся получить доступ в кабинет, где вершится таинство творения. Он и на подарок рассчитывал, — конечно, не на первое издание, это уж слишком, — но был бы рад любой книге с автографом писателя. И поговорить о литературе: как Кэндлесс пишет, когда пишет, а теперь, завидев дочерей, хотел выяснить, что значит для них быть его дочерьми.

Стоял жаркий солнечный июль, но до начала сезона оставалось еще несколько дней, поэтому Ромни удалось снять комнату в гостинице. Ланч подали в темноватой и прохладной столовой, из окон которой моря не видно. Кэндлессы и не думали беседовать о книгах, они обсуждали погоду, отдыхающих, пляж и мисс Бетти, которая убирала в доме и мыла посуду. Джеральд сказал: мисс Бетти не лучшая помощница по хозяйству, но у нее такая смешная фамилия, за то и держим. Имелась еще одна мисс Бетти и мать, миссис Бетти, все они жили в небольшом коттедже в Кройде. Новый вид карточной игры — «Несчастливое семейство», сказал он и засмеялся, а вместе с ним и дочери.

Французские окна приемной — так называл Кэндлесс это помещение — выходили в сад с розовыми и лиловыми гардениями, за садом начиналась оконечность мыса, длинный, изогнутый луком берег и море. Джулия спросила, как называется остров, и Сара, поморщившись, ответила: «Ланди». Сразу ясно: только круглый невежда мог задать подобный вопрос. Кофе принесла какая-то женщина, наверное та самая мисс Бетти, Хоуп разливала спиртные напитки. Джеральд и Титус выбрали портвейн, Джулия попросила еще «Мерсо», Сара и Хоуп пили бренди — Сара неразбавленный, Хоуп со льдом.

И тут Джеральд сделал объявление. Джулия терпеть не могла подобных шуток. Разве нормальные люди занимаются подобными

глупостями? В наши дни? Взрослые люди? Высокообразованные? Увольте!

— А теперь мы сыграем в Игру, — провозгласил Джеральд. — Посмотрим, насколько вы умны.

— Вот бы найти человека, который сразу разберется что к чему, — сказала Хоуп. — Или нас это взбесит, как ты думаешь, папа?

— Взбесит, — подтвердила Сара, нежно целуя Джеральда в щеку. Уже не первый поцелуй, но Ромни каждый раз смущенно поеживались.

Отец перехватил ее руку, легонько похлопал:

— Ну, такого еще не бывало, верно?

Джулия поймала взгляд Урсулы. Должно быть, та что-то разглядела в ее глазах — вопрос или страх.

— Я не стану играть, — сказала Урсула. — Мне пора на прогулку.

— По такой жаре?

— Ничего страшного. Днем я всегда выхожу погулять вдоль моря.

Титус, тоже не любитель салонных забав, спросил, как называется эта игра.

— «Несчастливые семейства», о которых вы упоминали?

— Нет, эта игра называется «Передай ножницы», — ответила Сара.

— Какие правила?

— Правило одно: делать как надо.

— То есть мы все что-то делаем, и можно сделать это правильно, а можно неправильно?

Сара кивнула.

— А как узнать, правильно или нет?

— Мы вам скажем.

Хоуп достала ножницы из ящика высокого комода. Когда-то в ход шли кухонные и портновские ножницы Урсулы, даже маникюрные — любые, какие под руку попадутся. Но Игра и все ее принадлежности доставляли игрокам столько радости, что еще в те времена, когда девочки были маленькими и жили дома, Джеральд приобрел викторианские ножницы с кольцами в виде серебряных птиц и острыми кончиками. Эти самые ножницы Хоуп протянула отцу, чтобы тот начал Игру.

Подавшись вперед в кресле — он сидел спиной к окну, — широко расставив ноги, Джеральд раскрыл ножницы так, что лезвия образовали прямой угол. На губах его играла улыбка. Это был крупный мужчина, чью шевелюру журналисты сравнивали с львиной гривой. Но курчавая грива уже поседела, приобрела оттенок металлической стружки. Руки большие, пальцы длинные. Он протянул ножницы Джулии Ромни, промолвив:

— Я передаю ножницы раскрытыми.

Джулия протянула ножницы Хоуп в том виде, в каком их получила:

— Я передаю раскрытыми.

— Неправильно. — Хоуп закрыла ножницы, перевернула остриями вверх и вложила в подставленную ладонь Титуса Ромни:

— Я передаю ножницы закрытыми.

Титус повторил ее движения и передал ножницы Саре. Оглянувшись на Джеральда, он заявил, что передает ножницы закрытыми.

— Неправильно. — Сара раскрыла ножницы и передала отцу, держа за одно лезвие. — Я передаю ножницы закрытыми, папа.

В глазах Джулии мелькнул проблеск догадки она поняла или ей показалось, будто она поняла. Выпрямившись, она дважды повернула ножницы против часовой стрелки, передала их Хоуп и сказала, что передает закрытыми.

— Да-да, — подтвердила Хоуп. — А почему?

Ответа Джулия не знала. Сказала по наитию:

— Но ведь они закрыты, верно?

— Только поэтому? Вы должны передать их закрытыми и знать почему, чтобы все это видели. Когда знаешь, в чем дело, это проще простого, честное слово. — Хоуп раскрыла ножницы. — Я передаю ножницы раскрытыми.

Так продолжалось около получаса. Титус Ромни спросил, удалось ли новичкам разобраться в игре, и Джеральд сказал: да, конечно, но не с первого раза. Джонатана Артура осенило уже на второй раз. Услышав имя лауреата премии Джона Ллевелина Риса и Сомерсета Моэма, Титус пообещал удвоить усердие. Сара добавила в стакан бренди и спросила, кому еще долить:

— Портвейн, папа?

— Не стоит, дорогая. Голова разболится. Налей лучше Титусу.

Сара обслужила гостей и присела на подлокотник отцовского кресла.

— Я передаю ножницы раскрытыми.

— Но почему? — В голосе Джулии прорвалось раздражение, лицо покраснело. Кэндлессы, дожидавшиеся первых признаков капитуляции, торжествующе переглядывались. — Как же так? Ты только что передавала их закрытыми. Что изменилось?!

— Я же говорила, с первого раза не угадаешь, — напомнила Хоуп, слегка зевнув. — Я передаю ножницы закрытыми.

— Ты всегда передаешь закрытыми!

— Правда? Ладно, в следующий раз передам раскрытыми.

В тот момент, когда Титус, раскрыв ножницы, старательно

поворачивал их по часовой стрелке, в открытую стеклянную дверь гостиной вошла Урсула. Одной рукой она придерживала выбившиеся из заколок длинные волосы, тонкие, светлые от седины. Заметив ее улыбку, Титус решил, что сейчас хозяйка скажет что-нибудь вроде «Все еще играете?» или «Так и не разгадали секрет?», но она молча прошла через комнату и скрылась за дверью, ведущей в холл.

Оглядев собравшихся, Джеральд предложил:

— Хватит на сегодня.

По смеху девушек — Сара изгибалась, заглядывая отцу в глаза, чтобы смеяться с ним в унисон, — Титус сообразил, что этой фразой, произнесенной несколько помпезно, Джеральд всегда заканчивал Игру. Вероятно, обязательным считалось и заключительное пожелание:

— В следующий раз повезет.

Джеральд поднялся на ноги. Титусу померещилось — без всяких на то оснований, разумеется, — что старика («Великий Старец», называл он его про себя) потревожило возвращение жены, а потому Игра уже не доставляла ему удовольствия. Что-то его беспокоило. С лица сошел румянец, оно стало почти таким же серовато-белым, как волосы. Сара — та из дочерей, что лицом больше напоминала мать, — тоже заметила перемену. Бросив взгляд на сестру, внешне похожую на отца, она спросила тревожно:

— Папа, ты здоров?

— Вполне. — Grimаса на его лице адресовалась содержимому стакана, к дочери Кэндлесс обернулся с улыбкой. — Не нравится мне портвейн, никогда его не любил. Лучше бы выпил бренди.

— Я налью тебе бренди, — вызвалась Хоуп.

— Не стоит. — И он сделал жест, который ни разу на глазах Титуса взрослый мужчина не позволял себе по отношению к взрослой женщине, — вытянул руку и погладил дочь по голове. — Мы разбили их наголову, дорогая. В пух и прах.

— Как всегда.

— А теперь, — с озорной усмешкой в глазах он обернулся к Титусу, — пока вы еще не ушли, хотите посмотреть, где я работаю?

Кабинет. Интересно, эта комната называется кабинетом или нет? Здесь написаны его книги, во всяком случае большинство из них. Жарко, душно. Из окон видно море, то есть большая часть длинного и плоского, в полмили шириной побережья, волны почти неразличимы вдали. Небо и море сливаются в размытой дымке. Большое окно закрыто, но черные шторы раздвинуты, открывая доступ солнцу — письменный стол,

кресло, книги перед столом и позади стола купаются в его лучах. Джеральд Кэндлесс печатал на машинке, а не компьютере. В ониксовом стаканчике дожидались ручки и карандаши.

Слева от машинки — гранки нового романа. Справа — рукопись в дюйм толщиной. Полки до самого потолка заполнены книгами — словари, энциклопедии, разные справочники, поэзия, биографии, романы — сотни романов, в том числе самого Джеральда Кэндлесса. Кожаные и матерчатые переплеты радужно переливались на солнце.

— Как вы себя чувствуете?

Лицо Джеральда вновь посерело, скрюченные пальцы правой руки крепко обхватили предплечье левой. Титус невольно повторил вопрос, заданный отцу Сарой, но Джеральд не отвечал. Похоже, этот человек предпочитает промолчать, если не может сказать ничего определенного. Не станет вести светскую беседу, отвечать на вежливые расспросы о здоровье.

— Вас так и зовут — Титус?

Внезапный вопрос удивил его:

— Что?

— Не знал, что у вас проблемы со слухом. Я спрашиваю: Титус — ваше настоящее имя?

— Конечно.

— Похоже на псевдоним. Не стоит обижаться. На самом деле, далеко не каждый носит свое подлинное имя. Оглянитесь по сторонам. Выбирайте не спеша. Найдете книгу — я вам ее подпишу. Только не первое издание, это уж слишком.

Титус пытался высмотреть свою собственную книгу. Но здесь ее не было — на глаза не попадалась. Он постоял перед рядами книг, принадлежащих перу Джеральда Кэндлесса, гадая, какую лучше взять, и наконец достал с полки «Гамадриаду».

— Вы читаете по-фински?

Титус слишком поздно обнаружил, что потянулся к стеллажу с переводами, и хотел сделать вторую попытку, но Кэндлесс опередил его — вытащил тот же роман, изданный Книжным клубом, и расписался на форзаце. Только имя, без обращения, без добрых пожеланий. Солнечный луч упал на крупные кисти писателя — они если и не дрожали, то и не лежали спокойно.

— Итак, вы откушали ланч, посмотрели мой кабинет и получили роман. Теперь вы должны сделать кое-что для меня. Одно доброе дело в обмен на другое — вернее, даже на три добрых дела. Справедливо?

Он ожидал услышать подтверждение. Титус с готовностью закивал:

— Все, что в моих силах.

— О, это вам по плечу. С этим всякий справился бы. Видите эти бумаги?

— Гранки?

— Нет, не гранки. Рукопись. Заберите ее с собой. Просто унесите отсюда и все. Можете это для меня сделать?

— Что это такое?

Джеральд Кэндлесс уклонился от прямого ответа:

— Я уезжаю на несколько дней. Не хочу оставлять бумаги в доме, пока меня не будет. Уничтожать тоже не собираюсь. Может, однажды я это опубликую — закончу и опубликую. Если достанет отваги.

— Это ваша автобиография?

— Конечно, — с едкой усмешкой подтвердил Джеральд. — Я даже имен не менял. — И тут же добавил: — Это роман, то ли начало, то ли конец, пока не знаю. И «он» здесь — не он, и «она» — не она, «они» — не они. Ясно? Главное, чтобы рукопись не валялась тут без меня. Пригласив вас сюда, после того как мы познакомились в как-бишь-его...

— В Хэй-он-Вай.

— Именно. Пригласив вас, я подумал — вот кого надо попросить. Кого же еще?

— Хотелось бы знать, почему вы не положите рукопись в банк на хранение?

— Вам хотелось бы знать, вот как? Если не можете взять рукопись и хранить, как я вас прошу, скажите сразу. Поручу ее мисс Бетти или сожгу. Пожалуй, правильнее всего будет сжечь.

— Бога ради, и не думайте! — всполошился Титус. — Я возьму ее на хранение. Как ее потом вернуть? И когда?

Джеральд собрал страницы, подержал стопку на весу. Под бумагами на столе лежал заранее заготовленный бандерольный конверт с адресом Джеральда Кэндлесса, Ланди-Вью-Хаус, Гонтон, Северный Девон, с маркой за полтора фунта.

— Вы хотите... хотите, чтобы я... вы не против, если я... прочту?

Громкий хохот, который приветствовал эту просьбу, этот здоровый утробный рев так не вязался с подрагивающими руками:

— Придется повозиться. Я печатаю отвратительно. Можете упаковать в это.

«Это» оказалось дешевой пластиковой папкой, в каких на конференциях раздают брошюры и расписание. Титус Ромни охотней умер бы, чем показался с такой папкой на людях. К счастью, нести недалеко —

только до отеля. Джулия дожидалась мужа в гостиной, без особого успеха поддерживая беседу с женой Джеральда. Имя ее Титус успел позабыть и вспоминать не собирался — половина четвертого, им так и так пора уходить. Дочери куда-то исчезли.

— Я провожу вас до гостиницы, — предложил Джеральд. — Мне велено гулять каждый день. Понемногу.

Джулия изливалась в благодарностях — как всегда, когда уже не чаяла вырваться из гостей:

— До свидания, большое вам спасибо, все было просто прекрасно. Чудесный ланч.

— Отдохните хорошенько, — пожелала ей жена Джеральда.

Они прошли через сад. Титус прижимал к себе папку, Джулия бросала на него любопытные взгляды. Сад заканчивался ярдах в десяти от оконечности мыса, дальше через ворота можно было выйти на тропинку, с которой открывался вид на весь берег и парковку, забитую машинами и трейлерами. На пляжелюдно, многие уже купаются. Джулия где-то наткнулась на описание этого пляжа — дескать, лучшее место английского побережья, самый длинный пляж, семь миль протяженностью, чистейший песок. Безопасный к тому же — отлив отступал от берега на полмили, а потом неторопливо, кротко возвращался на плоское, почти без выступов, песчаное дно. Не море, а мелкое, теплое озеро. Спокойное, без волн, насыщенно синее, как сапфир.

— Наверное, вы очень любите эти места, — попыталась подольститься к писателю Джулия.

Тот не ответил. Титус спросил, не утомляет ли его прогулка. Судя по словам Джеральда, ему не слишком нравилось это занятие.

— Я вообще не люблю физические нагрузки. Только сумасшедшим нравится ходить пешком. Разумные люди изобрели автомобиль.

К тропинке выходили ворота с надписью «Отель „Дюны“. Вход только для постояльцев». Джеральд отворил ворота и отступил в сторону, пропуская Джулию. Гостиница из красного кирпича, с белыми оконными рамами, с множеством флигелей, построенная в эдвардианском стиле, тянулась чуть выше по склону холма у них над головой. За столиками уже пили чай. В бассейне, полускрытом плетеной изгородью, плескались дети.

— Как дети поживают?

— У нас их нет, — ответила Джулия.

— В самом деле? Почему?

— Не знаю. — Вопрос ее ошаршил. Разве об этом спрашивают? — Я... я, пожалуй, не хочу ребенка.

Еще одни ворота — и они вышли на широкую лужайку.

— Не собираетесь иметь ребенка? — переспросил Джеральд. — Это противоестественно. Вы должны передумать, пока не поздно. Вы же не боитесь рожать? У женщин это бывают. Дети — венец творения. Источник всего нашего счастья. Высшая награда для человека. Можете мне поверить. Вот мы и вышли к людям.

Джулия обозлилась настолько, что чуть не нагубила великому человеку. Она оглянулась на мужа — Титус отвел глаза. Она снова обернулась к Джеральду, собираясь молча пожать ему руку на прощание, развернуться и уйти в номер. Нехотя протянула руку, но Джеральд не принял ее. На этот раз причиной странного поведения была не «эксцентричность», а что-то другое: Кэндлесс во все глаза смотрел вверх, на террасу гостиницы. Его лицо выражало изумление, если не ужас. Взгляд немигающий, застывший. Джулия проследила за его взглядом.

Ничего особенного. Какие-то пожилые люди собрались на террасе. Еще вчера Джулия обратила внимание на них: не плавают, не гуляют, не смеют спуститься с утеса — обратно-то не залезть. Старики сидели под зонтиками, под голубыми в белую полоску навесами, пары, приближающиеся к золотой свадьбе, дедушки и бабушки, умиротворенные и малоподвижные.

— Кто-то знакомый? — поинтересовался Титус.

Джеральд походил на спящего, на сбитого с толку лунатика, который слепо нащупывает дорогу. Но этот вопрос разрушил чары, прервал сон. Джеральд провел рукой по высокому морщинистому лбу, запустил пальцы в густую шевелюру.

— Ошибся, — пробормотал он. Опустил руку, попрощался как следует, улыбаясь все так же — только красным хищным ртом, а не глазами. Глаза были мертвые.

Супруги не стали смотреть ему вслед. Не оглянулись, не помахали, быстрым шагом пересекая террасу, чтобы войти в гостиницу через распахнутые стеклянные двери холла. Джулия на миг приостановилась, оглядела старичков за столиками. Как много они курят! У каждого сигарета во рту, переполненные пепельницы, чайники и чашки с чаем, пирожные на тарелках, колоды карт — все под рукой, кроме солнечных очков или крема для загара. Они не выходят на солнце. Какая-то женщина приводила в порядок лицо, смотрелась в зеркальце раскрытой пудреницы, рисовала на сморщенном старом ротике розовые губы.

Ни одного интересного лица. Кто мог привлечь внимание писателя? Аффектация, подумала она, игра на публику, — и проследовала за Титусом

в прохладный сумрачный холл.

Сара и Хоуп проводили вечер вне дома. Хоуп уже определилась: барбекю на пляже, неподалеку от дома. Сара, едва гости вышли, бросилась к телефону и договорилась встретиться со своей компанией в пабе Барнстеpla. Субботним вечером они не остались бы дома и ради отца. Пообщаться со старыми друзьями, одноклассниками, знакомыми знакомых — святой долг.

— Постельку постели и свет оставь, — процитировала мисс Бетти на кухне. — И к ночи меня не жди, птичка моя. Старые песни правду говорят.

Взяв с подноса стакан Титуса Ромни, она допила остатки портвейна. Так она всегда поступала, когда у хозяев бывали гости. Как-то раз совсем захмелела, перепробовав содержимое пятнадцати бокалов с шампанским, и Урсуле пришлось отвезти ее домой. А в честь чего пили шампанское? Этого и Урсула не помнила. Мисс Бетти, которую Урсула давно уже называла Дафной, а она ее — Урсулой, выцедила капельку бренди и принялась выгружать из раковины первую партию посуды.

— Птичка моя, прощай! — напевала она.

Познания Дафны в популярных мелодиях последних шестидесяти лет не переставали изумлять Урсулу. Кэндлесса пленяло имя прислуги, Урсулу — этот неисчерпаемый поток знаний. Она прошла в гостиную и застала Джеральда у распахнутого окна, хотя стоял он почему-то спиной к нему. Вернувшись из отеля, он не промолвил ни слова, на лице появилось давно знакомое отчужденное выражение. На этот раз ей показалось, Джеральд отдалился больше прежнего, словно перешел через реку и попал в другую страну. Взгляд его был пуст и слеп, он смотрел на жену не узнавая.

Каждый раз, в субботу вечером, когда девочки совершали свои вылазки, Джеральд буквально умирал от тревоги. Он воображал, будто Урсула не замечает его переживаний, хотя, конечно же, она все видела. В Лондоне, где жили теперь его девочки, они, должно быть, каждую ночь засиживаются где-нибудь допоздна, однако по этому поводу Джеральд ничуть не волновался. Он не думал об этом, и уж тем более не просыпался посреди ночи, гадая, спит ли уже Хоуп спокойно в своей кровати в Кроуч-энде и вернулась ли Сара в свою квартиру в Кентиш-тауне. Но здесь, стоило им выйти за дверь, Джеральд даже для видимости не укладывался в постель. Он сидел в темноте кабинета, дожидаясь шороха шин на дорожке, скрежета ключа в замочной скважине, а потом второй раз — шороха шин и скрежета ключа.

Тридцать лет они спали отдельно, еще с тех пор, когда жили в другом доме, но Урсула знала все наверняка. Все ее внимание по-прежнему

сосредотачивалось на Джеральде — словно на уродце, говорила она себе порой, на калеке. Испуганный и озадаченный взгляд жены приковывался к его лицу, мысли постоянно возвращались к мужу. По каким признакам она судила, где он сейчас — в спальне или в кабинете? Свет не пробивался, не доносилось ни звука. Полы сплошь устланы коврами, двери надежно подогнаны. Их спальни находились в разных концах дома. И все же Урсула знала, что он еще не ложился, как знала о том, что девочки еще не вернулись. Первая машина, подъезжая к дому, будила ее — Урсула никогда не проваливалась глубоко в сон. Сара уже дома, за ней и Хоуп — или в обратной последовательности, как случится. Ее это успокаивало, как и Джеральда. Но девочки возвращались не раньше полуночи, зачастую намного позже.

Дочерям не полагается знать, что отец бодрствует в ожидании. Он не включал свет в кабинете, чтобы они не догадались. Не надо им знать, что он за них переживает, что у него плохое сердце, что в среду большое сердце попытаются отремонтировать. Пусть остаются веселыми и беззаботными, как в детстве, когда родители казались бессмертными. Каково им будет, если он умрет на операционном столе? Бездна разверзнется у них под ногами, подумала Урсула. Выключила свет и уснула.

Она не слышала, как подъехала первая машина, но скрип двери в комнате Хоуп разбудил ее. Потом примчалась Сара, слишком быстро и шумно — должно быть, переборщила с выпивкой. Когда-нибудь дорожный патруль арестует ее за превышение скорости, и если газетчики прослышат и сообразят, чья она дочь, выйдет скандал. Дверца автомобиля лязгнула, дверь дома захлопнулась с грохотом. В порядке компенсации по лестнице Сара кралась на цыпочках.

Джеральд тоже старался передвигаться бесшумно, однако он был крупным и грузным и слегка покачивался на ходу. Если девочки и слышали его шаги, то решили, что отец пошел в туалет. Урсула прислушалась, но больше никаких звуков не доносилось. Она задремала, наверное, но точно потом не могла припомнить — запомнились только тишина и покой, а когда она снова включила свет, часы показывали ровно половину второго. Прилив достигал пика в час пятьдесят. Впрочем, безветренной летней ночью, когда море спокойное, прилив почти незаметен. Гости завидовали: приятно, должно быть, слушать ночью шум моря, но она его никогда не различала. Слишком высоко поднимается утес — тихое, неглубокое море осталось далеко внизу.

Днем он пережил какое-то потрясение. Эта мысль вырвала Урсулу из сна. Или это, или что-то другое разбудило ее. Может, ей приснился

Джеральд — такое тоже случалось. Она припомнила, что вечером он казался оцепеневшим, пристально смотрел в пустоту. Пошел провожать в отель этих Ромни, а там что-то стряслось. Что-то или кого-то увидел, что-то неприятное сказали ему. Любое потрясение Джеральду противопоказано, все так же смутно подумала она и села на постели, включив свет. Четыре часа. Значит, все же уснула. Близится утро, тонкая серая полоса света проступила из-под занавесок.

И тут она услышала его. Наверное, эти звуки он издавал и раньше — вот что ее разбудило. Ночная рубашка была слишком тонкой, с узкими бретельками. Урсула накинула сверху халат, собрала длинные волосы узлом и заколола двумя шпильками.

Ни разу в жизни она не заходила к мужу в спальню. В этом доме — ни разу. Даже не знала, как обставлена эта комната. Дафна Бетти прибиралась здесь, меняла постель, напевая поп, или рок, или кантри.

— Джеральд? — окликнула Урсула.

Задыхаясь, он втягивал в себя воздух. Вот что означали эти звуки. Урсула отворила дверь. Занавески раздвинуты, по бледному небу плывет бледная луна. Совсем светло. Джеральд сидит на односпальной кровати, лицо розовое, весь в поту.

— Джеральд! — повторила она.

Он попытался ответить. Урсула поняла — это приступ, поискала глазами лекарство — глицерил тринитрат. Где оно? Прикроватная тумбочка пуста. Когда она подошла вплотную к кровати, муж внезапно запрокинул голову и взревел — словно животное, словно загнанный бык. Этот рев исторгся из глубины его глотки, из самой груди, из рвущегося сердца. Отголоски вопля замерли, Джеральд с силой забил в грудь кулаками, потом яростно вскинул руки — лицо его наливалось кровью и стремительно багровело.

Урсула попыталась схватить его за руки — забыть все, прижать к себе. Так она обнимала его однажды, в ту ночь, когда ему снилось, будто он убегает по бесконечному тоннелю. Но Джеральд боролся и с ней тоже, бил кулаками, глаза его вылезали из орбит, он размахивал руками изо всех сил, как рассерженный ребенок.

Она отступила в испуге. Джеральд испустил вздох — словно вода ушла по трубам с густым, пузырящимся клекотом. С лица постепенно сбегали краски — так смываются следы вина с дымчатых стенок бокала. Лицо побледнело, мышцы расслабились, отвисла челюсть. Смерть сотрясла его как погремушку, извлекая последний рокошущий звук, и Джеральд рухнул на кровать — в объятия смерти.

Смерть. Урсула поняла сразу — это смерть. Потом она вспоминала с удивлением, что Сара и Хоуп проспали смерть отца, как в детстве проспали, не слышали его воплей, когда Джеральду снился бесконечный тоннель. Она вызвала «скорую», хотя знала: он умер. А потом медленно, неохотно, со страхом в душе пошла будить девочек. Она боялась разговора с ними.

Кроткие наследуют землю, но не им отстоять унаследованное.

«Глаз на закате»

Извещение Сара и Хоуп сочиняли вместе. Сара добавила «возлюбленный», потому что оставить «супруга» без эпитета было бы некрасиво, а «обожаемый» потребовалось им. Строки из «Гераклита» Уильяма Кори выбрала Хоуп, припомнила, как учила в школе, и откопала в «Золотом сокровище» Пэлгрейва.^[1] Сару эти стихи немного смущали, однако спорить она не стала, потому что Хоуп тут же ударилась в слезы. Несколько центральных газет опубликовали извещение:

Кэндлесс Джеральд Фрэнсис, возлюбленный супруг Урсулы и обожаемый отец Сары и Хоуп скончался 7 июля в возрасте 71 года в собственном доме в Гонтоне, Девон. Заупокойная служба в Ильфракомбе, 1 июля. Цветов не нужно, пожертвования — Британскому кардиологическому центру.

Я плакал, припомнив, как часто под наш разговор
Усталое солнце скрывалось за косогор.

На следующий день на страницах «Таймс» появился некролог:

Джеральд Фрэнсис Кэндлесс, кавалер ордена Британской Империи, писатель, скончался 7 июля в возрасте 71 года. Он родился 10 мая 1926 г.

В период с 1955 года по настоящее время Джеральд Кэндлесс опубликовал девятнадцать романов. В памяти читателей дольше всего, вероятно, сохранится «Гамадриада», номинированная на Букеровскую премию в 1979 году.

Романы Кэндлесса, особенно в период расцвета его творчества, отличались от многих произведений

художественной литературы тем, что были популярны в широких читательских кругах и вместе с тем пользовались благосклонностью критиков. Однако лишь с середины восьмидесятых годов его книги стали регулярно появляться в списках бестселлеров, но при этом к ним охладели обозреватели. Высказывалось мнение, что сюжеты романов «перегружены», что Кэндлесс вернулся к «сенсационному роману» прошлого века. Тем не менее в списке, составленном газетными обозревателями в 1995 году, Кэндлесс фигурировал в числе двадцати пяти лучших прозаиков второй половины XX века.

Кэндлесс, единственный сын печатника и медсестры, Джорджа и Кэтлин Кэндлесс, родился в Ипсвиче (Саффолк) и вырос в этом городе. Он получил образование в частной школе, а затем в колледже Тринити Дублинского университета, где защитил диплом по классической литературе. Окончив университет, он работал в нескольких провинциальных еженедельниках и газетах — сначала в «Уолтамстоу Геральд» в Восточном Лондоне, затем — в «Вестерн Морнинг Ньюс» в Плимуте.

В Плимуте двадцативосьмилетний Джеральд Кэндлесс написал свою первую книгу. Спустя много лет в интервью «Дейли телеграф» он сказал, что последовал примеру Энтони Троллопа: поднимался каждый день в пять утра и писал три часа подряд, а потом уходил на работу. Роман «Центр притяжения» отвергли два издателя, но третий опубликовал его осенью 1955 года.

Три книги должны были выйти в свет и упрочить репутацию писателя, прежде чем он смог зарабатывать своим творчеством. Однако он еще долго продолжал работать журналистом: в начале шестидесятых, вскоре после женитьбы, взял на себя обзор художественной прозы в «Дейли Мейл», потом был редактором колонки книжного обозрения в этой газете, а еще позже — заместителем литературного редактора «Обсервера».

В эту пору он жил в Лондоне, в Хэмпстеде, где и родились его дочери. Позднее он переехал вместе с

семьей в ту часть страны, которую любил со времен работы в Плимуте, — на побережье северного Девона между Бидефордом и Ильфракомбе. Здесь, на окраине деревушки Гонтон, он приобрел дом — Ланди-Вью-Хаус, стоящий на утесе над дюнами, и в этом доме жил и работал с 1970 года вплоть до своей смерти.

Кэндлесс состоял членом Королевского литературного общества с 1976 года, в 1986 году к юбилею был пожалован орденом Британской Империи. Причиной смерти стал коронарный тромбоз. Его оплакивают вдова, урожденная Урсула Вик, и дочери Сара и Хоуп.

На похороны пришло мало народу. У Джеральда Кэндлесса не было родственников, даже каких-нибудь завалящих кузенов. Пришли его девочки, Фабиан Лернер, приятель Хоуп, вдовья сестра Урсулы с замужней дочерью Полин.

— Во времена молодости моей матери женщин на похороны не допускали, — заявила Дафна Бетти, споласкивая стаканы из-под шерри. Мисс Бетти сравнялось девяносто три года. — «Проводы», вот как это называлось, а женщины не «проводжали».

— Почему? — удивилась Урсула.

— Слабый пол — считалось, им такого не выдержать.

— А теперь мы уже не слабый пол?

— С каждым годом женщины становятся все сильнее, верно? Сами знаете. — Дафна оглянулась через плечо, проверяя, не слышит ли кто. — Взять хоть Фабиана — он приехал только потому, что еще ни разу не был на похоронах. Так мне и сказал. Хотел посмотреть, каково это.

— Надеюсь, мы его не разочаровали, — буркнула Урсула, вспоминая спектакль, который устроила Хоуп, когда гроб с телом отца опускали в окаймленную искусственным дерном могилу. Опасалась даже, как бы дочь не бросилась в могилу, словно Лаэрт за Офелией.

Издатель Джеральда тоже встревожился не на шутку. Шагнул поспешно вперед, бормоча: «Нет-нет, не надо».

Хоуп сидела на блестящем зеленом искусственном дерне и отчаянно рыдала, глядя, как останки отца скрываются в глубине ямы. Полин — почему именно она, кто ее просил? — бросила первую горсть земли, захлопала, раскачиваясь взад-вперед, и запустила руки под черный бархатный берет, будто собралась рвать на себе волосы.

— Ей тяжело, — вступилась за сестру Сара. — Нам всем тяжело. Просто мы сдержаннее проявляем эмоции.

Урсула промолчала.

— Самый прекрасный отец, какого только может пожелать себе человек! Как подумаю, какие отцы у моих друзей! Когда мы были маленькими... нет, не могу. Пока еще не могу, разревусь. Я держусь не лучше Хоуп.

— Ты хоть не напоказ рыдаешь, — сказала Урсула.

Сара пристально поглядела на мать — та сидела за кухонным столом перед чашкой с кофе. Крепко сбитая женщина, с прямой осанкой, приятными, но не запоминающимися чертами все еще гладкого, не изборожденного морщинами лица. Спокойные серо-голубые глаза; живущие своей жизнью седые волосы вечно выбиваются из узла. Девушке такой узел с растрепанными прядями придал бы очарования, подумала Сара, но на седой голове он смотрится неаккуратно. Впрочем, кто теперь видит ее мать? После смерти Джеральда — только Дафна Бетти.

Сара вспомнила, о чем хотела поговорить. Не то чтобы хотела — должна.

— Знаешь, я тут оставаться не смогу. И Хоуп тоже. Только до завтра. Ты поедешь со мной? — Это прозвучало не слишком ласково, и Сара попыталась еще раз: — Я буду рада, если ты поселишься со мной. Поживешь сколько захочешь. Пока я на работе, ты сможешь спокойно посидеть дома, или сходить за покупками, или... в парикмахерскую. — Чуть не добавила, что Хоуп станет забегать на огонек, — но кто может поручиться за Хоуп? — Посмотришь магазины в Кэмден-Лок, — продолжала она. — Ты ведь любишь ходить пешком. У нас приятная дорога до Сент-Джон-Вуд.

— Гораздо приятнее пройтись вдоль пляжа до Франатон Барроуз, — возразила Урсула. — Ты очень добра, Сара, но мне и тут хорошо. Мне понравится быть одной. Я привыкну к этому. — Она не стала уточнять, что уже три десятилетия фактически жила одна. Присутствие еще одного человека — большого, умного, требовательного, но совершенно к ней равнодушного — нисколько не смягчало одиночества. Но Урсула не стала об этом упоминать, она никогда не заговаривала об этом с дочерьми, ни с кем не делилась.

— И потом, Полин приедет, поживет со мной несколько дней.

Сара выразительно закатила глаза, но не стала оспаривать такое решение проблемы — того, что она считала проблемой. Они с матерью никогда не делились переживаниями и не умели поддерживать

непринужденный, по пустякам, разговор, так что теперь она не ответила: «Твое дело» и не спросила: «За что ты себя так наказываешь?», а заметила только:

— Надеюсь, она составит тебе компанию.

Конечно, Полин могла составить ей компанию — куда лучше, чем Джеральд, потому что этой девице решительно все равно, много или мало с ней разговаривают, и разговаривают ли вообще. Ей исполнилось тридцать восемь. Пока дочери росли, племянница часто приезжала погостить. Разница в возрасте была идеальной: Полин нравилось присматривать за малышками. Как и все девочки, попадавшие в их дом — и в лондонский, и в этот, где они жили теперь, — она считала Джеральда самым добрым, внимательным, самым замечательным из взрослых. В четырнадцать лет она влюбилась в дядю. Потом что-то произошло — что именно, знали только Полин и Джеральд, но оба сумели как-то пережить это недоразумение, и когда семь лет спустя Полин выходила замуж — ее отец к тому времени умер, — то попросила дядю Джеральда быть ее посаженным отцом.

Дети Полин уже не маленькие, они могли остаться дома с отцом, а бабушка заходила приготовить обед. На жизнь Полин зарабатывала всего три года, пока не вышла замуж, а с тех пор и не думала о работе. В этом они с Урсулой родственные души — так она считала, ведь Урсула тоже никогда не работала, то есть не служила за жалованье, кроме нескольких месяцев в 1963 году в Пурли, перед тем как Джеральд женился на ней.

— Ведь ты перепечатывала все его рукописи, да? — спросила Полин как-то за ланчем (к тому времени она провела в Ланди-Вью-Хаусе около недели). — Он писал, а ты разбирала его ужасный почерк и перепечатывала на своей старой «Оливетти».

— Верно, — подтвердила Урсула. — Как Софья Толстая.

— Кто-кто? — переспросила Полина.

— Жена Толстого. Она переписывала все его книги по семь раз, длинющие романы, и ей приходилось переписывать их от руки, потому что печатную машинку еще не изобрели или у них машинки не было, не знаю. По сравнению с ней мне пришлось не так уж тяжело.

— Но ты же не получала за это денег? — с надеждой в голосе уточнила Полин. Если Урсула состояла на жалованье, пусть даже у собственного мужа, это исключало ее из сестринского союза замужних и неработающих дам. — Дядя Джеральд тебе не платил?

— Он содержал меня, — сказала Урсула.

— Само собой. Брайан содержит меня, если на то пошло.

— Я не все годы печатала. «Впроголодь» была последней, в 1984 году.

С тех пор он печатал свои книги сам.

— А почему не ты? — удивилась Полин.

Урсула не отвечала. Она прикидывала, как скоро можно закончить посиделки и уйти на прогулку. Минут через двадцать, пожалуй. Полин уже убирала со стола. Она еще не спросила, оставил ли дядя Джеральд вдове большое состояние, или только хватает на жизнь, или она теперь еле сводит концы с концами. Она не спросила, придется ли продать дом, или пустить постояльцев, или превратить его в отель, хотя Урсула прекрасно знала, что племяннице не терпится все разузнать досконально. Родственники были уверены, что Джеральд завещает свое состояние дочерям, и даже Урсула, достаточно быстро преодолев шок, вызванный смертью мужа (если шок вообще имел место), не успела свыкнуться с его последней волей, которая стала для нее полной неожиданностью.

— Через десять минут мне пора на прогулку, — предупредила она, загружая с помощью Полин посудомойку.

— В такой туман? — Полин наигранно содрогнулась.

— Не туман — просто дымка.

— Это ты так говоришь. Дымка над морем, только и всего. Единственное, чего я терпеть не могу в этих местах, — белый туман. Дядя Джеральд тоже его терпеть не мог, да? Помнится, ни за что не выходил из дому в такую погоду, еще и в кабинете запирался. А почему?

— Не знаю, — ответила Урсула.

— Ты не расстраиваешься, когда я о нем вспоминаю, тетя Урсула?

— Хватит уже называть меня тетей, — не в первый раз напомнила Урсула.

— Я стараюсь, — оправдывалась Полин, — но от старой привычки так легко не отделаешься.

Когда с моря наплывал туман, все уходило с берега. Парковка пустела, серфингисты удалялись в свой лагерь, постояльцы гостиницы купались в крытом пруду. Полоса пляжа, семь миль в длину и полмили в ширину, накрыта плотным белым занавесом, море и дюны спрятаны плащом-невидимкой. Урсула не видела ни морщинистых зеленых пригорков дюн по левую руку, ни волн, бесшумно наползавших на песок справа, — только собственные ноги и несколько метров дорожки впереди и по бокам.

От тумана одежда намочка, мелкие капли оседали на волосах, но Урсулу это не беспокоило. Главное — не холодно. Порой она даже предпочитала туманные дни тем ясным и солнечным, когда виден залив, и паб «На Запад», и гостиница с садом и чересчур яркими цветами на вершине утеса. Урсула шла на юг, между дюнами и прибоем, лишь изредка

отрывая взгляд от песка и всматриваясь в далекий расплывчатый круг солнца за густой белой пеленой.

Иногда песок бывал плотно утрамбован, становился жестким и совершенно гладким, порой залив каким-то образом собирал его морщинками, превращал в пенку на кипящем молоке. Сегодня песок ровный, цвета темной охры, но местами на него острыми уголками, словно шевроны на рукаве, легла черная блестящая пыль. Так на листе белой бумаги, повинуясь магниту, выстраивается рядами металлическая стружка. Приезжие принимали черные полосы за гудрон или еще какой-нибудь загрязнитель, но Урсула знала — это ракушки, растертые в пыль вечным движением моря.

Ракушки лежали повсюду — белые гребешки, блюдечки цвета слоновой кости, мелкие завитушки, иссиня-черные створки мидий, где порой блестела жемчужина или виднелся присохший моллюск, ракушки-«бритвы» — точь-в-точь лезвие в оправе из агата. Впервые попав в эти места, девочки (тогда еще маленькие) бросились собирать ракушки и таскали их домой каждый день, пока не пресытились. Спустя много лет Урсула нашла потускневшие, пропыленные, пропахшие ракушки в кладовке, сложила в пакет, отнесла на пляж и рассыпала там. На следующий день, прогуливаясь привычным маршрутом, она уже не смогла отличить вчерашние раковины от тех, которые лежали здесь целую вечность, — море отмыло их, отчистило до блеска.

Сегодня на пляже не было никого, кроме Урсулы. Туман висел неподвижно. Одиночество оказалось кстати, появилась возможность поразмыслить. В Ланди-Вью-Хаусе, рядом с Полин, не призадуматься, а на ночь, оставаясь одна в своей комнате, Урсула по настоянию врача принимала снотворное. Почему ей так нравится туман? — спрашивала она себя. Неужели потому, что Джеральд его ненавидел? Вероятность такого объяснения Урсула не исключала: ей нравился туман именно потому, что его не любил Джеральд, и эта погода целиком принадлежала ей — ее тайное, неотчуждаемое владение.

А еще она любила туман за то, что он все скрывал от взгляда — и Ланди-Вью-Хаус, и другие дома на утесе, и людей, и в особенности Джеральда. Скрывал все, кроме чистого ровного песка, отмытых морем белых или иссиня-черных, переливчатых раковин. Теперь она не нуждалась в такой укромности. «Укромность», повторила про себя Урсула, наслаждаясь звучанием слова. Давным-давно она старалась каждый день заучивать и употреблять длинные книжные слова, чтобы произвести впечатление на мужа, угодить ему. Вот глупая, попеняла себе Урсула, но

попняла спокойно, без досады.

Она повернула домой, не по своим следам, а по дуге, чтобы пройти ближе к линии прилива, и уже не впервые подивилась тому, как равнодушно приняла смерть мужа. Ей полагалось пережить шок, а шока не было, только минутная растерянность, как будто ее застали врасплох, и сразу же — облегчение. И чувства вины не было. Как-то Урсула прочла — ах, сколько книг, журналов, альманахов, еженедельников и газет прочла она за последние годы! — что скорби сопутствует острое желание вернуть умершего к жизни хоть на несколько часов и получить наконец ответы на вопросы, которые так и не были заданы. Да, кивала она, я бы хотела спросить его почему. Почему ты так обошелся со мной, почему отнял так много? Почему отвел мне второе место — и даже не второе — в глазах моих же детей? Почему женился на мне? Нет, даже не так: почему хотел жениться? Но чтобы получить ответ, пришлось бы не только оживить Джеральда, но и изменить его характер. Тот Джеральд, какого она знала, и не подумал бы отвечать.

Урсула припомнила еще одну загадку: миссис Эади. Вот уже много лет она не вспоминала об этой грузной, печальной старухе — дочь в монастыре, сына зарезали, фотография в серебряной раме возле маленькой зеленой в крапинку вазы. Так и стоит перед глазами, столь же отчетливо, как песок и ракушки. А спустя год они покинули Хэмпстед, перебрались сюда, на вершину утеса, в дом с видом на Бристольский канал и остров Ланди.

Туман поднимался. Урсула знала его повадки: дымка не рассеется окончательно, приподнимется и опустится снова, подтает и сгустится опять, и так весь день. Сейчас уголок белой шторы отогнулся, она истончилась, пропуская бледные лучи солнца. Проступила гостиница — агрессивно-красный кирпич, низкий фронтон, черепица цвета герани, которая росла в развешенных повсюду горшках. Пелена тумана с определенным изяществом облекала эту декорацию, словно предъявляла ее многочисленной публике, собравшейся на берегу полюбоваться местными красотами.

На мгновение проступил и ее дом — теперь это ее дом. Не пожизненно в ее владении, не на правах арендатора — собственность. И все гонорары, какие поступят от книг Джеральда, — тоже ей. Почти все имущество Джеральд завещал жене, за вычетом щедрых подарков Саре и Хоуп. Пожалуй, завещание мужа изумило Урсулу сильнее, чем его смерть. Гуляя в одиночестве по берегу, она долго размышляла над этим и пришла к выводу, что таким образом Джеральд компенсировал ей причиненный ущерб. Он не

пытался уверить, будто на свой лад любил ее, но помнил, что он перед ней в долгу. Присвоил ее жизнь, отобрал.

На вершине утеса показалась фигура Полин — племянница стояла у ворот и усердно махала рукой. Урсула помахала в ответ, без особого энтузиазма. Ей предстоит совершить поступок, какого никто не ожидает от вдовы, — возьмет и пригласит Полин в гостиничный бар, выпить по стаканчику.

И снова туман сгустился в одночасье — так она и знала — и скрыл из глаз Полин, ее приветливо машущую руку.

Человек верит всему, что написано в газете, пока не прочтет свою собственную историю, опутанную паутиной лжи. И тут он призадумается, однако ненадолго, а потом к нему вновь вернется вера в печатное слово.

«Центр притяжения»

Ежедневно в Ланди-Вью-Хаус доставляли три газеты. Урсула пока не отказывалась от прессы ради Полин, которая любила почитать за завтраком, но твердо намеревалась аннулировать подписку, как только племянница уедет. Она предвкушала тот момент, когда больше не будет никаких газет. Лично ей больше нравится, угощаясь грейпфрутом и тостом, любоваться берегом.

С утра море было спокойным, густого синего цвета, ровного, без изумрудных сполохов, и над ним — бледное, очень светлое, без туч небо. Отлив только начался, песок еще влажный, и мальчик лет двенадцати строил высокий замок с башенками, рвом и подъемным мостом. Папаша с двумя малышами пытался запустить красно-белого змея, но ветра не было, и змей не мог оторваться от песка. Джеральд тоже запускал для девочек змеев, а сколько замков он им построил!

— Ты заметила, — проговорила Полин из-за газеты, — что никто не желает высказать простую истину насчет безработицы? А правда в том, что теперь женщины работают. Если бы все они уволились, безработицы среди мужчин не было бы, но никто не осмеливается рассуждать об этом вслух.

— Это не политкорректно, — согласилась Урсула.

— Тебе когда-нибудь хотелось работать? В смысле — не помогать дяде Джеральду, а за жалованье?

— Я подумывала присматривать за детьми в гостинице. Им часто нужна няня.

Полин уставилась на тетю, проверяя, не шутит ли. Лицо Урсулы оставалось непроницаемым.

— Но ты этого так и не сделала?

— Джеральд не одобрил идею.

— Еще бы! Жена знаменитого писателя сидит с чужими детьми за два фунта в час!

— Вообще-то, за три, — поправила ее Урсула. — Если ты закончила, я, пожалуй уберу со стола, пока Дафна не пришла. Сиди, я справлюсь. Читай свою газету на здоровье.

Когда она вернулась за кофейником, Полин сообщила:

— Тут опубликовано письмо про дядю Джеральда. Хочешь прочесть?

— Не очень. — Зная склонность племянницы читать вслух, Урсула слегка вздохнула и сдалась: — Ладно, прочти мне.

— Довольно странное письмо. Загадка, да и только. «От издателя „Современной филателии“».

— «Таймс» постоянно публикует такие письма.

— Очень странно. Вот, слушай: «Сэр, я обращаюсь к вам по поводу некролога Джеральда Кэндлесса, писателя (Некрологи, 10 июля). Автор утверждает, будто покойный мистер Кэндлесс после войны работал репортером в „Уолтамстоу Геральд“. Я занимал должность заместителя главного издателя в этом печатном органе с 1946 по 1953 год и смею вас заверить, что, если бы это скромное издание имело счастье числить в своих рядах выпускника Тринити и будущую мировую знаменитость, я бы сохранил это в памяти. Боюсь, вы ошиблись, назвав Джеральда Кэндлесса „лицензиатом“ „Уолтамстоу Геральд“. Остаюсь, сэр, ваш покорный слуга, Джеймс Дроридж». Что еще за «лицензиат»?

— Так раньше называли выпускников университета.

— А! Почему они написали, что дядя Джеральд работал в этой газете, если он там не работал?

— Не знаю, Полин. Ошиблись.

С кухни донеслись обрывки песни, возвещавшей о прибытии Дафны Бетти. Под напев «Сегодня я снова тебя полюбил» Урсула поспешила с кофейником на кухню. Дафна прихватила с собой «Дейли Мейл», чтобы Урсула непременно прочла интервью Мэри Ганторп с Хоуп. По крайней мере, она не порывалась прочесть ей вслух этот шедевр: «О мой возлюбленный отец! Хоуп в отчаянии».

Урсула смирилась с неизбежностью. Она вспомнила, что периодически Джеральд зарекался читать рецензии на свои книги, но уклониться ему ни разу не удалось. Раньше или позже ему пересказывали статьи по телефону, цитировали в письмах, присылали вырезки, подчеркнув красными чернилами текст. Не прочесть сейчас — Дафна оставит газету, уходя, Полин подберет, и уж она-то не помилосердствует. Урсула села и начала читать, а Дафна заглядывала ей через плечо:

Он был высоким, крепко сбитым мужчиной с крупными чертами лица и широкой насмешливой улыбкой. Она — нежная, с розовой кожей, с темными волнистыми волосами, глаза кажутся чересчур большими на личике в форме сердца. И тем не менее Хоуп Кэндлесс — точная копия отца, знаменитого романиста, скончавшегося две недели назад. Тот же ум блистает в тех же карих глазах, и столь же пронизателен взгляд, и такая же музыка в голосе.

Голос, правда, прерывается, и в карих глазах — слезы. К смущению Хоуп, слезы потекли, едва она заговорила об отце. Хоуп, облаченная в приталенное бело-розовое платье и в белых сандалиях на высоком каблуке — ей бы и в голову не пришло надеть джинсы с футболкой, — вытирает глаза кружевным платком. Впервые вижу настоящий платок с тех пор, как десять лет назад умерла моя бабушка. На платочке розовыми нитками вышито «Х».

— Я скучаю по нему, — признается она. — Он был мне не только отцом, но и лучшим другом. Если бы я могла выбрать одного-единственного человека, чтобы прожить с ним всю жизнь, я бы выбрала его. Глупо, да?

Когда мы с сестрой писали сообщение о его смерти, то не могли подобрать эпитет, выразить по-настоящему свои чувства. «Возлюбленный» — этого было недостаточно. Мы написали «обожаемый», ведь мы и вправду обожали его. И добавили строки из того стихотворения викторианской эпохи, «потому что мы могли говорить с ним, пока солнце не сядет».^[2]

— Странно, не правда ли? Каждая из нас твердо уверена, что любимицей была она. Думаю, он любил нас одинаково, и так сильно! Простите, простите, что я плачу. Это он купил мне дом и квартиру сестре тоже.

«Дом» Хоуп — большая и светлая квартира на первом этаже здания в Кроуч-энд, с просторным патио и ухоженным фруктовым садом. Автор «Гамадриады» и «Пурпура Кассия» купил его дочери семь лет назад, когда она получила диплом юриста. Хоуп заняла второе место по результатам экзаменов в Юридическом

обществе, после того как с отличием окончила Кембридж. Ее сестра Сара, двумя годами старше, ведет гендерные исследования в Лондонском университете.

— Сара получила квартиру в Кентиш-таун. Знаете, что он сказал тогда? «Жаль, я не настолько богат, чтобы купить вам дома в Мейфер или Белгравии». Он заботился о нас. В детстве уделял нам все свое время. Если ночью мы плакали, приходил к нам он, а не мама. Он играл с нами, читал вслух, разговаривал. Когда я выросла, то подумала: когда же он успевал писать книги? Наверное, он работал, пока мы спали.

Он никогда нас не наказывал. Об этом и мысли не было. Он терпеть не мог родителей, которые шлепают детей. Не бьют, а просто шлепают. Ничто не могло его вывести из себя, только это.

Послушав Хоуп Кэндлесс, можно подумать, будто матери у девочек не было, а если была, то сбежала от мужа — образца всех добродетелей — с молочником и бросила их еще в раннем детстве. На самом деле Урсула Кэндлесс вполне благополучна и проживает в северном Девоне, в доме, который завещал ей муж.

— Кто бы ей не позавидовал? — рассуждает Хоуп. — Женщины вечно жалуются, что мужья не смотрят за детьми и вообще им не помогают. Иные отцы забывают о детях с вечера воскресенья и до вечера пятницы, не говоря уж о беглецах, которых приходится разыскивать и заставлять содержать семью. Нет, моя мать на редкость счастливая женщина.

Урсула сердито скомкала газету. Она бы не стала читать дальше, но тут в кухню вошла Полин, энергично приветствовала Дафну и, схватив газету, принялась читать ее вслух — как Урсула и опасалась.

— На чем ты остановилась, тетя, то есть Урсула? Ага, «счастливая женщина». Дальше:

Наверное, счастливое детство и любящий отец пробудили в Хоуп мечту о детях? Готов ли ее партнер стать вторым Джеральдом Кэндлессом?

— Я принципиально моногамный человек, —

заявляет Хоуп. — Мне по душе стабильные отношения, этим я обязана детству и нашей семейной жизни. А что касается детей — посмотрим. — Хоуп улыбается, но тут же, вспомнив, что радоваться нечему, хватается за носовой платок — Мы с партнером пока не заговаривали о детях.

Ее партнер — коллега-юрист Фабиан Лернер. Они познакомились в Кембридже и с тех пор не расставались.

— Вот уже двенадцать лет, — говорит Хоуп. Нет ли в ее улыбке оттенка печали? Несколько неожиданно она добавляет: — Мы проводим вместе почти все выходные и отпуска, но никогда не жили вместе. По-вашему, это странно?

Да, странно. А может, все дело в том, что «человек, играющий важную роль в ее жизни» не может сравниться с той чересчур важной ролью, которую играл в ее жизни отец?

— Вот гады, а?

— Да уж, — сказала Урсула.

— Хорошо еще, что Хоуп не живет с Фабианом. Было бы неприятно прочесть об этом в газетах.

Дафна Бетти повезла пылесос в столовую, напевая песенку «На цыпочках среди тюльпанов». Урсула слышала ее впервые.

День, когда Полин уезжала домой, выдался ярким и солнечным. К девяти утра пляж заполнился людьми. Кто спускался по частной дорожке из гостиницы, кто — с парковки позади ларька «Мороженое» и магазина, где торговали ведерками, лопатками и надувными матрасами. Явились туристы, поселившиеся в деревушке по ту сторону дюн, и серфингисты из лагеря в Франатоне — эти, в облегающих купальных костюмах, выбрались на берег задолго до того, как Урсула и Полин проснулись. Оторвавшись на минуту от завтрака, Полин поинтересовалась, почему Джеральд выбрал именно это место, ведь он родом не из Девона. Раньше она об этом не задумывалась. Урсула пожалала плечами: наверное, ему здесь нравилось. Эти места всем нравятся.

— Прости, тетя Урсула! Я расстраиваю тебя этими разговорами. Я такая нетактичная. И про женщин-профессионалок мне не следовало говорить, ведь у Сары и Хоуп такие хорошие профессии. Ты рада будешь избавиться от меня, дуры бестактной.

— Совсем не рада, — возразила Урсула не слишком искренне. — Ты очень добра. Я буду скучать по тебе.

На память она подарила Полин первое издание «Молитв» с автографом. Суперобложка с изображением молодой женщины перед храмом Афины в идеальном состоянии. Книга стоила около трехсот фунтов. Урсула надеялась, у Полин хватит ума не давать книгу кому-нибудь почитать. Но вряд ли она догадывается об истинной цене издания.

— Разве я пойму? — усомнилась Полин. — Дядя Джеральд был такой умный.

Возле станции Барнстепл припарковаться было негде, так что Урсула вышла из машины лишь на минуту, чтобы поцеловать Полин, и Полин сказала с тревогой в голосе: она, мол, надеется, что Урсула теперь справится сама. Урсула села в машину и вернулась в город.

Ей пришлось покружить с четверть часа, пока она нашла место для парковки. В центре она, не выбирая, зашла в первую попавшую парикмахерскую. Урсула перестала стричься двадцать лет назад. В конце семидесятых она решила отпустить волосы — теперь уж и не вспомнить почему. Тяжелый период в жизни, чуть ли не самый скверный. Они прожили в Ланди-Вью-Хаусе семь или восемь лет, девочкам сравнялось одиннадцать и тринадцать. Урсуле захотелось изменить свою внешность, и она постаралась сбросить вес, который набрала после рождения Хоуп, а заодно отрастила волосы. Два способа изменить свою внешность бесплатно.

Она сбросила пятнадцать фунтов, а волосы свисали ниже лопаток, но Урсула оставалась все той же Урсулой, разве что более худой и с косичкой, подколотой к затылку. Джеральд и девочки то ли ничего не заметили, то ли предпочли промолчать. Волосы уже поседели. Перец с солью, как говорят нынче; серебряные нити в золотой пряже, поет Дафна. Тонкие, кончики секутся, слишком много остается на расческе. Урсула попросила парикмахершу подстричь ее как можно короче, оставив челку.

Когда стрижку закончили, Урсула вынуждена была согласиться с парикмахершей: так гораздо лучше, теперь она выглядит моложе. Во всяком случае, теперь она выглядит иначе — добилась наконец того, чего не смогла добиться двадцать лет тому назад. Парикмахерша хотела покрасить ее в пепельную блондинку, но Урсула не разрешила.

После похода по магазинам она поехала домой, открыв окна в машине. С короткими волосами Урсула могла не бояться ветра и дождя, косичка не будет больше падать, заколки не разлетятся во все стороны. К двум часам на берегу собралось две или три сотни отдыхающих. Было тепло, но не

жарко, солнце скрылось за прозрачным облаком. Даже высокий прибой оставлял достаточно широкую полосу пляжа — с лихвой хватало места всем загорающим, строителям песчаных замков, собирателям ракушек и любителям поиграть в мяч.

Выйдя на ежедневную прогулку, Урсула обогнула множество тел, возлежащих на песке, компании, затеявшие пикник, детей, собак и направилась к югу. Почему-то отдыхающие собирались на северном конце пляжа, и через каких-нибудь двести ярдов Урсула осталась в одиночестве. Она повторяла про себя по привычке последнюю строку самого известного, даже затасканного, стихотворения Шелли: «Нет ничего быстрее песков».

Заучила в школе. Сколько стихотворений запоминали тогда дети (теперь уже нет): и Мейсфилда, о грязном торговом судне, и ту цитату из Гераклита, которую Хоуп поместила в извещение о смерти, и леди Шалотт, и Гораций на мосту: «Рушьте мост, о консул, как можно скорее! Имя мое Озимандия, царь царей». Это снова напомнило ей о Джеральде, особенно «властный взгляд» и «исполненный насмешливой гордыни».

— Нет ничего быстрее песков, — произнесла она, обращаясь к обступившей ее тишине.

Она забрела дальше, чем на обычной прогулке. Хорошая погода, приятно пройтись. Ее мать когда-то без усталости бродила по прекрасным холмам графства Суррей, а отец, толстый, одышливый, цеплялся за машину, словно безногий — за инвалидную коляску. Мать говорила: если бы он сумел въехать на машине в дом, так бы и раскатывал из комнаты в комнату. Оба давно уже умерли, они были немолоды, когда родилась дочь, младшенькая, «прибавка». Можно свалить на них вину, но на самом деле Урсула во всем виновата сама, все сделала своими руками. Теперь, оглядываясь на прошлое, она не могла объяснить то девичье помрачение ума.

Непредприимчивая, праздная, возведшая праздность в закон жизни, невежественная, зажатая, страус, а не девушка, головой уткнувшаяся если не в песок, то во всякую чепуху. Готовая добыча для Джеральда Кэндлесса. Как она была изумлена, польщена, осчастливлена столь внезапным поворотом судьбы. Агнец на заклание. Дожидалась, замерла, как жертва перед хищником, видела, как он приближается, как смыкается кольцо, и не бежала, не догадывалась даже, что можно, а тем более — что необходимо бежать.

Урсула сделала круг по пляжу, против часовой стрелки, чтобы на обратном пути оказаться ближе к дюнам, песчаным долинам и зеленым округлым пригоркам, глубоким тенистым колодцам и травянистым холмам.

В любое время дня среди дюн можно наткнуться на любовную парочку. Если не занятую самим актом, то очень близкую к тому — стиснут друг друга в объятиях, целуют, катаются по песку. Не в первый раз Урсула задумалась, каково это — быть влюбленной и любимой, пойти с ним в дюны, упасть, целуя его, сжимая объятия, и так проводить часы. И это занятие не прискучит, останется самым желанным на свете?

Она поднималась к гостинице по тропинке, более пологой и длинной, чем та, что вела к ее дому и другим коттеджам на мысе. Здесь вместо амброзии, которая росла вдоль ее тропы, поднимались заросли фуксии, вилась ипомея. Когда Урсула добралась до вершины, она вспотела. Наверное, щеки покраснелись и блестят, подумала она, зато волосы в полном порядке. Приятна сама мысль, что о волосах никогда больше не придется беспокоиться.

Она решила назваться Урсулой Вик. Так и скажет: «Меня зовут Урсула Вик». В будущем она сможет вернуть себе девичью фамилию, отбросить имя «Кэндлесс», которое превращает ее во вдову знаменитого писателя. Отворив калитку, Урсула прошла в сад отеля. Лужайки окаймляли гортензии, ярко-голубой цвет контрастировал со столь же ярким розовым. Уродство, мысленно произнесла она, отсюда смотрится еще хуже, чем с пляжа. Гортензии выглядели точь-в-точь как лакмусовая бумажка после опыта, о котором она где-то читала: от щелочи розовая полоска голубеет или, наоборот, голубая становится розовой. Они экспериментировали с лакмусом в школе на уроках химии, но Урсула не помнила, какую реакцию вызывает кислота, какую — щелочь. И к гортензиям это, наверное, неприменимо.

Она подошла к главному входу. Швейцар в коричневой униформе распахнул дверь. Внутри оказалось темно и прохладно. Стрелки на стене указывали путь к крытому бассейну, столам для пинг-понга, магазину, парикмахерской, бару. В этом баре они с Полин выпивали, но не оставались ужинать, так что Урсула не знала, в какой стороне столовая. Стеклянные витрины на стенах заполнены украшениями, керамикой, купальниками.

За стойкой стояла молодая женщина с длинными рыжими волосами, сверяла записи в гроссбухе с данными на экране компьютера.

— Добрый день, миссис Кэндлесс, — она посмотрела на Урсулу.

Прощай план назваться Урсулой Вик.

— Мы так огорчились, узнав о мистере Кэндлессе, — продолжала рыжеволосая, и дальше будто по книге: — Мы все глубоко сочувствуем вашей тяжелой утрате. Полагаю, вы получили от мистера Шофилда письмо с изъяснением соболезнований от лица нашего персонала?

Урсула кивнула, хотя в точности не помнила. Сотни писем.

— Чем могу помочь, миссис Кэндлесс? — проникновенным голосом спросила девушка.

— Я хотела узнать, нужны ли вам временные няни.

Девушка слегка выпятила губы — сочные, красные губы, похожие на мякоть спелой клубники.

— Всегда нужны, миссис Кэндлесс, особенно в сезон. Хотите кого-то порекомендовать?

— Да, — ответила Урсула. — Себя.

Потребовались дополнительные объяснения — именно поэтому Урсула не хотела называть свое настоящее имя. Пришлось подтвердить еще и еще раз: да, она действительно хочет этого, действительно готова посидеть с детьми постояльцев, скажем, два раза в неделю, она любит детей. Это стало бы приятной переменой... Тут, к своему стыду, она вынуждена была сослаться на свой статус вдовы, на потребность выбраться вечером из опустевшего дома. Рыжеволосая отнеслась с пониманием. И подоспевший менеджер мистер Шофилд — тоже.

— Готовы всячески поддержать вас в вашей скорби, миссис Кэндлесс, — бормотал он, словно это отель оказывал Урсуле услугу, а не она ему.

— Спасибо за письмо, — поблагодарила она.

— Был рад, — неуклюже ответил менеджер и покраснел, осознав допущенную неловкость.

— Начнем с четверга, — предложила рыжеволосая, исходя, по-видимому, из принципа: чем раньше начать лечение, тем лучше.

Она что-то записала в своем гроссбухе. Урсула еще раз поблагодарила обоих и на обратном пути гадала про себя, как-то судят и рядят эти двое о ее странностях теперь, когда она не может слышать их разговор. Вернувшись домой, она напрямик направилась в маленькую комнату, считавшуюся «утренней», где на круглом столике громоздились все письма с выражением соболезнования.

По маркам на конвертах Урсула догадалась, что письма шли со всего света. Жаль, у нее нет знакомого мальчика или девочки, которые собирают марки, но, возможно, такой филателист повстречается ей, когда она будет сидеть с детьми. Ведь не за младенцами предстоит присматривать — за детьми до десяти лет. Урсула вытащила из шкафчика под мойкой большой черный пакет, принесла из гостиной ножницы (они хранились в шкатулке для рукоделия, доставшейся ей от матери).

Она принялась вырезать марки из всех конвертов подряд — успокоительное, приятное занятие. Марки Соединенных Штатов и

Австралии, Швеции и Польши, Малайзии и Гамбии. Некоторые на редкость красивые, с птицами, бабочками. В итоге накопилось шестьдесят семь иностранных марок. Урсула сложила их в новый конверт, а письма, так и не распечатав, свалила в черный пластиковый пакет. Какое облегчение она испытала, решив не отвечать на них!

Когда гости разошлись, Питер, цитируя то ли Гете, то ли кого-то еще, произнес: «Довольно приятные люди, но, будь они книгами, я бы не стал их читать».

«Покинутый водяной»

Хоуп слишком рано добралась до улицы, на которой располагался ресторан, и нашла убежище в «Лауре Эшли»^[3] на противоположной стороне. Она из принципа никогда не приходила вовремя, тем более заранее, на свидание с мужчиной (разве что с Фабианом, но он не в счет). Требовалось опоздать на несколько минут. Опоздание давалось ей нелегко, Хоуп была пунктуальна от природы, однако старалась, как могла.

Утром, в промежутке между встречей с клиентом, который хотел при разводе выбить приличное содержание из бывшей супруги, и другим клиентом, который решил основать благотворительный фонд, главным образом в пользу своих дружков, Хоуп набрасывала план мемориальной службы в память отца. Всякий раз, припомнив очередное стихотворение, песню или отрывок прозы, нравившийся ему, Хоуп ударялась в слезы. Основатель благотворительного фонда всмотрелся в ее заплаканное лицо и поинтересовался, не простужена ли она.

Хоуп не отличалась начитанностью, но любимые тексты отца, или, по крайней мере, их названия, запечатлелись в ее памяти (в сердце, предпочитала говорить она) и пребудут там вовеки. «Иордан» Герберта, «Улисс» Теннисона, кусочек из Сартра, прикидывала она, бродя среди вешалок с цветастыми платьями. «Неужто в истине отсутствует краса? — вопрошала она себя. — Неужто четкость форм мы видим только в винтовой лестнице?» — но пришлось остановиться, чтобы снова не зарыдать. Перед выходом из офиса Хоуп тщательно привела в порядок лицо и не хотела предстать перед Робертом Постлем с размазанной косметикой.

Наверное, он уже пришел. Три минуты второго, а этот человек, насколько она помнила по его визитам в Ланди-Вью-Хаус (иногда они совпадали с ее приездами), был столь же пунктуален, как она сама — если бы снизошла до пунктуальности. В ресторане ей подтвердили, что Роберт уже пришел, и тут же она увидела его — стоит возле столика и машет ей

рукой.

Роберт Постль был редактором ее отца в «Карлион Brent» с тех самых пор, как «Гамадриаду» номинировали на Букеровскую премию. Внешним поводом для его назначения стал уход на пенсию прежнего редактора, но истинной причиной явилась номинация. Все это произошло давным-давно, Роберт заметно постарел. Девочкам Кэндлесс он казался красивым, даже сексуальным, и когда на следующий год он женился, Сара — отчасти притворно, отчасти искренне — горевала. С тех пор Роберт отрастил животик, потерял большую часть темных шелковистых волос, остались только редкие пряди над ушами и несколько клочков на лысине, словно лесистые острова посреди изжелта-коричневого океана.

Он был католиком, придерживался буквы закона, обзавелся множеством детей и спрашивал у приходского священника разрешения посетить англиканскую церковь, чтобы принять участие в отпевании Джеральда, хотя даже Рим не считал нужным соблюдать подобные формальности. Священник про себя обозвал его занудой. Хоуп показалось, что за последние две недели редактор еще больше состарился.

И поцелуй его уже не столь приятен, как прежде. К тому же довольно неуклюжая процедура, поскольку в Лондоне Хоуп не выходила на улицу без головного убора, и как раз в этот день надела нечто вроде колеса из тонкого полотна кораллового цвета. Снимать шляпу она не стала — розоватый отсвет ей к лицу.

— Что скажешь по поводу статьи в «Мейл»? — поинтересовался Роберт.

— Ничего не скажу.

— Поверить не могу, чтобы ты заговорила о своем «партнере».

— Ну да, мои «партнеры» — это трое юристов в «Раскин де Гручи». Я говорила о своем «парне», но газета внесла изменения. Насчет носовых платков — вот что меня вывело из себя. Конечно, я пользуюсь платками, бумажные салфетки отвратительны, они сразу промокают, но никаких инициалов я на них не вышивала. Вымысел чистой воды. А выпить можно? Здесь подают литровые графины белого вина — то, что нужно после такого ужасного утра.

И полулитровые графины подают, подумал Роберт — на его взгляд, такой дозы вполне достаточно, — но промолчал. Он собирался сделать Хоуп некое предложение, уже и слова подобрал, но решил подождать, пока она отопьет глоток «Орвьето», изучит меню, повозмущается газетами, журналистами, прессой как таковой. Хоуп пугающе походила на отца, розовая шляпа придавала ее щекам лиловатый оттенок, окрашивавший в

последние годы скулы Джеральда. Трудно смириться с мыслью о его смерти, трудно привыкнуть к смерти человека, столь жизнелюбивого.

— Думаю, ты слышала, — заговорил он, когда перед Хоуп поставили ризотто, — какую популярность приобрело сейчас одно из направлений биографического жанра, а именно, воспоминания ребенка о родителях — чаще всего, хотя не только, об отце.

Хоуп повела взглядом из-под полей шляпы:

— Ребенка?

Как она ухитрилась попасть в Кембридж, да еще и окончить с отличием? Разумеется, тут немалая доля аффектации Хоуп из тех женщин, которые с удовольствием разыгрывают из себя дурочек, чтобы потом удивить собеседника либо неожиданной глубиной мысли, либо небрежным упоминанием о своих академических достижениях.

— Ребенок — то есть отпрыск, дитя, потомок, наследник, преемник, — пояснил он.

— Поняла.

— Тебе не попадались такие книги?

— Не знаю, право, — пожалала плечами Хоуп.

— Обычно эти книги не слишком известный человек пишет о своем прославленном родителе, хотя бывает и так, что знамениты оба. В одном или двух случаях ни автор, ни герой не пользовались популярностью, но жизнь отца оказалась настолько интересной, а текст настолько увлекательным, что мемуары все равно имели успех.

— У меня не хватает времени на чтение, — заявила Хоуп, промакивая тарелку хлебом, словно неделю голодала. Глаза ее разгорелись от выпивки и еды, она пристально смотрела на Роберта. Глаза Джеральда, темно-карие, словно лакированная кожа, густая щетка ресниц. — Много лет ничего не читала, кроме папиных книг.

А это неплохо, подумал он, свежий подход, восприятие, не замутненное штампованными мемуарами.

— Ладно, читать ты не читаешь, — уступил он (ему принесли рыбу, а Хоуп телятину). — Но писать-то можешь?

Хоуп уставилась на опустевший графин, словно избалованная кошка — на миску, которую забыли наполнить. Постучав пальцем по графину, Роберт попросил официанта принести еще один.

— Напишешь мемуары об отце?

— Кто, я? — удивилась Хоуп.

Нет, с ожесточением подумал он, не ты — официант. Или тот парень в очках за соседним столом.

— О ваших отношениях, какими они были в раннем детстве, о том, что значит быть его дочерью. Да, и о его происхождении, детстве, из какой он семьи. Какие сказки он тебе рассказывал, в какие игры играл. — К его ужасу, в глазах, так похожих на глаза Джеральда, проступили слезы. Веки набухли. Она же ничего перед собой не видит, испугался Роберт. — Хоуп, дорогая, не надо, я не хотел расстраивать тебя...

Несколько слезинок выкатились, побежали по щекам. Хоуп смахнула их платком. Значит, правда, она предпочитает носовые платки. Хоуп скомкала кусочек ткани в ладони прежде, чем Роберт рассмотрел, есть ли там монограмма «Х». Подкрепившись изрядным куском телятины, она ответила с набитым ртом:

— Я не умею писать. Напрочь отсутствует воображение.

Нужны факты, а не воображение. Ну да, какое-то воображение, чувства, разумеется. Безнадёжно. Официант подлил ей вина в бокал. Хоуп проглотила его, словно томилась жаждой, и Роберт не к месту вспомнил тот эпизод в «Копях царя Соломона», когда Генри Кертис и капитан Гуд ползут по пустыне, чтобы припасть пересохшими ртами к мутноватой воде оазиса.

Хоуп застигла его врасплох вопросом:

— «Карлион Брент» собирается приобрести на это права? — В конце концов, недаром же она юрист.

— Насчет прав пока не знаю, — уклончиво ответил он. — Если бы книгу написали в том ключе, в каком нам хотелось бы, мы бы постарались ее опубликовать.

— Если бы ее написала я, вы бы публиковать не стали, — покачала она головой. — Возьму-ка я забальоне — нет, тирамису и «Стрега», кофе не надо, и побегу, вторая половина дня забита до отказа. Попробуйте обратиться к моей сестре.

— Я подумывал об этом, но она всегда так занята.

— Вот спасибо! — возмутилась Хоуп. — А я, стало быть, праздная девица. Если хотите, я ей передам, может, она и возьмется.

Как ей удастся сохранить фигуру, дивился Постль, как ей удастся работать? Обе дочери Джеральда много пьют. Хоуп выпила больше литра вина.

— Она не так горюет о папочке, как я, — прибавила она.

Роберт смотрел ей вслед — идет прямая, как тростинка, и столь же неустойчивая. Ему припомнились мемуары осиротевших детей, весь спектр названий, от «Любимая мамочка» до «Когда ты видел отца в последний раз?» Классические произведения, например «Путешествие вокруг отца». Книга Джермен Грир,^[4] восхитившая его проделанной детективной

работой. Это напомнило ему о том письме в «Таймс» — дескать, Джеральд никогда не работал в «Уолтамстоу Геральд». Может, и чушь, но Роберту не верилось, что Джеральд учился в Тринити. Конечно, он об этом и словом не обмолвился, ни наедине с Джеральдом, ни перед другими, но было у него какое-то смутное предчувствие, что-то тут не сходилось.

Он оплатил счет и двинулся пешком в Блумсбери — Роберт Постль терпеть не мог такси.

«Психо» всего-навсего означает «относящийся к душе», но слова с этим корнем пугают нас, ассоциируются с насилием и безумием: психопат, психоз. Психопомп, сопровождающий души в подземное царство, представляется серой, нависающей тенью, не тонкой, не легкой — психопомп толст.

«Мольбы»

Сара годами уговаривала мать подстричься. Лучше поздно, чем никогда. Заглянув через плечо Урсулы в зеркало, она сказала, что понимает, почему люди подмечают в ней сходство с матерью. Теперь, когда Урсула выглядит привлекательнее, дочь не отрекалась от родства. Она впервые явилась домой после похорон, ходила по комнатам осторожно, растерянно оглядываясь.

Хоуп поплакала, но не слишком долго, и имела мужество признать собственную глупость. Папочка был бы ею недоволен, сказала она.

— Только это папочка не одобрял в тебе, — подхватила Сара. — Твою манеру все время плакать.

— Я не все время плачу. Когда я счастлива, то не плачу.

Было бы несправедливо лишать их субботнего развлечения, и Урсула не рассчитывала, что девочки проведут вечер дома. Хоуп отправилась на вечеринку в Ильфракомбе, а потом в «На Запад!», Сара пила в Барнстепле. К шести часам они уже ушли, а Урсуле пора было собираться на работу. Ровно к семи ее ожидали в отеле, в номере 214. Это номер люкс — родительская спальня, детская спальня, а между ними ванная. Без вида на море, зато окна выходят на ухоженный сад перед отелем, а дальше виднелась дорога из Ильфракомбе во Франатон.

Родителей звали мистер Хестер и мисс Томпсон. Урсула не знала, оформили они брак или просто живут вместе. За десять дней их пребывания в гостинице она в третий раз являлась на дежурство, но родители едва достаивали ее словом, торопясь вниз, в бар, в столовую и на вечер в стиле кантри и вестерн в «Ланди Лонж». К ее приходу дети уже лежали в постели, телевизор в их комнате включен. Девочке шесть лет,

мальчику — четыре.

В первый раз Урсула предложила почитать детям вслух, но мисс Томпсон уставилась на нее с явным недоумением. Есть же телевизор. Видеотека отеля щедро снабжает их детскими кассетами. Есть и второй телевизор, в большой спальне. Урсула пыталась порой прикинуть, сколько телевизоров в «Дюнах». Сотни, должно быть. Почему-то ей это не нравилось.

Она прихватила с собой книгу, но прежде, чем усесться почитать, зашла в детскую поздороваться с малышами. Девочка улыбнулась, мальчик смотрел равнодушно. На мерцающем экране «Космические рейнджеры» принимали воинственные позы, размахивая мечами. Мальчик держал в левой руке маленькую желтую фигурку кого-то из рейнджеров. Когда Урсула вторично, на цыпочках, наведальась к детям, то потянула фигурку из некрепко сжатой ладони уснувшего мальчика, опасаясь, что ночью она вопьется в нежную щечку. Мальчик с воплем проснулся, судорожно нащупывая игрушку. Пришлось ее вернуть.

Урсула постояла у окна большой спальни, провожая глазами машины с отдыхающими. Вечер выдался теплый и солнечный, но днем шел дождь, с живой изгороди все еще капало. Трава приобрела густой зеленый оттенок, клумбы в саду стали слишком яркими, словно их покрасили. И снова Урсула спросила себя, зачем занимается этим, присматривает за чужими детьми, получая гроши? Ответа она не знала. Правда, это повод уйти вечером из дома, от всего, что постоянно напоминает ей о Джеральде. Столько его следов в доме — книги, рукописи, корректуры, бумаги...

А куда еще она могла пойти вечером? Навестить соседей, которые наперебой приглашали ее к себе, и снова говорить о нем, отвечать на вопросы? Кинотеатры? В окрестностях еще уцелело два — но какой смысл идти туда одной? Не в паб же, не в бар. Работа няни давала возможность провести спокойный вечер на нейтральной территории. Урсула критически оглядела комнату. Здесь ничто никому ни о чем не напомнит. Или у кого-то воспоминания связаны с этим пухлым бежевым ковром, с обтянутыми ситцем креслами, с розовато-бежевым в клеточку покрывалом на кровати, с двумя абстрактными картинами, выдержанными в розовых, голубых и золотистых тонах?

Ни книг, ни бумаг. Даже журналов нет. Урсула уткнулась в свою книгу. Хорошая книга, сама выбирала: Энтони Троллоп «Попенджой ли он?» Ей действительно хотелось почитать эту книгу, но сегодня никак не удавалось сосредоточиться. Насколько мелодраматично будет — взять и избавиться от имущества Джеральда? Нужно ведь считаться с чувствами девочек. Но что

делать со всем этим добром? Не далее, как сегодня утром, Урсула получила письмо из американского университета, в котором ее почтительно просили оказать им честь сделаться хранителями рукописей Джеральда.

— Папочкины рукописи! — возмутилась Хоуп, словно речь шла об осквернении могилы. — Нет, ты не можешь, ты не сделаешь этого!

— По крайней мере, сдери с них деньги! — посоветовала Сара. — Хотя, судя по моему опыту, легче выжать кровь из камня.

Хранитель университетской библиотеки похвастался, что ему удалось собрать обширнейшую коллекцию рукописей современных писателей. Университету уже принадлежали три рукописи Джеральда Кэндлесса, три драгоценных манускрипта с поправками автора, и хранитель мечтал заполучить что-нибудь еще. Урсула начала понимать, что нельзя попросту вырезать иностранные марки с конвертов, а содержимое выбрасывать. Придется читать почту и порой даже отвечать. И вот она прокралась — так Троллоп описывает обычную женскую походку, но в данном случае этот глагол на редкость уместен — в кабинет Джеральда и открыла шкаф, где хранились рукописи.

Но сперва она помедлила на пороге, оглядывая комнату чуть ли не со страхом. Здесь все пропитано Джеральдом, его мощным, пугающим присутствием. Тело под землей, а личность осталась здесь, привязанный к земле дух. Как он однажды выразился в своей рукописи, на одной из исписанных корявым почерком страниц, которые она так усердно разбирала, перепечатывая? Пришлось поискать это слово в «Энциклопедии Чемберса» — там его не оказалось, — потом в кратком Оксфордском словаре. Там оно значилось: «психопомп». Проводник душ умерших в подземный мир. Здесь, в кабинете Джеральда, она явственно ощущала, что психопомп еще не приходил за ним. Что-то ему мешает. Быть может, неукротимая энергия Кэндлесса, этот пристальный взгляд темных глаз, это навязчивое присутствие, сексуальность, неизжитая даже с возрастом, даже после долгого воздержания.

Ее пробрала дрожь. Джеральд говорил: не бывает, чтобы человек содрогнулся от потрясения, от какого-то неприятного открытия, это выдумка романистов. Но Урсула дрожала и понимала: озноб не пройдет, пока она не выйдет из кабинета. Нужно вынести отсюда самое ценное — рукописи, заметки, первые издания, а потом запереть дверь и выбросить ключ. Запереть дверь, вызвать плотников, поручить им убрать дверную раму, заложить дверь кирпичом и заклеить сверху обоями, превратить кабинет в потайную комнату, запечатанную, со временем — забытую. Она догадывалась, что сказали бы по этому поводу девочки.

Пока родители живы, дети остаются детьми. Родительский дом по праву принадлежит им, сентиментальный храм их сердец. В любой момент они могут вернуться сюда, найти здесь убежище, хотя у них давно есть собственные квартиры. Сара и Хоуп рвутся поучать мать, как обустроить в дальнейшем Ланди-Вью-Хаус. Кабинет для них — святая святых. Хоуп охотно превратила бы его в часовню.

Наконец Урсула открыла шкаф и заглянула внутрь. Там оказалось больше бумаг, чем она помнила, — рукописные черновики Джеральда, ее перепечатки, наброски незаконченных романов, порой всего одна или две главы. С ним такое случалось: начнет новую вещь — и тут же она приестся или не пойдет. Тогда он злился, ходил надутый, пока не появлялась идея получше. Урсула и не думала винить его за это, в те годы ей и в голову не приходило упрекать его за периоды плохого настроения, но Джеральд считал нужным пояснить: «Это моя жизнь, понимаешь? Другой у меня не будет. Вся моя жизнь вложена в это».

Она не вполне понимала, что он хотел сказать. Разве он не достиг успеха, славы, денег, разве у него нет жены, дочерей, дома?

— Я вложил свою жизнь в это, — повторил он. — Иначе мне было не спастись. Когда работа останавливается — это смерть. Я умираю. Потом воскресая. Но сколько раз можно умереть до того настоящего, последнего раза? Скажи, если знаешь.

«Это» — так он называл свою работу. Краткое, очищенное от определений местоимение.

Здесь, среди черновиков, превратившихся в опубликованные книги, не менее десятка его «смертей». Урсула перевела взгляд на рабочий стол и кое-что заметила: корректура, которую он правил в день своей смерти, по-прежнему лежала слева от машинки, но груда бумаг, высившаяся в тот день справа, исчезла. Хоуп ничего не смогла сказать матери по этому поводу, говорила только, что в кабинет не заходила, ей этого не вынести, а Сара даже не поняла, о чем речь. Дафна Бетти, хотя и разумная женщина, восприняла бы расспросы как обвинение в воровстве. Можно подумать, она покусится на сотню страниц неразборчивой машинописи!

Сидя в гостиничном номере, Урсула постаралась выбросить из головы мысль о пропавшей рукописи и прочесть первую главу Троллопа. Она уже читала этот роман, но перечитывала с удовольствием. В девять часов она заглянула в детскую. Ее подопечные крепко спали, мальчик прижимал к губам руку с игрушкой. Урсула выключила телевизор и вернулась в родительскую спальню. Там она оставалась, читая и размышляя, до половины одиннадцатого, пока не вернулись мистер Хестер и мисс

Томпсон.

На первый взгляд предложение показалось ей неприемлемым, из тех идей, которые вроде бы не причинят никому ущерба, даже не поставят в неловкое положение, но почему-то пугают.

— Роберт Постль хочет, чтобы ты написала воспоминания об отце?

— Сначала он обратился к Хоуп, — уточнила Сара. — Не знаю уж, с какой стати. Тебя он просить не станет, вся идея в том, чтобы о знаменитом человеке написал кто-то из его детей.

Дочери даже не поинтересовались, не удручает ли ее разговор о покойном муже. И хорошо, что Роберт Постль не обратился со своим предложением к ней, а то как бы с ее языка не сорвалась грубость или опрометчивые слова, о которых Урсула могла пожалеть впоследствии.

— Ты этим займешься?

— Я решила попытаться. Может, это как раз для меня.

Урсула прекрасно понимала дочь. К тридцати двум годам, после семи лет преподавания в Лондонском университете, Сара сумела опубликовать всего одну книгу — свою докторскую диссертацию. Воспоминания об отце вряд ли могли заменить ученый труд и повысить ее академическую репутацию, но с их помощью она могла добиться кое-чего поважнее: предстать перед публикой, составить себе имя. Если повезет, книга станет бестселлером. Сара заговорила о современной моде на биографии знаменитых родителей, привела известные примеры, но Урсула и так уже знала, о чем речь. Оставалось только надеяться, что лично от нее много не потребуют.

— Начну на следующей неделе, так что до начала семестра у меня в запасе два месяца.

— Начнешь писать?

— Сперва нужно собрать кое-какой материал.

Урсуле хотелось, чтобы дочери хоть иногда называли ее мамой, мамочкой или по имени, против этого она не возражала. Сара порой окликала ее «Ма!», но Хоуп, после того как Джеральд объявил «мамулечку» слишком детским словом и посоветовал придумать другое обращение, вообще никак не называла мать. Другое обращение так и не нашлось, хотя Сара придумала вариант, не слишком, впрочем, во вкусе Урсулы. И все же она радовалась — несоразмерно, унижительно радовалась этому «Ма!», слыша его примерно один раз за визит.

— Нужно разобраться с происхождением отца, его родственниками, установить, по возможности, предков. Я почти ничего не знаю про его родителей, наших бабушку с дедушкой. Его звали Джордж, а ее Кэтлин,

они жили в Ипсвиче. Он был типографом, а она медсестрой. Об этом упомянуто в некрологе, напечатанном в «Таймс».

— И в его свидетельстве о рождении, — подсказала Урсула.

— Верно. Надо взглянуть на него. Бабушка с дедушкой умерли задолго до нашего рождения, так?

— Еще до того, как мы поженились, — ответила Урсула.

— Он рассказывал нам о своем детстве, когда мы были маленькими. Ты знала об этом? Фантастические истории про то, каким он был мальчиком, сплошные выдумки, мы даже тогда это понимали: мальчик умел летать, проплывал несколько миль под водой, а в одной сказке его матерью была русалка.

— Я помню про трубочиста, — кивнула Урсула.

— Ну конечно. Наша любимая, — вздохнула Сара. — Он был единственным сыном, ни племянников, ни племянниц мы не найдем, но, может, остались двоюродные? Скорее всего, да. У Джорджа и Кэтлин были же братья и сестры. Кэндлесс — редкое имя. Если мы разыщем людей с такой фамилией в справочнике Ипсвича, это, скорее всего, родственники. Не знаю только... Он когда-нибудь упоминал о дядях или тетях?

— Не припомню.

Сара попросила настойчивее:

— Постарайся вспомнить, ладно? Подумай хорошенько. Мне все пригодится. И как вы с папой познакомились — кажется, он выступал с лекцией в каком-то клубе, куда ты ходила? Мне нужно поговорить с тобой. Ты постарайся побольше вспомнить к моему следующему приезду, ма?

Как будто она не думала об этом постоянно, не вспоминала чаще, чем самой бы хотелось, упрекая, винясь, сожалая.

— У вас было счастливое детство? — спросила она Дафну Бетти и сама удивилась тому, как невзначай вырвался у нее этот вопрос.

— Конечно. Детство — лучшие годы жизни. — И Дафна запела: — «Там в Теннесси, у мамочки на коленях...» — Но тут же оборвала песню, завздохала: — Правду говорят эти старые песни. Хоть и не в Теннесси, конечно, в Вестон-супер-Мар.

— Полагаю, Вестон звучит вполне экзотично для тех, кто родился в Мемфисе, — утешила ее Урсула, — или, скажем, в Пурли.

Пурли. Симпатичный пригород, чистый, безопасный, уютный, с видом на зеленые холмы. И почему люди смеются над пригородами? Почему Джеральд смеялся? Там она родилась, младшая дочь, последыш, брату Яну к тому времени уже сравнялось двенадцать, сестре Хелен — десять. Хотя Урсула была «прибавочной», а возможно, и случайностью, родители

любили ее, ласкали, баловали и старались беречь. Герберт Вик был строителем, он сделал деньги на послевоенном строительном буме, и хоть не стал чересчур богат, к тому времени, как Урсуле исполнилось пятнадцать, нажил вполне приличное состояние. Тогда-то Герберт и его супруга переехали из коттеджа на Кройдон-энд в большую усадьбу — или «ранчо» — на Кулсдон-энд.

Урсула училась в муниципальной школе Пурли, сдала восемь промежуточных экзаменов, а спустя два года — три выпускных, получив две четверки и тройку. Директор советовал ей поступать в университет, но Урсуле не хотелось покидать родной дом, к тому же, как напоминал отец, много ли пользы принесли Хелен два курса Лондонского университета, если сразу по окончании колледжа она выскочила замуж? Вот курсы стенографии и машинописи — другое дело, ремесло всегда пригодится, а выучившись, она получит место в «Г.П. Вик и Ко.», в симпатичном маленьком офисе-коттедже на Хай-стрит в центре Пурли.

Курсы машинописи пришлись Урсуле не по вкусу, но учеба длилась недолго, а работа в фирме отца оказалась, по ее понятиям, вполне приятной. Отец отвозил ее утром в офис, привозил домой на ланч, а дважды в неделю разрешал не возвращаться на работу во второй половине дня, потому что на целую неделю дел для нее не хватало. Тогда они с матерью отправлялись на долгие прогулки.

Вокруг Пурли еще оставались красивые незастроенные места, хотя Герберт Вик лез из кожи вон. Порой они доходили до Фейрдин Даунс или Кенли Коммон. Раз в две недели Бетти Вик ездила за покупками «в город», то есть в Вест-энд, и Герберт неизменно предоставлял дочери отгул, чтобы она могла поехать вместе с матерью. Они садились на поезд в Пурли и ехали до Лондонского моста или до Ватерлоо.

И мать, и дочь часто посещали публичную библиотеку, Бетти состояла секретарем Ассоциации читателей Пурли. Урсула всегда любила читать и в ту пору проглатывала по пять-шесть книжек в неделю. Только романы. Теперь, без малого сорок лет спустя, она понимала, что никакой другой литературы тогда не знала. Разумеется, существовали учебники и научные книги, она видела в библиотеке полки мемуаров, поэзии и драмы, но, словно слепая, проходила мимо них.

Девушка читала детективы, дамские романы, приключенческие и исторические книги. Вот почему Бетти и Урсула решили пригласить Колина Райтсона выступить на ежегодном собрании Ассоциации — обе они обожали его романы о королеве Виктории, викторианском Лондоне, императрице Евгении, о дамах и джентльменах, изящно влюблявшихся в

английских усадьбах.

Тихая, налаженная, без приключений, жизнь. Через субботу Герберт, Бетти и Урсула ездили в Сайденхем выпить чаю с Яном и его женой Джин в уютном новом домике (который построил Герберт, и он же гарантировал ссуду, а Ян выплачивал проценты банку, где работал). После чая всей семьей ходили в кино. Кроме этого Бетти и Урсула ходили в кино каждую неделю без Герберта, на ранний сеанс, и возвращались домой засветло, чтобы приготовить ужин. Изредка Урсула ездила в Уимблдон к Хелен, иногда оставалась на ночь. У Хелен родился сын Джереми, и она снова была беременна. Урсула вела столь размеренную жизнь, что даже эта поездка с ночевкой, самостоятельное путешествие с чемоданчиком — а еще надо пройти пешком от станции и в урочный час позвонить в дверь Хелен, — все это казалось опаснейшим взрослым приключением, требовавшим отваги.

Раз в году родители и Урсула отправлялись в отпуск. Почти всегда они выбирали остров Уайт, но не обязательно одно и то же место. Однажды съездили во Францию, на юг, но там им не понравилось, так что на следующий год они вернулись в Вентнор. На Рождество собирались все вместе: Ян с Джин, Хелен с Питером и Джереми, а потом и с крошкой Полин. Хелен попросила Урсулу стать крестной матерью Полин, и Урсула, обрадованная, польщенная, тут же согласилась.

Мало кто настолько меняется, пусть и за сорок лет, размышляла теперь Урсула. Да, конечно, люди меняются внешне. Хелен, например (хотя Урсула никогда бы ей об этом не сказала), в шестьдесят семь лет столь разительно отличается от себя тридцатилетней, что эти два лица, старое и молодое, вполне могли бы принадлежать двум разным, даже не состоящим в родстве женщинам. Двум женщинам разных рас могли бы принадлежать эти тела, столь несхожие объемами, ростом, цветом кожи и чертами лица — ничего общего. Разумеется, то же самое (за исключением роста и веса) можно сказать и о ней. Но Урсулу удивляли не физические перемены.

Она была тихой, совершенно невинной и невежественной, довольной собой, уступчивой, привязчивой, всему радующейся, застенчивой, но веселой девушкой. Страусом, спрятавшим голову в песок. Никаких амбиций. Никакого представления о жизни. Ее не следовало выпускать на улицу одну. Теперь она избавилась от неведения, с ее невинностью жестоко расправились, об уступчивости можно и не вспоминать, привязанности загублены, умение радоваться померкло, веселое расположение духа сменилось настороженной и ироничной сдержанностью. Да, она изменилась так, что и не узнать.

Она была хорошенькой девушкой. Именно хорошенькой, не красавицей. Кошачье лицо с мелкими чертами, серо-голубые глаза, светлые волосы — коротко постриженные, с перманентом. Хорошая фигура и, по словам матери, недурной бюст. Отец платил ей щедро — до смешного щедро, как она поняла спустя годы, — и благодаря регулярным походам по магазинам недостатка в нарядах она не испытывала. Ничего супермодного, дерзкого, из ряда вон выходящего — юбки в складку пастельных, розовых и желтых оттенков с водолазками в тон, несколько твидовых костюмов, приталенные вечерние платья с длинной юбкой для отпуска на острове Уайт и невероятное количество обуви. У нее никогда не было парня.

Несколько раз ее приглашали на свидания. Мужчина, с которым она познакомилась на танцах в Вентноре. На следующий день он сводил ее в кино, однако по возвращении домой она не стала переписываться с ним. Хелен пригласила одного из коллег Питера к обеду специально, чтобы познакомить его с сестрой, и тому она явно приглянулась. Они опять-таки сходили в кино, потом покатались в его машине, но Урсула рассердилась, когда кавалер попытался ее поцеловать, и в следующий раз попросила маму ответить за нее по телефону и сказать, что она уехала. У нее почти не было знакомых мужчин, а те, что имелись, не дотягивали до ее тайного романтического идеала.

В школе, готовясь к промежуточным экзаменам по английской литературе, Урсула прочла «Шерли» Шарлотты Бронте и надолго разлюбила викторианские романы. «Джейн Эйр» она прочла только потому, что книга оказалась под рукой, а она слегла с простудой, и больше читать было нечего. До тех пор ее героиней, женщиной, на которую она хотела походить, с чьим мужем хотела обвенчаться, являлась рассказчица в «Ребекке» Дафны Дюморье. Но отныне Урсула предпочла ей «Джейн Эйр». Едва закончив книгу, она поняла, что будет искать собственного мистера Рочестера.

За два дня до того, как Колин Райтсон должен был приехать и выступить с лекцией, его жена позвонила Бетти Вик и сообщила, что он сломал лодыжку. Стоял исключительно холодный январь, Колин поскользнулся на обледеневшей дорожке в саду, когда шел подсыпать орехов в кормушку для птиц. Миссис Райтсон принялась подробно объяснять, что обычно ее муж этого не делает, птиц кормит она, но именно в этот раз, бог знает почему, он взял пакетик с орехами, вышел в сад, поскользнулся и сломал кость в двух местах.

Годы спустя, оглядываясь на прожитую жизнь, Урсула часто размышляла над загадкой обледеневшей тропинки в саду и желанием

покормить птиц, внезапно возникшим у человека, который обычно птиц не кормил. Что, если бы он поразмыслил и решил дожидаться возвращения жены, занялся чем-нибудь другим и забыл про кормушку? Предположим, как раз в тот момент, когда он выходил, зазвонил бы телефон. Или Колин шагал бы осторожнее, обходя снег и лед, ступал бы по траве. Вся ее жизнь сложилась бы иначе. Вся жизнь Урсулы определялась тем, что незнакомый ей человек вышел в сад и поскользнулся на льду. Если бы он не поскользнулся, она бы вышла замуж совсем за другого человека, жила бы в другом месте, родила бы других детей. Может, даже была бы счастлива. Страшно подумать.

Миссис Райтсон — тогда Урсула еще не знала, что ее зовут Салли, — рассыпалась в извинениях. Она искренне сожалела, Колин чувствовал себя виноватым перед членами Ассоциации читателей, он вовсе не хотел их подвести, и попросил своего друга, тоже писателя, заменить его. Джеральд Кэндлесс — несомненно, миссис Вик знакома с его книгами не хуже, чем с работами самого Колина. Нет, миссис Вик не была с ними знакома. Но, оглянувшись на дочь, которая усердно кивала головой, сказала: «Да, конечно, замечательно, огромное спасибо, и будем надеяться, мистер Райтсон скоро поправится».

— Ты что-нибудь читала из его книг? — спросила Бетти Вик, положив трубку. — Я — точно нет. Разве что слышала о нем.

Урсула не понимала, что заставило ее кивнуть, с какой стати она этим кивком побудила мать согласиться на замену.

— Я читала «Центр притяжения», — сказала она.

Книга ее шокировала, но в этом Урсула признаваться не стала. Она чувствовала себя неловко, осталась неудовлетворенной. Не в сексе дело, хотя отчасти, конечно, в нем, поскольку автор, по-видимому, полагал, будто люди имеют право заниматься любовью с кем хотят, хоть всю ночь напролет не ложиться спать и вести удивительную, полную приключений жизнь. Молодые моряки у него терзались животными страстями, а семейный очаг превращался в источник страданий. Несколько раз во время чтения Урсуле приходилось напоминать себе, что настоящая жизнь не такова, настоящая жизнь — та, которой живет она. Настоящие люди не делают сексуальных намеков, не ругаются, не рассуждают о страсти и смерти. И все же роман смутил ее, поэтому больше книги Джеральда Кэндлесса она из библиотеки не брала.

А теперь пришлось. Урсула взяла две книги (всего нашлось три) и допоздна засиделась над ними. Они произвели то же впечатление, что и «Центр притяжения» — смутили, оставили неудовлетворенной, однако к

этим чувствам примешивалось что-то новое. Неужели она неверно строит свою жизнь, неужели растрачивает зря? Неужели этот вымысел — правда? Он был пугающе реалистичен, более убедителен, чем триллеры и дамские романы. Книги Кэндлесса словно открывали перед ней дверь, и она могла заглянуть внутрь, в мир, где реальные люди живут реальной жизнью. Как ему удастся так действовать на читателя?

Родители Урсулы и еще один член Ассоциации читателей собирались по окончании мероприятия пригласить Колина Райтсона на ужин. Присмотрели небольшой французский ресторанчик, Герберт и Бетти Вик заглянули туда заранее, оценили кухню. Теперь ужинать в «Лекю Руж» предстояло Джеральду Кэндлессу. Урсула тщательно обдумала свой наряд. Платье из тафты, пожалуй, чересчур, в твидовом костюме она будет выглядеть так, словно собралась в путешествие. Наконец Урсула остановилась на бледно-голубой плиссированной юбке и джемпере, под который надела голубую в белую полоску шелковую блузу. Модницы в ту пору красились беспощадно, однако Урсула не накладывала так много косметики, как другие девушки, потому что отец подшучивал над ней, спрашивал, не лазила ли она в банку с вареньем и не целовалась ли с пожарной машиной.

На обороте суперобложки оказалась фотография Джеральда Кэндлесса, лицо вполоборота, частично затененное, темные кудри спадают на лоб. Урсуле он показался высокомерным, умным, самоуверенным, пугающим, к тому же ему не мешало бы побриться. Она представления не имела, о чем говорить с человеком, который так выглядит, тем более — с автором этих книг. Она будет чувствовать себя круглой душой, думала Урсула. Нужно пореже открывать рот, возможно, он не обратит на нее внимания.

Джеральд опоздал. Задержался всего минут на пять, но библиотекарша и дамы из комитета уже с ума сходили. Урсула сидела в середине первого ряда — ей велели сесть там — сложив руки на коленях, плотно сжав перекрещенные лодыжки. Ее замшевые туфли тоже были голубыми. Сидя в этой спокойной, ненапряженной, неизменной позе, она уже начала надеяться — нехорошо, с ее стороны, когда библиотекарша, и мама, и члены комитета извелись, — что Джеральд Кэндлесс не появится.

Но он явился. Ехал на машине и заблудился. Урсула думала, он наденет костюм, но писатель поднялся на сцену в старой коричневой спортивной куртке, свитере и горчичных вельветовых брюках. Длинные волосы. Тогда длинные волосы еще не вошли в мужскую моду, а у него они спадали на плечи, словно у женщины, густая, темная, упругая копна волос.

Урсула узнала своего мистера Рочестера — не из книги Шарлотты Бронте, а Орсона Уэллса из фильма. Лицо не такое полное, как у актера, рот не похож на розовый бутон — широкий, с изогнутыми кончиками, — но это был ее мистер Рочестер, и Урсуле стало страшно. Другая девушка, девушка другого склада, воспользовалась бы моментом, чтобы привлечь внимание мужчины, очаровать его, соблазнить, завладеть. Урсула не знала, как это делается, к тому же, была напугана. Она бы и слова из себя выдать не осмелилась.

Джеральд заговорил. Он рассказывал, как пишет, что побуждает его писать, о чем еще предстоит сказать. Урсула почти ничего не воспринимала. Он заговорил о теории Фрейда, поскольку она затрагивалась в одной из его книг, и аудитория ахнула, но Урсула не могла потом отчетливо вспомнить, что он сказал. Когда лекция закончилась, библиотекарьша передала Урсуле записку и велела задать вопрос. Обернувшись к ней, Урсула яростно замотала головой. Она бы скорей умерла. Одна женщина спросила, пишет он от руки или на машинке. Другая — аудитория преимущественно состояла из женщин — попросила совета для начинающих авторов.

— Не беритесь! — обрубил он.

Снова изумленные вздохи, смешки, хотя лаконичный ответ явно пришелся не по душе. Урсула поглядела на оратора — не добавит ли он что-то к своим словам, — и обнаружила, что он смотрит на нее. Глаза их встретились, и тут произошло нечто удивительное: Джеральд подмигнул ей. Слегка, это больше походило на произвольный тик. Почудилось, уговаривала себя Урсула — и все же покраснела, залилась густым, неприличным румянцем, готова была спрятать лицо в ледяных ладонях, но не здесь же, не перед ним. Я никогда не осмелюсь и слова ему сказать, подумала она, чувствуя, как постепенно сходит со щек жар. Лучше бы мне не ходить в ресторан, лучше бы вернуться домой и лечь в постель с хорошей книгой, с «Верной нимфой» или с «Бухтой пирата».

В ресторане она хотела устроиться подальше от гостя — насколько это возможно, когда шестеро человек рассаживаются за круглым столом, — и оказалась напротив. Он много пил, ел мало. Когда Кэндлесс спросил еще бутылку красного, библиотекарьша встревожилась, но мистер Вик кивнул, и Урсула догадалась, что отец заплатит.

Мать и библиотекарьша упорно переводили разговор на творческий процесс, хотя могли бы заметить — как давно заметила это Урсула, — что гостю не нравится говорить о своей работе. Чем меньше Урсула говорила — она ограничивалась лишь ответами на вопросы, что ей заказать, да

попросила передать воду, — тем внимательнее Джеральд присматривался к ней. Сначала он только улыбался и спрашивал, не передать ли ей что-нибудь еще, но потом, уклонившись от совсем нелепого, на взгляд Урсулы, вопроса о том, где он черпает идеи, писатель решительно повернулся спиной к библиотекарше и без дальнейших предисловий спросил Урсулу, кто она такая и чем занимается.

Она мечтала, чтобы в тот момент обрушился потолок, погребая их всех, или хозяин ресторанчика вбежал, восклицая, что в подвале обнаружена бомба и у них остались считанные минуты для бегства. Но бомб тогда еще не подкладывали, и потолок не собирался валиться им на головы. В отчаянии Урсула уговаривала себя — она никогда больше не встретится с этим человеком, не все ли равно, что он про нее подумает, — и еле слышным голосом ответила, что живет с родителями в Пурли и работает в фирме отца.

— Помолвлены с кем-нибудь?

Девушка покачала головой, вновь заливаясь румянцем.

— Прошу прощения. Я думал, уже.

Почему он так думал? Отец подсказал ответ:

— Слишком хорошенькая, чтобы не нашелся жених.

— Вот именно, — хладнокровно отвечал Джеральд Кэндлесс.

Но его взгляд, устремленный на Урсулу, показался девушке чуть ли не влюбленным.

Это задним числом она поняла, что он попросту оценивал ее, прикидывал, а тогда она об этом и не догадывалась. Больше она никогда не видела на его лице выражение нежности. Потому ли, что в нем не было больше надобности, раз он принял решение не щадить ее? Мясник ласкает теленка, пока откармливает. Медведя прикармливают медом, пока не заманят в ловушку.

Никогда не страдавшая бессонницей, в ту ночь Урсула не могла уснуть. Вспоминала, как отец назвал ее хорошенькой, и ежилась, ежилась от смущения на узкой девичьей постели, где с золотистого карниза свисал белый в розочках полог. Как глупо выглядела теперь эта комната — белый ковер, картины Сесилии Мэри Бейкер, тюлевые занавески. Он впишет ее в новую книгу, глупая и робкая девица составит фон для бестрепетной героини.

На следующий день Джеральд позвонил. Сначала — Бетти, спросил разрешения поговорить с Урсулой. Мать дала ему номер офиса «Вик и Ко».

— Я сказал вашей матери, что хотел бы поблагодарить вас за вчерашний вечер.

— Не меня, — прошептала она, враз охрипнув. — Это их надо благодарить.

— О нет, вас.

Возразить было нечего. Сердце сильно билось.

— Я хотел бы воздать ту же честь. Кажется, так говорят?

Урсула искренне ответила:

— Не знаю.

Что она знала?

— Я прошу вас поужинать со мной.

Современный английский не слишком удобен: в нем нет отдельной формы для единственного и множественного числа второго лица. Французский или немецкий в этом смысле гораздо удобнее. Устаревшее «ты» сразу прояснило бы дело. Но сейчас 1962 год.

— Вы согласовали день с моей матерью? — спросила Урсула. — Как правило, родители по вечерам свободны, и я тоже.

Он рассмеялся:

— Я имел в виду вас. Лично вас. Вас, и никого другого. Только вы и я.

— О!

— Мне бы хотелось пригласить вас на ужин, Урсула.

— Не знаю, — шепнула она, чуть не заикаясь. — То есть да, конечно. Непременно. Большое спасибо.

— Отлично. Когда вам удобно? Выбор за вами.

Все ее вечера оставались свободными, а если что-то и намечалось, эти мероприятия можно перенести без особых хлопот.

— В пятницу, — сказала она. — В субботу. Мне все равно.

— Ваше имя означает «медвежонок», вы знали об этом?

Тогда не знала. Она выдохнула короткое дрожащее «нет».

— Я заеду за вами в субботу вечером, Урсула.

Она не знала, что ответить. Поблагодарить? Но прежде, чем она вымолвила хоть слово, Джеральд повесил трубку.

Мед для медвежонка.

Маленькие дети — часть нас самих, но, вырастая, они превращаются в других людей.

«Бумажный пейзаж»

Нашелся только один Кэндлесс. Сара просмотрела в местной библиотеке телефонный справочник Ипсвича и обнаружила Дж. Дж. Кэндлесса на Крайстчерч-стрит. Записала адрес и телефон. Замысел книги все более увлекал ее, гораздо сильнее, чем Сара ожидала от себя. Какие-то фрагменты она уже набросала, хотя полагала, что записывать без плана самые любимые рассказы отца и связанные с ним воспоминания неправильно: нужно действовать методично: сначала провести исследование, потом всерьез взяться за работу. Сейчас этап сбора материала, Сара пошла в библиотеку и отыскала родственника. Вероятного родственника, поправились она. Человек с академическим складом ума не делает поспешных выводов.

Вот что такое подлинный энтузиазм: она готова часами заниматься своей книгой. Когда некто Адам Фоли, с которым Сара познакомилась в пабе Барнстеpla, позвонил и пригласил ее на свидание, она отказалась, потому что хотела заняться подбором материала. Голос Адама возбуждал, но вопреки себе Сара сказала «нет», и довольно прохладно. После этого из голоса мужчины также исчезла теплота, и попрощался он почти грубо. Сара пожала плечами, не особенно сожалея. Теперь надо позвонить этому самому Дж. Дж. Кэндлессу из Ипсвича. По пути домой Сара купила в книжном магазине карту Ипсвича. Она не упускала из виду мелочи. Так или иначе, ей предстоит съездить в эти места — может, уже на этой неделе.

Квартира Сары располагалась на верхнем этаже викторианского особняка, огромная мансарда с застекленной крышей. Чтобы попасть сюда, приходилось подниматься на сорок восемь ступенек Сара ничего не имела против: обычно она пробегала все ступеньки, или, по крайней мере, три десятка из них. Дверь в ее квартиру выкрашена темно-лиловой краской. Комнаты, пусть и немногочисленные, просторны: гостиная, перестроенная из трех чердаков для прислуги, спальня чуть поменьше гостиной, кухня в тех же лиловых тонах, что и дверь, и ванная. За новыми большими окнами

(вставленными по настоянию дорогого папочки и им же оплаченными) открывался вид на Примроуз-Хилл, зеленый склон, зеленые деревья, ряды серых и коричневых домов, белых и желтых башен, упиравшихся в голубое небо. По ночам пейзаж переливался черными и желтыми тонами.

Сара глянула в зеркало, проверяя, идет ли ей новый цвет волос, приобретенный нынче утром в Сент-Джонс-Вуд. Не слишком ли отдает в рыжину? Главное, уменьшает сходство с матерью. Как большинство женщин — за исключением Хоуп, разумеется, — собственная внешность Сару не удовлетворяла, она предпочла бы походить на какую-нибудь черноволосую красотку вроде Стеллы Теннант или Деми Мур. Мелкие аккуратные черты лица — какое мещанство! Рот похож на бутончик, слишком короткий и прямой нос, глаза чересчур серые. Она всерьез подумывала купить коричневые линзы.

Поскольку черты лица казались Саре скучными и мещанскими, как у фермерши, одевалась она эксцентрично и с вызовом. Всегда носила высокие каблуки, иногда — широкие и высокие каблуки, ботинки на толстой подошве, наряжалась во все черное, с бахромой и красными бусами. Больше всего она гордилась своими волосами, никогда не прятала их под шляпу, как Хоуп, хотя порой скрепляла большой черепаховой заколкой.

Распахнув окна, Сара сбросила туфли и налила в высокий стакан «шардонне». Бутылка постояла на солнце и нагрелась до той температуры, какую предпочитала Сара. Лед она терпеть не могла. Она расстелила карту на столе. У некоторых районов Ипсвича такие странные названия! Гейнсборо, Галифакс и — подумать только! — Калифорния. Почему квартал в городке Восточной Англии получил имя «Калифорния»? А что, если отец родом именно отсюда?

Он снова заглянула в свидетельство о рождении. Нет, Джеральд родился на Ватерлоо-роуд, в квартале без названия. Недавно Сара обзавелась большим блокнотом, из которого можно выдирать листы и, открыв его, написала на первой странице, словно заготовку генеалогического древа: Джордж Джон Кэндлесс, р. 1890, ж. Кэтлин Митчелл, р. 1893. Она провела вертикальную линию под этими именами и подписала еще одно: Джеральд Фрэнсис Кэндлесс, р. 1926.

Крайстчерч-стрит, где проживал единственный обнаруженный Кэндлесс, находилась неподалеку от центра города, возле большого парка. Сара еще раз всмотрелась в инициалы. Дж. Дж. — Джордж Джон? Не делай поспешных выводов, одернула она себя, и отпила вина. Братьев и сестер у отца не было, так что этот человек не приходится ей даже

двоюродным братом. Возможно, сын брата старого Джорджа Джона. Что получается — троюродный брат, двоюродный дядя? Нужно разобраться.

Когда они с Хоуп были подростками, бабушка Вик попыталась привить им интерес к предкам. Во время визитов в Ланди-Вью-Хаус она привозила с собой старые альбомы со снимками сепией и более поздние, с черно-белыми фотографиями: внукам вменялось смотреть на эти лица, спрашивать, кто есть кто, и впитывать, запоминать имена прадедов и прабабушек, а также, пусть не столь надежно, двоюродных бабушек и дедушек. Девочки отчаянно скучали, к тому же они обзавелись амбициями, усердно учились, и не видели в этих сведениях никакого проку для своей карьеры и будущего.

Они бы проявили больше любознательности, если бы отец поощрял их, но он занимал точно такую же позицию. Сара отчетливо помнила его слова: «Вы не аристократы. Ваш отец выходец из рабочего класса в первом поколении, ваша мать — во втором. А ваши предки, как и предки большинства людей, были слугами, батраками, пролетариями. Какой смысл запоминать, кто кем был, и снабжать эти уродливые физиономии именами?»

Точно, уродливые, подумала Сара, смутно припоминая женщин с рыхлыми, словно пудинг, лицами, с волосами, уложенными наподобие хлебной лепешки, с телами, затянутыми в корсеты. А у мужчин ни рта, ни скул не разглядеть из-под обвисших усов и нелепо подстриженных бородок. Теперь ей не назвать даже Урсулиных бабушку с дедушкой, и, пожалуй, Сара сожалела об этом. Если бы она восприняла от Бетти Вик «линию прялки», отец, наверное, познакомил бы ее с «линией шлема» (слушательницы курса «Место женщины в мире» были бы шокированы, узнай они, что их преподавательница, пусть и наедине с собой, прибегает к сексистской терминологии). Но отец, насколько помнила Сара, ни разу не заговаривал о дяде или тете. Родственники такая скука, заявлял он. Мы их не выбираем, их нам навязывает судьба, и лучший совет — отделайтесь от них поскорее.

Хоуп, умница и развитая не годам, возразила:

— Но ведь о твоих детях можно сказать то же самое, папочка!

У него ответ был наготове:

— Нет, своих детей я выбрал сам. Я женился, выбрав привлекательную и здоровую молодую женщину. Я решил: заведу двух детей, с разницей в два года, двух девочек, двух красавиц и умниц. Так я и сделал. Так что про вас не скажешь, что я вас не выбирал.

После этого возражать было нечего. Подлив в бокал вина, Сара вновь

принялась думать об отце. Как рано он ушел! Применительно к другому человеку семьдесят один год — подходящий возраст, чтобы умереть, но ее отец мог бы прожить еще лет пятнадцать, она рассчитывала на это, надеялась, что он будет с ней, пока она не вступит в зрелый возраст. Вздыхнув, Сара бросила взгляд на часы. Около шести. Пора звонить Дж. Дж. Кэндлессу или не пора?

Вполне вероятно, он работает в офисе, в страховой конторе или в строительной фирме, с девяти до пяти, рассуждала она. Домой добирается пешком или проезжает несколько остановок на автобусе. Сейчас он уже дома, но еще не сел за стол. Сара набрала номер. Сосчитала четыре гудка.

Ответил мужской голос. Вместо «алло» он добросовестно назвал все одиннадцать цифр своего номера.

— Мистер Кэндлесс?

— Да.

— Мистер Кэндлесс, мы с вами не знакомы, но моя фамилия тоже Кэндлесс. Сара Кэндлесс. Мой покойный отец — Джеральд Кэндлесс, писатель. Полагаю, вы о нем слышали.

Минутная пауза.

— Нет. Боюсь, что нет.

Невероятно! Он что, читать не умеет? Какой-то жалкий тупица. Надо избегать в разговоре с ним длинных ученых слов:

— Я исследую... то есть пытаюсь найти сведения о семье моего отца. Он родом из Ипсвича. Вы единственный Кэндлесс в телефонном справочнике, вполне вероятно, родственник, и вот...

— Лучше поговорите с моей женой. Она разбирается в таких вещах.

— Минуточку, мистер Кэндлесс. Я же спрашиваю о ваших родственниках...

Поздно. Он уже отошел от телефона. Сара ждала с нарастающим раздражением. Ей встречались мужчины, которые на вопрос, доводилось ли им читать книги ее отца, отвечали: нет, зато жена читала. Бред! В трубке зазвучал женский голос, уверенно и деловито, это сулило нечто более осмысленное, несмотря на жуткий выговор.

— Морин Кэндлесс. Чем могу помочь?

Сара повторила все сначала.

— Ага, понятно.

— Неужели вы не слышали о моем отце? Он был очень знаменит.

— Я слышала. Прочла его некролог в газете. — Морин не выразила сожаления или сочувствия к ее утрате. — Я обратила внимание, потому что

мы однофамильцы, — пояснила она.

— Миссис Кэндлесс, есть у вашего мужа дядя Джордж и тетя Кэтлин? Или, может быть, его дедушку с бабушкой звали Джордж и Кэтлин. Они жили в Ипсвиче на Ватерлоо-роуд.

— Нет, таких нет, — отрезала Морин. — Его дедушку и бабушку по линии Кэндлессов звали Альберт и Мэри. — Эта женщина не обделяла вниманием старые альбомы и странные имена. — Был еще кузен Джордж, но он уехал в Австралию, а про Кэтлин я никогда не слышала. Вам нужно поговорить с тетушкой Джоан.

— С тетушкой Джоан?

— Она не совсем тетя, а двоюродная сестра моего мужа, вернее, его отца, но мы привыкли звать ее тетей. Ее девичья фамилия Кэндлесс, а теперь она миссис Тэйг, миссис Джоан Тэйг, и живет на Рашмир-Сент-Эндрю. Только она уже старая и почти не выходит из дома.

Для Сары это значения не имело. Пусть себе миссис Тэйг сидит дома, лишь бы не отказалась поговорить с ней. У нее ведь есть телефон?

— Телефон есть, — подтвердила Морин Кэндлесс, — но она глуховата, а по телефону, говорит, ее слуховой аппарат не работает. Лучше бы вам подъехать и повидаться с ней.

Сара поблагодарила и согласилась, что так лучше всего. Морин Кэндлесс обещала предупредить тетю о предстоящем визите, дала Саре адрес и, по ее настоянию, также телефон, но сказала, что на звонок все равно никто не ответит. Тем не менее, попрощавшись с миссис Кэндлесс, Сара тут же набрала номер. Как Морин и предсказывала, трубку никто не взял.

Настроившись поболтать по телефону, Сара заодно позвонила и матери. Урсула в очередной раз повторила, что ей Джеральд о своих предках не рассказывал, и она не знала, имелся ли у него двоюродный или троюродный брат Дж. Дж. Кэндлесс или двоюродная сестра или тетя миссис Джоан Тэйг.

— Кто-то же из родственников приехал к вам на свадьбу?

— Никого из родственников твоего отца не было. Только его друзья.

— Ладно, расскажи мне, как ты впервые встретила с отцом.

— По-моему, это мы собирались обсудить, когда ты приедешь на выходные.

— Я не смогу. Придется ехать к этой Тэйг. Так что расскажи мне прямо сейчас, ладно, ма?

Кое-что можно рассказать. Только кое-что. Урсула говорила десять минут, тщательно подбирая слова. И только когда Сара повесила трубку,

она позволила себе откинуть голову на спинку кресла и прикрыть глаза, вспоминая.

Он приехал на кабриолете «эм-джи». Ровно в семь. Урсула собралась заранее, за два часа до выхода, и очень зря: потом бегала наверх укладывать заново волосы и подправлять помаду (бледно-розовую, чтобы отец не намекал насчет пожарной машины). Чулок поехал, пришлось переодеть. В те дни (правда, они уже подходили к концу) от женщины требовалось постоянно выглядеть свежей, только что накрашенной, каждый волосок на своем месте, будто куклы «Барби» в человеческий рост или Степфордские жены.^[5] Одетая с иголки. Несколько дней Урсула не могла выбрать костюм и, наконец остановилась на розовой юбке с розовым жакетом.

Родители встревожились. С какой стати этот человек приглашает их дочь в ресторан? Он ей в отцы годится — ну, не совсем в отцы, но она же понимает, о чем речь. Почему он не пригласил всю семью, если хочет отблагодарить за ужин, которым его угостили (и за которым он выпил чересчур много вина)?

— Он ведь не ухаживает за тобой? — намекнул Герберт.

— Мы просто ужинаем вместе, папа.

— На мой взгляд, это довольно странно, — подхватила Бетти. — Ты не находишь, Берг?

— Писатели — странные существа. Ну, надеюсь, ничего страшного. Он же не молодой человек.

Почему это делало Джеральда безопасным в глазах родителей? Можно оставить дочь наедине с человеком средних лет, но не с юношей? Дело в большей физической силе юности или в большей физической потребности? Тогда она даже не задумывалась над этим вопросом.

Родители встретили писателя достаточно гостеприимно. Отец предложил выпить, Джеральд согласился — да, спасибо, вы очень любезны — и принял из его рук изрядную порцию джина с тоником. В 1962 году выпивка прекрасно сочеталась с вождением автомобиля. Костюм Джеральда был не слишком чистый, невыглаженный, но все же костюм. Галстук в кармане, пояснил Джеральд, он не любит галстуки, наденет уже в ресторане.

Ресторан находился в Челси, не ближний путь. Страшно подумать, сколько времени пришлось бы добираться на автомобиле в наши дни. Больше часа, наверное, в пробках по Стритхэму, Болхэму и Баттерси, по улицам с односторонним движением, где машины (по тогдашним представлениям) так и кишели. Джеральд довез Урсулу за сорок минут и всю дорогу разговаривал с ней. Задавал ей вопросы. Никто никогда не

задавал ей столько вопросов. Где прошло ее детство? В какую школу она ходила? Хорошо ли училась? Нравится ли ей работать у отца? Чем интересуется? Что читает?

Собравшись с духом, она призналась, что прочла три его книги.

— Вам понравилось?

— Мне больше всего понравился «Центр притяжения», — сказала она. По крайней мере, эту книгу она действительно прочла, две другие — пролистала.

— Не слишком-то лестно для писателя, знаете ли. Что его первую книгу предпочитают прочим. Выходит, никакого прогресса?

— О, я вовсе не имела в виду...

— Я подарю вам все свои книги. С надписью «Медвежонку». «Медвежонку от Джеральда Кэндлесса с восхищением».

Она залилась краской.

— Чем тут восхищаться? — выдавила она из себя. — Я самая обыкновенная.

— Возможно, именно ваша обыкновенность мне так нравится, — кивнул он.

В шестидесятых кухня не отличалась разнообразием, даже в таких ресторанах, как этот в Челси. Урсула отведала салат-коктейль из креветок, жареного цыпленка и грушу, а Джеральд — копченую макрель, жареного цыпленка и яблочный пирог «а-ля мод». Она спросила, почему дополнение в виде мороженого превращает пирог в «а-ля мод», и Джеральд признался, что ему сие неизвестно — блюдо американское. Странно, как врезались в память подробности того обеда и забылись остальные совместные трапезы вплоть до свадьбы.

Перед выходом из машины Джеральд надел галстук — тогда можно было припарковаться прямо у входа в ресторан на Кингс-роуд, — красный галстук, потертый, обтрепанный. Улыбка приоткрывала золотую коронку на одном зубе. Наверное, у мистера Рочестера был золотой зуб.

— У вас есть друг? — поинтересовался он, когда подали кофе.

Шокированная, Урсула покраснела в очередной раз. Слегка склонив голову набок, ее собеседник следил, как вспыхивает и угасает румянец на ее щеках.

— Наверное, румянец означает «да», Медвежонок?

— Нет, — возмутилась она. — Нет, ничего подобного. У меня никого нет.

Он промолчал. Они вышли из ресторана. На обратном пути она увидела, как крупные продолговатые ладони сжали руль, как побелели

суставы, когда он, не глядя на нее — даже головы не повернув, — спросил:

— Могу я претендовать на эту вакансию?

Она не сразу поняла:

— Какую вакансию?

— На вакантное место друга — или, раз уж я чересчур стар для этого, поклонника, влюбленного, воздыхателя Медвежонка?

— Вы? — не веря, переспросила она, испуганная, изумленная, озадаченная, восхищенная.

Он свернул на обочину и остановил машину:

— Вы сомневаетесь во мне?

Позднее Урсула поняла, что «Джейн Эйр» Джеральд процитировал ненамеренно — если он и читал роман, то давно его забыл. Совершенно случайно ему подвернулся ответ Эдварда Рочестера — Джейн не может поверить, что он «взаправду» делает ей предложение, и Рочестер успокаивает ее достаточно банальной фразой. Тем не менее Джеральд догадался, что Урсула ответила ему цитатой, повторив слова Джейн:

— Безусловно.

Но они тут же во всем разобрались. Урсула объяснила, Джеральд засмеялся. Они не прикасались друг к другу, прошло немало времени, прежде чем Джеральд впервые ее поцеловал, но с того вечера Джеральд Кэндлесс был официально назначен ее — скажем, другом.

Он приглашал ее на свидание дважды в неделю. Звонил ежедневно. Родители продолжали пожимать плечами, но смирились. Джеральд, может, еще не богат, но все же он человек с достатком. Он неплохо зарабатывал на книгах и еще лучше — на газетных публикациях. Владел домом в Хэмстеде, маленьким домиком, как он не уставал подчеркивать. Все родные — Герберт и Бетти, Ян и Хелен — ожидали помолвки, но лишь полгода спустя Джеральд попросил ее руки.

Урсула сразу же ответила «да», потому что была влюблена, хотя она не могла, подобно Джейн, назвать себя свободным человеческим существом с независимой волей, которое не опутывают никакие сети. Не могла она также утверждать, что ее дух общается с его духом, как будто они уже сошли в могилу и предстали у подножия престола Господнего, равные во всем — ничего такого она сказать не могла, хотя и желала бы.

На самом деле Джеральд пленил ее, загипнотизировал, полностью подчинил своей власти. Но она все еще не верила в это, все еще думала, что однажды очнется и окажется снова в декабре, накануне того дня, когда Колин Райтсон должен был приехать и выступить с речью перед членами Ассоциации читателей Пурли. Ей приснилось, будто Райтсон не

поскользнулся на обледеневшей дорожке по пути к кормушке для птиц, а приехал в Пурли и рассказывал о дочерях королевы Виктории, и с Джеральдом Кэндлессом она вовсе не знакома.

Итак, на эти выходные Сара не приедет, и Хоуп тоже. Урсула сообщила начальству в «Дюнах», что может посидеть с детьми вечером в пятницу, а если понадобится, и в субботу. Начальство было довольно. Мистер и миссис Флеминг собирались приехать с двумя детьми и заранее узнавали насчет няни, но пока что им ответили, что найти няню на выходные будет непросто.

По пути к отелю Урсула вспомнила, что сегодня годовщина ее свадьбы. Доживи Джеральд до этого дня, они могли бы отметить тридцать четвертую годовщину. Только никто не стал бы праздновать. Одна Урсула и помнила этот день, девочки интереса не проявляли — попробуй, однако, недодать кому-нибудь из них праздничной атмосферы в день рождения, — а Джеральд и вовсе забыл. Похоже, он забыл, что женат, забыл давным-давно, тридцать лет назад, и вел себя — выразимся грубо, но точно — как вдовец с детьми и экономкой.

Пожалуй, Урсула со своей стороны стала к нему неласкова в последние годы. Она старалась изо всех сил, но ничего не могла поделать. А потом и стараться перестала. Ради мира в доме уступала его прихотям. Отказалась от затеи сидеть с детьми в гостинице, когда он запретил. Теперь, когда его нет, никто не помешает ей этим заняться. Урсула вошла в холл гостиницы, сверила на рецепции номер и фамилию постояльцев и поднялась в лифте на третий этаж

Пару, которую она застала в номере, разделяла еще большая разница в возрасте, нежели Урсулу и Джеральда, — должно быть, около тридцати лет. Мужчина выглядел сверстником Урсулы: высокий, очень худой, с впалыми щеками и светлыми седеющими волосами — цветом они также удивительно напоминали ее волосы. Мать шестилетнего мальчика и трехлетней девочки казалась не старше Хоуп. Прелестная, с длинными светлыми волосами, собранными над высоким белым лбом, бирюзовая синева глаз выгодно подчеркивалась платьем-безрукавкой в тон.

— Молли Флеминг, — назвалась она, протягивая руку, а мужчина представился: — Сэм Флеминг.

Урсула пожала обоим руки. Дети, тоже светловолосые, уставились на нее, девочка так и не вытащила палец изо рта.

— Сейчас я их уложу, миссис Кэндлесс, но они так сразу не заснут. Можно ли попросить вас посидеть с ними рядом, может быть, почитать им что-нибудь или просто поболтать?

— Ну конечно.

Урсула присела на корточки, встретила глазами с детьми и спросила, как кого зовут. Она пообещала прийти к ним, как только они устроятся в постели, тогда-то и познакомятся поближе. Рассказать им сказку или почитать книжку, которую она захватила с собой? Это были «Сказки Сэм-с-усаами».^[6]

Мать увела детей, Урсула подошла к окну и любовалась видом на залив. В этом люксе окна выходили на море, Ланди был отчетливо виден, голубое пятно на бледно-голубой глади ровной, как стекло, воды. Еще не стемнело, но луч маяка уже вспыхивал и плясал светлячком.

— Вам нравится вид из вашего номера? — спросила она Сэма Флеминга.

— Это не мой номер, — поправил он. — Моя комната — по коридору напротив.

Урсула с недоумением оглянулась на него.

— Вы же не подумали, что я — отец этих детишек?

Естественно, именно так она и подумала.

— Конечно, — резковато произнесла она.

— Это внуки. Мой сын умер. В прошлом году.

— Сочувствую.

— Да это было ужасно. Очень больно. И сейчас больно. До сих пор. Молли — вдова. Я всеми силами стараюсь помочь с детьми — Эдит еще и двух лет не было, когда умер ее отец, — но проку от меня мало. Больше путаюсь под ногами. Но мне нравится общаться с детьми.

— Я вам очень сочувствую, — повторила Урсула. — Нет ничего страшнее, чем пережить своего ребенка. Это противоестественно.

Вернулась Молли Флеминг:

— Долго читать вам не придется, миссис Кэндлесс. Джеймс уже переходит границу Страны Чудес. — Молодая женщина усмехнулась. Наверное, фамильное словцо, привычная шутка. — Сэм, если ты готов, пошли. — Обернувшись к Урсуле, она добавила: — Вернемся ровно в десять, честное слово.

Урсула тихонько прошла в детскую. Джеймс уже спал. Эдит пробормотала: «Сказку», или так показалось Урсуле — попробуй, разбери, когда рот заткнут уголком одеяла. Урсула предложила почитать и сказала, как называется книжка, а Эдит сказала, что «Сэм-с-усаами» похоже на имя ее деда. Сэмюэля Уистона Флеминга. Урсула прочла ей приключения Котенка Тома и его сестренки, про то, как Том лез по трубе, но к тому времени, как речь зашла об Анне-Марии, укравшей тесто, Эдит заснула

глубоким сном.

Оставив дверь приоткрытой, Урсула вернулась в большую спальню. Почему она сказала Сэму Флемингу именно эти слова: «Нет ничего страшнее, чем пережить своего ребенка. Это противоестественно»? Точная цитата из разговора с миссис Эади, слова будто сами скользнули ей на язык, разум к этому не причастен. Холодок пробежал по плечам и спине, как говорится, «кто-то прошел по моей могиле». Нет ничего страшнее... Это противоестественно...

Но ведь сын Сэма Флеминга не был убит, как сын миссис Эади, и вряд ли у Флеминга имелась дочь-монахиня. Наверное, отец Джеймса и Эдит погиб в аварии или скончался от рака, который порой настигает молодых мужчин и уносит их в одночасье. Его не забили насмерть, тело не было найдено в луже крови. Урсуле не хотелось вспоминать об этом, она сожалела, что на язык подвернулись именно эти слова, проросшие, словно ядовитые семена, и принесшие отравленный плод. Они всегда были ядовиты.

Урсула сидела у окна и любовалась пейзажем, чтобы успокоиться, прогнать тот образ с фотографии, любовно хранимой миссис Эади, — только ей молодой человек представлялся не задорно и дерзко улыбающимся, как на снимке, а с разможенной головой, кровь хлынула на стены. Нет, повторяла она, нет! За окном море застывало ровным серым асфальтом. Остров исчез. Вдали, словно спящие животные, покоились темные лохматые мысы, спокойные, удовлетворенные, тяжеловесные, но на вершине Хартленда все еще мигал светлячок.

Темное море смыло кровавый призрак. Урсула подумала о дочерях. Что еще рассказать Саре о свадьбе? Что-то рассказать нужно, и притом правду, но очищенную, отредактированную. Без цензуры не обойдешься. Сара, конечно же, считает, что они с Джеральдом спали вместе задолго до свадьбы. Сейчас по-другому не бывает. Да и в 1963 году это казалось почти невыносимым, но они так и не стали любовниками. Он не предлагал, она, естественно, тоже, поскольку инициатива должна исходить от мужчины. Ситуация ее несколько удивляла, но Урсула списывала все на разницу в возрасте — Джеральд был на четырнадцать лет старше.

Об этом говорить нет надобности. Венчалась Урсула в длинном белом сатиновом платье со шлейфом, декольтированном, чтобы выставить на обозрение грудь, которой гордилась. В руках — белые розы и фрезии. Подружками невесты стали ее одноклассница Пэм и маленькая племянница Полин — той только что исполнилось три с половиной года. При помолвке она получила кольцо с сапфиром и бриллиантом, золотое обручальное

кольцо украшал орнамент в виде листьев. Кольцо с сапфиром Урсула перестала носить в середине семидесятых, а в 1988-м навсегда сняла обручальное. К тому времени листованный узор стерся, обычное золотое кольцо ничем не отличалось от любого другого.

В порыве негодования, презрения, разочарования (как точнее назвать?) Урсула продала кольцо, полученное при помолвке. Она знала, что об этом не догадаются, никто даже не обратил внимания, когда она сняла кольцо с пальца. Ювелир из Эксетера предложил ей две тысячи фунтов. Это означало, что кольцо стоит намного дороже, но Урсула спорить не стала. Вот и хорошо, что роскошное кольцо, купленное Джеральдом, будет продано за бесценок. В деньгах она не нуждалась, Джеральд не ограничивал ее расходы (в разумных пределах), так что она попросту положила две тысячи фунтов на их общий банковский счет.

На свадьбе это кольцо только мешало. Нужно было правильно его надеть, но Урсула забыла наставления матери и Хелен — надеть кольцо на правую руку, чтобы безымянный палец левой остался свободным для обручального. Когда она шла по проходу под руку с отцом, Хелен заметила ее упущение и принялась подмигивать и указывать пальцем, но Урсула так и не догадалась, на что намекает сестра. Она только заметила (и легкая тень омрачила счастливое событие), что, в отличие от толпы родственников невесты, со стороны жениха присутствует лишь жалкая горстка друзей (в том числе, Колин Райтсон с супругой) и никого из семьи.

Джеральд ждал у алтаря с шафером, которого Урсула один раз встречала и знала, что это не двоюродный брат, а приятель. Она не испытывала беспокойства. Она хотела выйти замуж за Джеральда, была в него влюблена, ей не терпелось стать его женой, жить с ним вместе, каждую ночь ложиться с ним в постель. На все вопросы Урсула отвечала твердым, уверенным голосом. Потом священник велел ей повторять за ним: этим кольцом я обручаюсь тебе, телом своим боготворю тебя — тогда еще не внесли исправления в молитвенник, — и Урсула, вытянув вперед руку, обнаружила, что на нужном пальце — кольцо с сапфиром.

Джеральд уже приготовился надеть ей обручальное кольцо. Урсула впопыхах сдернула сапфировое, занервничала, выронила его, кольцо упало на пол с громким стуком, потому что ударились о каменные плиты возле алтаря — большую часть пола закрывал ковер, но перстень упал на камни. Машинально Урсула нагнулась за кольцом, и Пэм тоже, они ударились головами, не больно, однако довольно нелепо. Урсула попыталась найти кольцо, Пэм помогала, но оно куда-то запропастилось, а викарий или еще кто-то сердитым шепотом одергивал их: «Оставьте, потом!»

Джеральд повторил торжественные слова обета, совсем не сердито, голос его звучал весело, словно он изо всех сил подавлял смех, и за это Урсула полюбила его больше прежнего. Надеясь ее всем своим земным добром (только что она уронила часть его земного добра на пол), Джеральд чуть было не расхохотался, но сдержался под грозным взглядом священника.

Потом они прошли в ризницу, хор тем временем пел псалом, а Урсула все нервничала из-за кольца, но прежде, чем они вернулись к алтарю и церемония продолжилась, маленькая Полин подошла к ней и с серьезным видом отдала кольцо. Оно все это время было у нее. С удивительной для такой крохи сообразительностью племянница подобрала его и надела на стебель одного из цветков своего букета и таким образом сохранила его до этого момента.

Позднее Урсула неоднократно размышляла над этой странной историей. Словно знамение — но знамение чего? Или сон, потому что такие вещи обычно происходят во сне, а не в жизни, — катится кольцо, все поиски бесплодны, дитя с необычайной проницательностью находит его, блестит золотая полоска вокруг длинного, увенчанного белым бутонем стебля.

Дочерям она об этом не рассказывала и сейчас не знала, поделится ли с Сарой. Как-то раз (девочки еще были маленькими), она заговорила про тот случай с Джеральдом, но он пожал плечами, словно все, от начала до конца, было ее выдумкой, плодом воображения. Приблизительно тогда же Урсула стала замечать, что Джеральд тяготеет любым намеком на свое семейное положение. По возможности он избегал даже произносить слова «моя жена». Однажды она перехватила его взгляд — он смотрел на ее левую руку, лишенную теперь кольца, и смотрел с удовлетворением.

Урсула навестила спящих малышей. Вернувшись в комнату, она застала там Сэма — дед вернулся проверить, все ли в порядке.

— Простите за любопытство, вы не родственница Джеральда Кэндлесса, писателя, который умер этим летом? Вроде бы он жил в здешних местах.

— Я его вдова, — ответила Урсула.

— Очень жаль.

И мне тоже, чуть не ответила она. Но вместо этого поблагодарила собеседника и заверила, что ему нет необходимости оставаться в номере, дети спокойно спят, а она с удовольствием посмотрит телевизор. Однако телевизор она так и не включила — сидела и повторяла вопрос, который часто задавала себе после смерти мужа: а он — сожалел ли он о том, что

сделал с ней? Пытался ли компенсировать это, завещав ей дом, сбережения, будущие гонорары?

Люди смеются над гречанками и турчанками, которые приезжают к нам на выходные, чтобы пройтись по магазинам. Но большинство девушек в Лондоне одеваются в черное, словно оплакивают утраченную свободу цвета.

«Улыбка в мезонине»

Разлука со взрослыми детьми — не обязательно утрата. Если они счастливы, хоть и живут далеко, если они преуспевают, строят свою жизнь, рожают детей — этого для матери достаточно. Ведь не для того рождаешь их на свет, чтобы они заботились о тебе в старости. Ни о чем таком, по правде сказать, родители и не помышляют. И вообще, заводят детей не по плану — они просто появляются, и все. Но как появятся, понимаешь, что они должны расти крепкими и здоровыми, удачливыми, счастливыми, зарабатывать себе на жизнь так, как им по душе, занять свое место в мире.

Такова философия Джоан Тэйг. Одного из ее сыновей занесло в Австралию, другого — в Шотландию, дочь жила в Беркшире. Они виделись раз в год, порой чаще. Раз в две недели заглядывал внук, учившийся в Лондонском политехническом университете, и Джоан прекрасно знала, зачем мальчик приходит — вкусно поесть. Морин, жена ее двоюродного племянника Джона Джорджа, заглядывала на чай и возила Джоан за покупками на собственной машине в «Мартлсхэм Теско», лучший супермаркет в округе. В семьдесят восемь лет Джоан Тэйг все еще могла похвастаться здоровьем и силой и считала, что в жизни ей повезло.

Если бы получалось говорить по телефону, она бы могла раз в неделю пообщаться с детьми и внуками, но глухота усложняла дело. Врачи говорили, она оглохла от шума на шелкопрядной фабрике, где работала в молодости. С медиками Джоан не спорила — они все равно ничего не слушают. Нет смысла объяснять, что в цеху особого шума не было, к тому же дядя Эрнест был глух как пень, и отец тоже оглох под старость. Конечно же, она унаследовала свой недуг, но врачи терпеть не могут, когда больной сам ставит себе диагноз.

Ее снабдили какой-то приставкой к телефону и слуховым аппаратом. С

аппаратом в ухе, глядя все еще зоркими глазами на губы собеседника, она могла разобрать каждое слово, даже произнесенное негромко, но приставка к телефону ничего не давала. Звук, доносившийся из трубки, Джоан сравнивала с лаем огромного пса, который свалился на дно колодца. Ларинголог рассмеялась и сказала: очень точное описание. Но помочь ничем не смогла. Джоан не стала отключать телефон на случай, если придется когда-нибудь вызывать «скорую», но для разговоров им не пользовалась. Вот почему молодой женщине, только что потерявшей отца, придется навестить ее, а не беседовать со старухой по телефону.

В субботу. Во второй половине дня. Морин заехала накануне и сообщила, что мисс Кэндлесс звонила еще раз и спрашивала, устроит ли ее суббота около трех. Морин сказала, вполне устроит, и съездила предупредить тетю. Потом они наведались в «Мартлсхэм», Джоан купила шоколадное печенье и кексы «Кунцль» (после сорокалетнего перерыва они снова появились в продаже), чтобы подать к чаю. К счастью, Фрэнк не оставил ее без средств, а сама Джоан всегда умела экономить, так что деньги для таких случаев оставались.

Протирая пыль и проходя с пылесосом по своему безупречно чистому домику, Джоан прикидывала, кем же ей придется визитерша. Быть не может, чтобы человек по фамилии Кэндлесс и родом из Ипсвича не принадлежал к их семье. Она пыталась сообразить, к какой ветви рода принадлежал покойный отец этой девушки — Морин назвала его имя и что-то еще прибавила, — но как раз в тот момент отвернулась к окну, и Джоан не разобрала несколько слов. Она убрала пылесос и выложила на только что протертый журнальный столик в гостиной четыре альбома с фотографиями — все, что у нее было.

В какой-то момент, примерно во время Второй мировой или чуть позднее, изжелта-коричневые фотографии сменились черно-белыми. Кому-то известна точная дата, когда произошла эта перемена, — кому-то, но не Джоан. Коричневые снимки нравились ей больше, жаль, что они навеки вышли из моды. А потом другой поворотный момент: вместо черно-белых фотографий — цветные. В одном альбоме коричневые фотографии, в двух — черно-белые, в последнем — цветные. Та девушка захочет посмотреть фотографии, постарается опознать своего отца среди множества кузенов и племянников.

Не устояв перед соблазном, Джоан раскрыла более старый из черно-белых альбомов, тот, где хранились ее свадебные фотографии. Она тогда жила в Садбери, а венчаться хотела в церкви Святого Григория и святого Петра, в симпатичной церковке у самого Стоура, где в мае зеленее трава на

лугах и цветут белые ромашки. Но мать звала ее венчаться домой, в Ипсвич, и Джоан решила уступить. Фрэнк был в ту пору красавцем, самый красивый мужчина, какого она видела в жизни. Ей хотелось прижаться губами к фотографии Фрэнка, но Джоан одернула себя и запретила подобные глупости.

Сначала они поселились в Садбери, в белом кирпичном домике — всего две комнаты — на Мелфорд-роуд, там у дяди Фрэнка имелась собственная зеленая лавка. До рождения Питера Джоан тоже работала в магазине, а вскоре Фрэнка призвали. В годы войны ей пришлось нелегко с двумя малышами на руках, а муж — в Западной Пустыне. Зато потом Фрэнк открыл в Ипсвиче собственное дело, и если не богачами, то, по крайней мере, зажиточными и довольными жизнью людьми они стали. Достаточно взглянуть на фотографию, где Фрэнк запечатлен с огромным кабачком в руках перед входом в магазин.

Джоан снова закрыла альбом и задумалась, каким чаем поить мисс Кэндлесс. Предпочитает ли она «Дарджилинг» или «Эрл Грей»? К «Эрл Грей» молоко не годится, а лимона в доме нет, так что придется заваривать индийский. «Около трех» — это до или после? Джоан отличалась редкостной пунктуальностью и ни за что не стала бы назначать встречу «около» какого-то часа, но мисс Кэндлесс, понятное дело, едет из Лондона и опасается пробок. «Около трех» — скажем, минут десять четвертого. Но без двух минут три она уже заняла позицию около окна, высматривая гостью.

В двадцать минут четвертого машина наконец подъехала. Джоан извелась — то выходила в столовую, то возвращалась к окну, ставила чайник на огонь и снимала, думала, что перепутала день, даже заглянула в газету, чтобы убедиться — сегодня суббота. Она бы позвонила племяннику Джону Джорджу и переспросила Морин, действительно ли речь шла о субботе, но телефон — не для ее глухих ушей. Но вот подъехала машина, и Джоан проворно отскочила от окна, чтобы молодая леди не заметила, как ее ждут.

И дверь второпях открывать не годится. Тебя могут неправильно понять, подумают, что тебе скучно одной или сидишь как на иголках. Когда прозвенел звонок, Джоан сосчитала до двадцати, а потом неторопливо направилась к входной двери, спокойно открыла ее.

Молодая женщина вошла, с порога протягивая руку:

— Я Сара Кэндлесс. Как поживаете? Спасибо, что согласились встретиться со мной.

Симпатичная рыжеволосая девушка с темно-красной помадой на

губах. И какой глубокий траур — черный костюм, черная блуза, черные чулки и туфли, черный плащ на плечах. Носит траур по умершему отцу. Одобрительно оглядев Сару, Джоан повесила в шкаф ее черный блестящий макинтош и провела посетительницу в гостиную.

Джоан не из тех людей, кто торопится перейти к делу. Сначала надо поболтать, обменяться мнениями насчет погоды и состояния дороги от Лондона досюда. Похолодало, отметила Джоан, осень вступает в свои права, день убывает. Так оно и есть, согласилась Сара Кэндлесс. Она ехала по шоссе М25 и по А12, а на подступах к Колчестеру все еще продолжаются дорожные работы.

— Выпьете чашечку чая?

— Я вообще не пью чай, — решительно ответила Сара.

Джоан очень удивилась. Она никогда не встречала человека, который не пьет чай. У Джоан была в запасе маленькая баночка растворимого кофе без кофеина, купленная племянником и припрятанная в кухонном шкафчике.

— Что же вы будете пить? — поинтересовалась Джоан.

— Ничего не надо. Спасибо.

— После такой тяжелой дороги из Лондона, — сокрушалась Джоан.

— Все в порядке. Мне ничего не нужно.

— Столько часов за рулем!

— Вода у вас найдется?

Что она, собственно, имела в виду? Разумеется, в доме есть вода. Всю жизнь, и у родителей, и когда они с мужем обустроились, Джоан жила в доме с центральным водопроводом. Когда она открыла кран и спустила воду, чтобы стала похолодней, то сообразила, что вода бывает и другая, она видела бутылки в супермаркете «Мартлсхэм», но поверить нельзя, чтобы разумный человек стал платить деньги за воду в бутылке. Нет, мисс Кэндлесс просто скромничает.

Она поставила стакан на поднос, вместе с кексами и печеньем. Сама она попьет чай позже. От кекса мисс Кэндлесс отказалась. Джоан знала, что она откажется, едва взглянула на нее. Такие девушки все поголовно страдают от этой напасти — «нервной анорексии». Она читала в газете.

— Полагаю, теперь мы можем поговорить о моем отце.

Слишком деловито. И папка, извлеченная мисс Кэндлесс из черного кейса, выглядела пугающе официально, как и сам кейс, словно к Джоан явилась не родственница, а представительница газовой компании подписывать очередной контракт. Джоан закивала и села очень прямо, сложив руки на коленях и внимательно глядя на девушку.

— Я принесла копию свидетельства о рождении, — Сара предъявила документ. — Отца звали Джеральд-Фрэнсис Кэндлесс.

Джоан уставилась на нее во все глаза. На миг она отвела взгляд и, наверное, плохо поняла. Холодный пот выступил на коже. Неужели ей не послышалось? Теперь она пристально смотрела на полные губы, покрытые блестящей темной помадой, слегка раздвинутые и обнажавшие белые блестящие зубы — такие же белые и блестящие, как фарфоровая тарелка, на которой лежало печенье.

— Прошу прощения, — пробормотала она. — Какое имя вы назвали?

— Джеральд Фрэнсис Кэндлесс.

Красные губы вылепили это имя, зубы слегка прикусили нижнюю губу, произнося первое «р», а затем второе. Нет, она не ошиблась.

— Разве вы никогда о нем не слышали? — спросила Сара. — Он был известным писателем. Автором знаменитых романов.

Это ничего не значило. Чепуха какая-то. Почти беззвучно Джоан произнесла:

— В нашей семье не было никого с таким именем.

— Позвольте, я еще кое-что скажу, миссис Тэйг. Отец родился в 1926 году. Десятого мая. Его родители — Джордж и Кэтлин Кэндлесс. Это все записано здесь, в свидетельстве о рождении. Если вы хотя бы...

Ничего подобного с Джоан в жизни не случилось. Она была до смерти напугана — и сама еще не понимала чем.

— Нет! — вырвалось у нее непроизвольно, в попытке остановить этот поток слов.

— Нет?

— Нет, нет! — Джоан стиснула кулаки. — Нет, говорю вам!

— Что случилось? Что я такого сказала?

Гнев, давно забытый гость. Сколько лет прошло с тех пор, как Джоан пришлось «показать» кому-то, как она это называла, но сейчас она готова была вновь это сделать. Никому не позволено издеваться над старухой. Эта девчонка, бог знает почему, явилась к ней домой, чтобы поиздеваться, чтобы поковыряться в давней ране.

— Вы сами знаете, что вы сказали. Вы знаете, кто такие Джордж и Кэтлин Кэндлесс, — это мои родители. Вы знаете, кто родился десятого мая 1926 года. — Джоан чуть не задохнулась, резкость давалась ей с трудом. Руки тряслись. Но она собралась с духом и «показала»: — А теперь уходите!

Девушка тоже поднялась на ноги:

— Простите, если расстроила вас, миссис Тэйг. Я не хотела.

— Уходите! Уходите, прошу вас!

— Я не понимаю, в чем виновата. Поверьте, я не знаю, что я сделала не так. Что я сказала?

— Дайте взглянуть.

Джоан протянула руку к метрике. Девушка рассталась с документом не без сожаления. На лице гостьи недоумение, рот слегка приоткрыт. Никаких примет жестокости, издевки. Джоан чувствовала, как бешено колотится ее сердце. Ноги подкосились. Это действительно свидетельство о рождении Джеральда, вот его имя, вот имена мамы и папы и адрес того дома на Ватерлоо-роуд, где родилась она сама, а семью годами позже — Джеральд, и дата, десятое мая 1926 года, совпадает с днем его рождения.

— Откуда у вас это? — спросила Джоан.

— Прошу вас, миссис Тэйг, не надо сердиться. Я ничем не хотела вас задеть и не знаю, в чем провинилась. Это метрика моего отца. Она хранилась у матери вместе с другими свидетельствами о рождении.

— Это не вашего отца метрика, — возразила Джоан.

— Простите, мне не хотелось бы с вами спорить, но это его метрика. Его звали Джеральд Кэндлесс, день рождения у него был в мае, в прошлом году, за два месяца до смерти, ему исполнился семьдесят один год.

Теперь Джоан знала, что нужно делать. Заглянуть в жестянку. Давно уже она не заглядывала в нее, с тех самых пор, как осторожно приподняла крышку и уложила поверх всех бумаг свидетельство о смерти Фрэнка. Теперь эта бумага первой бросится ей в глаза, но тут уж ничего не поделаешь. Если она не сумеет доказать этой девице с бледным лицом, красными губами и крашеными рыжими волосами — у них в семье рыжих никогда не было — и с таким же фальшивым трауром, что Джеральд умер, умер давно, целую жизнь назад, ей не знать покоя, так и станет изводить себя и этой ночью, и завтрашним днем, и до бесконечности. Она должна защитить его от этой девчонки, от ее родни, от тех, кто покушается украсть его жизнь и смерть.

— Подождите, — велела она.

Жестянка стояла в столовой. Столовая предназначалась для еды, хранения двух графинчиков с шерри и бренди для медицинских целей, и здесь же казалось правильным сложить документы. В спальне такие вещи не спрячешь, в гостиной — несерьезно как-то. Зато в столовой, где нет мягких удобных кресел и стоит строгий стол красного дерева, редко видевший гостей, где ковер застилал лишь часть пола, и окна, выходившие на север, тускло освещали комнату, — здесь, в этом торжественном сумраке ее сокровища по праву занимали свое место. В верхнем ящичке буфета —

столовое серебро, в среднем — скатерть и салфетки дамасского полотна, наследство от матери, в нижнем — жестянка.

Джоан хранила все документы в черно-оранжевой коробке из-под печенья, по примеру матери, которая верила, что металл убережет бумагу от пожелтения. Она ошибалась: даже свидетельство о смерти Фрэнка уже приобрело тот густой охряной оттенок, что и много лет пролежавшие свидетельства о смерти Джорджа и Кэтлин Кэндлесс, супругов, сошедших в могилу один за другим. Нужная ей бумага на самом дне.

Сначала свидетельства о рождении детей, потом свидетельство о браке и свидетельство о смерти отца Фрэнка. Куда подевалось свидетельство о смерти его матери, она не знала. Наверное, осталось у кого-то из золовок. Два документа на самом дне лежали не в том порядке — свидетельство о смерти оказалось поверх свидетельства о рождении. Джоан вытащила верхнюю бумагу, бросила взгляд на вторую и невольно произнесла:

— Джеральд.

Она не заплачет. Только не перед этой девчонкой. На коричневатой, выцветшей бумаге и так остался влажный след слезы, упавшей на нее много лет назад. Мама? Джоан снова услышала детский голос: «Голова! Голова болит!» Слеза размыла последнюю букву в диагнозе: «Причина смерти: менингит». Раньше, до его смерти, она и не слышала такого слова. До сих пор оно казалось уродливым, угрожающим, ползучая тварь, нечто крокодилообразное, кошмарное видение. Джоан быстро перевернула бумагу обратной стороной, пряча от себя медицинское заключение. Перечитала свидетельство о рождении, слово в слово совпадавшее с тем, которое показала ей девушка, и понесла обе бумаги в гостиную.

Мисс Кэндлесс успела выпить всю воду, осушила стакан до дна. Джоан уже не чувствовала гнева, только печаль и огромную усталость. Выложив документы на стол, она сказала негромко:

— Это мой брат.

Не бывает хороших любовников и плохих любовников.
Есть любовники желанные и нежеланные.

«Белая паутина»

Обычно к телефону подходила она. Голос дочери на том конце провода требовал папу, иногда и просить не приходилось — Урсула и так знала, что ее дело поздороваться и сказать: «Сейчас позову отца». В редких случаях, когда Джеральда не было дома — относил рукопись Розмари или прогуливался согласно ненавистному медицинскому предписанию двадцать минут на вершине утеса, — разочарование в голосе Сары или Хоуп звучало почти комически. Придется удовольствоваться разговором с мамой. А где папочка? С ним все в порядке? Когда он вернется?

Теперь все изменилось. Изменилось навсегда. Теперь каждый раз, когда дочери звонят, им приходится вступать с ней в разговор. Звонят они реже, Хоуп — почти никогда. Сара не забывает, поскольку ей больше свойственно чувство вины или долга — так считала Урсула. Еще она звонит, чтобы получить информацию. Но Урсулу это устраивало. Она брала трубку, здоровалась и слышала голос дочери, которая хотела поговорить с ней, которой она нужна.

— Как дела, ма?

И начинались вопросы. Может, она запишет кое-что? Наговорит в диктофон? Просто ответит по телефону? Урсула обдумала ситуацию, примеряясь к желаниям дочери. Можно и записать, поскольку она сама, взыскательный и бдительный цензор, отредактирует свои записи. О первой встрече с Джеральдом, о последовавших за ней свиданиях, о прозвище Медвежонок и даже о цитате из «Джейн Эйр» она уже рассказала, а потом записала кое-что заодно с анекдотом про обручальное кольцо и отослала записи Саре. Но теперь они вступали на опасную территорию. Ее рассказ войдет в книгу Сары. Бывают, наверное, женщины, готовые поделиться с детьми тайной своей сексуальной жизни — жизни с отцом этих самых детей, — но Урсула не из таких. Затронет ли Сара эту тему?

Но Сара вдруг перестала спрашивать. Вот уже три дня Урсула дожидалась очередного звонка, и все напрасно. Она даже забеспокоилась,

что было глупо, поскольку дочери могли не звонить неделями. Но ведь Сара обещала. Так и сказала: «Позвоню дня через два. К тому времени я раздобуду информацию о родных отца и готова буду послушать о том, что происходило после вашей свадьбы».

На четвертый день, ближе к вечеру, Урсула позвонила сама. В одиночестве глупые мысли так и лезут в голову. Она боялась, что никто не подойдет или она услышит голос Сары на автоответчике — тогда бы ей стало совсем плохо. Но после двух гудков Сара подошла к телефону.

Голос ее звучал холодно, отчужденно:

— Что случилось?

— Со мной — ничего, — ответила Урсула. — Мне казалось, ты собиралась поговорить об отце. Для книги.

— Да, собиралась. Только не сейчас.

— Извини. Я не вовремя?

— Нет.

— Ты говорила, что собираешь информацию о родных отца?

— Да.

— Успешно?

Пауза, долгое молчание, потом торопливая, порывистая, на неожиданно высоких нотах скороговорка:

— Мама, я не знаю, может, ты... То есть, может, знаешь, почему отец...

— Почему он — что?

— Ничего, — оборвала себя Сара.

— Хочешь, я тебе напишу? — Не дождавшись ответа, Урсула повторила: — Ты о чем-то хотела меня спросить?

— Нет. Ни о чем. Позвоню через несколько дней.

Говорила она в точности как мать Урсулы, когда при ней затрагивали запретную тему — напряженно, смущенно, спеша закрыть вопрос. Для Бетти Вик запретной темой был секс, и, положив трубку, Урсула подумала: не этим ли объясняется неловкость, не смущает ли Сару необходимость поговорить с матерью о супружеской жизни? Но нет, тут что-то другое, не поймешь что, поскольку дочери, на взгляд Урсулы, совершенно свободны от каких-либо комплексов. Если Сара хотела что-то узнать, она бы так и сказала, и если что-то ее пугало, она бы не стала это скрывать.

Бетти Вик жила в те времена, которые Хоуп и Саре показались бы Темными Веками. Слова, которые она невольно произнесла по телефону, вернулись к Урсуле. Именно этот вопрос мать задала ей совсем в другой ситуации. Некогда, надо полагать, все матери произносят эти слова, готова

дочь к замужеству: «Ты о чем-то хотела меня спросить?» Ясно одно: она никогда не спросит об этом Сару или Хоуп в том смысле, в каком спрашивали у нее.

Накануне свадьбы мать притворно-небрежным тоном произнесла:

— Ты не хочешь меня о чем-то спросить? Насчет завтрашней ночи?

Урсула ужасно смутилась, растерялась.

— Нет, спасибо, — пробормотала она, отводя взгляд.

— Ничего особенного в этом нет, — продолжала Бетти. — То есть, если ты ожидаешь чего-то такого, как в книгах, боюсь, ты будешь разочарована. Не строй иллюзий, вот и все, что я хотела сказать.

Урсула и не строила иллюзий. Просмотрев ряд пособий по сексу, которые к 1963 году сделались достаточно откровенными, она понимала, что ни от первого раза, ни от второго чудес ожидать не приходится. К сексуальному удовлетворению можно прийти лишь совместными усилиями, проявив друг к другу интерес и внимание. Вот почему она бы предпочла, чтобы Джеральд, отбросив старомодные манеры, свозил ее куда-нибудь раз-другой на выходные еще до свадьбы, и тогда от брачной ночи она могла бы ждать большего. Однако и пособия, и уж тем более Бетти Вик ошибались. Урсулу с самого начала пленила любовная игра. В ней открылся источник удовольствий, она с готовностью шла навстречу всем желаниям мужа.

Медовый месяц они провели на недавно вошедшем в моду курорте в Югославии, на побережье Далмации. Стояла теплая, солнечная погода, и пусть в гостинице недоставало удобств, ключ от единственной ванной на этаже то и дело терялся, а к столу подавали главным образом свинину с зеленым перцем, — зато они жили в просторной светлой комнате с кружевными занавесками на окне и москитной сеткой, которая накрывала огромную деревянную кровать словно шатер. Урсула могла целый день, а не только ночь провести внутри этой белой сети, поглаживая тело Джеральда, целуя его, с глубоким вздохом или легким счастливым смешком принимая его в себя. Это он с улыбкой уклонялся от объятий, заставлял молодую жену подниматься, требовал у администратора ключ от ванной, а приняв холодный душ, тащил ее на прогулку и на пляж.

Урсуле постоянно хотелось дотронуться до него. На прогулке она то висла на руке мужа, то обнимала его за талию. Слишком жарко, отговаривался он. И на самом деле, было жарко, но она не могла удержаться — так хотелось ощутить прикосновение его кожи к своей, погладить кончиками пальцев его загорелую руку. А когда они устраивались на скалах, Урсула всем телом прикидала к Джеральду,

запрокидывая лицо навстречу поцелую. Теперь, задним числом, она стыдилась себя, так стыдилась, что краснела при одном воспоминании, щеки горели под ледяными ладонями.

Однажды вечером он сказал ей:

— О такой жене большинство мужчин могли бы только мечтать.

Она приняла это за комплимент, все тело теплой волной обдала радость. Тем более приятно было услышать это, что как раз в тот день, когда они вернулись домой на сиесту, Урсула разделась донага, притянула Джеральда к себе, вложила полные груди в его ладони. Улыбаясь, шепча его имя, раздвинула ноги, приглашая его, бесстыдная, безоглядная, — ведь она понятия не имела, что правильнее было бы сдерживаться. А он все с той же улыбкой покачал головой и слегка оттолкнул жену — «нет, нет, не сейчас» — и улегся под полог спиной к ней.

Вот почему тем вечером ее так порадовало лестное замечание мужа, и следующие его слова тоже ее порадовали, хотя и озадачили немного:

— Я не знал тебя, я только думал, что тебя знаю. Я не ожидал такого пыла.

— Чего же ты ожидал?

Теперь-то она знала чего. Равнодушия. Реакции, свойственной ее матери.

— Не знаю, Медвежонок, — вздохнул он. — Малая Медведица, созвездие мое, не знаю, чего я ожидал.

Малая, вот именно. Снисходительность — вот все, на что она могла рассчитывать. Понимание тоже пришло к ней — со временем. Много лет назад. Но в медовый месяц она этого не знала, тогда еще нет. Она думала, муж устает, и когда в те дни и ночи он с улыбкой сожаления или слегка подшучивая, уклонялся от любовной игры, Урсула напоминала себе, что он четырнадцатью годами старше. Они вернулись домой, в Хэмстед, в дом на Холли-маунт. И этого она не знала — насколько резко тот гостиничный номер отпечатается в ее памяти, так что складки белой сетки, струившейся до полу, ложившейся волнами, отныне и навсегда будут ассоциироваться для нее с сексуальным удовольствием.

А он? Или для него это было не удовольствием, а легкомыслием, безобразием, развратом? И опять же: почему Джеральд так боялся тумана, о чем туман ему напоминал? Складки белой сетки, обволакивающую паутину? Пожалуй, в этой теории кое-что притянута за уши, но со счетов ее сбрасывать не стоит. Много времени прошло с тех пор, когда ей причиняло боль смутное подозрение — нет, отчетливое знание, — что Джеральду не нравится заниматься с ней любовью, ему это противно. Да, наверное, при

виде белой завесы тумана, струящейся с белого неба, Джеральд, как и она, вспоминал светлую комнату, запах тел, податливость и влажность жены, несдержанную страсть.

Джеральд взялся за книгу, работа отбирает силы, говорила себе она, иногда он засиживался до ночи. Урсула даже пыталась убедить себя, что стала рабыней собственных желаний. Дитя своего времени, секса как такового она не стыдилась, но тяготилась зависимостью. В жизни хватает дел помимо секса.

Например — научиться быть женой. Готовить, принимать гостей. Ей удалось разобрать чудовищный почерк Джеральда, сделать ему сюрприз. Это его порадовало: Урсула сумела прочесть начало новой книги, хотя большинство машинисток в отчаянии отказывались перепечатывать его тексты. Потихоньку от Джеральда она вынула снизу из стопки первую главу рукописи, унесла к себе и отпечатала — пятнадцать аккуратных страниц.

Предъявляя Джеральду свой труд, она готова была наткнуться на холодное недоверие, даже на упрек. К тому времени Урсула уже не могла скрывать от себя, что вызывает у мужа неприязнь. Как, почему — этого она не понимала, не знала, в чем провинилась, но была настороже, следила за выражением его лица, начинала побаиваться. Позже она поняла: и за рукопись она взялась, чтобы угодить ему, чтобы понравиться.

Никакого неудовольствия, ни малейших признаков гнева. Джеральд пришел в восторг, радостно пролистал странички, назвал жену умницей. Она ждала: сейчас он вскочит, обнимет ее, поцелует — хотя бы из благодарности. Он взял ее руки, поднес к губам. И этим ей пришлось удовлетвориться. Даже такой ласки она не удостаивалась неделями.

— Хочешь, я тебе всю книгу перепечатаю? — предложила Урсула.

— Как она тебе? — с улыбкой спросил муж

Это был «Глаз на закате», история Джекоба Мэнли, религиозного фанатика, из самоотверженности и ради приличия женившегося на вдове с пятью детьми. Он содержал семью, приучал приемных детей усердно заниматься в школе и всячески совершенствоваться, но любви им не дал. Ни одна книга до сих пор не притягивала Урсулу так, как этот роман, действие которого происходило в Восточном Лондоне сороковых и пятидесятых годов. Множество романов, проглоченных перед браком, не увлекало ее до такой степени. Она понимала, что часть обаяния заключается для нее в самом авторе: читая, Урсула словно слышала его голос. У нее вошло в привычку прочитывать каждую главу перед тем, как перепечатать. Смакуя характеры и диалоги, она тщетно искала альтер-эго

Джеральда — ничто не напоминало его рассказы о своей молодости.

Он с удовольствием принимал из ее рук аккуратно перепечатанные странички. Это стало ее работой — Урсула подумывала найти себе какое-то дело. Теперь она могла гордиться собой.

Вот что можно рассказать Саре. Пусть дочь сначала разберется с проблемами, которые столь сильно занимают ее на данный момент. Подождем, пока Сара вновь позвонит и засыплет мать нетерпеливыми вопросами.

Туман поднимался, но это временно: через полчаса бледно-голубое небо и мутно-белое солнце вновь скроет пелена, ровные пустынные пески вытянутся безутешно под густой завесой, исчезнут и небо, и отель, и даже широкий простор мягко колышущегося моря. Белая ватная масса облепит окна кабинета Джеральда.

А сейчас там, внизу, просияло солнце, и, дождавшись, когда туман рассеется, люди начали возвращаться, как они возвращаются всегда, словно птицы на рассвете. Вдали Урсула разглядела семью Флемингов: они устроились возле дюн, за ветроломом, хотя ветра не было. Джеймс и Эдит копались в песке, Сэм и его невестка отдыхали в шезлонгах. Урсула дважды отдежурила при детях и во второй раз передала Джеймсу марки. Больше ее не приглашали, да и не должны были: она знала, что в конце недели семья возвращается домой.

Не было смысла привлекать к себе их внимание. Урсула прошла в пятидесяти метрах от Флемингов, не поворачивая головы, но тут Сэм окликнул ее:

— Миссис Кэндлесс!

Она обернулась, пошла в обратную сторону по пляжу. Тут с ней произошло нечто неожиданное и даже пугающее. У Джеральда в кабинете висела фотография Сэмюэля Беккета (муж время от времени украшал стену портретами любимых писателей). Сэм Флеминг, с его выступающим подбородком, пронзительными глазами, крупными подвижными губами, показался вдруг Урсуле похожим на Беккета. Она не помнила, был ли Беккет столь же высок и худ, но, скорее всего, да. Внезапное и мощное притяжение к этому человеку — ничего подобного она не чувствовала при первых двух встречах — поразило Урсулу словно удар. Она остановилась как вкопанная, сделала глубокий вдох. Потом заставила себя идти дальше.

Флеминги заговорили с ней, что-то насчет тумана — дескать, туман рассеивается. Окликнув сына, занятого строительством песочного замка, Молли напомнила:

— Джеймс, что нужно сказать миссис Кэндлесс?

— Большое спасибо за марки, — сказал мальчик.

— Рада, что они тебе понравились.

Сэм Флеминг пристально смотрел на Урсулу. Она подумала, что, возможно, есть доля истины в утверждении: если тебя притягивает какой-то человек, то и ты становишься для него привлекательной, — какой-то химический процесс или телепатия? Нет, сказала она себе, если Сэм Флеминг заинтересуется женщиной, то не ровесницей, не тощей вдовой с короткой седеющей стрижкой, в джинсах и свитере, а яркой и сочной тридцатипятилетней женщиной.

Не в первый раз ей понравился кто-то другой, не Джеральд. И не в первый раз все это ни к чему не приведет.

— Боюсь, туман возвращается, — сказала она. — Такой вид у неба.

— Что ж, пойдем пить чай.

Урсула попрощалась и пожелала Флемингам благополучно добраться домой. Больше они не увидятся. Она чувствовала, как слегка подгибаются колени: физическое проявление желания. Точно такое же чувство охватило ее тридцать пять лет назад, на первом свидании с Джеральдом. Удивительно, с какой точностью возвращаются ощущения, хотя женщина, некогда испытывавшая их, изменилась до неузнаваемости. И зачем? В тот первый раз ее не ждало ничего, кроме грубой насмешки, жестокого презрения.

Спустился туман, укутал Урсулу, будто плащом, скрыл от нее Флемингов — она не увидела бы их, даже если бы позволила себе обернуться. Это хорошо, подумала Урсула. В одиночестве быстрее приходишь в себя. Но когда она подошла к тропе и ступенькам наверх за спиной послышались быстрые шаги.

Она остановилась и обернулась.

Спозаранку Сара поехала в Сент-Кэтрин. Хотела побыстрее покончить с этим, тогда останется время, чтобы сверить свои заметки и сделать выводы, а за ужином встретиться с Хоуп.

У входа в общий зал архива уже выстроилась очередь. Даже для того, чтобы попасть внутрь, требовалось ждать. Когда двери наконец отворились перед Сарой и она смогла приступить к поискам, это опять оказалось непросто: сначала требовалось заполнить формуляры, а потом — рыться в регистрационных книгах.

Томов было множество, все такие тяжелые. Наконец в регистрационной книге за лето 1918 года Сара нашла запись о браке Джорджа Кэндлесса и Кэтлин Мэри Митчелл. Потом она перешла к разделу рождений. Утомительное занятие. К счастью, она примерно знала,

где искать, и вот оно: Джоан Кэтлин Кэндлесс родилась в июне 1919 года. Дальше без труда нашелся Джеральд Кэндлесс, появившийся на свет 10 мая 1926 года.

Вероятно, между старшей дочерью и сыном у Кэндлессов родились и другие дети. Жаль, не спросила. Джоан Тэйг, но с миссис Тэйг говорить оказалось трудно: старуха перепугалась, расстроилась, к тому же она глуха. Когда Джоан со слезами на глазах сбивчиво заговорила о маленьком братике, который умер в апреле 1932 года, не дожив месяца до своего шестого дня рождения, Сара готова была усомниться в ее памяти и фактах. Но еще полчаса — и она нашла запись о смерти мальчика. Джеральд Фрэнсис Кэндлесс, пять лет, непосредственная причина смерти — остановка сердца, первопричина — менингит.

Значит, правда. Она и так не сомневалась, но официальная запись — не то же самое, что сбивчивый рассказ Джоан Тэйг. Она произвела более сильное впечатление, чем пожелтевшее свидетельство о смерти. Теперь придется рассказать все Хоуп.

— Ты хочешь сказать, что папочка лгал?! — Хоуп смотрела на сестру, будто на злейшего врага.

— Хорошо, а как иначе ты объяснишь? Это было просто ужасно — старая женщина, ее маленький брат. Меня не так просто смутить, но после этого...

— Значит, было два Джеральда Кэндлесса, — постановила Хоуп.

— Два мальчика по имени Джеральд Фрэнсис Кэндлесс, оба родившиеся десятого мая 1926 года, у обоих родителей звали Кэтлин и Джордж?

Хоуп вот-вот ударится в слезы.

— Но зачем папочке делать это? Получается, он был кем-то другим? Кем-то совсем другим? С какой стати... — Но Хоуп была юристом и быстро сообразила, по какой причине человек меняет имя. — Хочешь сказать, он совершил преступление? Его разыскивали? О нет, ни за что не поверю. Только не папочка. Не могу поверить!

— Может, дело не в этом, — предположила Сара. — С ним самим случилось что-то страшное, и он решил раз и навсегда порвать с прошлым. Вопрос в том, когда он это сделал. Не в шесть же лет. Мы даже не знаем, было ли ему — кем бы он ни был — столько же лет, сколько умершему мальчику. Где он родился — в Англии или еще где-нибудь. Он мог поменять имя в восемнадцать или еще лет через пять, но не позже двадцати восьми, потому что тогда вышла его первая книга, и он уже назывался Джеральдом Кэндлессом.

— Ты все продумала, да? — прошипела Хоуп.

— Конечно, продумала. Мне тоже это не по душе, Хоуп. Но раз я взялась за книгу...

— Господи, лучше бы ты не бралась за эту чертову книгу, Сара! Лучше бы мы ничего не знали. Зачем мне это знать? Я не хочу, не хочу, не хочу!

— Хоуп, дорогая, даже если бы я не наткнулась на это, наткнулся бы кто-нибудь другой. Другой биограф. Они появятся, это неизбежно. Лучше я, чем кто-то чужой.

Фабиан, возившийся на кухне, заглянул в распахнутую дверь:

— Через пять минут, — предупредил он и добавил: — «День шакала».

— Что?

— У Фредерика Форсайта в «Дне шакала» один персонаж хотел сменить имя и получить паспорт. Он пошел на кладбище, нашел могилу ребенка того же пола и примерно того же года рождения. Списал с памятника имя и даты, разыскал запись о рождении мальчика в архиве, запросил копию метрики, а потом на ее основании — паспорт.

— Но ведь этот мальчик умер, — напомнила Хоуп.

— Этого никто не знает, верно? Те, кто выдает паспорт, не сверяются с архивом. Наверное, ваш отец так и сделал. Книгу он не читал, она вышла много лет спустя, зато ему пришла в голову та же идея.

— Нет, — возразила Сара. — Не сходится. На могиле того мальчика, Джеральда Кэндлесса, нет памятника. Я спрашивала. Нет, не из-за того, о чем ты сейчас говорил, а просто... просто я не сразу ей поверила. Так странно, так ужасно! Я спросила миссис Тэйг, где похоронен ее брат, а она ответила — она плакала, просто кошмар! — ответила, что на могиле поставили деревянный крест. А когда она через двадцать лет вернулась в Ипсвич и стала его искать, крест уже сгнил, не осталось и следа от могилы Джеральда!

Сара с удовольствием ела приготовленные Фабианом спагетти, но у Хоуп аппетит пропал. Зато она выпила почти все принесенное Сарой вино, мрачно поглядывая на сестру. Фабиан, хорошо знавший покойного, попытался представить его в роли преступника или беглеца, но не преуспел. Такой решительный, властный, всегда контролировавший ситуацию человек...

— А Урсула? — спросил он.

— Что — Урсула? — Хоуп допила вино. — Она ничего не знала, и знать не могла. Кто-нибудь откроет еще бутылку?

Поскольку Фабиан готовил и накрывал на стол, теперь он из принципа не двинулся с места.

— Конечно, все произошло задолго до свадьбы, но нельзя же заведомо считать, что Урсуре ничего не известно.

— Я хотела ее спросить, — сказала Сара. — Вчера вечером я позвонила ей и готова была спросить, чуть с языка не сорвалось.

— Вот так, в лоб?

— Нет, нет. Конечно нет. Я собиралась намекнуть, не подумывал ли папа когда-нибудь сменить имя.

— «Подумывал» — это мне нравится, — фыркнул Фабиан.

— А мне — нет! — возмутилась Хоуп. — Это все отвратительно! Отвратительно!

Она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью, и направилась на поиски очередной бутылки.

— Спагетти великолепны, — похвалила Сара. — Ты отличный повар, Фабиан!

— Кому-то приходится готовить, — усмехнулся он.

— Не знаю, что делать. Просто ума не приложу. Не могу же я написать биографию человека, если не известно, как его звали на самом деле. Знаешь, мне просто плохо становится, как подумаю. Словно я внутри совсем пустая. Это ведь и нас касается, правда? Если папа был кем-то другим, то кто же тогда мы? Какое мы должны носить имя?

— Кэндлесс, — решительно ответил ей Фабиан. — Подумай сама: у многих людей родители носили иностранные фамилии, скажем польские, их и произнести-то невозможно, приходилось менять. Эти люди не сомневаются в том, как их зовут, они носят те фамилии, которые выбрали отцы.

Вернулась Хоуп с бутылкой и штопором, водрузила их на стол:

— У меня сил не хватит открыть. Совсем ослабела.

— Давай я, — вызвалась Сара.

— Лучше брось эту затею с биографией. Я все думала, пока возилась на кухне. Папочка не хотел бы, чтобы мы узнали его прошлое, иначе не стал бы менять фамилию. Остановись, пока не поздно. Позвони Постлю и скажи, что это слишком для тебя мучительно. Пусть все останется как есть, и со временем... Со временем нам, наверное, удастся забыть.

— Ты сможешь забыть об этом, Хоуп?

Хоуп промолчала и жадно схватила стакан, который Сара наполнила вином.

— Я еще кое-что сделала, — почти смущенно призналась Сара. — Я перепроверила и выяснила: папа не учился в Тринити. А если учился, то под другим именем, прежде чем стал Джеральдом Кэндлессом. И потом, ты

читала письмо в «Таймс»? От того человека, Дрориджа, который издает журнал про марки? Я сначала не поверила, но теперь вижу, что он прав: папа не работал в «Уолтамстоу Геральд».

— И что с того? Провинциальная газетенка. Зато он работал в «Вестерн Морнинг Ньюс».

— Может быть, — кивнула Сара. — Скорее всего. Я напишу им, спрошу, осталась ли запись. Прошло сорок пять лет. Насколько я понимаю, мы ничего не знаем о папе — где он был, что делал, пока ему не исполнилось двадцать пять лет.

— Значит, он что-то сделал, — пробормотал Фабиан.

— В каком смысле?

— В смысле — сделал что-то не то.

Некоторые люди жалуются на плохую память; в плохом вкусе не сознается никто.

«Пурпур Кассия»

Такую же фразу Джеральд произнес тридцать пять лет назад. Дословно:

— Мне бы хотелось пригласить вас на ужин, Урсула.

Скажи он по-другому — «Можно пригласить вас на ужин?» или «Вы поужинаете со мной?» — она бы непременно согласилась. Но знакомые слова словно ударили ее. Его голос похож на голос Джеральда, хотя внешне он совсем другой, и Урсула провалилась в прошлое, словно в туман. За тридцать пять лет мужчины чего только ей не говорили, но никто не приглашал ее поужинать теми же словами. Наверное, даже в сумерках заметно, как она потрясена.

— Если позволите, я пройду с вами по тропинке, — сказал он.

Урсула взяла себя в руки. Ее била дрожь. Сексуальное притяжение, которое она только что испытывала к Сэму Флемингу, исчезло без следа. Она автоматически повернулась и пошла впереди. На крутой дорожке, кое-где со ступеньками, для двоих места не было.

— В пятницу я возвращаюсь домой, — заговорил Сэм. — Мне бы хотелось, чтобы завтра вечером или в четверг вы согласились поужинать со мной.

Урсула кивала в такт его словам, но не в знак согласия.

— Не обязательно в гостинице. Наверное, вы знаете хороший ресторан поблизости. Какой выберете.

Потом она не могла понять, почему ответила именно так. Словно со стороны слышала свои слова:

— Ужинать с вами я не стану, но загляну после ужина, выпьем вместе.

Они почти добрались до вершины. Дорожка шла ровно, затем последний крутой подъем и развилка. Здесь Урсула обернулась. Вернее — они оба остановились и посмотрели друг на друга.

— Только не просите, чтобы Молли присоединилась к нам. Боюсь, она не сможет. Будет наверху с детьми. Одних она малышкой не оставит. О

другой няне, кроме вас, и слышать не захочет. И не предлагайте посидеть с ними вместо нее!

Урсула снова кивнула.

— Вот ваша тропинка, — показала она. — Я загляну в четверг примерно в полдевятого, если вас устроит.

— Что поделаешь, — улыбнулся Сэм.

Дома Урсула сразу направилась к рабочему столу. Перед уходом она оставила там три рукописи. Только работа поможет ей отвлечься от мыслей об этом разговоре. Если станет перебирать все реплики, почувствует себя идиоткой, не говоря уж о других малоприятных эмоциях. С годами Урсула научилась управлять своим сознанием, знала, какие мысли нужно подавить в зародыше, а каким позволить вынырнуть на поверхность. И сейчас она поспешно принялась за рукописи.

Рукописи предназначались университету, который собирал архив Джеральда. Два романа отпечатала она сама, третий — Розмари. Джеральд вносил исправления черной ручкой. Как странно: писал он неразборчиво, а редактировал аккуратно. Урсула выдвинула ящик стола, поискала оберточную бумагу, конверты для бандеролей, скотч.

К тому времени, когда зазвонил телефон, Урсула снова вспомнила про Сэма Флеминга. Звонок прервал ее мысли, и весьма кстати — так она думала, пока не взяла трубку. Она едва узнала голос дочери. Сара запиналась сильнее, чем в прошлый раз, чуть не плакала. Будь у них доверительные отношения, как обычно между матерью и детьми, подумалось Урсуле, она ждала бы тяжелого признания. Но Сара не станет поверять ей задушевные тайны, как и сама Урсула не стала сообщать дочери — с восторгом или смущением, — что ее пригласили на ужин.

— Что случилось, Сара?

Молчание затянулось. Стояла такая тишина, что Урсуле почудилось, будто их разъединили.

— Сара! — окликнула она.

— Я хотела тебя спросить...

— О чем?

— Не знаю, как сказать. — Сара глубоко вздохнула, и Урсула с замиранием сердца услышала из ее уст обращение, от которого отвыкла много лет назад: — Мама... Мама, а папа всегда носил фамилию Кэндлесс?

— То есть? — переспросила Урсула. Обращение дочери выбило ее из колеи.

— То есть у него была когда-нибудь другая фамилия? Он не менял ее?

— Насколько мне известно, нет. Конечно нет. С чего ты взяла?

Сара уклонилась от ответа.

— Я приеду на выходные. Надо бы осмотреться в его кабинете, бумаги разобрать. Ты не против?

Урсулу поразило, что дочь спрашивает разрешения. И она ответила как-то наигранно:

— Что ты, что ты, разумеется, приезжай.

— Заодно и тебе помогу. Разберем все вместе. Ведь тебе это нужно?

— А что за другая фамилия? — спохватилась Урсула.

Снова повисло молчание. Потом Сара сказала:

— По телефону не объяснишь. Поговорим, когда я приеду.

Присев в гостиной, Урсула посмотрела на море — туман рассеялся, заходящее солнце тусклым золотым слитком переливалось на западе. На его фоне черным ромбом проступал остров Ланди. Вновь и вновь Урсула прокручивала в уме слова Сары, но ничего не понимала. Когда солнце зашло и тени вытянулись, Урсуле показалось — если она сейчас обернется, то увидит Джеральда в «папином кресле». Это имя казалось неотъемлемой частью Кэндлесса, как и крупная фигура, грива волос, глубокий голос, отдающий краткие распоряжения. Джеральд Кэндлесс. Имя непривычное, но, услышав его, не пропустишь мимо ушей, а призадуматься и вспомнишь: «Ах да, конечно!»

Она резко обернулась. Если сейчас в том кресле померещится Кэндлесс, значит, начались галлюцинации, она сходит с ума. Но кресло оказалось пустым. И дом пуст. Только тут, с опозданием на месяц, Урсула спохватилась, что ничего не сообщила в больницу, где Джеральду собирались делать шунтирование. Впрочем, они наверняка уже знают.

Возможно, ее брак был таким же, как у всех. Может быть, так и заведено. Кто знает? Урсула не слишком интересовалась нарядами, прическами и тем, что мать называла «подмогой красоте». Но по утрам ходила по магазинам, вернее, смотрела на витрины, поскольку заняться было нечем. Заходила на кладбище при церкви Св. Иоанна, посещала могилу Констебля, как советовала Сэлли Райтсон. В хорошую погоду добиралась до леса. Приходила уборщица, наводила порядок в доме. Ланч Джеральду не требовался, он не хотел прерывать работу. Урсула относила ему в кабинет кофе и бутерброд с сыром, писатель улыбался и благодарил жену. Днем она расшифровывала его почерк и перепечатывала очередную главу из романа под названием «Покинутый водяной».

Протагонист — Джеральд научил ее использовать этот термин вместо выражения «главный герой» — морской офицер; его жена вернулась к родителям, когда он ушел в море, а потом и вовсе бросила мужа ради

кузена, с которым выросла. О браке здесь было сказано мало, зато много — об отношениях в семье. Если Урсула и надеялась найти в книге взгляды Джеральда на супружество, ее ожидало разочарование. Удивительно другое: откуда единственному ребенку так много известно о любви к братьям и сестрам?

Джеральд собрал тысячи книг, так что в библиотеку Урсула больше не ходила. Тогда она и начала читать что-то еще, кроме романов. Но по-прежнему считала, что они — как Джейн Эйр и мистер Рочестер. И если задумывалась о своем браке — а это случалось нечасто, — то приходила к выводу, что примерно так же сложилась после замужества жизнь Джейн. Не считая печатной машинки, конечно. И сумасшедшей в дальнем флигеле. Ей и в голову не приходило, что у Джеральда может оказаться своя сумасшедшая.

Вечером они вместе пили вино, ели приготовленный Урсулой ужин. Иногда гуляли. Друзья Джеральда навещали их, они ходили к ним в гости — к Райтсонам и Артурам, к Аделе Черчхауз, к Роджеру и Селии Паллинтерам. Разговор вертелся вокруг книг: кто что написал, литературные сплетни, анекдоты, скандалы. Говорили и о важном — о своих чувствах, принципах, убеждениях.

Джонатан Артур и его жена Сирия участвовали в борьбе за разоружение. Сестра Сирии отказалась даже обзаводиться детьми из страха перед ядерной катастрофой и концом света, сама Сирия говорила, что каждый день боится, вдруг начнется война. Урсула раньше особо не думала о том, что отец называл атомной бомбой, а если и думала, то вполне полагалась на систему обороны. Однако теперь она присоединилась к движению и ходила на митинги.

Ей хотелось чем-нибудь заняться — чем-то настоящим, — а заодно сблизиться с людьми, которых Джеральд знал, с которыми общался. Казалось, если она больше узнает о нем, то окончательно войдет в его жизнь и Джеральд перестанет ограничиваться вопросами, как самочувствие, много ли успела перепечатать и что намечено на сегодня. Тогда он будет разговаривать с ней как с равной. Адела Черчхауз попыталась вовлечь ее в борьбу против апартеида и в общество защиты прав гомосексуалистов. Урсула перестала покупать яблоки из Южной Африки и старалась побольше узнать о геях. Ей это давалось нелегко: дома брат рассказывал анекдоты о «педиках», а отец бросил «Колодец одиночества»^[7] в огонь.

Хотя молодой моряк из «Центра притяжения» мучился виной из-за Хиросимы и Нагасаки, пацифистская деятельность Урсулы вызывала у

Джеральда явную скуку. Борьба с апартеидом также удостоилась ленивого зевка, но когда речь зашла о защите прав гомосексуалистов, он отреагировал столь же нетерпимо, как ее отец: она что, разбирается в реформах законодательства? Нечего в это лезть. Надо будет — закон пересмотрят, от нее тут ничего не зависит. И какого черта она слушает Адель Черчхауз, эту старую лесбиянку?

Дважды в неделю они занимались перед сном любовью. В романах новобрачные и любовники — это ведь одно и то же, верно? — занимались любовью каждую ночь. Конечно, не все в книгах правда — ей ли не знать, после того как она стала женой писателя, — но Сирия Артур самолично подтвердила, что у них с мужем дела обстоят именно так. Упомянула мимоходом, как о чем-то естественном.

Все браки так устроены? Или, наоборот, чаще супруги живут как они с Джеральдом? Неизвестно. Однажды вечером, когда они сидели дома вдвоем — после свадьбы прошло около полутора лет, — Джеральд спросил Урсулу, не пора ли посоветоваться с доктором, отчего ей до сих пор не удалось забеременеть.

Урсула невольно рассмеялась:

— Почему не удалось, дорогой? — В ту пору она часто называла мужа «дорогой». Ее родители постоянно обращались так друг к другу. — Я принимаю меры, вот и все.

Он этого не знал. Опять же странно, они никогда не поднимали вопрос о детях. Но откуда ей было знать, что все следует обсудить с Джеральдом. За месяц до свадьбы она сходила к врачу, еще и гордилась своей отвагой и познаниями. Врач направил ее в больницу, там вставили спираль. В пособиях по сексу говорилось, что оставлять такие вещи на усмотрение мужчины неблагоразумно, вот она и не стала. Даже не заговаривала с ним об этом. Но думала, что Джеральд знает, мог бы и догадаться.

Он страшно рассердился — никогда прежде Урсула его таким не видела. По сравнению с этим его реакция, когда Урсула вздумала вступить в лигу борцов за права гомосексуалистов, — пустяки. Лицо побагровело, вены выступили на лбу. В гневе Джеральд выглядел старше своих лет, словно предавался излишествам, хотя это не так.

— Ты меня обманула, — сказал он. Выкрикнул.

— Джеральд, я не хотела! Я думала, ты знаешь.

— Откуда мне знать? Что я знаю о таких вещах?

— Я думала, знаешь, — заикаясь, выговорила она. — Я думала, все мужчины знают.

— Ты что, не хочешь детей? Ты же не чокнутая сестрица Сирии,

которая не заводит детей, потому что боится бомбы?

— Конечно, я хочу родить. Но не сейчас. Мне всего двадцать четыре. Можно подождать годик-другой.

— У тебя уже был годик-другой, — отрезал он.

В голосе прозвучала такая угроза, что Урсула содрогнулась. Впервые она по-настоящему испугалась мужа — не встревожилась, не обиделась, а именно испугалась. Она не была миниатюрной — крепкого телосложения, выше среднего роста. Но Джеральд показался ей чудовищно большим — крупный, тяжеловесный, грозный мужчина с львиной гривой и темными от ярости глазами.

Тихо и робко она извинилась:

— Прости, пожалуйста. — Она готова была признать свою неправоту. Ее поступок и впрямь граничил с мошенничеством. — Прости. Я вовсе не хотела обманывать тебя.

— Я не знал, что ты такая.

Что-то в этом роде он говорил раньше, во время медового месяца. Но тогда это был комплимент, сейчас — угроза.

— Джеральд, прошу тебя, — заговорила она поспешно. Муж поднялся во весь рост, но она подошла вплотную, обвила руками его плечи. — Прости меня. Не сердись.

В ту ночь в постели он повернулся к ней спиной, но на следующую ночь — если б Урсула сама не хотела его с такой страстью, это было бы изнасилование. Джеральд набросился на нее с яростью, довел до судорог наслаждения. Она восприняла это как знак любви и прощения.

Девять месяцев спустя, в декабре, на свет появилась Сара.

В ее возрасте смешно принаряжаться для встречи с мужчиной. Урсула налюбовалась в гостинице на старые заштукатуренные лица, крашенные волосы, юбочки выше колен — дочерям этих леди и тем уже не по возрасту такие юбки. Она выбрала черные вельветовые брюки, черный свитер и песочного цвета пиджак. Косметика ей не шла: в лучшем случае ничего не менялось, в худшем — появлялась искусственность, кукольность, поэтому Урсула отказалась от нее лет двадцать назад. Сейчас, глядя в зеркало, она сравнила себя с Сарой — на размытой фотографии.

Урсула думала, что встретится с Сэмом в баре отеля «Дюны», однако он поджидал ее у входа. Такой знак внимания ее порадовал, не порадовало другое: при виде Сэма в груди что-то сжалось и сердце заколотилось. К этому она не была готова. Казалось, подобные эмоции давно в прошлом.

Сэм повел ее в бар, нашел укромный уголок, почти отдельный кабинет. Высокое окно сбоку от стола открывало прекрасный вид на море и небо —

для этого и вставили большое прозрачное стекло от пола и до потолка. Солнце уже зашло, но море все еще полыхало красным, даже ярче, чем на закате. Над темной переливающейся гладью рядами выстроились черные тучи. Урсула смотрела в окно, пытаясь успокоиться. Сэм предложил ей выпить, сделал официанту заказ и заговорил — само собой о Джеральде. О писателе и его книгах.

Он прочел много романов Джеральда и хорошо их помнил, но Урсула слушала его невнимательно. Вот уже более тридцати лет люди затевали с ней беседу о работах мужа, будто ей это интересно. Она бы с удовольствием поведала правду приятному и близкому человеку — что была бы счастлива раз навсегда позабыть о книгах Джеральда. Они для нее лишь источник дохода — чем больше их покупают, тем лучше. Мысленно отредактировав эту речь, она — под удивленным взглядом Флеминга — выдала исправленную версию:

— Да, его рейтинг пошел вверх. Надеюсь, не снизится, я имею в виду — теперь, после его смерти.

Сэм растерялся:

— Разве такое возможно?

— Иногда после смерти писателя продажи падают, а иногда растут. Это непредсказуемо.

— А была... — начал он. — Будет еще последняя книга?

— Да. Называется «Меньше значит больше». Он как раз успел вычитать гранки. — Урсула отпила глоток вина и поспешила сменить тему: — А вы чем занимаетесь? Я имею в виду — кем работаете?

— Спасибо, что не приняли меня за пенсионера, — поблагодарил Сэм.

— Мне и в голову не приходило.

— Вам ведь все равно, где я работаю, верно? Вы спрашиваете только из вежливости.

Урсула посмотрела ему прямо в лицо, чего до сих пор избегала. Заглянула в глаза — и напрасно, ее вновь охватила дрожь. Она попыталась смешком перебить настроение:

— Да бросьте. Рассказывайте.

— Что ж, я книготорговец из Блумсбери. Не антиквар, но и не просто букинист. Меня интересуют первые издания современных авторов.

Все ее чувства отразились на лице. Нет, ради бога, не все: только не отчаянное желание, чтобы он прикоснулся к ней, дотронулся до ее руки. Но когда Урсула услышала, чем занимается Сэм, ее словно окатило ледяной водой. Потом кровь снова прихлынула к щекам, обдала жаром.

«Сейчас я скажу: „Вот как“, а он начнет оправдываться, — подумала

она, — потом скажу: „Ничего страшного, оставим это“, и нам просто не о чем будем говорить». Урсула вновь сменила тему, как бы нечаянно заговорив о детях, сперва о его внуках, потом добрались до ее дочерей — еще одна нелегкая тема для Урсулы, — а там и до его сына. До его умершего сына.

Но Сэма она почти не слышала, хотя сама подтолкнула его к разговору и притворялась, будто ей интересно. Рука ее лежала на столе возле бокала с вином — не нарочно, Урсула и не замечала этого, она лишь старалась скрыть смущение и нарастающий гнев, изображая сочувствие и машинально бормоча:

— Какое горе, какая утрата.

Сэм потянулся к ней, накрыл ее руку своей. Только об этом она и мечтала — десять минут назад. Теперь прикосновение оглушало, казалось отвратительным. Урсула заставила себя не отнимать руки, но вместо приятного тепла его ладони ощущала тяжесть, жар, неудобство. К счастью, Сэм подозвал официанта, и это послужило для Урсулы предлогом убрать руку.

В полдесятого она поднялась из-за стола, и Сэм, похоже, тоже вздохнул с облегчением. Но вызвался проводить ее домой. Немного поупрямившись, Урсула сдалась. Неприятно, если он напросится в гости, чтобы взглянуть на первые издания Джеральда. Но Сэм не подошел даже к двери — остановился у садовой калитки, на том самом месте, где всего два часа назад Урсула мечтала, как Сэм поцелует ее на прощание. Всего лишь мечта, но эта сцена так и стояла у нее перед глазами.

— Спокойной ночи, — попрощалась она.

Сэм порывался что-то сказать, но она так и не узнала что, — запнувшись, он всего лишь повторил вслед за ней:

— Спокойной ночи.

По женщине нельзя предугадать, легко ли ей дадутся роды. Урсула это понимала, даже когда обвиняла Джеральда в том, что он выбрал ее в жены по внешним признакам. Хотя он вполне мог это учесть, когда впервые увидел ее — с широкими бедрами, высокой грудью, молодую, невинную, неискушенную. И Джеральд оказался прав. Сара родилась всего за два часа. Сейчас бы Урсулу уже к вечеру отправили домой. Тогда ее продержали в больнице три дня.

В ту пору женщины еще не спорили о том, что мальчики лучше девочек. Не одни лишь мусульмане хотели сыновей. Поскольку Урсула начала побаиваться Джеральда и всячески пыталась ему угодить, она тревожилась, что девочку он не хочет. Он будет попрекать ее, как многие

мужья попрекают жен. Но Джеральд изумил ее своим восторгом — она и не подозревала, что он способен так ликовать, так радоваться.

— Меня также беспокоило, — говорила она в диктофон Сары, — что Джеральд, хотя он и мечтал о ребенке, не очень-то обрадуется младенцу. Думала, он не знает, что такое малыш в доме. Я и сама не знала, но считала, что понимаю в этом больше, чем он.

— Но ты ошибалась, — с торжеством возразила Сара. Урсула предпочла не обращать внимания на ее тон.

— Верно, — откликнулась она, — я ошибалась. (И еще как, добавила она про себя). — Джеральд обожал тебя с самого рождения. Ты стала его сокровищем. Порой он жаловался, что писателя никто не принимает всерьез, его работу считают не настоящим делом, а скорее хобби, которое можно отложить, как только понадобится сделать что-то «полезное». Писатель целый день сидит дома, вот пусть и открывает дверь, подходит к телефону, беседует с гостями. Он часто напоминал мне, что с ним этот номер не пройдет, и я думала, точно так же будет и с ребенком, то есть с тобой. Джеральд потребует, чтобы его оградили от младенческих воплей, и уж точно не станет возиться. А он позабыл все свои правила ради тебя, своего сокровища.

Сара умиленно улыбалась, и Урсула постаралась выжать из себя улыбку. Было нелегко, но она справилась.

— Он возил тебя на прогулку в коляске. Тогда отцы этого не делали, а он — с удовольствием. Менял пеленки. Кормил бы тебя грудью, если б мог. Замучил врача. В 1966 году педиатры еще ходили к малышам на дом. Стоило тебе чихнуть, и Джеральд тут же вызывал беднягу.

— Тебе очень повезло, — заметила Сара.

— Ты имеешь виду — с мужем? С этим редкостным человеком? — Урсула предпочла не высказывать своего мнения. — Моя мама считала, что это неправильно. И тетя Хелен тоже. Ею всем винули меня. Отец спрашивал, почему мы не обзаведемся няней или хотя бы прислугой. Мы вполне могли себе это позволить. Но твой отец запретил. Он сказал: все, что делают няни, сделает и он, причем с любовью, какой от няни не дождешься. Разумеется, для Хоуп мы ее пригласили, тут уж другого выхода не было. — Урсула сделала паузу. — Тебе интересно?

— Мне бы еще какой-нибудь случай из жизни. Что-нибудь более... ну, личное.

— Ничего не приходит в голову.

— Ладно, пока и этого хватит.

Сара выключила диктофон. Вот и хорошо, подумала Урсула, больше

мне не продержаться. Только житейских историй не хватало. Сара сама не понимает, о чем просит. Откуда ей знать? Они все ближе подходят к опасной теме. Если не остановиться вовремя, придется лгать.

— Когда папе исполнилось двадцать пять, он сменил имя, — заговорила Сара. — Почему, не знаю. Тебе что-нибудь известно?

Урсула не верила своим ушам:

— Ты уверена?

— Он это сделал, больше я ничего не знаю. А ты никогда не подозревала?

— Насчет смены имени — конечно нет. С какой стати?

— А тебя ничего не настораживало? Почему у него не было дядей, тетей, двоюродных братьев или сестер? Ты говорила, даже на свадьбе его родственники не появились.

— Я иногда задумывалась, почему у него никого нет. Вернее, меня удивляло, что он так много и хорошо пишет о больших семьях, хотя у него нет ни братьев, ни сестер.

— Но папу ты не спрашивала?

— Нет.

— Пойдем в его кабинет?

Это «пойдем» порадовало Урсулу, как любой знак близости между ней и дочерьми. Она проводила Сару до порога кабинета. Та помедлила у дверей и обернулась, и только тут Урсула заметила, какое напряженное удочки лицо. «Я эгоистка, — упрекнула она себя, — думаю только о своих проблемах». Саре нелегко войти в его комнату, это причинит ей боль. Ни Сара, ни Хоуп не переступали этого порога со дня смерти отца.

— Отложим до другого раза?

Сара покачала головой:

— Не надо.

Урсула никогда не сомневалась в искренней любви дочерей к отцу. Девочки не притворялись, не преувеличивали — они действительно обожали Джеральда. «И я бы его обожала, относись он ко мне так же, как к ним, как к своему сокровищу». И тут внезапно и непрошено Урсула вспомнила, как двенадцатилетняя Хоуп попрекнула мать: «Почему ты не любишь папу?»

Она распахнула дверь кабинета и отступила, пропуская Сару вперед. Сегодня тумана не было, за окном сияло ясное, холодное небо, изредка пробегали облака, море волновалось, Ланди выделялся четким черным пятном. Сара тревожно оглядела комнату. Подошла к столу, помедлила, потом уселась в рабочее кресло отца. Его рукописей нигде не было. Урсула

обо всем позаботилась. Отобрала черновики и разослала — в Бостон, на Бонд-стрит, коллекционеру из Кэмбрии. Сара дотронулась до зачехленной машинки, выдвинула ящик стола и снова закрыла.

— Есть еще документы? — спросила она.

— Свидетельства о рождении, о смерти, о браке? Все наверху. Принести?

— Скажи где, я сама принесу.

Тебе все равно придется вернуться в эту комнату, подумала Урсула. Лучше оставайся, привыкай. Она пошла наверх, достала папку, где хранились все документы: свидетельства о смерти родителей, ее брачное свидетельство, свидетельства о рождении — ее и девочек, теперь к ним присоединилось свидетельство о смерти Джеральда. Когда она вернулась, Сара уже стояла перед шкафом, где хранились рукописи Джеральда. Дверца шкафа была раскрыта, Сара, бледная как мел, смотрела на бумаги отца.

— Свидетельство о рождении я тебе верну, — беззвучно прошептала она и, махнув рукой в сторону рукописей, добавила: — Их же надо прочесть, верно?

— Думаешь, надо?

Из всех документов Сару заинтересовало только свидетельство о браке, да и то не слишком.

— Папа вел дневник?

— Кажется, нет. Да, точно не вел.

— Всю свою жизнь он вложил в книги. Все, что случалось с ним, о чем говорили люди, все, что видел и слышал. Так?

Да, этим Джеральд славился: в лекциях, интервью, в выступлениях на радио и телевидении он подчеркивал автобиографичность своих произведений.

— Он тебе сам сказал?

— Да, и не так давно. Года три или четыре назад. Мы с Хоуп гостили у вас, папа читал отзыв о своем романе. И вдруг заявил нам, что записал всю свою жизнь. Нет, на тот момент еще не всю, но он собирался продолжать. — Сара умолкла, голос ей изменил. — Не знаю, удалось ли ему.

Урсула не отвечала.

— Конечно, он описывал это образно, так что многое менялось, по его словам. Впрочем, понятно. Сколько раз я объясняла студентам, что не все написанное сестрами Бронте, — автобиография. Но папа действительно превратил всю свою жизнь в материал для книг — это не совсем обычно, на мой взгляд. Так что вряд ли мы найдем еще и дневник.

Разговор успокоил Сару. Вместо безутешной дочери появился филолог.

На щеки молодой женщины вернулся румянец.

— А письма тебе нужны? — спросила Урсула.

— Не очень. — Вернулась и прежняя резкость. — Это мои мемуары, мои воспоминания. Мне понадобится предыстория, но мне ни к чему знать, что папа говорил другим людям, тем более — что они говорили ему. Лучше загляну в его записные книжки, посмотрю последнюю корректуру.

— А фотографии?

— У нас где-то есть целая коробка, да? Почему-то мы так и не обзавелись альбомами.

— Да, альбомов у нас никогда не было, — подтвердила Урсула. — Можешь завести.

Джеральд вложил свою жизнь в книги... Она долго об этом не догадывалась. «Бумажный пейзаж», опубликованный через год после рождения Хоуп, рассказывал историю еще одной семьи: бедные ирландцы в Ливерпуле, старшая дочь бьется за мечту стать художником. В следующей книге, «Вестнике богов», отец умирает рано, вдова пытается прокормить двух малолетних детей и старуху свекровь. «Мольбы», написанные после переезда в Ланди-Вью, многое изменили. Впервые роман Джеральда не понравился Урсуле. Едва она приступила к расшифровке очередной главы, ее охватило недоброе предчувствие.

Но Урсула боролась с ним. Уговаривала себя: это всего лишь игра воображения. Не может быть, чтобы прототипами послужили ее сестра Хелен с мужем. Она чересчур восприимчива, эгоцентрична, склонна к паранойе. Видеть себя в вымышленном персонаже — признак нездорового тщеславия. Адела Черчхауз — или Роджер Паллинтер? — говорила, что, если герой списан с реальной личности, сам прототип об этом не подозревает, зато люди часто узнают себя в персонажах, списанных с других.

Но когда в 1984 году Урсула начала перепечатывать «Впроголодь», сомневаться уже не приходилось.

Морской конек — уникальное создание, самец беременеет и рождает детей.

«Гамадриада»

Знаменитая актриса, дружившая с Джеральдом Кэндлессом, продекламировала вторую часть «Улисса» Теннисона. Менее известный актер, также бывавший в Ланди-Вью-Хаусе, прочел «Иордан» Герберта. [8] Урсула, сидевшая в первом ряду с дочерьми по правую и по левую руку (младшая, прячась под огромной черной шляпой, то и дело заходила в рыданиях), подумала, как неуместен «Иордан» на поминках по ярому атеисту. Уж о Джеральде никак нельзя сказать, что он воспевал Бога, а потому не завидовал тем, кто восторгается соловьем и весной.

Певец, исполнивший песню Гуго Вольфа, [9] был Урсуле незнаком. Участников торжества выбирала Хоуп. Скорее всего, тех, кого бы пригласила на свои поминки, если бы задумалась. Роджер Паллинтер, худой и старый, опираясь на два костыля (он страдал артритом), прочел свои стихи. Надо же, подумала Урсула, он еще что-то пишет. Колин Райтсон, тоже дряхлый старик, произнес речь. Настоящий панегирик, решила Урсула. Какое странное ощущение — смотреть на человека, который был когда-то твоим любовником, слушать его голос и не чувствовать ничего — ничего, кроме нетерпения и легкой неприязни.

Надо бы взять за руку бедняжку Хоуп, поддержать ее, но Урсула боялась непредсказуемой реакции дочери. За ее спиной кашлял и отхаркивался Роберт Постль, он подхватил простуду и теперь распространял инфекцию в радиусе двух метров. Капелька брызнула ей на шею — Урсулу передернуло. Пока Райтсон гнусавил и гудел, его жена в дальнем ряду нацепила очки и начала просматривать лист в черной рамке со списком стихотворений и песен — еще одна заготовка Хоуп. Наверху страницы шрифтом «таймс» набрано: «Джеральд Кэндлесс, 1926–1997». Наверное, миссис Райтсон, как и Урсулу, слегка шокировала эпитафия на латыни: *Vixit, scripsit, mortuus est.*

— Жил, писал, умер, — хрипло прошептала Тэсса Постль.

Урсула вздрогнула. Ничего, в три пятьдесят она сядет на поезд, к семи

будет в Эксетере, а оттуда на другой электричке доберется до Барнстеpla где-то к девяти. Обе девочки уговаривали ее остаться на ночь. Урсула была тронута, хотя приглашение Хоуп прозвучало не слишком искренне. И сестра Хелен тоже звала к себе. Может быть, Урсула и согласилась бы, но не хотелось потом добираться с утра от Каршелтона на вокзал Паддингтон. Наконец церемония закончилась, орган заиграл мелодию повеселее, Адела Черчхауз мурлыкала в такт и чуть ли не танцевала в проходе. Лондонские писатели хлынули из церкви во двор, примыкавший к Пикадилли.

Какие-то люди, совершенно ей незнакомые, лезли целоваться на прощанье. Роберт Постль, утирая нос и рот бумажным платочком (Тэсса держала наготове пачку), приговаривал, что им надо встретиться, поговорить, и насчет этой новой книги... Когда она снова выберется в Лондон? Можно ли пригласить ее на ланч? Я не имею никакого отношения к книге, возразила Урсула. К этому времени вокруг них собралась довольно большая толпа, но никто не возмущался, даже не удивлялся тому, что Урсула оказалась в центре внимания. Она — вдова, и ей положено скорбеть, сокрушаясь об утрате такого мужа, как Джеральд Кэндлесс. Любая женщина горевала бы на ее месте. К удивлению Урсулы, на помощь пришла Сара, тронула за локоть. Такси уже ждет, они с Хоуп проводят мать на Паддингтон.

И впрямь знаменательный день, думала Урсула, не веря своим глазам. В такси дочери снова уселись по бокам от нее, и она была тронута — Джеральд никогда не мог бы так ее растрогать. Папы нет, но мама с ними, единственный родной человек — в этом все дело? Поэтому они переменились? Так или иначе, с ней самой творилось что-то необычное, чего не бывало годами. Глаза наполнились слезами, но не теми, которые можно остановить, — настоящий поток заструился по щекам.

— Ой, мама, — прошептала Сара. — Мамочка...

Много лет Урсула не испытывала такого счастья. Она вообще не была счастлива все эти годы и только теперь ощутила невероятную радость, потому что Сара и Хоуп были так добры с ней, даже поцеловали на прощание. Хоуп не целовала ее с детства. Все трое обнялись, крепко, по-настоящему, потом девочки отправились по своим делам, а Урсула, убедившись, что такси уехало, купила в магазине копченого лосося, сэндвич с кресс-салатом и бутылку свежавыжатого апельсинового сока — для обеда в поезде, в купе первого класса.

Саре казалось, что она переживет этот странный поступок отца, смену фамилии, по каким бы причинам он это ни сделал. Вроде бы она уже начала смиряться. Действительно, ничего страшного. Плохо другое:

открытие прервало работу над книгой. Она застряла, это напоминало творческий кризис. Отец, наверное, сказал бы: когда первые главы получаются недостаточно живыми или в них чего-то не хватает, тяжело работать с прежним энтузиазмом, пока не перепишешь эти страницы. Если же исправить начало невозможно, лучше вовсе отказаться от задуманного.

Но Сара не могла выправить первые главы, поскольку пробелы нечем заполнить. Работать совершенно расхотелось. Как писать о человеке, родившемся заново в двадцать пять лет? О человеке, который в этом возрасте впервые поступил на работу? «Вестерн Морнинг Ньюс» ответила на ее запрос. У них сохранилась запись: Джеральд Кэндлесс работал корреспондентом газеты в Плимуте с лета 1951 и до конца 1957 года. Она даже прочла его статью о Суэцком кризисе 1956 года, про то, как солдаты отплывали из Египта в Плимут. Но до 1951 года — никаких следов.

Осмотр отцовского кабинета принес одно разочарование. Джеральд не отличался педантичностью, но и в неаккуратности его не упрекнуть. Он не вел каталог, однако в ящиках стола все убрано. Письма хранились в конвертах, но уцелели далеко не все. Хотя на предложение матери Сара ответила резко, она все-таки просмотрела письма. Непонятно, по какому принципу отец их отбирал. Потом ее посетило неприятное откровение — Джеральд берег письма богатых и знаменитых, звезд и известных писателей. От дружеской корреспонденции он избавился. Невольно пришла мысль, что он рассчитывал на посмертную славу и на то, что эти письма включают в его биографию.

Но что в таком случае делать с отрезанным детством и юностью? Наверное, не задавать вопросов. Принять как данность, пройти мимо, поспешить вперед. И почему он не вел дневник? Не вполне доверяя словам матери, Сара поискала дневник, но нашла только записные книжки с наметками сюжетов, характеров, тем.

Всю субботу Сара просидела в кабинете, вечером сходила в паб в Барнстепле, а оттуда поехала в ночной клуб выпить с друзьями. Среди них опять оказался Адам Фоли, хотя его не приглашали. То ли он дружил с Александром, то ли раньше встречался с сестрой Розы, Сара не помнила. Его семья по выходным отдыхала в коттедже поблизости от Барнстепла.

О том телефонном разговоре и ее холодном отказе они не вспоминали, но Адам был явно обижен. Наверняка. Он болтал со всеми, обходя вниманием одну Сару. Ее небрежное «Извини, я занята, не могу», похоже, глубоко задело парня. Ну и ладно, Сара и сама не станет с ним говорить. Хотя жаль, он необычайно привлекателен, просто до ужаса: волосы черные, кожа с темным отливом. Худой. Саре нравились его худоба, изящная

походка — такой небрежный, легкий, беззаботный. А она его отшила.

Чуть позже она ощутила — сначала с тревогой, потом с нарастающим возбуждением — его взгляд. Адам смотрел ей не в лицо или в глаза, а на тело. Он буквально скользил по ней взглядом. Еще в пабе Адам отправился за напитками и принес стаканы всем, кроме Сары.

— А чем бедняжка Сара провинилась? — спросила Розы.

Тогда он посмотрел на нее в упор.

— Тебя я и не заметил, — сказал он равнодушно, так, словно она ничтожество, которое и замечать-то не стоит. Чокнутый, наверное. Если женщина отказалась от свидания, это еще не повод для грубости. Кстати, хамить и она умеет. С превеликим удовольствием:

— Так ты тарасился на пустой стул?

Она поднялась, подошла к бару, заказала себе выпивку. Народу набилось полным-полно, поэтому на свое место ей пришлось пробираться вплотную к Адаму. Тот положил ей руку на бедро и слегка прижал к себе. Сама не зная почему, Сара остановилась. Потом они поехали вместе в клуб в подвале под лавкой зеленщика. Само собой, клуб назывался «Зелень». Адам проскочил вперед нее и не придержал дверь. На небольшой сцене размером с ванную комнату танцевали. Адам пригласил Викки, потом Розы. Он танцевал с ними, а смотрел на Сару.

И она смотрела на него словно загипнотизированная. Ей даже стало нехорошо. Впрочем, она перепила. Расходились после часа. Розы предложила подвезти Адама, но он ткнул пальцем в сторону Сары: «Она меня отвезет», — словно такси заказал.

И она отвезла — вернее, Адам отвез ее. Молча забрал ключи, разыскал ее автомобиль, гостеприимно открыл пассажирскую дверь, а потом пару миль сосредоточенно вел машину. Сара была, конечно, пьяна, однако не настолько, чтобы не заметить, как Адам припарковался у газона и выбрался из машины. Он открыл дверцу, уволок Сару на заднее сиденье и занялся с ней любовью.

Каким-то образом им обоим удалось добраться до коттеджа, и там Сара провела ночь — с Адамом, в его постели, при этом в соседних комнатах спали его домашние. Это странно волновало, будто она снова подросток, — пробираться по ступенькам босиком, с туфлями в руках. А потом они молчали или разговаривали шепотом — чтобы не разбудить тетю Адама, или бабушку, или кто там спал за стенкой. Рано утром, как только старуха ушла к мессе, Сара поднялась и поехала домой, страдая от жуткого похмелья.

Мать не стала комментировать возвращение в десять утра, спросив

только, как прошла вечеринка. Сара напилась минеральной воды и черного кофе и потащилась в кабинет, ничего не ожидая найти. И вдруг сделала главное открытие за все выходные.

В последнем ящике, поверх начатой пачки бумаги, лежало что-то — она не знала, что это такое, не поняла цены своего открытия, видела только, что вещь странная и в кабинете писателя вроде бы не к месту. Во всяком случае — в кабинете писателя-атеиста. Но задумалась Сара позднее, когда вернулась домой и показала находку Хоуп и Фабиану. Их отец не только не верил в Бога — он был активным и убежденным атеистом (мать о ее отношении к религии никто не спрашивал, да и кого это интересовало). Джеральд растил девочек безбожницами, хотя и не напоказ — не требовал, к примеру, чтобы их освобождали от молитвы перед уроками. Он полагал, что религиозный ритуал не повредит — просто не окажет никакого воздействия, и тут он был прав. Сара и Хоуп в жизни не прочли и страницы из Библии и не знали библейских цитат. За всю жизнь они побывали в церкви лишь дважды: на свадьбе кузины Полин и на отпевании отца.

Вот почему вещь из папиного стола повергла Хоуп в такое же недоумение, как и Сару. Она была сделана из какого-то растительного материала, похожего на лист или стебель. Полоска, сложенная вдвое, и повыше центра к ней крепится поперечная полоса, также сложенная вдвое. Изысканный узелок прикрывает место соединения.

— Это пальмовый крест, — сказал Фабиан.

— Что?

— Одно дело атеизм, другое дело — невежество, — заворчал он. — Вы обе попросту необразованны. Необязательно верить в Бога, но кое-что о религии нужно знать. Самую малость. Вы понятия не имеете, что такое кредо, дароносица или Пятидесятница.

— Я знаю, что такое «кредо», — с негодованием возразила Хоуп. — Ты лучше скажи, что это? Какой еще «пальмовый крест»?

— Это пальмовый лист, или стебель тростника, или даже сосновая ветка, сложенная в форме креста. Их раздают прихожанам на заутрене или мессе в Вербное воскресенье, последнее воскресенье перед Пасхой.

— Я думала, ты еврей, — удивилась Сара.

— Ты ошибаешься, Фаб, — сказала Хоуп. — Папочка в жизни не держал дома ничего подобного. Он ненавидел религию. Говорил, только в этом он и согласен с Марксом: религия — действительно опиум для народа. Он издевался над верой, всегда острил. Однажды у нас гостил Джонатан Артур. Он принялся рассуждать о вознесении, он человек набожный и страшно огорчился, когда папочка отрезал: «Кто вознесся, тот и свалится».

— Ничем не могу помочь. Это пальмовый крест. Спроси любого, если не веришь. Спроси этого старикана с насморком, Постля, он католик.

— Если я позвоню ему, он начнет спрашивать, как продвигается книга, — вздохнула Сара. — А она никак не продвигается. Не знаю, о чем дальше писать.

— Ваш отец говорил как лондонец, — заметил Фабиан. — Я, знаете ли, вроде профессора Хиггинса,^[10] разбираюсь в акцентах. У него был лондонский акцент, я бы сказал — с легким призвуком Восточной Англии. Итак, он жил один в Лондоне, работал в газете, и тут случилось что-то страшное. Криминальную версию отбрасываем, ваш отец не может быть преступником. Значит, с ним стряслась беда. Умерла жена или возлюбленная. Дети. Он узнал что-то невероятное о своей семье — то есть о своей настоящей семье. Наследственная болезнь, его отец — убийца, или что-то в этом роде.

— Даже если возлюбленная умерла — что с того? — заговорила Хоуп.

— Большое тебе спасибо, — поблагодарил Фабиан.

— Я вовсе не о тебе, Фаб, ты же знаешь. С какой стати из-за этого менять имя? Скорей уж его отец был убийцей.

— Что-то такое припоминаю, — кивнула Сара. — Я как-то слышала, как эта странная старуха Адела Черчхауз заговорила с папой об этом — то есть не про убийцу в семье, это все вздор, а насчет его акцента. Она сказала: «Знаешь, Джеральд, когда ты начинаешь волноваться, я слышу в твоей речи отзвук Саффолка». А папа ответил, что ничего удивительного — до десяти лет он рос в Ипсвиче.

Если она и вспоминала тот разговор после откровений Джоан Тэйг, то и его считала ложью, как и все упоминания отца о детстве и юности. Но что, если это правда? Быть может, этот Джеральд Кэндлесс не был отпрыском Джорджа и Кэтлин Кэндлесс с Ватерлоо-роуд, но тоже родился в Ипсвиче и прожил там достаточно долго, чтобы приобрести неистребимый акцент.

Пальмовый крест остался лежать на столе поверх экземпляра «Спектейтора» — там, где положил его Фабиан. Что-то в этом предмете тревожило Сару, не давало покоя. Ей не хотелось задумываться, разбираться с этой зацепкой, но выбросить причудливо сложенный стебель за дверь, чтобы поутру его смели кэмденские мусорщики, было бы жестом отчаяния, о котором можно пожалеть.

Когда Хоуп и Фабиан ушли, Сара вынула из шкафа краткий Оксфордский словарь, заложила пальмовый крест между «Графом» и «Динамичностью» и вернула книгу на полку.

Времена меняются, меняются и взгляды. Дед Оливера стыдился бы, если бы его жена ходила на работу, а Марка смущало, что его жена сидит дома.

«Впроголодь»

Узнав все факты, мистер и миссис Джон Джордж Кэндлесс стали относиться к ситуации с подозрением. Джон Джордж прошел через три стадии сомнения: неверие, размышление и крайнюю обеспокоенность. Он предлагал не отвечать этой девице вообще или резко отказать. Но тут Морин встревожилась: а что, если девушка поместит эту историю в книгу? Лучше самой присутствовать при разговоре, разобраться что к чему. Хорошо, сказал Джон Джордж, и предупреди ее, что я собираюсь обратиться к своему адвокату.

Оба они прежде не слышали, что у тетушки Джоан был младший брат, который умер в детстве. Братишка по имени Джеральд Кэндлесс. Откуда им было знать? Тетушка Джоан приходилась Джону Джорджу не родной тетей, а троюродной, к тому же все это случилось так давно.

— Тетушка Джоан очень расстроилась, — продолжала Морин. — Никогда раньше она так не плакала. А эта девица опять хочет встретиться с ней.

— Тут дело нечисто. Наверное, она охотится за деньгами тетушки Джоан.

— Откуда у нее деньги, Джон?!

— Так всегда говорят — а потом выясняется, что денег у человека полно.

Итак, поскольку Джоан не хотела отвечать письменно, Морин позвонила Саре Кэндлесс и постаралась притвориться, будто все нормально. Пусть приезжает, если ей надо, но мистер и миссис Джон Джордж Кэндлесс просят не забывать, что Джоан уже немолода и лишние переживания ей ни к чему. Морин будет присутствовать при разговоре и проследит, чтобы дело не зашло слишком далеко.

Похоже, они боятся, как бы я не украла столовое серебро, с досадой подумала Сара. Она сама не знала, о чем собиралась спросить Джоан Тэйг.

Если завести разговор о друзьях и знакомых, которые жили поблизости, когда умер ее брат, сильно ли это расстроит Джоан? Или ее огорчает любой намек на те времена? Можно попросить фотографию мальчика. Но зачем ей фотография? Сара вспомнила толстый альбом со снимками, который Джоан выложила перед ней на стол, но посмотреть его они так и не успели. Раньше любили групповые снимки — футбольная команда, выпускной класс. А дети из подготовительной группы?

В назначенный день Сара поехала в Ипсвич, заблудилась и попала в центр города. Здесь было множество церквей и улицы назывались по ближайшей церкви — не отсюда ли пальмовый крест? Она пыталась представить, как отец жил здесь ребенком, ходил по этим улицам за руку со своей мамой, но фантазия не работала. Слишком многое в городе переменялось, вместо частных магазинчиков — супермаркеты. И все же он жил здесь, в этом Сара себя убедила, за этот жалкий клочок информации она цеплялась, помня о саффолкском акценте.

Когда Сара добралась наконец до Рашмир-Сент-Эндрю, дверь ей отворила Морин, отрывисто представившись:

— Миссис Кэндлесс.

Морин оказалась крупной женщиной, жирной, тяжеловесной, пугающе несимпатичной. Пока она сидела спокойно, лицо оставалось угрюмым, если же Морин оживлялась, грубые черты лица словно пытались вытеснить друг друга: тяжелая челюсть, толстые губы, большие губы, заостренный нос, кончик которого дергался сам по себе.

— Она вам ничего не скажет, — заявила Морин. — Вы напрасно потратите время.

На этот раз не будет чая и печенья на блюдечке с бумажной салфеткой. Джоан Тэйг сидела, напряженно выпрямившись, на самом краю кресла, в котором она могла бы устроиться гораздо удобнее. Ей было не по себе, и старуха не могла этого скрыть. Не по себе с тех пор, как Сара навестила ее: дурные сны, ушедшие много лет назад, вернулись. Даже наяву, занимаясь чем-то посторонним, Джоан слышала вдруг тонкий измученный голос, словно в доме живет ребенок, и ребенок этот страдает: «Голова! Голова болит!» Она готовила ужин для своего внука Джейсона, стояла у плиты и жарила картошку, но тут дитя окликало ее, и глуховатая старуха отчетливо слышала голос.

Разумеется, чете Джон Джордж она в этом не признавалась. Не посвящала их в подробности, сообщила лишь основные факты и удивилась, что они ничего об этом не знали, даже обиделась — как это мать Джона Джорджа никогда не рассказывала ему о Джеральде, о его смерти, словно

братика никогда и не было на свете? Морин, конечно, добра к ней, возит в «Мартлсхэм Теско», — но зачем ей сегодня Морин? И эта Сара ей тоже ни к чему. Никто ей сейчас не нужен.

Сара не знала, с чего начать. Обе женщины смотрели на нее так, словно она социальный работник, явившийся уличить их в неправильном уходе за детьми. Джоан Тэйг откашлялась, сложила руки на коленях, уставилась на свое обручальное кольцо. Впервые Сара уловила особый запах этого дома, похожий на искусственный аромат ромашек и гиацинтов. Наверное, ей следовало бы для начала извиниться за отца, по пути она даже репетировала вступительную речь, но тут же начинала оправдываться, что так привязана к человеку, способному на подобное мошенничество. Поэтому она сразу приступила к делу:

— Кажется, отец знал вашу семью. До десяти лет он жил где-то рядом, в Ипсвиче. У него сохранился саффолкский акцент.

— Такого у нас в семье никогда не было, — высокомерным тоном и чистейшим ипсвичским говором заявила Морин.

— Несильный акцент, — уточнила Сара. — Моя единственная зацепка. — Она перевела взгляд с одного неумолимого лица на другое, увидела усталые глаза Джоан и подергивающийся нос Морин. — Вы наверняка меня понимаете.

Почему мы говорим «наверняка» именно когда сомневаемся?

— Миссис Тэйг, по соседству с вами жили другие мальчики, сверстники вашего брата? У него были друзья, одноклассники?

Джоан оглянулась на жену своего племянника. Чего она ждала — поддержки, утешения? Или разрешения? Нет, только не этого. Джоан Тэйг сама себе хозяйка.

— На старости лет, — заговорила она, — прошлое вспоминается отчетливее, чем вчерашний день. Наверное, вы об этом слышали.

Сара кивнула.

— Джеральд недолго учился в школе. Тогда это называлось «подготовительная школа», а не «начальная», как теперь. С нашей улицы туда больше никто не ходил. Не было других мальчиков его возраста. Я хорошо помню, мама говорила: как жаль, что у Джеральда нет товарищей.

— Он ни с кем не играл?

— Он играл со мной, — сказала Джоан.

— А со сверстниками?

— У нас были кузены, дети моей тети, маминой сестры. Два мальчика и девочка. Дональд, Кеннет и Дорин. — Джоан напряженно размышляла, стараясь припомнить все в точности. — Они часто бывали у нас. Тетя

приводила их раз в неделю. Забирала мальчиков из школы и приходила к нам. Джеральд играл с Доном и Кеном. Дорин была совсем крошкой, еще и в школу не ходила. Мы устраивали для них праздничный чай. Мама делала желе с шоколадом.

Больше похоже на жизнь среднего класса. Сара представляла себе несколько иную картину. Тщательно выговаривая слова, чтобы Джоан могла прочесть по губам, она уточнила:

— Ваша мать была медсестрой. Она работала? Ухаживала за больными на дому? Может быть, у кого-то из ее пациентов был сын или она нянчила больного мальчика?

— Отец в жизни не позволил бы матери работать! — вознегодовала миссис Тэйг, и лицо ее пошло красными пятнами. — Он был мастер-печатник. Что бы люди подумали? Что он не может содержать семью?

Почему же на свидетельстве о рождении указана профессия «медсестра»? Или Кэтлин Кэндлесс таким образом пыталась заявить о себе как о личности, не зависимой от мужа? Сара спросила о Доне и Кене, двоюродных братьях, как сложилась их судьба. Теперь ей неловко было глядеть в лицо миссис Тэйг, но иначе собеседница не разбирала слов.

— Откуда ей знать, — буркнула Морин.

Поскольку она не поворачивала головы в сторону Джоан, старуха не расслышала. Сердитый румянец сбежал с ее щек, гнев улегся, уже спокойнее она сказала:

— Оба были моложе меня и старше Джеральда. Дону исполнилось десять, а Кену — семь, когда... когда мой брат умер. Он погиб на войне, я про Дона говорю, в пустыне под Эль-Аламейном.

К удивлению Сары, Джоан слегка подвинула кресло вперед, заглянула ей в глаза. Вспышка гнева — ее семью сочли недостаточно обеспеченной! — будто прояснила ее мысли. Давний запрет рухнул. Джоан всем телом подалась вперед, позабыв о присутствии родственницы.

— Они не Кэндлессы. Моя мать — Митчелл, она и ее сестра в девичестве звались Кэтлин и Дороти Митчелл, потом тетя Дороти стала миссис Эпплстоун. Все они Эпплстоуны, Дон, Кен и Дорин. Эпплстоуны, а не Кэндлессы. Вам ясно?

— Я и не считаю, что мой отец был Кэндлессом, миссис Тэйг. Разумеется, нет. Он взял чужое имя.

— Неслыханное дело! — не утерпела Морин. Это признание успокоило ее, в голосе звучало явное облегчение. Женщина слегка покачивала головой, как бы говоря: в ее простом и правильном мире подобный фокус никому бы в голову не пришел.

— Мой двоюродный брат Кен, — вслух размышляла Джоан. — Кен Эпплстоун. Что с ним случилось, не знаю. Видите ли, я уехала из дому в пятнадцать лет. Не могла больше жить там, когда Джеральда не стало. Не могла, и все тут. — Она метнула украдкой взгляд на Морин, вероятно проверяя, как подействует на родственницу столь откровенное проявление чувств. — Поселилась на квартире в Садбери, работала на шелкопрядильне. Потом познакомилась с мужем, поженились — специально приезжали в Ипсвич, чтобы здесь обвенчаться, — и стали жить на Мелфорд-роуд, на втором этаже, над магазином, а потом он пошел в армию. То одно, то другое, так мы с родственниками друг друга из виду и упустили — я имею в виду, конечно, Эпплстоунов, а не родителей. Я часто писала маме, и она мне тоже. От мамы и узнала про Дона.

— А Кен?

— Я знаю, что он служил в авиации, завербовался в сорок третьем, как только ему исполнилось восемнадцать. — Джоан снова опустила взгляд на колени. Обычно она смотрела вниз, словно отдыхая после того, как читала по губам собеседницы, но сейчас подняла глаза: — Мама умерла в пятьдесят первом. Она бы сообщила, если бы Кен погиб на войне. К тому времени, как она умерла, Кен был жив — вот только где он жил? Тетю Дороти я видела на маминых похоронах, но с тех пор больше мы не встречались.

— Где он жил, миссис Тэйг?

— Дайте подумать. Кажется, в Эссексе. В Челмсфорде. Да, именно, в Челмсфорде, но это было сорок шесть лет назад. Большой срок, как ни считай.

Обрадовавшись оказанному доверию, Сара попросила показать альбомы, которые лежали на столе при первом визите, но сейчас отсутствовали. Джоан кивнула и отправилась за ними. Едва тетя отлучилась, Морин поднялась, подошла к окну и встала там, потягиваясь, распрямляя сведенные плечи. Потом обернулась к Саре и холодно произнесла:

— Не пойму, к чему прошлое ворошить?

— Что вы хотите этим сказать?

— Приключись такое с моим отцом — представить себе страшно! — я бы не стала ничего узнавать. Неизвестно, что всплывет.

Джоан Тэйг принесла три альбома. Обычно в семьях любят собирать фотографии, но в семье Сары подобной традиции не было. Перебирая снимки, которые мать хранила в спальне в коробке из-под обуви, она поразилась скудости этой коллекции. В тот самый день Сара нашла

пальмовый крест и, держа его в руке, просматривала немногочисленные фотографии: единственную свадебную фотографию родителей, детские снимки, свои и Хоуп, пока не дошла до единственной интересной фотографии: молодой Джеральд (намного моложе, чем на свадебном снимке), худощавый, черноволосый, поразительно красивый, позировал где-то у волнолома, на горизонте виднелся остров и деревянная набережная.

— Он дал мне эту фотографию, когда мы обручились, — равнодушно пояснила Урсула.

Местность на фотографии Сара узнала: Плимут Хо, а вдали — остров Дрейка с парком Маунт-Эджкамб. Джеральд Кэндлесс двадцати семи или двадцати восьми лет, уже вполне привыкший к новому имени, работающий в «Вестерн Морнинг Ньюс». Теперь перед ней мелькали другие лица — Джоан Тэйг перелистывала страницы альбома. Коричневатые снимки, затем черно-белые. Джоан поясняла: снимок размером с открытку, на котором муж и жена с двумя детьми прогуливаются по набережной, сделан пляжным фотографом. Сара, большую часть жизни прожившая на побережье, никогда не фотографировалась на пляже. Она пристально всмотрелась в снимок Джорджа и Кэтлин Кэндлесс в Феликстоуве, с Джоан и маленьким Джеральдом, и поняла то, в чем ее не могли убедить слова: эти люди — не ее бабушка и дедушка, этот малыш не мог стать ее отцом. Тут не нужен и анализ ДНК.

Джордж был невысок, вероятно из-за голодного детства. Его жена, в полосатом шелковом платье, сандалиях и маленькой — дань моде — шляпке, возвышалась над ним, была крупнее и шире в плечах. У обоих пухлые лица, маленькие глазки, короткие носы. У Джорджа тяжелый подбородок, у жены толстые щеки. У обоих из-под шляп выбиваются волосы мышиного цвета. Их сын не мог стать ее отцом, подумала Сара. Даже пластическая операция не превратила бы эту круглую мордашку с близко посаженными глазками и тяжелым подбородком в благородное лицо — как однажды Хоуп полушутя, но с любовью сказала о лице папы, и Сара про себя согласилась с ней.

Сара обернулась к Джоан и невольно воскликнула:

— Ох, простите... Простите меня!

Джоан плакала, как Урсула на пути к вокзалу Паддингтон, только еще горестнее, еще безутешнее.

Вторые роды оказались тяжелыми. Урсула не слышала, чтобы в первый раз женщина родила легко и быстро, а во второй — пришлось делать кесарево сечение. Однако и такое бывает. Молока не появилось, и

радости тоже.

Она не ощущала ни малейшей любви к новорожденной. Даже имя ей выбирал Джеральд. Он посоветовался с женой, но Урсулу это не интересовало. С таким же успехом она бы назвала ребенка «Отчаянием». Называй как хочешь, выдала она, отвернулась и уснула. Спать, спать — больше она ничего не хотела. Это не было физическим недугом. Физически она оправилась через неделю, рубец от операции быстро заживал. В те времена даже диагноза такого не было — «послеродовая депрессия». Мать приехала к ней в Хэмпстед и сказала, что сама пережила то же самое после рождения Хелен, однако не стоит ныть и жалеть себя. Возьми себя в руки и займись ребенком. В конце концов, твой долг за тебя никто не исполнит.

Тут Бетти Вик ошибалась: место Урсулы с готовностью занял Джеральд. Но даже ему не под силу было справиться одновременно с младенцем и двухлетней девочкой. Пришлось искать няню. Как же ее звали? Джеральд, будто выходец из высшего класса, неизменно величал ее «няней», а Урсула скоро позабыла имя, потому что и мысленно, и вслух называла ее «та женщина».

«Та женщина» оказалась весьма компетентной, умелой, решительной и очень активной. Свое дело она знала прекрасно, к Урсуле отнеслась с плохо скрываемым презрением, но спустя тридцать лет — и, по правде говоря, через год — Урсула не винила «ту женщину», что та якобы похитила ее детей. Джеральд украл у нее любовь Сары и Хоуп. Перепечатывая «Впроголодь», она узнала, что произошло это не случайно — Джеральд все продумал и действовал по плану. Он сам рассказал об этом в книге.

Иногда Урсула гадала, как сложилась бы жизнь, последуй она совету Бетти и возьми себя в руки. Стань она сразу хорошей матерью. Но тогда депрессия накрыла ее черным покрывалом, Урсула укуталась в него с головой и крепко зажмурилась.

«Та женщина» не оставалась на ночь в доме, возвращалась к себе в Эджвер. Если бы Джеральд вернулся в супружескую спальню, для няни освободилась бы комната, но Джеральд отселился: как он объяснял — чтобы не тревожить Урсулу, когда встает по ночам к детям. Колыбель Хоуп он поставил возле кровати. Каждое утро приносил малышку поздороваться, прекрасно видел, с каким равнодушием встречает ее мать, и Урсула замечала на лице мужа удовлетворение — он был рад.

Сколько ошибок она совершила! Но, похоже, дело не в ошибках. Это же не экзамен. Депрессия сделала ее беспомощной. Она утратила интерес ко всему на свете, не хотелось даже двигаться, открывать глаза. Она не стыдилась своих «неправильных» чувств, была недостижима для стыда, для

любви, чувства вины или надежды. Мать заставляла ее мыться, а то бы Урсула и в ванную не ходила. Она исхудала и ослабла.

А потом депрессия рассеялась. Еще вчера она жила во тьме и отчаянии, а наутро вышла из тени на свет. Урсула почувствовала себя лучше, к ней вернулись бодрость и силы. Как и почему произошла эта перемена — непонятно. Когда ей стало лучше, когда она смогла подняться на ноги, пройтись по дому, то попыталась полюбить Хоуп, как Сару. Но Хоуп непрерывно плакала, у нее болел живот, после каждого кормления она отрывивала полупереваренное молоко, текла липкая слюна. Очередная глупость: Урсула призналась в своих чувствах Джеральду.

— Зато я люблю ее, — ответил он, — так что не беда.

— Это же ненормально — не любить своего ребенка. Такую малютку! Что со мной, Джеральд?

— Да, это странно, — согласился он, присматриваясь к ней, словно специалист к любопытному образчику. — Ты не похожа на мужчину, ведь обычно подобные чувства испытывают они. Многие отцы не любят младенцев.

— Многие, но не ты.

— Да. Тем лучше, верно?

Ей требовалось от него совсем другое: любовь, поддержка. Кто-то — вернее, Джеральд — должен был сказать ей: скоро ты полюбишь маленькую. Бери ее на руки каждый день, поставь ее кроватку в свою комнату, проводи с ней больше времени, обнимай, целуй. Но он попросту назвал Урсулу странной. Признал, что ее поведение ненормально. Ей представлялось: вот они сидят все вместе, например на большом диване в гостиной. Сара у нее на коленях, Хоуп на руках у Джеральда, но все рядом, все четверо тесно прижались друг к другу, они семья, единое целое. Тогда бы все наладилось, она бы полюбила младшую дочку, она бы стала счастливой. Если бы Джеральд любил ее, Урсула бы любила их всех.

Однажды она гуляла с Сарой, девочка упала, а когда Урсула наклонилась помочь ей, оттолкнула мать и заверещала:

— Хочу к папочке!

Собравшись с духом, Урсула спросила Джеральда, когда он вернется в их общую спальню. Ей понадобилось все мужество, чтобы задать этот вопрос. Какая нелепость: несколько дней репетировать слова, которыми собираешься призвать мужа на супружеское ложе! Разве ее мать поступила бы так? Или Хелен? Или Сирия Артур? Иногда в голову приходила безумная мысль: для жизни с Джеральдом нужен опыт, ей следовало побывать чьей-то женой до него. Тогда бы она знала, как наладить

отношения.

Эти слова она произнесла легким, дружеским тоном. Подумывала, не разыграть ли застенчивость или пококчетничать, но в конце концов предпочла спросить просто и как бы невзначай:

— Когда ты вернешься в нашу спальню?

— Каждую ночь приходится вставать к Хоуп, — ответил он.

— Мы услышим ее из нашей комнаты.

Джеральд промолчал. Она подумала — однажды ночью он сам придет. Постучит в дверь, пройдет по комнате, приблизится к кровати, где ждет его возлюбленная, как поступали мужчины в романах — только не в его романах. Когда она читала эротические сцены в его книгах, читала и перечитывала (тайком от самой себя), сердце начинало биться сильнее, Урсула чуть не падала в обморок. Неужели он сам проделывал все то, о чем писал? Но она не могла спросить Джеральда, она почти не осмеливалась задавать ему вопросы.

После рождения Хоуп она утратила сексуальное желание и думала, что оно уже не вернется. Посоветоваться ей было не с кем. Можно спросить врача, Хелен, Сирию, но только не мать. В молодости — ей было всего двадцать семь, но она уже рассуждала о молодости как о прошлом — Урсула не анализировала свои побуждения, мысли, страхи и надежды, но теперь заглянула себе в душу. Ей ведь оставалось только думать.

Она забросила борьбу за разоружение, после рождения Хоуп не посещала митинги, хотя и чувствовала легкий укол вины. Если американцы намереваются сбросить бомбу на русских, а русские отплатят им тем же, Урсуле их не остановить. Когда Хоуп исполнилось три месяца, приняли билль, узаконивший частные гомосексуальные отношения между взрослыми гражданами по взаимному согласию. И тут Джеральд оказался прав: перемены произошли без ее малейшего участия. Урсула перестала спрашивать, из какой страны импортированы яблоки и апельсины, покупала их без разбору и больше ни в каких кампаниях не участвовала.

Потом «та женщина» уволилась, ее сменила другая, которая только убирала дом. Детьми занимался Джеральд, они занимали почти все его время. Он писал книги — своей работе он посвящал не более трех часов в день, — возился с девочками, гулял с ними, играл, читал им вслух, даже купал. Читатели уже признали в нем выдающегося романиста, он обретал популярность, но в Хэмстеде, когда Джеральд катил по Хит-стрит двойную коляску с младенцем и двухлетней девочкой, на него оглядывались не из-за литературной славы. Как странно, что такой мужчина — высокий, к тому времени уже набравший вес, с длинными вьющимися черными волосами, с

таким чувственным лицом, полными губами, орлиным носом, пристальным, хотя и полускрытым нависшими веками взглядом — гуляет с детьми.

Иногда, глядя на Джеральда — а она часто смотрела на него, — Урсула удивлялась, почему природа наделила уроженца Ипсвича столь нетипичным для англичанина лицом. Испанские или португальские черты, а то и мавританские. Или, может, ирландские? На одежду он не обращал внимания, была бы удобная. Если бы в ту пору мужчины его возраста надевали джинсы, он бы носил их. А так водил девочек по Хит-авеню или к пруду Вайтстоун в старых фланелевых брюках, спортивной куртке и грязном шарфе вместо галстука.

Урсула оставалась дома одна, читала, размышляла. Однажды Хоуп улыбнулась и потянулась к ней — сердце матери растаяло. Произошло то, на что она уже не надеялась: Урсула полюбила младшую дочь. Это была горькая, безответная любовь. Хоуп относилась к матери не так уж плохо, позволяла ей обнимать себя, ласкать, целовать, но отец значил для нее в миллион раз больше. И для Сары тоже. Сара умела говорить — и, надо признать, довольно бойко для своего возраста. Всякий раз, когда у нее случались неприятности, в особенности если Урсула ее бранила, девочка заявляла:

— Не хочу тебя, хочу папочку!

Красивые девочки с большими глазами и длинными пушистыми ресницами, с безупречной кожей, похожей на лепестки цветка. Длинные черные локоны Хоуп вились точно виноградная лоза; она также унаследовала изогнутые губы и высокий лоб Джеральда. Обеим девочкам достался от матери короткий прямой нос, а Саре — ее веснушки и рыжеватые волосы. Они липли к Джеральду, словно котята к матери-кошке, обнимали за шею, прижимались щекой к щеке. Но он, со своей пышной гривой и широкой улыбкой, больше походил на отца-льва.

Странные подозрения посещали Урсулу. Ей снился сон: Джеральд в толпе детей. Он был раньше женат и в первом браке имел невероятное количество отпрысков. Сон упорно преследовал ее, и Урсула, в очередной раз отрепетировав диалог, решила спросить Джеральда, где он научился обращаться с детьми.

— Просто нам хорошо вместе, — ответил он.

— Но ведь у тебя не было братьев и сестер?

— Тут судьба меня обделила, — произнес он тем холодным, официальным тоном, к которому все чаще прибегал в общении с женой. Медвежонком он уже давно ее не называл.

И в спальню к ней не вернулся. Всем известно, что сексуальная потребность у мужчин сильнее, чем у женщин, с этим согласятся все, даже те, у кого нет опыта, даже ее мать говорила что-то в этом роде. Что же случилось с Джеральдом? Или все силы уходили на заботу о детях? Урсула взялась за пособия по сексу и популярной психологии. Ведь к ней желание вернулось, она истомилась.

Она перепечатывала «Вестника богов». Главная героиня, вдова Энни Рейли, терзалась всепоглощающим желанием, но, как порядочная женщина той эпохи и того общества, не имела возможности удовлетворить его. Урсулу изумило — и даже огорчило, — как хорошо Джеральд понимал физические потребности женщины, ее страсть. Жутковато было читать о человеке, чья жизнь и чувства так походили на ее собственные. И почему, негодовала Урсула, почему Джеральд так обращается с ней, раз он все понимает? Лишь спустя несколько лет, дважды перечитав роман, она догадалась: Энни Рейли и была Урсулой Кэндлесс.

В старой иллюстрированной энциклопедии для детей Сара нашла фотографии и рисунки мальчиков тридцатых годов. «Чудеса знания» в двенадцати томах подарили бабушке Фабиана Лернера на ее десятый день рождения. Мальчики во фланелевых брючках до колен, в полосатых блейзерах и полосатых галстуках. В отличие от Уильяма Брауна, созданного фантазией Ричмал Кромптон^[11] (как ни странно, с ней Хоуп была близко знакома), в помещении они снимали свои полосатые шляпы.

Так выглядели мальчики Эпплстоунов. Так, должно быть, выглядел в детстве и ее отец. Сара пыталась представить, как Дон и Кен приходили в гости в дом на Ватерлоо-роуд, в дом без центрального отопления, холодильника, стиральной машины, посудомойки, телевизора (разве что радио имелось), без ковров, только грубые половики на линолеуме, камин, может быть, газовая плита, оконные рамы оклеены плотной бумагой, все семейство принимает ванну раз в неделю. С помощью бабушки Фабиана Сара воссоздавала прошлое. Кроме того, она поискала в телефонном справочнике Челмсфорда К. Эпплстоуна, но безуспешно.

Эпплстоунов не было вообще. Это оказалось редкое имя, не то что Эпплтон или Эпплби. В архиве, правда, Кеннет Эпплстоун обнаружился. Вновь навестив Сент-Кэтрин, Сара убедилась, что в 1925 году на свет появился Кеннет Джордж Эпплстоун, второй сын Чарльза Эпплстоуна и Дороти Эпплстоун, урожденной Митчелл. Начиная с 1943 года она искала запись о его браке, но не нашла, как и записи о смерти. У Джоан Тэйг не осталось фотографий мальчиков Эпплстоунов, и лишь воображение Сары превращало Кена в высокого смуглого мальчишку с темными глазами и

черными курчавыми волосами.

Наконец Сара сообразила — об этом догадался бы и ребенок, но до Сары дошло только сейчас: рассматривать Кена Эпплстоуна в качестве кандидата на роль Джеральда Кэндлесса можно только в том случае, если не отыщутся следы самого Кена. Чем труднее найти его, тем больше вероятность, что он и есть ее отец.

В тот вечер Сара обзвонила всех Эпплстоунов из лондонского телефонного справочника. Их было не так много, и только с последним номером ей повезло: подошедшая к телефону женщина сказала, что ее отец упоминал кузенов Дональда и Кеннета, а больше всего про них знает другая кузина, Виктория Андерсон, проживающая в Эксетере. По справочнику Сара нашла телефон кузины, набрала номер и услышала автоответчик. Она наговорила свое имя, номер, кратко изложила суть дела и положила трубку. Через полчаса телефон зазвонил.

— Мисс Сара Кэндлесс?

Голос оказался не женским, однако Сара по инерции переспросила:

— Виктория Андерсон?

— Нет, а вы ее ждали? Увы! Меня зовут Джейсон Тэйг, хотя лучше бы меня звали иначе, сами понимаете. Я внук Джоан.

После ее визита в Ипсвич прошло три дня, но Сара была уверена: юноша собирается прочесть ей мораль. С какой это стати вы являетесь в дом и нервируете мою бабушку? Она уже старенькая, слабая...

— Чем могу помочь, мистер Тэйг?

— Джейсон. Будьте так добры. Меня еще никто не называл мистером Тэйгом. В жизни такого не было. — У него не саффолкский акцент, подумала Сара, скорее «диалект устья Темзы», как говорилось в восьмидесятые годы. — И потом, я сам хотел бы вам помочь.

Она удивилась:

— Вы можете что-то сделать для меня?

— Пока не знаю. Надеюсь. Бабушка рассказала про вас и вашу работу. Впервые узнал, что у нее был младший брат, который умер в детстве. Да что там, мой отец и тот не знал об этом. — Джейсон помолчал и продолжил уже увереннее: — Дело в том, что мне нужны деньги. Я, знаете ли, студент, а это значит...

— Я знаю, — сказала она, — я преподаватель.

— Ну да. Я тут подумал: а что, если я займусь поисками вашего отца? Узнаю, кем он был. У меня получится. Я знаком с этими местами. Увы, знаю их с детства. Если он отсюда, я его вычислю, — да и кто лучше меня сумеет выжать сведения из Джоан?

— Вы ожидаете получить за это деньги?

— Ради денег и берусь за работу, — простодушно отвечал он.

Только теперь Сара удивленно осознала, как устала от этих попыток выяснить прошлое отца. Все надоело: телефонные звонки, поездки к незнакомым людям, поиски в архиве. Первоначальное радостное возбуждение пропало. Это ее отец, она всегда его любила и почитала, а теперь опасалась, что он окажется человеком, не заслуживающим даже уважения.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте. Вам нужен письменный контракт?

— Ага, так будет лучше. Я готов поверить на слово — но ведь это не по-деловому, верно? Пришлите мне контракт и всю информацию об отце, какая есть.

На следующий день Сара собрала все бумаги: ксерокопии свидетельства о рождении отца, справок из «Уолтамстоу Геральд», «Вестерн Морнинг Ньюс» и архива Тринити. В сопроводительном письме она скрепя сердце сообщила предварительные выводы: какой-то человек, вероятно профессиональный журналист, вероятно уроженец Ипсвича, проживший там до десяти лет, летом 1951 года в возрасте примерно двадцати пяти лет принял имя Джеральда Кэндлесса.

Он учился в каком-то университете, но не в дублинском Тринити. Он, вероятно, служил в армии во время Второй мировой войны. В молодости у него были черные волосы, глаза карие. Ни шрамов, ни других «дополнительных примет», как указывалось в старых паспортах. Ее передергивало, когда она писала все это незнакомому напористому молодому человеку с вульгарным выговором. Нетрудно представить его внешность: приземистый, толстенький, гены толстощеких Кэндлессов (настоящих Кэндлессов) восторжествовали над генами Тэйгов, плохая кожа, круглые очки, жидкие коричневатые волосы до плеч.

Она писала:

Отец часто говорил, что вложил всю свою жизнь в книги, разумеется отбирая и преображая события, как это обычно делают писатели, когда включают в свой текст автобиографические эпизоды. Полагаю, вам это известно. (С какой стати? Можно подумать, ее студенты в этом разбираются). Вероятно, некоторые страницы его книг могут послужить вехами в Ваших поисках. Я бы рекомендовала Вам прочесть «Бумажный пейзаж», где

отец весьма реалистично описывает жизнь большого ирландского семейства. Читатель готов принять этот вымысел за истину.

Полезно будет также заглянуть в его первый роман, «Центр притяжения». Здесь юноша восемнадцати лет служит на флоте у берегов Северной Ирландии, а потом — на Дальнем Востоке. Возможно, Вы давний поклонник моего отца и у Вас есть эти книги, но если нет, я охотно вышлю их.

Едва Сара вернулась домой, отнеся письмо на почту, как зазвонил телефон — это была Виктория Андерсон, Андерсон по мужу, в девичестве Эпплстоун, дочь Томаса, младшего брата Чарльза Эпплстоуна. Дональд и Кеннет приходились ей двоюродными братьями, но были намного старше. Дорин, которую Джоан Тэйг помнила крошкой, исполнился уже двадцать один год, когда родилась Виктория.

Сара быстро поняла, что имеет дело с фанатиком генеалогии, который интересуется своими корнями столь же страстно, насколько сама Сара к ним равнодушна. Виктория Андерсон тщательно выстроила оба фамильных древа, по материнской и отцовской линии, и сокрушалась, что не смогла продвинуться дальше 1795 года. Для таких людей нет ничего хуже, чем невозможность установить имя двоюродной прапрабабки, вышедшей замуж в 1820 году, или младенца, появившегося на свет в 1834-м и скончавшегося через два дня.

Пока Сара размышляла о причудах людей, коллекционирующих родственников, Виктория Андерсон перечисляла всех представителей линии Митчеллов и Тэйг, не пропустив ни одного из восьмерых детей, рожденных Дорин от двух супругов.

— А что насчет Кена Эпплстоуна? — подстегнула ее Сара.

— Он эмигрировал в Канаду.

— Когда именно?

— Кен? А разве вас не Дон Эпплстоун интересует? Вроде бы вы о нем упоминали, когда говорили на автоответчик, или я перепутала? Дон женился в 41-м. Ему было всего девятнадцать, но он женился и успел родить сына Тони, прежде чем его убили в Египте. Тони намного меня старше, но мы поддерживаем отношения...

— Когда эмигрировал Кен?

— В пятьдесят первом. — Должно быть, у Виктории все записано. Хранится в компьютере, в файле семья. doc. — Он уехал в Канаду в

пятьдесят первым. В тот год, когда я родилась.

— Значит, о нем вы узнали от других людей?

— Ну конечно. Мама рассказала, что Кен уехал, хотя она и не была с ним знакома. Папа знал его. Он умер десять лет назад, мой папа. А Кена я пыталась разыскать.

Еще бы ты не пыталась, усмехнулась Сара.

— Как вы его искали?

— У меня есть подруга в Монреале. Я попросила ее проверить телефонные справочники. — Даже голос у Виктории изменился, сделался резким, напористым: — К сожалению, мы так ничего и не узнали. А ведь у него наверняка есть жена, дети. Терпеть не могу, когда у меня в генеалогических таблицах остаются пустые места!

Мне тем более неприятно, подумала Сара и нетерпеливо переспросила:

— Значит, с 1951 года всякий контакт с Кеном утрачен?

— Можно, пожалуй, и так сказать. Да, с 1951 года о нем ничего не известно.

Поскольку Сара понятия не имела, каким образом составить контракт с Джейсоном Тэйгом, то обратилась за помощью к Хоуп.

— Я подготовлю тебе бумагу, — вызвалась Хоуп.

— Правда? Спасибо. Я знаю, тебе это не нравится...

— Не нравится, но раз уж на то пошло, лучше я присмотрю, чтобы все было как надо.

— Хоуп, говорил ли папа, что хоть одна его книга основана на подлинных событиях? Все, им написанное, связано с личным опытом или наблюдениями — но использовал ли он реальные исторические события, как те авторы, которые описывают Крымскую войну или гибель «Титаника»?

— В «Центре притяжения» сбрасывают атомные бомбы на Японию. Этот моряк, Ричард, чувствует за собой вину, потому что бомбы спасли ему жизнь и не придется участвовать во вторжении в Японию. И еще «Белая паутина». Критики говорили, она основана на реальных событиях, а папочка не соглашался.

— Я была в отъезде, когда он ее опубликовал. В Америке. Разумеется, я читала этот роман.

— Критики называли его триллером и говорили, что там описано убийство в Хайбери, в 1960 или 1961 году, кажется.

— Чересчур поздно. На целых десять лет. И потом, в этой книге никто не меняет имя, верно?

— Ничего подобного там нет, — твердо ответила Хоуп.

Джекоб Мэнли не отличался кротостью, но когда кто-то из его знакомых умирал, он всегда говорил, что этого человека ждет награда, а не кара.

«Глаз на закате»

Тридцать лет прошло с тех пор, как Урсула в последний раз виделась с Джин, первой женой брата. Урсула вспоминала ее только по одному поводу. Джин исчезла из ее жизни, как исчезает сводная родня из-за развода или смерти. В данном случае — развода. А теперь Джин умерла.

Она прожила достаточно долгую жизнь — Джин на несколько лет старше Яна, а значит, ей было за семьдесят. Письмо Яна застало сестру врасплох, она не сразу узнала почерк на конверте: они изредка общались по телефону и обменивались открытками на Рождество, которые подписывала вторая жена Яна, мать его детей. Когда Джеральд умер, Ян позвонил сестре, но не явился ни на похороны, ни на поминки. И вдруг — письмо. Значит, что-то стряслось.

О Джин Ян писал с сожалением, но без раскаяния. Джин так и не вышла опять замуж и прожила много лет с овдовевшей сестрой. Она умерла три недели назад. Ян на похороны не пошел и был уверен, что ни Урсула, ни Хелен присутствовать не захотят. Сидя за кухонным столом и перечитывая это письмо, Урсула пыталась припомнить, какой была Джин, представить ее лицо, черты, цвет волос, но не получалось. Вышел какой-то расплывчатый образ: измученное, напряженное лицо, темные волосы с проблесками седины, сцепленные, дрожащие руки. Единственное, что она помнила отчетливо, — как Джин, редко общавшаяся с золовкой, можно сказать чужой человек, пришла в 1968 году в Холли-маунт поделиться с ней горем.

Через три года Джин и Ян развелись, и Ян женился на той женщине, о которой Джин поведала Урсуле. Почему она доверилась ей? Урсула так и не поняла. Может, Джин побоялась довериться близким — родным и друзьям. Или она, как Хелен и даже Бетти Вик, считала, что, став женой писателя (художника, человека творческого, представителя иного мира), Урсула вошла в элиту интеллигенции? Получила дом в наимоднейшем и наименее

пригородном пригороде и стала искушенной светской дамой, которая знает ответы на все вопросы и может найти выход из любой, самой немыслимой ситуации?

Ибо для Виков и их среды супружеская измена была немыслима. Если они и заметили сексуальную революцию шестидесятых, она никак их не затронула. Зато она — или что-то иное — коснулась Яна Вика и толкнула его на прелюбодеяние. Новость принесла Джин, и иначе, как прелюбодеянием, она это не называла. Ян влюбился в молодую кассиршу в своем банке, проводил с ней ночи, уезжал на выходные, а теперь решил жениться.

Конечно, Урсула ничем помочь не могла. Но когда Джин поведала, что Ян перестал заниматься с ней любовью, сердце Урсулы болезненно сжалось. Джин выложила все, ничего не скрывая, — Ян не желал спать с ней в одной постели, постоянно исчезал, ничего не объясняя, словно у него появился какой-то другой источник счастья. Впрочем, так оно и было. Урсула слушала, не зная, что сказать, и думая лишь о схожести ситуаций. Когда Джин уехала (взяла такси до Сайденхема, пусть Ян платит!), Урсула удивилась, как раньше этого не видела.

Джеральд больше не хочет ее, он нашел себе кого-то еще. «Кто-то еще» — так выражалась Джин, пока, разойдясь, не стала называть имя. Урсула, научившаяся следить за своими словами и оборотами речи, сочла это выражение нелепым и комичным: почему такое сочетание местоимения с наречием обозначает внебрачную связь? Но и «другая женщина» — столь же смешно. И все-таки, похоже, есть эта женщина, девушка, любовница, содержанка — «кто-то еще», разрушающий ее брак Джеральд вел себя так же, как Ян, разве что реже уходил из дома.

Он почти всегда брал Сару и Хоуп с собой. Насколько Урсула знала, он не возил их только к редактору, но в издательстве Джеральд бывал не часто. Неужели он водит дочерей к любовнице?

«Бумажный пейзаж» вышел в 1968 году, и Джеральд тут же сел за следующую книгу. В этом же году он получил должность помощника литературного редактора воскресной газеты. Каждую неделю в дом приходила стопка книг на рецензию, так что Урсуле хватало чтения. Она прочла столько романов, что — в шутку, разумеется, пытаюсь завести разговор о том, что Джеральд знал и любил, — предлагала включить ее в жюри только что учрежденной Букеровской премии.

— Другие судьи будут возражать, — сказала он.

Она не сразу поняла почему. Ей не хотелось понимать.

— Потому что я твоя жена?

— Потому что ты ничего в этом не смыслишь.

В другой раз, застав Урсулу за чтением книги, которую он разбирал в предыдущем воскресном номере, Джеральд спросил, понимает ли она что-нибудь.

— Думаю, да, — пробормотала Урсула, напряженно ожидая очередного оскорбления.

Он смерил ее взглядом с ног до головы — у него недавно появилась такая манера. словно дизайнер — модель в его новом платье. Однако внешность Урсулы его больше не интересовала — Джеральд высматривал нечто иное, что именно — она не знала.

— Может быть, мне, — заикнулась она, — почитать твоё ревью?

Лицо мужа потемнело.

— «Ревю», — передразнил он. — Тоже мне, француженка! Пытаешься произвести впечатление? Называй это критической статьёй или рецензией. «Рецензия» — вроде нетрудно усвоить?

Название нового романа Джеральд знал ещё до того, как приступил к работе. Написав первые две главы, он попросил Урсулу их перепечатать. На этот раз он не принимал её работу как нечто само собой разумеющееся, уточнил, возьмётся ли она. Почему? Пытается задобрить?

В доме на Холли-маунт Урсула не имела своей комнаты. Дом стал маловат для семьи, столовая превратилась в кабинет Джеральда. Однажды вечером Урсула читала в гостиной, дети уже спали: Джеральд напоил их чаем, выкупал и уложил в постель. Урсуле хотелось вернуть себе часть материнских обязанностей, но для этого пришлось бы силой отрывать девочек от Джеральда.

Сама мысль об этом была мучительна, и Урсула поспешила её отогнать. Итак, Джеральд накормил дочек, выкупал, рассказал сказку на ночь и в половине восьмого сел за работу. Около десяти вечера он вошёл в гостиную с пачкой бумаг, даже не выровнял листки, так охапкой и нес, протянул их Урсуле и попросил сделать «то, что ты так любезно делала и раньше». Урсула ушам своим не поверила.

— Назову её «Вестник богов», — пояснил он. — Сможешь привести это в порядок, Урсула? Разобрать мой почерк?

Впервые за много месяцев он обратился к ней по имени. Урсула не сумела выдавить улыбку, но протянула руку к бумагам. Лицо Джеральда светилось вдохновением, он даже помолодел. Урсула понимала: он доволен, счастлив, придумал название, написал две главы, всё получилось. Это и есть его жизнь, вся его жизнь: работа и дети. Он поделился радостью с Урсулой, потому что хотел хоть с кем-то поделиться. Конечно, он бы

предпочел рассказать о своей удаче кому-то другому — той женщине, любовнице, но ее рядом не было.

— Завтра же начну, — пообещала Урсула.

Она разбирала одну главу за другой, ожидая наткнуться на свидетельство супружеской измены. К тому времени она уже слышала (точнее, прочла его слова в интервью), что Джеральд превращает всю свою жизнь в книги. Однако в этом романе ничего не нашла. И тут она сообразила: Джеральд никогда не описывал измену. Он вообще редко писал об отношениях в браке, лишь мимоходом затрагивал их, и (хотя на тот момент Урсула не могла это предвидеть) это правило, или запрет, соблюдалось и в дальнейшем. Джеральд почти ничего не написал о браке и супружеской жизни вплоть до рокового романа «Впроголодь» в 1984 году, и даже в этой книге, где секс и половой акт играли важную роль, где рассказывалось о несовместимости супругов, конфликтах, отсутствии счастья, до неверности дело так и не дошло.

Ранней весной 1969 года, когда Урсула перепечатывала первые главы «Вестника богов», роман «Впроголодь» пребывал в неведомом будущем. Пока что она обнаружила Энни Рейли, содрогнулась, прочитав о томлении, терзающей одинокую женщину, и тщетно искала историю измены. Однако отсутствие адюльтера в этой книге могло означать всего-навсего, что это опыт — этот новый опыт Джеральд приберегает на потом, для следующей книги. Урсула печатала роман и следила за Джеральдом. Все еще казалось совпадением, что Джеральд описывает женщину, страдающую от неудовлетворенного желания, когда его жену гнетет то же самое.

Тем не менее Урсула решительно пресекла поползновения молодого поэта, приглашенного Джеральдом на ужин. Поэт последовал за ней на кухню, а Джеральд с Колином Райтсоном и Битти Пэрис остались в столовой обсуждать кандидатов на «Букера». Она ответила на поцелуй, но на этом остановилась и сказала: нет-нет, она никуда не сходит выпить, не будет встречаться с ним, нет и нет. В ту ночь Урсула, которая никогда не делала ничего подобного и не умела, мастурбировала. Это помогло ей уснуть.

Она следила за Джеральдом. Прислушивалась к каждому слову. Одержимость начала вытеснять любовь. Урсула постоянно думала о муже. Если он водит девочек к «леди», этот секрет можно выпытать у них. Презирая сама себя, она унизилась до расспросов.

— Папочка водил нас к мисс Черчхауз, глупенькая, — сказала Сара.

Только не Адела, которая откровенно предпочитает женщин. Не Адела, грозившая приковать себя наручниками к перилам парламентского здания,

чтобы добиться реформы законодательства в пользу гомосексуалистов. Даже ослепнув от ревности (Урсула не могла это отрицать), она бы не смогла поверить, что Джеральд спит со страшной пятидесятилетней бабой, любительницей прозрачных одеяний и крупных бус, которая имела обыкновение снимать в гостях лифчик и оставлять его ухмыляться в чужой ванной.

Нет, это не Адела. Урсула следила во все глаза, прислушивалась к каждому слову мужа. Стала сидеть в детской, когда Джеральд рассказывал сказку на ночь, словно из этих сказок могла что-то почерпнуть. Наверное, Саре и Хоуп она досаждала, но девочки не гнали мать, только велели сидеть тихо и не отвлекать попытками навести порядок и собрать игрушки.

Джеральд рассказывал детям истории с продолжением. Сейчас, спустя двадцать восемь лет, Урсула не могла вспомнить, какую именно сказку он сочинял той весной, когда Саре исполнилось три, а Хоуп всего полтора года. Хоуп, хоть и слишком маленькая, все равно старалась уследить за ходом событий. Только в эти четверть часа перед сном непоседа умолкала. Но какой сюжет Джеральд излагал тогда, Урсула почти забыла. В одной сказке вроде бы речь шла о старике, который посылал почтового голубя маленькой девочке на другой конец страны, а вторая сказка была о помощнике трубочиста — злой хозяин заставлял мальчика протискиваться в каминные трубы. Последний сюжет напоминал «Водяных детей»^[12] Чарльза Кингсли, не говоря уж о стихах Блейка из «Песен невинности», но их Урсула к тому времени еще не читала.

В сказках ни словом не упоминалась «другая женщина». Неужели Урсула в самом деле на это рассчитывала? Просто смешно!

Джеральд не стеснял ее в средствах. У них был общий банковский счет, и он не проверял, на что она тратит деньги. Если он и замечал ее расходы, то ни слова не говорил. По-видимому, деньги его особо не интересовали. Он часто говорил, что ему хочется обзавестись хорошим домом, поселиться в уютном жилище и в красивом месте. Вот и все, для чего Джеральду требовались деньги. Он не собирался путешествовать за границу, не любил театр, терпеть не мог оперу. Иногда Джеральд покупал книги, но большую часть его библиотеки составляли подарки. Один издатель прислал «Британику», другой — полный Оксфордский словарь. Они ездили на «моррисе», поскольку эта машина удобна для перевозки детей с колясками и прочим скарбом. Одежду Джеральд предпочитал удобную и приличную; он двадцать лет не снимал с руки одни и те же часы.

Но его жена могла брать столько денег, сколько требовалось, и

располагать ими как заблагорассудится. В тот год, в апреле, ей заблагорассудилось нанять частного детектива.

Она не входила в эту комнату до самой его смерти. Иногда Урсула задумывалась: как странно прожить двадцать семь лет в доме с запертой комнатой, с комнатой, куда тебе ни разу не довелось войти, чьих очертаний и размеров ты не помнишь, обстановку не смогла бы описать. Комната Синей Бороды, то ли пустая, то ли забитая кровавыми уликами. Но Урсулу больше не мучило любопытство. Лишь однажды, спустившись в сад по тропинке с утеса, она подошла к той части дома, где располагалась спальня Джеральда, и посмотрела вверх на окна, впервые заметив, что это угловая комната, одно окно выходит на север, а другое — на запад.

Это помещение убирала Дафна. Дафна меняла постельное белье. Эта старая дева, живущая с сестрой, тоже одинокой, и матерью, вдовой уже с полвека, ни разу не спросила, почему муж с женой спят в разных концах дома. Может быть, это ее не удивляло. Наверное, она и не знала, как полагается жить супругам. Она прибиралась, распевая «Утюг так и летал в ее руках», меняла белье и называла эту комнату «спальней мистера Кэндлесса», поскольку Джеральд так и остался для нее «мистером», хотя Урсула давно сделалась просто Урсулой.

Похоже, старая миссис Бетти по-викториански остерегалась ночного воздуха и вообще сквозняка: ее дочь никогда не открывала окна, а если замечала открытую форточку, спешила ее захлопнуть. Сейчас Урсула распахнула все рамы и фрамуги и высунулась по пояс из западного окна. Перед ней простиралось темно-серое море, размотанный рулон мятого шелка, лежащий неподвижно, словно не касаясь плоского бесцветного берега. Вдалеке неплотной дымкой висел туман, скрывая только остров вдали.

Ставни на окнах. Лоскутное одеяло на кровати, покрывало в белоголубую полоску, две подушки в белых наволочках, простой деревянный стеллаж с парой сотен книг в мягких обложках, высокий комод, кресло с прямой спинкой. Ей показалось, что встроенный шкаф она помнила с тех пор, как последний раз входила сюда, почти тридцать лет назад, но такой шкаф есть в каждой комнате, так что наверняка не скажешь.

Две картины, одна напротив окна, выходившего на север, другая возле двери, неприятно поразили Урсулу. Она давно переросла наивные девические представления, что в спальне вешают приятные картинки — если не котят и щенков, то хотя бы лилии Моне или яркие солнечные пейзажи. Но все же не могла не поразиться извращенности ума или вкуса покойного супруга — на одной стене он разместил «Темницы

воображения» Пиранези, а на другой висело изображение маяка с бушующим морем и низко нависшими тучами.

Надо заняться его вещами. Прошло три месяца после смерти Джеральда, а Урсула даже не подумала о том, как распорядиться оставшейся одеждой. Совершенно забыла. Открыв дверцу шкафа, она оглядела гардероб мужа: мешковатые брюки, бесформенные куртки, два поношенных твидовых костюма, тяжелую темно-серую дубленку. Пахло слежавшейся шерстью. Раньше одежду покойника распродавали на блошином рынке. Теперь ее сдают в благотворительную комиссионку.

Она вынимала из шкафа вещи Джеральда и раскладывала их на кровати. Когда шкаф опустел, Урсула вытерла изнутри пыль и снова затворила дверцы. Картины она отнесла вниз, поскольку для гостевой спальни они не годились. На обороте пейзажа с маяком стояла подпись: Август Стриндберг.^[13] Хотя Урсула изучала в колледже историю искусств, до сих пор она понятия не имела, что Стриндберг еще и рисовал. Урсула отнесла обе репродукции в кабинет и оставила их там, прислонив к стене. На стены спальни повесила пейзаж из своей комнаты и «Вечерний свет» Роберта Дункана, невинную и милую жанровую сценку — девочка в белом сгоняет гусей с клумбы роз. Кто-то подарил эту картину Хоуп, когда той было двенадцать.

Одежда оказалась тяжелой, и Урсула перенесла ее в три приема. Оставила на кухне, чтобы уложить в багажник и отвезти в «Оксфам»,^[14] когда в следующий раз отправится за покупками. Прежде чем избавиться от старой одежды, нужно проверить карманы — черный юмор, ведь именно в такой ситуации жена или вдова натывается на неожиданные доказательства измены, любовную записку десятилетней давности. Урсула сухо усмехнулась: она знала, что ничего подобного в карманах у Джеральда не найдет.

Решив подождать с проверкой, она сложила вещи в большой пластиковый пакет и запихала в кладовку со швабрами, подальше от дочерей.

Полин сразу стала возражать: почему это ее не поселят в комнате Сары, где она спала в прошлый раз? Услышав, что обе кухни приедут на выходные, особой радости не выразила.

— Я не знала, что у вас есть запасная спальня, — пробурчала она. Наверняка вспомнила, как в детстве спала в маленькой комнате на первом этаже, которую Урсула позднее сделала своим кабинетом, или в комнате девочек.

Урсула улыбнулась и промолчала. Даже сейчас, спустя столько лет, ей причинило боль невысказанное, но явное предположение Полин, будто они с Джеральдом спали в одной комнате, если не в одной постели. На пороге гостевой спальни Полин огляделась, одоблив вид из окна и «Вечерний свет», но не все остальное:

— С этих книг давно пора вытереть пыль, Урсула!

Имя она выговорила четко, чтобы подчеркнуть: тетушкина просьба не забыта, больше она не зовется «тетей». Но вдруг уставилась на Урсулу так, словно увидела после долгой разлуки, словно та не встречала ее на станции в Барнстепле, не ехала вместе в машине, не вошла в дом бок о бок с ней:

— Ты подстриглась!

— Три месяца назад, — уточнила Урсула.

Вечером после ужина Полин вспомнила свой предыдущий приезд и планы Урсулы поработать дежурной няней в отеле. Урсула забыла, о чем рассказывала ей: только о том, как Джеральд запретил ей работать, или также о том, что после его смерти она решила осуществить свое желание. Лишь заговорив о работе, сообразила, что Полин понятия не имеет о переменах в ее жизни.

— Ты все-таки сделала это!

Надо же, как она шокирована, даже возмущена. Можно подумать, тетка выставляет свое тело на продажу на улицах Ильфракомбе.

— Я вот что подумала, — продолжала Полин. — Брайан всегда говорил, что из меня вышел бы отличный психолог. Ты ведь была не слишком близка с девочками, верно? Должно быть, теперь нянчишь чужих детей в порядке компенсации.

В яблочко, мрачно отметила про себя Урсула. Вскоре они легли спать. Неприятно выслушивать подобные рассуждения на ночь глядя, они лишают сна. После свидания с Сэмом Флемингом Урсула не возвращалась в «Дюны» и знала, что с этим покончено. Вопреки всему она ждала звонка от него, хотя сама же и оттолкнула. Она рассчитывала на звонок с извинениями, попыткой объясниться, но напрасно. Если бы Сэм позвонил, она бы вернулась в отель, она бы снова сидела с чужими детьми, несмотря на то что его внуки уже не вернутся — скорее всего, не вернутся никогда. Нелепо, абсурдно, но так она решила и ничего с собой поделывать не могла. А теперь сезон закончился, отель почти опустел, будет еще кратковременный прилив гостей на Рождество, потом гостиница закроется на три месяца.

Урсула прекрасно понимала: ничто не вызывает такой враждебности, как меткие замечания насчет неуместности твоего поведения, напоминание о неприятной истине, которую пытаешься скрыть даже от самой себя. Ее

переполняла злость на племянницу. Конечно, это пройдет, но ей доводилось и раньше переживать такое. Так глубоко в чужую душу Полин еще ни разу не заглядывала, ограничиваясь, как правило, репликами насчет внешности или привычек, но и этот комментарий, как теперь понимала Урсула, неизменно попадал в цель и задевал болевые точки. Даже смешно — ведь Полин рассуждала об этом в нежном возрасте, а ребенку, во всяком случае по мнению Джеральда, полагается все прощать.

Впервые Полин явилась погостить к родственникам в судьбоносный 1969 год. Урсула именовала его судьбоносным — последний их год в Хэмстеде, год, когда Ян разошелся с женой, когда «Вестник богов» ознаменовал, как утверждали издатели, прорыв Джеральда Кэндлесса на уровень уже не просто хорошей, но великой литературы. Год частного детектива. Полин приехала в августе: у нее еще не закончились каникулы, а Хелен попала в больницу, ей удалили матку. Джереми отправился к бабушке по отцу, он был ее любимчиком.

Полин исполнилось десять лет. В этом возрасте девочки обожают возиться с малышами, играть с ними, гулять, присматривать. К тому же Полин была крупным ребенком, выглядела года на два старше своего возраста, возможно, и внутренне была взрослее. Мать торопилась превратить ее в девушку, рано заставила носить еще ненужный бюстгальтер, остригла косы, вдела в уши серьги. Хелен полагала, что чем раньше девочка ощутит себя женщиной, тем лучше.

Урсула почти не виделась с племянницей после того инцидента с обручальным кольцом, когда малышка Полин поднесла ей перстень на стебле цветка, и вряд ли узнала бы ее, а Джеральд совсем ее не помнил. Когда Полин предложила вывести девочек погулять, он отказал наотрез: ни за что, ни в коем случае. В ту пору боялись дорог, оживленного движения, а не маньяков и похитителей детей. Зато он нисколько не возражал против того, чтобы Полин развлекала детей дома, поскольку давно уже не рассчитывал на то, что ими займется мать.

Если бы не Полин, разве решился бы Джеральд на беспрецедентный шаг: отлучиться из дому более чем на сутки, на день, ночь и половину следующего дня? Разве смог бы он уехать — даже не один раз, а дважды, — если бы дома не оставалась эта терпеливая, расторопная, готовая помочь девочка, ревностно заботившаяся о его дочерях?

К тому времени частный детектив уже больше месяца висел у Джеральда на хвосте. Стоил он дорого, а информации никакой не добыл. Урсула рассчитывала заполучить бесстрашного стрелка, вроде Филиппа Марло, и удивилась, куда же она, собственно, попала, когда поднялась по

простой деревянной лестнице в помещение над театральной костюмерной, на окраине Сохо. Там в прокуренном офисе она встретилась с двумя достойными джентльменами средних лет и с согбенной седовласой секретаршей, годившейся обоим в матери, — она действительно оказалась матерью одного из них.

Дикки Парфитт был человек городской, вежливый и компетентный. Чересчур компетентный: он сразу вообразил, что это «разводное дельце», как он выражался. Они с мистером Калленом занимались в основном разводами. Урсуле пришлось объяснить, что она просто желает знать, куда отлучается ее муж, но разрушать брак не намерена. Однако позже, спускаясь в метро, она обдумывала слова мистера Парфитта. Он подал новую идею.

Через неделю она получила первый отчет, в котором Джеральд именовался «объектом». Хорошо хоть не «мистер Х». Дикки Парфитт следовал за ним по пятам, когда Джеральд гулял с Сарой и Хоуп. Прошел вместе с ним через весь Хэмстед, до пруда, где Джеральд (подобно Шелли) мастерил бумажные кораблики и пускал их в плавание, до парка Голдерс-Хилл, где отец и девочки смотрели на гусей с павлинами, до Финчли-роуд, где они покупали мороженое. В другой раз он добрался до Кэнфилд-Гарденс в Восточном Хэмстеде и вместе с детьми на несколько часов зашел в какой-то дом. Мистер Парфитт гордился своим открытием, но Урсула знала, что Джеральд навещал университетского профессора и поэта Битти Пэриса, чья подруга Мэгги воспитывала двух дочерей — сверстниц Сары и Хоуп.

Так было, пока не приехала Полин. Полин решила, что дядя Джеральд с коляской, в которой сидит Хоуп, выглядит забавно, и не преминула заявить об этом вслух.

— Мой папа говорит, это женское дело, — сказала она.

Джеральд рассмеялся. Он не рассердился, он вообще большую часть афоризмов этой девчонки воспринимал так, словно ее устами глаголет сама мудрость. Понаблюдав, как дядя сидит с Сарой на одном колене и с Хоуп на другом, нежно обняв обеих, она вновь сослалась на мнение своих родителей:

— Моя мать говорит, дети могут перевозбудиться.

— В самом деле? — со смехом переспросил Джеральд. — И что же тогда будет? Они начнут вещи ломать или истерики закатывать? Что они натворят?

Ответа на этот вопрос у Полин не нашлось, но на дядю и двоюродных сестер она взирала с неприкрытой завистью. Чуть позже она подошла

вплотную к его креслу. Облокотилась на спинку, потом переместилась так, чтобы прижаться к плечу Джеральда. Он рассказывал дочерям историю про помощника трубочиста. Пятнадцатая серия или что-то в этом роде. Полин стояла и слушала.

Кресло было большое. Джеральд тоже. Места хватало для всех. Джеральд заглянул в печальное личико.

— Присоединяйся, перевозбудишься вместе с нами, — предложил он.

Он подсадил Хоуп на подлокотник, чтобы ее щека соприкасалась с его щекой, и освободил для Полин место на коленях. Теперь он одной рукой обнимал и племянницу, и дочку. Полин сперва ежилась, но вскоре приятно расслабилась. Урсула косилась на них. Ныне, в девяностые годы, в эпоху утраченной невинности мало кто из мужчин решился бы усадить на колени десятилетнюю девочку, к тому же крупную и развитую не по годам. Наверное, теперь и Джеральд поостерегся бы. Но в ту пору никто не возражал, кроме Урсулы, да и Урсулу больше огорчало, что дети предпочитают ей Джеральда. Она не понимала, почему так и не сумела наладить контакт с детьми, почему родные дочери разве что снисходительно терпят ее, порой подставляют щеку для поцелуя, но, исчезни она завтра из их жизни, вряд ли бы они это заметили.

Вот когда Джеральд отлучился на полтора дня, они всполошились. «Папочка, где мой папочка?» — в два голоса заныли они. Однако к тому времени Дикки Парфитт уже проследил их папочку вплоть до дома, адрес которого был Урсуле неизвестен. Джеральд ходил туда один, без девочек, говоря Урсуле, что занят сбором материала для статьи. Отлучаясь, он всегда сообщал ей, куда идет. Вернее, как бы сообщал: говорил, что занят сбором материала, или встречается с издателем, или идет в библиотеку, но не пояснял, какой материал собирает, о чем пойдет речь на встрече с издателем, что ему понадобилось в библиотеке.

— Я ухожу через час, — предупредил он. — Надо кое-что проверить.

Дикки Парфитт, предупрежденный Урсулой (не хотелось с ним связываться, тошнота подступала к горлу), поджидал Кэндлесса, затаившись у станции метро на Хит-роуд. Он спустился вместе с ним к поезду, потом оба они пересели на Тоттенгем-корт-роуд на центральную линию. Джеральд вышел в Лейтонстоуне и пошел к западу по Фейрлоп-роуд, свернул на Хейнолт-роуд, пересек Ли-роуд и оказался в Лейтоне. Урсула читала отчет Дикки, гадая, что это за районы. Лейтон, Лейтонстоун — она о таких не слышала, какие-то восточные пригороды.

Он направлялся к Гудвин-роуд, расположенной неподалеку от железной дороги Лондон-Мидленд. По-видимому, неприятные места,

трусобы, хотя Дикки не писал об этом в отчете. Пройдя половину улицы, Джеральд остановился и стал смотреть на дом, расположенный на другой стороне. Рядом с ним на парковке стоял минивэн, пустой. Джеральд встал позади машины таким образом, чтобы (так решил Дикки Парфитт) наблюдать сквозь ее окна за домом, оставаясь невидимым для его обитателей.

День выдался погожий, Дикки Парфитт отнюдь не тяготился своей работой, наблюдая за Джеральдом Кэндлессом, который наблюдал за чужим домом, — ему случалось нести вахту и в дождь, и в снегопад. Но через полчаса он задержался: до каких пор «объект» будет торчать на одном месте? Пока водитель не вернется?

Наконец дверь дома отворилась, вышла женщина. Дикки не удостоил ее подробного описания, однако назвал «пожилой» и добавил, что она везла сумку на колесиках. Если тайна Кэндлесса не заключается в извращенной любви к старушкам, эта женщина никак не могла быть «той самой», однако на всякий случай Дикки ее сфотографировал. Он видел, как она удаляется к железнодорожной станции Лейтон-Мидленд. Когда старуха скрылась из виду, Джеральд двинулся в противоположном направлении, к Ли-роуд. Попросту вернулся туда, откуда пришел, сел на метро и поехал домой.

Дикки полагал, что просто наблюдать за домом гораздо удобнее сидя в машине. Однако это соображение он оставил на потом, а пока что возлагал все надежды на запланированную «объектом» полуторадневную отлучку. Вновь пришлось идти за Джеральдом в метро, на этот раз «объект» пересел на кольцевую линию на Кингс-Кросс и вышел на Паддингтон, а там, на вокзале, купил билет первого класса до Барнстеpla, туда и обратно. Дикки, стоявший за ним в очереди, купил билет эконом-класса.

Втайне он был уверен, что в поезде к Джеральду присоединится «молодая леди», и специально сходил проверить, однако Джеральд сидел в одиночестве, читал книгу и ел батончик «Марс». В Эксетере они пересели на другой поезд, опять же без «молодых леди», и предприняли «долгое утомительное путешествие» в Барнстеpl. И здесь Дикки потерял Джеральда из виду, потому что на вокзале «объекта» встретил какой-то человек, заурядный человек с зеленым «вольво», а Дикки не удалось поймать такси.

Через неделю, когда Джеральд поехал «по делам» в семейном автомобиле, Дикки пошел на риск и решил дожидаться его в Лейтоне, на углу Гудвин-роуд. Все складывалось, как он и предполагал: из машины наблюдать за домом удобнее. Вскоре приехал и Джеральд. Он припарковал семейный автомобиль и принялся ждать — так показалось Дикки.

Разглядеть, чем занят Джеральд, он не мог. Но когда Джеральд вышел из машины, постучал в дверь, потом достал ключ и сам отпер замок, Дикки среагировал немедленно. Он успел сфотографировать его, но дверь сразу же захлопнулась, и встретил ли кто-то Джеральда, сыщик не рассмотрел.

Сара и Хоуп приехали вечером в пятницу в машине Сары. Девочки редко приезжали вместе, на этот раз в знак солидарности: смыкают ряды перед лицом неприятного открытия о родном отце. Автомобиль они вели по очереди, непрерывно обсуждая загадку Кена Эпплстоуна, которого им так и не удалось разыскать.

— Вернее, Джейсону Тэйгу не удалось, — уточнила Сара.

— Ну да. А как он действовал?

— У него есть приятель-канадец. Тот позвонил своему отцу в Торонто и попросил просмотреть все телефонные справочники в стране. Отец на пенсии, заняться ему больше нечем. Он был просто счастлив, что может кому-то помочь.

— Не надо было вмешивать еще и Тэйга, — дрожащим голосом вымолвила Хоуп, снимая широкополую черную шляпу и бросая ее на заднее сиденье. — Просто ужасно, что теперь чужие люди знают про папочку. Ты могла бы сама все сделать — ну, то, что сделал Джейсон. Среди твоих студенток наверняка есть канадка. Поручила бы это ей, не объясняя, кто такой Кен Эпплстоун.

— Нет, Хоуп, одна я не справлюсь. Семестр уже начался, дел по горло. С тем же успехом можно сказать, что это должна сделать ты.

— Но ведь книгу ты взялась написать, верно? А ты подумала, как будешь писать, если выяснится, что папочка совершил что-то ужасное? Бедный папочка, мне кажется, он сделал что-то противозаконное, не нарочно конечно. А если разнохает желтая пресса? Что тогда делать?

— Не знаю, — пробормотала Сара и умолкла. Вдали показались огни Бристоля, когда она возобновила беседу: — Отец этого канадца так и не нашел Кена Эпплстоуна.

— Ты уже говорила. Однако он нашел Эпплстоуна Джона, верно?

— Нашел номер его телефона. В Виннипеге. Никто не подходит, автоответчик не включен.

Они остановились на заправочной станции, купили две порции пирога со свиной, два пакетика чипсов и две банки коки. Дальше машину вела Хоуп.

— Может, купишь машину с автоматической коробкой передач? — предложила она. — Ручная — это допотопно. Надо было взять мою машину. Я тебе говорила, а ты не послушала.

— Ешь пирог, — ответила Сара.

Разговор прекратился — сестры сосредоточено поглощали пищу. Под Тивертоном Хоуп заговорила снова:

— Ты решила, что папочка рос у родственников или друзей Кэндлессов в Ипсвиче, так? Что кто-то из старших или сам бывал в доме, когда умирал маленький Джеральд, или слышал от кого-то и рассказал об этой смерти своему сыну, его сверстнику?

— Что-то в этом роде. Вряд ли он был совсем чужим этой семье.

— А если его отец был торговцем, разносчиком? Зеленщик, молочник? А это идея — почему бы не молочник? Почтальон, булочник, точильщик ножей, прачка...

— Хоуп, — прервала Сара, — это же не викторианская Англия, а тридцатые годы.

Хоуп включила левый поворотник, съехала на обочину и припарковалась. Обернувшись к сестре, она многозначительно произнесла:

— Врач!

— Который лечил больного мальчика?

— Вот именно.

— Да, наверное, врач у него был, — решила Сара. — Семья не из богатых, но и не совсем бедная. В те времена стали бы класть ребенка в больницу? Возможно. Но если приходил врач... Наверняка Джоан Тэйг помнит, приходил или нет.

— Спроси ее внука.

— И ты думаешь, врач вернулся домой и рассказал жене и детям, что у него умер пациент, маленький мальчик, от менингита... Его сыну было тогда столько же лет, сколько этому мальчику. Это могло произвести сильное впечатление.

— Еще бы! Бедный папочка.

— К тому времени детская смертность заметно снизилась, врачи редко теряли маленьких пациентов. Пожалуй, сын врача не забыл бы такой случай. Может быть, эта смерть даже преследовала его, он думал: если беда приключилась с тем мальчиком, то и я могу умереть. И он запомнил имя: Джеральд Кэндлесс. А девятнадцать лет спустя... Иногда ты просто гений, Хоуп!

Через десять минут они прибыли в Ланди-Вью-Хаус. Полин, надевшая к вечеру красное платье с ниткой жемчуга, глянула на Хоуп и бодро заметила:

— Шляпа у тебя — точь-в-точь совок для угля, у нас такой был в старом доме.

Подражая придирчивому судье, с которым ей не раз приходилось иметь дело, Хоуп спросила:

— Что такое «совок для угля»?

По правде говоря, ни в Хэмстеде, ни в этом доме никогда не топили углем. Урсула могла бы напомнить, но промолчала. Сара уже налила изрядные порции виски себе и Хоуп, а Хоуп, услышав телефонный звонок, прошла в соседнюю комнату и взяла трубку. Обе девочки любили Полин в детстве, но с годами стали воспринимать кузину со снисходительным презрением. Она платила им взаимностью. По их мнению, Полин так и не научилась жить, а в ее глазах девочки так и не повзрослели.

— Ошиблись номером, — сообщила Хоуп, возвращаясь к своему виски. — Станный какой-то человек, очень таинственный.

Может быть, Адам Фоли, подумала Сара. На следующее утро она поднялась раньше Хоуп — как обычно. Мать срезала в саду увядшие георгины. Спросила, нужна ли следующая серия «из жизни отца». Она старалась говорить на эту тему бодро и непринужденно, но Сара ответила — нет, спасибо, не в этот раз, нужно обсудить совсем другую проблему. Затем поцеловала мать в щеку и оставила ее в полной растерянности: одну руку Урсула прижимала к невзначай обласканной щеке, другой держала садовые ножницы, и лишь минуту спустя ощутила порыв ветра и поняла, что промерзнет до костей, если не сходит за пальто.

Последнее время девочки стали намного ласковее, никогда прежде они не общались с ней так задушевно. Все началось с того дня, когда Урсула разрыдалась в такси, возвращаясь с поминальной службы. Она даже не помнила, почему плакала, но конечно не потому, что Джеральд мертв. А девочки именно так поняли ее слезы. Наверное, потому и смягчились.

Сара входила в комнату, когда зазвонил телефон. Посмотрела на часы — половина десятого, рановато для звонка. Она сердито сняла трубку. Мужчина, назвавшийся Сэмом Флемингом, позвал к телефону Урсулу.

Тут вошла Полин, попросила разрешения взять машину, все равно чью, — она собирается за покупками в Гонтон. Да-да, пожалуйста, ответила Сара, прикрывая ладонью микрофон. Выглянула из окна, ожидая увидеть мать возле клумбы, но ее там не оказалось.

— Не знаю, где она сейчас, — сказала Сара. — Передать, чтобы она перезвонила?

Флеминг согласился и продиктовал телефон. Сара постаралась его запомнить, поскольку бумаги под рукой не нашлось. Полин вышла, в кухне появилась Хоуп. Сестры кивнули друг другу, Сара указала на сад. Предложила приготовить гренки по-французски, спросила, будет ли Хоуп

есть, и пока возилась с гренками, вернулась мать.

Урсула вымыла руки над кухонной раковиной. Ей сделалось не по себе: девочки в торжественном молчании смотрели на нее. Хоуп со стянутыми на затылке волосами, в старой джинсовой куртке и серых брюках, очень походила на Джеральда. Если взглянуть мельком, покажется, что на стуле сидит Джеральд и собирается сказать ей что-то неприятное, жестокое.

Однако весть, принесенная Сарой и Хоуп, оказалась не столько неприятной, сколько невыносимой. Урсула в растерянности покачала головой.

— Ты ничего не знала? — спросила Хоуп.

— Сара говорила, что он сменил имя, но это... — Как она могла прожить тридцать четыре года с мужем и не узнать, кто он такой? — Вы уверены?

— Видимо, да.

И тут неожиданно для себя Урсула поверила. Поверила сразу же, без труда. Столько загадок разрешалось: семейная жизнь, описанная в его книгах, неузнаваемые для нее персонажи, моряки, постоянная тема бедности, целая вереница любящих и самоотверженных матерей. Дом, полный детей, старших и младших братьев и сестер. На минуту вместо кухни, где сидели ее дочери, непривычно внимательные, с тревогой вззирающие на нее, Урсула увидела церковь, в которой она венчалась с Джеральдом без его родственников, услышала неуместный смех жениха, когда невеста уронила кольцо. Затем ей померещилась миссис Эади, исхудавшее старческое тело, трагическое лицо, и Урсула отшатнулась от этого призрака, поднялась на ноги, отступила на шаг, вытянув руки перед собой, словно что-то отталкивая.

— Мама, что с тобой?

Ей стало очень холодно. Урсула тяжело опустилась на стул, и Хоуп впервые в жизни потянулась через стол и накрыла рукой пальцы матери.

Увидев, что выход прегражден, Марк вернулся к началу, но пока он шел, кто-то перекрыл и этот выход, завалил каменными блоками и скрепил их цементом, уже затвердевшим, словно прошла сотня лет. Марк оказался заперт в каменном тоннеле, захоронен глубоко под землей.

«Белая паутина»

Урсула вышла на прогулку, взяв с собой племянницу, хотя ветер разыгрался вовсю и волны скакали словно табун белых лошадей, по выражению Полин. Спокойное море она когда-то сравнивала с мельничной запрудой, но потом Джеральд спросил, случалось ли ей видеть мельничную запруду. Пока матери не было дома, Сара позвонила Джейсону Тэйгу и сообщила ему версию Хоуп насчет врача. Тот пообещал спросить бабушку за ужином.

— Спасибо за чек, — добавил он.

— Мне тут письмо пришло, — спохватилась Сара. — Давайте прочту.

— Давайте.

— Пишет вдова бывшего издателя «Вестерн Морнинг Ньюс». Ей переслали мой запрос. Она совсем старая, наверное, почерк неровный. Пишет: «Дорогая мисс Кэндлесс...», далее следуют длинные объяснения, далее вот что: «По-видимому, я знала вашего отца еще до того, как он стал знаменитостью. Мой покойный супруг взял его на работу корреспондентом летом 1951-го или 52-го, словом, в начале пятидесятых». Дальше неразборчиво... хотя нет: «Муж говорил, что, приступая к работе, новый репортер попросил разрешения переговорить с ним с глазу на глаз. Он сказал, что пишет книгу и намерен опубликовать ее под другим именем. Если мой супруг не возражает, он желал бы отныне именоваться Джеральдом Кэндлессом. Не помню, называл ли супруг его настоящее имя...»

— Она не помнит, как его звали раньше? Здорово. Только этого не хватало.

— Она пишет, что запомнила это лишь потому, что со временем

репортер прославился. Муж рассказал ей об этой просьбе, поскольку она показалась ему довольно странной. Дальше вдова пишет: «Однако он не возражал. По его мнению, какое имя носить — это личное дело молодого человека. Я знала его только как Джеральда Кэндлесса. Я подумала, вам это будет интересно, если вы еще не знаете. Искренне ваша, Диана Бирчфилд».

— Но ведь его первая книга появилась лишь четыре года спустя, — сказал Джейсон. — В 1955 году.

Приятный сюрприз: Джейсон знаком с творческой биографией ее отца.

— Да, но, может быть, он уже начал ее писать. И потом, псевдоним — просто предлог, верно? У него были другие причины сменить имя. Вероятно, к тому времени он уже его сменил.

Она попрощалась с Джейсоном, когда Хоуп вернулась, и протянула ей письмо. Сара не держала секретов от сестры — почти, — однако не стала говорить о том, что вечером встречается в пабе с Адамом Фоли. Странная вышла история, это ее увлечение (как называла про себя Сара), ничего подобного раньше не бывало. Кто все начал, он или она, теперь не поймешь. Наверное, оба — дружно, согласованно и не объясняясь.

Они обходились почти без слов, как это ни странно для образованных и начитанных людей. Оставшись наедине, говорили лишь о том, как выглядит партнер и что они сейчас будут делать друг с другом. Утром один из них уходил, опять же молча, пока другой еще спал. Оба жили в Лондоне, в Кентиш-тауне, но там ни разу не встречались. Ни Адам ей не звонил, ни она ему. Сара знала, что этой ночью он придет в паб со всей компанией, ее предупредила Роза. Подруга спрашивала, не помешает ли ей Адам.

Хоуп собиралась на встречу с одноклассниками. Шестеро ребят в шестом классе поклялись встречаться раз в четыре года в третью субботу октября. Хоуп уже не помнила, почему в октябре, почему в третью субботу или почему раз в четыре года, но пропускать встречу не собиралась. Ее ждали выпивка, ужин, и снова выпивка. Сара обещала отвезти ее в Барнстепл, а вернется Хоуп на такси.

Бурное море взрыхлило песок на берегу, пенистый прилив, отступая, проложил в нем канавки и борозды. В неглубоких лужицах остались белые половинки раковин. Урсула упорно шла против ветра, поскольку твердо решила дойти до Франтон Барроуз. Полин сдалась после первых же ста ярдов.

— Мамина соседка заработала паралич лицевого нерва, когда гуляла в такую погоду, — заявила она, едва начав спускаться с утеса.

— Шла бы ты домой, Полин.

— И не поправилась. Левая половина лица так и осталась

перекошенной на всю жизнь.

Урсула промолчала. Следующий порыв ветра убедил Полин вернуться домой, хотя она и сказала со смехом, что жалко снова карабкаться наверх, раз уж спустилась. Урсула обернулась посмотреть, как Полин поднимается по тропе, и, поймав ее взгляд, помахала рукой, чтобы не обидеть племянницу. Пляж опустел. В отеле на верхнем этаже окна были закрыты, в саду ветер срывал желтые листья с акаций и кленов.

Значит, Джеральд не был Джеральдом и у нее, строго говоря, не было прав на фамилию «Кэндлесс». Она и прежде подумывала вернуть девичью фамилию, теперь так и сделает. У подножия утеса, на соленом резком ветру, Урсула приняла решение. Она снова станет Урсулой Вик, сейчас же займется переоформлением документов. Если Джеральд сменил фамилию, почему бы ей не поступить так же, тем более что это имя ей не принадлежит?

Что же он натворил? Какой проступок или преступление побудили его отречься от своего прошлого? Обращаясь к ревущему ветру, Урсула яростно повторяла, что Джеральд способен на все. Она поверит чему угодно. Как жаль, что она так много прощала, на все закрывала глаза... Ради чего? Ответа не было.

Позволив ей все эти годы распоряжаться деньгами, оставив дом и все нажитое имущество, за исключением щедрого дара Саре и Хоуп, завещав ей будущие гонорары, Джеральд пытался расплатиться — за что? За пренебрежение, фактически бойкот, за то, что восстановил против нее детей, украл их любовь. И более того: Джеральд пытался загладить какую-то страшную вину, вынудившую его принять имя давно умершего ребенка.

Она присела на невысокую зеленую траву на гребне дюны, обхватила колени руками. В полумиле — серебристая кромка моря, белая пена, простираются бледные, тоскливые, бесплодные пески. «Имя мое Озимандия, царь царей». Рука дразнила их, подумала она, а сердце их кормило. Надо действовать, надо продать дом, как бы девочки ни противились.

— Я не хочу знать, что он натворил, — сказала Урсула вслух. — Я давно перестала задавать вопросы.

Когда она задавала вопросы? Двадцать восемь лет назад страстно хотелось узнать правду. Она была молода, и казалось, что тайну можно раскрыть. И все же была шокирована, убедившись в своей правоте. Одно дело подозревать мужа в неверности, и совсем другое — уличить его. Вот что пережила Джин, когда Ян признался ей в новой любви. Но Джеральд никогда бы не признался добровольно. Если бы Дикки Парфитт видел

только, как Джеральд подошел к какому-то дому, вошел туда и вышел снова через какое-то время, это бы еще ничего не значило, но у Джеральда оказался свой ключ. У него имелся ключ от чужого дома в Лейтоне, он открывал дверь собственным ключом, словно хозяин, словно муж или давний любовник.

Она просмотрела сделанные Парфиттом фотографии. На одной старуха вышла вполне отчетливо — обычная старуха в фетровой шляпе и наглухо застегнутом пальто. На другой фотографии, вероятно, Джеральд, но лицо расплывчатое. Может быть, дом принадлежал ему? Может быть, он жил там раньше, а потом, переехав в Хэмстед, оставил его любовнице?

Урсула подумывала съездить туда, повидаться с той женщиной, поговорить, выяснить истину. Сначала это было смутной мечтой, фантазией, она бы никогда не решилась осуществить ее. Потом Урсула спросила себя: неужели она в самом деле боится? Чего тут бояться?

Пока Полин жила у них, мать часто навещала Урсулу. Раньше она приезжала раз в месяц выпить чаю с детьми и полюбоваться «стилем воспитания» Джеральда, но в августе появлялась еженедельно. Очевидно, ей хотелось побыть с Полин, поскольку она редко видела живущую в Манчестере старшую внучку, но главной целью этих визитов были разговоры о рухнувшем браке Яна.

В мире Герберта и Бетти Вик разводы случались крайне редко, за гранью вероятного. Бетти полагала, что разводятся исключительно голливудские актрисы, и то ради рекламы. Брак — нечто безусловное, нерушимая скала, реальность, подобная рождению и смерти. Любовь, совместимость супругов, иные предпочтения — все это не столь важно.

Они с Гербертом познакомились в пятнадцать лет, в двадцать один поженились, и никто из них и не смотрел на сторону. Если при ней заговаривали о неудачном браке, Бетти отвечала, что этот мужчина или эта женщина выбрали себе супругу (супруга), и придется довольствоваться таким выбором. Во всех остальных вопросах человек вправе менять свое мнение (благоразумная Бетти уверяла, что привилегия женщины — как можно чаще менять свое мнение), но здесь никакие колебания невозможны, и сердце должно хранить верность.

Развод Яна и напутал ее, и озадачил. Она все время твердила Урсуле: «Я этого не понимаю. Что он натворил? Он же выбрал Джин, правда?»

Если при этих разговорах присутствовал Джеральд, он внимательно слушал Бетти, пристально смотрел на нее блестящими карими глазами, слегка хмурился, впитывал каждое слово. Внимание зятя ей льстило, и она пускалась рассуждать дальше:

— Разумеется, Джин и сама виновата. В браке нужно давать и уступать, нужно его совершенствовать, это нелегкий труд для обоих супругов.

— Танго танцуют вдвоем, — согласился Джеральд.

Бетти никогда не слышала подобного выражения — откуда оно взялось? Не знала его и Урсула, возможно, Джеральд сам придумал. Во всяком случае, мать обрадовалась поддержке:

— Да, вот именно!

Бетти нравился Джеральд. Впервые она видела мужчину, который не отлучается из дому и при этом зарабатывает деньги. Тогда Урсула думала, что рассказы тещи интересуют Джеральда потому, что он и сам изменник. У него, как говорится, имелся шкурный интерес. Но с годами она поняла, почему он так внимательно слушал: он все запоминал, и каждая фраза Бетти пять лет спустя вошла в его книгу «Быстротечное время».

Что касается этой Джуди, которой предстояло стать женой Яна, Герберт полагал, что ее следует отхлестать кнутом.

— Как насчет «кобылки»? — предложил Джеральд.

Бетти не знала, что это такое, Урсула тоже, она еще не читала Харди. Серьезно и с одобрением Джеральд пояснил: некогда в сельской местности женщину дурного поведения сажали задом наперед на лошадь и прогоняли через всю деревню под громкую музыку и насмешливые крики. Бетти приняла все за правду:

— И правильно делали.

Она чуть не пропустила очередной визит, узнав от Урсулы, что Джеральда дома не будет: он вновь отправлялся в Девон за материалом для статьи. Даже Урсула не сумела бы убедить себя, что Джеральд содержит двух любовниц, одну в Девоне, а другую в Лондоне, так что поверила ему, не забывая о ключе от дома на Гудвин-роуд. Она решила съездить туда на разведку, пока мать и Полин присмотрят за малышами. Такой расклад устраивал всех.

И все же она боялась. В ту пору с ней часто стучалось такое: Урсула вспоминала, какой была еще недавно, шесть-семь лет назад, и говорила: нет, это не я, я не могла дойти до такой жизни, допустить, чтобы со мной так обращались, так меня использовали, этого не может быть. В зеркале она видела, как мало изменилась с двадцати трех лет. Все то же милостивое округлое лицо, все те же гладкие песочного цвета волосы до плеч, те же серовато-голубые глаза. Только умиротворенность исчезла.

Иногда она говорила себе: сейчас проснусь в родительском доме в Пурли, в кровати, где ажурный полог свисает с золотистого карниза, а на

стене висит картина кисти Сесилии Мэри Бейкер и за окном — вид на южный пригород Лондона. Пойду на работу к папе, вечером почитаю библиотечные книги, посмотрю вместе с Пэм телевизор, мы пригласим Колина Райтсона выступить с лекцией на собрании Ассоциации читателей... Но она просыпалась одна в постели на Холли-маунт, слышала, как девочки, вскакивавшие летом спозаранку, болтают и смеются у Джеральда в комнате, а однажды в темноте раздался пронзительный, жуткий вопль Джеральда, и она не раздумывая бросилась на помощь...

Это случилось уже после того, как она побывала на Гудвин-роуд, познакомилась с миссис Эади и выслушала эту историю. Тогда у нее не осталось выбора — только по-прежнему жить с Джеральдом. То есть выбор, конечно, был, но ей виделось иначе — ведь Джеральд не сделал ничего дурного, это ей следовало просить у мужа прощения за необоснованные подозрения, принять его таким, каков он есть, и надеяться на лучшее.

Он разбудил ее своим воплем. На следующее утро после ее визита в Лейтон? Вроде бы да, хотя это, конечно, искажение памяти: ту ночь он провел в Девоне, искал новый дом для семьи, как она впоследствии узнала. Значит, это случилось на день или два позже, на рассвете, когда на востоке небо только посветлело.

Непонятно, почему этот крик не разбудил Сару и Хоуп, страшный крик, едва не разорвавший легкие этого сильного, молодого еще человека, вопль смертного страха, вой пленника, замурованного в каменном колодце. Это ему и приснилось, и сон был настолько реален, что Джеральд чувствовал холод и вонь, осязал холодную поверхность камня — он поверил в реальность происходящего, словно все это случилось на самом деле.

Когда Урсула вбежала в комнату, Джеральд сидел на кровати, широко раскрыв рот, вскинув руки, дрожащими ладонями защищая голову. Ни о чем не думая, позабыв в ту минуту все обиды, угрюмое пренебрежение, Урсула бросилась к мужу, прижалась к нему. Миг он помедлил, все еще в оцепенении, потом его руки опустились на ее плечи. Он притянул Урсулу к себе, она уткнулась ему в грудь, задыхаясь от близости. Почти не колеблясь, легла рядом с ним и крепко обнимала, пока Джеральд рассказывал свой сон. Потом они уснули, и два часа спустя девочки очень удивились, застав их вместе в постели.

Урсула заставила себя встать и побрела обратно по песчаной ряби. Дома в гостиной уже горел свет, хотя до сумерек еще далеко. Сегодня нужно будет перевести часы на час назад. Ветер смел листья с вершины

утеса на пляж, они лежали среди раковин, будто тоже выброшенные морем.

Обычно люди запоминают только свои сны, а не чужие, но этот сон Джеральда Урсула забыть не могла. Более того, по его словам, этот сон время от времени повторялся, хотя не чаще, чем раз в несколько лет.

Он шепотом рассказывал ей о себе, и Урсула слушала, растроганная и счастливая. Он говорил с ней так, как говорят друг с другом близкие люди, делаясь своим горем и страхом. Лишь позднее она поняла, что в ту минуту Джеральду сгодился бы любой слушатель, чьи угодно руки, тепло чужого тела. И немало было таких, кому он обрадовался бы гораздо больше, чем ей: призраки из хороших снов, которых он не сумел встретить, отыскать, удержать в реальности.

Плохо освещенная улица, ночь. Какой-то город. Он вошел в тоннель, вернее — в узкий коридор между каменными зданиями в старинном, плотно застроенном районе. Невысокие каменные дома уступами поднимаются в гору и вновь спускаются по склону. Проход с обеих сторон огорожен стенами, камень влажный, с блеском, наверху — каменная крыша, с которой срываются капли воды. Совсем мало капель, накапливаются они медленно, но каждый раз падают на пол с глухим тоскливым шлепком.

Проход совсем короткий, он должен был сразу вывести на широкую улицу, однако, завернув за угол, Джеральд обнаруживает, что путь прегражден — там, где прежде был проем, кто-то успел возвести стену. Он возвращается ко входу, но за то время, что провел в тоннеле, кто-то успел замуровать и этот путь, навалил каменные блоки, цемент уже застыл, словно его положили годы назад.

Он заперт в каменном мешке. И хотя первоначально проход был где-то в городе, теперь этот тоннель проваливается глубоко в землю — могила, кротовый ход. Из камней сочится вода, капли падают все чаще, у ног собирается лужица. Он пытается раздвинуть камни, бежит в другой конец коридора, изо всех сил толкает цементную стену и видит на ней отпечатки ладоней — чьи-то ладони в отчаянии упирались в эту преграду изнутри. Но внутри тоннеля больше никого, и в этот момент он кричит, просыпается с криком, подняв к лицу руки, — каменщик он сам, больше некому.

Сара высадила Хоуп у отеля, где собирались одноклассники, а сама направилась в паб. Там, возле стойки бара, в одиночестве сидел Адам Фоли. Он взглянул в ее сторону, Сара покосилась в ответ, словно не узнавая, и прошла мимо, в дамский туалет. Когда она вернулась, подъехали Александр с Викки.

— Не помню, — сказал Александр, — вы знакомы с Адамом?

— Как-то раз пересекались, — ответила она, и Адам подтвердил: да, было дело, давным-давно.

Пришла Роза и привела с собой парня по имени Тайгер. Его имя пишется через «й», сообщал он, словно все только и думают, как бы отправить ему письмо. Александр прихватил напитки, компания переместилась к столику, и Роза предложила всем головоломку: допустим, человек эмигрирует в Америку. Куда деваются пять (или шесть, а то и семь или восемь) часов, которые он выиграл? Каждый предлагал свой ответ — время устроено иначе, это не шоссе, а скорее помещение, разница во времени иллюзорна. Свои версии предлагали и Сара с Адамом, не глядя при этом друг на друга.

— Не выйдет ли так, что ты умрешь на пять часов раньше, чем дома? — предположила Вики.

— Или на пять часов позже? — уточнил Тайгер.

Они заказали закуски, Адам сходил за очередной порцией спиртного. Он обслужил всех, кроме Сары, вновь разыгралась та же сцена, что и в прошлый раз, и Вики вмешалась:

— Эй, а как же Сара?

Адам посмотрел на нее и молча пожал плечами, промолчала и Сара, наблюдая за ним, гадая, каков будет следующий шаг. Вики подвинула к ней свой бокал белого вина:

— Возьми мое! — И добавила возмущенно: — Что за дела, Адам?

Разумеется, Адам сходил и принес вина для Вики, принесли закуски, и Роза сказала Адаму:

— Вы с Сарой могли бы ездить сюда из Лондона вместе. На бензине сэкономили бы.

Сара скупно улыбнулась.

— Вы ведь живете по соседству. Хорошая мысль, правда?

— Не очень-то, — уставившись взглядом в тарелку, пробормотала Сара.

— Ох, извини! — Роза обратила наконец внимание на склоненную голову Сары и окаменевшую физиономию Адама. — Я что-то не то сказала?

Воцарилось молчание. Сару охватило возбуждение. Она и не знала, как легко можно манипулировать людьми, создавать атмосферу, менять и подтасовывать. Все (за исключением Адама) смутились. Вики затараторила о какой-то своей знакомой, которая поехала в Центральную Африку с гуманитарной помощью и ей так понравилось, что она осталась в Африке.

— Что понравилось — голод? — удивился Тайгер.

Разговор перешел на благотворительные фонды: следует ли давать им деньги, много ли достается самим голодающим, как насчет коррупции. Сара умиротворенно ела рыбу с чипсами. На столе красовались три бутылки вина, однако пила она мало, чтобы не терять головы. Остро, почти болезненно ощущалось присутствие Адама, его очарование. Тревожило сходство характеров. До сих пор Саре не встречался человек столь близких с ней вкусов — не говоря уж о том, что несколько недель назад она и не подозревала об этих своих вкусах.

Кто сегодня сделает первый шаг? Через полчаса паб закроют. Александр предложил перебраться в «Зелень». Сара возразила:

— Если выпью, не смогу сесть за руль. — И тут же добавила: — То есть физически не смогу сесть.

Еще подумают, что она чересчур законопослушна и боится превысить разрешенную дозу.

Она пойдет на парковку, и там Адам нагонит ее... А если нет? Любая попытка диалога, даже заговорщический взгляд, только испортят дело. Так не пойдет. Еще вариант: сесть за руль и самой доехать до коттеджа Адама, но и этого Сара себе не позволит. Все поднялись из-за стола. Она слышала, как Адам прощался с друзьями — он тоже решил не ходить в клуб. Они вышли на улицу. Спокойной ночи, Розы, спокойной ночи, Алекс, спокойной ночи, Викки, приятно было познакомиться, Тайгер, до встречи.

— Ты — самый мерзкий ублюдок в Западных графствах! — заявила Сара.

Кто-то испуганно ойкнул.

— Ты и сама та еще стерва, — откликнулся Адам.

Сара дрожала всем телом.

— Спокойной ночи, — еле выговорила она, — спокойной ночи, Розы, милочка, спокойной ночи, Викки, Алекс, приятно было познакомиться, Тайгер.

Она опрометью бросилась прочь, под арку, где некогда проезжали дилижансы, во двор к парковке. Минуту или две постояла возле машины на пронзительном ветру. Села за руль, подала назад, выехала в проулок. Она задыхалась от волнения, граничащего со страхом.

Он стоял в проходе, прислонившись к стене, докуривая сигарету. Сара подъехала ближе, Адам молча сел на пассажирское место. Ни слов, ни поцелуев, ни ласковых прикосновений. Вот бы всегда так, подумала она. Может быть, так и будет. От этой мысли она резко вздохнула, но Адам не обратил внимания. Равнодушно, словно наемному шоферу, он велел ей

свернуть на Бишопс-роуд, а спустя примерно милю — к гостинице в конце длинной подъездной дорожки.

Они явились в одиннадцать вечера, без вещей, однако номер был заказан заранее, и регистраторша воздержалась от комментариев. Войдя в комнату, Адам тут же закрыл дверь, запер на ключ, погасил свет, оставив только ночник. Они двинулись навстречу друг с другом с разных концов комнаты и сошлись на середине. Он взял ее за подбородок и начал облизывать ее рот, только губы. Потом те раздвинулись, он проник внутрь, коснулся языка, сосал его, словно собираясь съесть ее заживо — но медленно, никуда не торопясь, наслаждаясь каждым мгновением. Широко раскрытыми глазами она заглянула в холодные, лишенные выражения глаза. Потом ее веки сомкнулись, его — тоже. В тишине они ощупывали друг друга.

Примерно через полчаса домой на такси вернулась Хоуп. Мать и Полин уже легли. Она налила себе виски, хотела было добавить воды, но передумала и плюхнула большой кубик льда. Почему-то казалось, что дверь в кабинет отца заперта, но нет — комната словно ждала ее, пропитанная отцовским запахом, заполненная его присутствием. Всего за неделю до смерти Джеральда она по-детски сидела у него на коленях, а он обнимал дочь и держал ее за руку. Она часто заходила к отцу, угадывая, когда он заканчивал работу, и заставляла его в этом большом кресле — Джеральд сидел и перечитывал написанное. Она всегда целовала отца и, порой ничего не говоря, пристраивалась у него на коленях. Если бы кто-нибудь попросил Хоуп дать определение «любви», она бы сказала — это чувство, которое они с отцом испытывают друг к другу.

В комнате было темно. Хоуп опустилась в отцовское кресло, сбросила туфли, укуталась в пальто — такое теплое, можно представить, что это сильные отцовские руки. Слезы полились из глаз, но Хоуп заставила себя допить виски, свернулась калачиком и вскоре уснула.

Вера — это умение убедить себя в заведомой лжи.

«Быстротечное время»

Он не исчез, не скрылся в чужой стране, а попросту умер. Кен Эпплстоун скончался от рака четыре года назад. Его сын долго беседовал по телефону с Джейсоном Тэйгом, проговорил двадцать минут подряд, изложил все неприглядные подробности, последний, мучительный год, выжженные дотла легкие, затяжки между глотками кислорода.

Зачем все это Саре? Даже из вторых рук слушать подобное нелегко. «Конечно, он был уже стар...» Да, но ее отец был на несколько лет младше Кена...

— Вы не спросили бабушку насчет семейного врача?

— Я спрашивал обо всех, кто появлялся в доме, — сказал Джейсон. — Мастер, чинивший стулья. Он обтягивал сиденья. По фамилии Смит — таких пруд пруди. Приходил ветеринар. Собака заболела чумкой, и к ней вызвали ветеринара, однако он помочь не сумел, и пса пришлось усыпить. Как звали ветеринара, бабушка не помнит. Имена молочника и почтальона тоже позабыла. Врача звали Наттол. Доктор Наттол.

— У него был сын возраста вашего двоюродного деда?

— Моего кого? Ах да! Получается, он и в самом деле мой двоюродный дед, этот бедный малыш. Вернее, мог бы им стать. Бабушка ничего не знает о мальчике. Дети у врача были, но какого возраста и пола — неизвестно. Поразительно, что она имя запомнила, верно?

— Поразительно, — согласилась Сара, подавив желание съязвить: эта миссис Тэйг вряд ли вспомнит, кто навещал ее вчера. — Мы сможем разыскать мистера Наттола?

— Ему бы уже за сто лет перевалило.

— Нас интересует его потомство. Поищем в «Крокфорде»?

— В «Крокфорде» не врачи, а викарии, — поправил ее Джейсон. — Я узнаю, в каком справочнике смотреть врачей, и найду его.

Сара начала сомневаться в успехе. Быть может, происхождение отца так и останется загадкой. На письмо Роберта Постля с расспросами, как продвигается книга, и с предложением встретиться и обсудить ход работы

Сара не ответила — просто не знала, что сказать. На прошлой неделе в конце семинара одна студентка спросила, «имеет ли она отношение» к Джеральду Кэндлессу, и Сара ответила: да, она его дочь. Но эти слова она произнесла с тяжелым чувством, будто не имеет право на это имя. Ее отношения с отцом безнадежно искажены этим обманом, чужим именем, недоумением, кем же он был на самом деле. Сможет ли она примириться с этим, если так ничего и не узнает? А если узнает, обретет ли покой?

Сара попробовала перечитать его книги. Если все, написанное отцом, опиралось на реальные факты, как именно он изменял, приспособливал, искажал, подслащивал, очернял, расцвечивал и калечил факты, прежде чем выписывал их на бумагу? Как узнать? Может быть, честолюбивая молодая художница из большой ливерпульской семьи («Бумажный пейзаж») на самом деле была амбициозным молодым писателем из большого семейства, проживавшего в Ипсвиче? Или у него был отец, отчим, дядя, похожий на религиозного фанатика Джекоба Мэнли («Глаз на закате»)?

Или здесь он пишет не о себе, а о человеке, которого хорошо знал, сам же он — ребенок из той семьи, которая развалилась после смерти отца? Мужчина, женившийся лишь для того, чтобы завести детей? Мужчина, убивший своего любовника в «Белой паутине»? Или даже он воображал себя убитым.

Красивая книга, подумала она, беря в руки очередной том. В восьмидесятые годы научились делать суперобложки, а эта просто великолепна: серебристо-голубой пейзаж, белые птицы порхают под изящными, словно их перья, облаками, полутона, матовая поверхность — и лишь большая бабочка внизу, на корешке, своей глухой чернотой нарушает нежную акварель. Интересно, куда подевался образец этой обложки, почему отец не сохранил его, как сохранил первые наброски к «Гамадриаде» и «Призрачной аудитории»?

Надо будет спросить Роберта Постля, позвонить ему в конце недели. Соврать что-нибудь, чтобы оттянуть встречу, придумать какой-нибудь предлог, что угодно, кроме правды. Нельзя открывать Постлю тайну Джеральда — во всяком случае, пока она не откроет ее. А если придется отказаться от поисков... Ладно, все равно пора позвонить. Туг она вспомнила о другом телефонном звонке, о человеке по имени Сэм, который разыскивал Урсулу, она ведь обещала передать матери... Скорее всего, это не так уж важно, а если важно, пусть сам перезвонит, все равно она забыла продиктованный номер.

Лучше, пожалуй, не звонить Роберту Постлю, а написать. В эти выходные вместо Девона имеет смысл съездить в Ипсвич. Адам Фоли

предупредил, как бы невзначай, что семейным коттеджем он пользуется не каждую субботу. По-видимому, у них свое расписание, и никто его не нарушает. Так что в эту субботу в Девон ехать не стоит.

Наверное, эта женщина моложе, красивее, образованнее ее. Изысканная, остроумная, очаровательная. С этим ничего не поделаешь, но, по крайней мере, Урсула постаралась выглядеть достойно. Надела вышитое платье от Кардена, на подкладке, и бледно-зеленый плащ в тон. Мать непременно спросила бы, куда она так нарядилась, отметила бы и покрашенные ногти, и нефритовые серьги в ушах, так что Урсула вышла из дома тайком. Пусть та считает, что дочь, как всегда, нацепила хлопковую блузку и юбку в складочку.

В электричке она поняла, что перестаралась, словно на свадьбу собралась. Ей казалось, что люди с недоумением поглядывают в ее сторону, но делать нечего: если вернуться домой переодеться, она никуда не поедет. Было уже три часа дня, она с утра ничего не ела: боялась, что будет мутить. Впрочем, ее и на голодный желудок мутило.

До сих пор ей не приходило в голову, что соперницы может попросту не оказаться дома. Согласно отчету детектива Парфитта, Джеральд посещал этот дом поздним утром, из чего Урсула сделала вывод, что «эта женщина» не ходит на работу. А если она ошиблась и никого не застанет? Эта мысль настигла ее после пересадки на Тоттенгем-Корт-роуд. Если дома никого не окажется, принесет ли это разочарование — или облегчение?

Позаимствовав у Джеральда карту Лондона, Урсула составила маршрут: Фейрлоп-роуд, Хейнол-роуд, Ли-роуд, и записала названия, поскольку толстый атлас города не помещался в маленькую бронзового цвета сумочку. Туфли на шпильках не слишком-то подходили для прогулок, а ей предстояло преодолеть с полмили. Этот район напоминал окраины Стритхэма, Кристалл-палас, и в то же время здесь чувствовался отпечаток «северного берега Темзы». Серый викторианский пригород, на месте разрушенных бомбежкой домов поднялись здания пятидесятых годов, зеленела живая изгородь. Однако начиная с Лейтона местность быстро деградировала. Ближе к железной дороге дома превращались в трущобы. Здесь всегда был нищий квартал, сразу видно — низкие красно-коричневые домики возведены на скудные средства восемьдесят лет назад, когда только строилась дорога.

Ни разу в жизни бегство не казалось Урсуле столь соблазнительным. Сначала она хотела выйти из метро на Кэмден-таун, поскольку ее наряд выглядел неуместно, потом — перейти мост на Лейтонстоун и сесть в первый попавшийся поезд. Эта же мысль посещала ее вновь на Фейрлоп-

роуд и на Ли-роуд. Но Урсула подгоняла себя, заранее сознавая, что если сдастся, то будет презирать себя еще больше, чем до сих пор. Такого ей не вынести. Урсула и так утратила веру в себя, в то, что она привлекательная, достойная внимания женщина, у нее сформировалась «заниженная самооценка», как назвали бы это сейчас, спустя тридцать лет, а тогда говорили — «комплекс неполноценности». Ей, конечно, льстили ухаживания Джеральда Кэндлесса, но в ту пору Урсула не ставила себя так низко, чтобы заранее увериться: эта «другая» заведомо красивее, умнее, во всех отношениях лучше ее.

Гудвин-роуд представляла собой двойной ряд приземистых красновато-коричневых домов. В тот момент, когда Урсула свернула на эту улицу, по мосту с ревом пронесся поезд — будто началось землетрясение. Солнце светило всюду, в лучах клубилась пыль. Урсула постояла на углу, пытаясь сообразить, где может находиться тот самый дом. Одна сторона улицы была погружена в тень, другую заливал яркий свет. Здесь, на углу, она колебалась дольше всего и наконец подошла к калитке, которая отделяла жалкий клочок травы от тротуара.

Дверь и оконные рамы зеленого цвета. Нижняя половина окон завешена тюлем. Звонка нет, только дверной молоток в комплекте с почтовым ящиком. В отдалении прогремел еще один поезд, и улица вновь сотряслась, но не так сильно. Урсула схватила дверной молоток — и выпустила из рук, подняла — и вновь уронила. Горло сжималось, грудь сдавило.

В доме послышались шаги — казалось, что приближаются они издалека, но ведь домик совсем маленький, коридор не длиннее трех метров. Так она стояла, прислушиваясь. Солнце ушло, сразу же стало холодно. Почудилось — ужасный монстр медленно и неуклонно надвигается с той стороны. Померещился хриплый кашель, отхаркивание, и в эту минуту Урсула поняла, что ошибается.

Громыкнул дверной засов, что-то железное приподнялось и упало с лягганьем — цепочка, наверное. Дверь медленно отворилась, и не чудище, не гротескное видение, и не юная прелестная девушка, а высокая, старая, изможденная женщина, женщина с той фотографии — терпеливое, спокойное, трагически застывшее лицо — предстала перед ней, широко распахнув дверь. Не щелочку приоткрыла, а раскрыла до отказа, насколько позволяли петли.

С миссис Эади Урсуле предстояло встретиться вновь в романе, который Джеральд опубликует через тринадцать лет. «Пурпур Кассия» — последняя рукопись, которую она согласилась перепечатать. Миссис Эади

превратилась в Хлою Рул, тетушку протагониста, воспитавшую его после того, как родители погибли от бомбежки. Расшифровывая зигзаги почерка, разбирая хитросплетение помарок и поправок, Урсула добралась до Хлои Рул и узнала ее.

Здесь, на страницах Джеральда — а потом еще более четко на ее страницах, — миссис Эади предстала как живая, как в тот день в проеме распахнутой двери. Джеральд создал удивительно точный портрет, вплоть до светящихся серых глаз и крупных рук с обручальными кольцами на обоих безымянных пальцах.

К тому времени Урсула окончательно отдалилась от Джеральда, но они все еще обедали вместе, беседовали за столом о девочках, погоде и домашних делах, и в тот вечер, когда Урсула сделала свое открытие, она несколько раз порывалась спросить: «Я узнала эту женщину. Кем она приходилась тебе? Почему ты ее навещал? О да, я знаю, ты ходил к ней. Ради кого ты ходил? И почему после этой встречи ты словно что-то решил, преодолел, вырвал все корни и навсегда увез нас из Лондона?»

Но он молчал, и это молчание останавливало. В тот вечер Джеральд сидел напротив нее и читал, не произнося ни слова. Она помнила даже, какую книгу он читал: письма Пастона,^[15] новое издание, присланное в подарок каким-то редактором. А если бы она и спросила, он все равно бы не ответил. На другой день Урсула вернулась к его каракулям, к исчерканным страницам, и повстречала молодого человека, отнюдь не похожего на Джеральда, — доброго, нежного Поля.

Друг Поля когда-то порекомендовал юноше пансион своей тетки, Хлои Рул. Здесь молодой человек устроил свою «берлогу», сделался кем-то вроде сына для пожилой женщины и наблюдал ее постепенное угасание. Какой талант, с невольным восхищением подумала Урсула. Джеральд сумел изобразить эту женщину при первой встрече с Полем еще не старой, лет сорока, но Урсула узнала в ней старуху, которую видела лишь однажды. Миссис Эади была стара, ей давно перевалило за семьдесят. Черные волосы Хлои Рул поседели, волевое лицо одрябло, приятные округлости, отмеченные Полем в первый раз, пожирал рак. Но это, несомненно, была та самая женщина, и Урсула с содроганием поняла, что Джеральд ее любил.

Вместо Лейтона он поселил ее в Хоунслоу, наделил высоким серым домом, вместо шестерых детей дал всего двоих. Не было убитого сына, пропавшего сына, дочери, ушедшей в монастырь, только сын и дочь, третьестепенные персонажи, почти не участвовавшие в повествовании. А другие дети — кто знает, быть может, они фигурировали в «Бумажном пейзаже» или в «Вестнике богов». Всю жизнь Джеральда можно найти в

его романах — и не обнаружить ничего.

Чем больше Урсула узнавала о Джеральде, тем меньше знала о нем. В тот день, возвращаясь домой с Гудвин-роуд, она чувствовала себя виноватой: она неверно судила о муже, напрасно попрекала его. Никто не навещал миссис Эади, кроме соседки, которой она оставляла ключ, чтобы та присмотрела за домом, пока хозяйка лежала в больнице. У этой женщины была большая машина, муж — высокий брюнет, он, наверное, как-то раз и заглянул сюда по просьбе жены.

Дикки Парфитт ошибся. Впрочем, Урсула особо и не рассчитывала на него. Стыдясь самой себя, она села за стол и написала в детективное агентство письмо с отказом от услуг и просьбой выслать ей счет. Прошло какое-то время, прежде чем она поняла, что, в сущности, ничего не изменилось: она так и не узнала, зачем Джеральд ездил на Гудвин-роуд, а главное — почему отвергает жену.

На следующий день Джеральд вернулся из Девона с предложением. Он был ласков, шутлив, снисходителен, раньше под настроение называл бы ее Медвежонком. Не переехать ли в провинцию? — вот что он предлагал.

— Уедем из Лондона. Будем жить за городом. На берегу моря.

— Разве ты можешь оставить Лондон? — усомнилась она.

— Почему бы и нет? На службу я не хожу.

— Так вот куда ты ездил. Присматривал дом?

Прежде Урсула бы не осмелилась задать ему этот вопрос в упор. Но она перестала бояться, перестала почтительно трепетать перед ним.

— А говорил, что ищешь материал?

— Я был в Девоне, — сказал он. — В северном Девоне. Самый красивый пляж во всей Англии. Дом на утесе с видом на остров Ланди. — Он оглянулся на жену, глаза его так и горели. — Надо было предупредить заранее? Собираешься покапризничать?

Словно немолодая женщина, а не балованная дочка Бетти и Герберта Вик, она ответила:

— Я никогда не капризничаяю.

— Что верно, то верно. Вот и хорошо. Ну же, Урсула, Малая Медведица, созвездие мое, порадуйся хоть немного. — Урсула уставилась на мужа с таким недоумением, что он впервые на ее памяти покраснел. — Ну же, — повторил он. — На следующей неделе поедем вместе в Гонтон, всей семьей, посмотрим дом. Тебе понравится.

Наверное, понравится, подумала она. И он молодец, что спросил. С Джеральда случилось бы купить дом и волевым решением переместить туда семью. Перед поездкой в Девон он снова исчез на день, но теперь Урсула не

спрашивала, куда он отлучается, ее это больше не волновало. Дикки Парфитту заплачено, тот поворчал, но сдался и исчез из ее жизни. А потом Джеральду приснился тоннель. Вроде бы это случилось накануне отъезда в Девон. Перед рассветом того дня. И Урсула пришла к нему, утешала, уснула рядом с ним.

Когда они вместе с Джеральдом и девочками впервые осматривали Ланди-Вью-Хаус в сопровождении риэлтора, Урсула ощутила себя нормальной женой и матерью. Любимой женой обычного человека из пригорода, матерью двух славных детишек. Муж получил повышение по службе и может наконец купить дом их мечты. Стоял теплый августовский день, лето заканчивалось. И в прошлый раз, когда Джеральд отыскивал этот дом, день был таким же солнечным и светлым. Супружеская пара, которая скрепя сердце продавала жилище, чтобы перебраться поближе к дочери в Мидлендс, демонстрировала покупателям просторные комнаты — все с видом на густую зелень леса, а за окнами трех угловых простиралось море.

Сад зарос цветами, которые, сменяя друг друга, цвели в течение полугода: гортензия, цмин, гвоздичник. Тогда эти названия ничего не говорили ей. Издали сад казался свежим, вблизи — несколько запущенным. Лужайка пожелтела под лучами солнца, но синева моря ни с чем не сравнится, и воздух настолько прозрачен, что на острове Ланди видны отдельные деревья и трещины на скалах.

За спиной продавцов Джеральд сказал негромко:

— Здесь я мог бы работать.

Он выбрал помещение на первом этаже, продолжение основного здания, что-то вроде небольшого флигеля. Вдоль двух стен кабинета уже стояли книжные полки. Урсула догадывалась: Джеральд прикидывает, как разместить дополнительные стеллажи. Подхватив Хоуп на руки, он носил ее вверх и вниз по лестнице и нашептывал на ухо, где будет ее комната, где — Сары.

Обида на то, что Джеральд решил все сам и выбрал место, не посоветовавшись с ней, начала рассеиваться. Дом словно разгонял черные мысли. И потом, она уже привыкла так мало требовать от мужа, что почувствовала себя польщенной, когда ее мнения спросили. Еще больше она удивилась тем вечером в гостинице Барнстеpla, где они остановились на ночь.

— Не купить ли нам этот дом? — спросил Джеральд.

— Давай! — радостно откликнулась она. — Он мне так понравился!

— И мои девочки смогут купаться каждый день, — добавил он.

Через три недели Урсуле показалось, что она беременна. Что она

ощутила — страх? надежду? И то, и другое. Еще один ребенок, которого муж отнимет у нее? Ребенок, за которого она станет бороться, который будет принадлежать ей? Впрочем, выяснилось, что она не беременна, так что эта проблема отпала. Отпала навсегда: Джеральд ясно дал это понять, запершись в своей спальне, так что Сара, явившись поутру к отцу, дергала за ручку и звала: «Папочка,пусти!»

В декабре, после четвертого дня рождения Сары, они перебрались в новый дом, продав старый в Хэмпстеде. Шел дождь, серо-стальное море пронзали миллионы блестящих булавок. Двенадцать больших картонных коробок были набиты книгами, и Джеральд тут же принялся их распаковывать. К утру сгустился туман, и все — дом, сад, дюны — оказалось плотно им укутано, море исчезло. Джеральд пришел в ярость. Заявил, что не купил бы дом, если б знал про эти туманы.

Урсула не понимала, что с ним творится. Подумаешь — нависли облака, белая кисея оставляет капли влаги на листьях и на окнах. Она успела познакомиться с соседкой, и та сказала, что туман над морем обычно держится не более суток. Урсула передала ее слова Джеральду, но тот, ничего не отвечая, укрывся в кабинете, опустил занавески и включил свет.

Урсула возилась в соседней комнате, в той самой, где потом будет спать Полин, стелила постель для гостя: Джеральд пригласил на выходные предшественника Роберта Постля, Фредерика Киприана из «Карлион Брент», который «открыл» Джеральда — первым прочел «Центр притяжения». По ее мнению, с приглашением можно было бы подождать недельку-другую, но Джеральд всегда поступал по-своему — к этому Урсула уже привыкла.

Он вошел в гостевую комнату, держа за руки дочерей, и заявил:

— Мне нужны в комнате плотные шторы. Плотные темные шторы. Можно это устроить?

Мало что раздражает больше, чем грамматические ошибки и неправильное словоупотребление в устах несомненно умного человека.

«Вестник богов»

Таким Сара его себе и представляла, и это сбивало с толку. Ведь мы редко угадываем внешность человека. Жизнь полна неожиданностей и противоречий. Джейсон виделся ей долговязым парнем с круглым прыщавым лицом, в очках и с длинными невымытыми волосами. А потому, подъезжая к Ипсвичу, Сара уверила себя, что ее встретит приземистый крепкий человек с гладким лицом и короткой стрижкой. Однако первоначальный портрет до такой степени совпал с оригиналом, что Сара чуть не расхохоталась.

Единственная ошибка — Джейсон оказался существенно старше. Почти ее ровесник, черты лица окончательно определились, прыщи исчезли, оставив шрамы и рытвины. Глаза голодные — может быть, он и в самом деле недоедает.

Он снимал комнату в пригороде, на противоположном от бабушки краю Ипсвича. Здание викторианской эпохи, типичный городской особняк Саффолка из белого кирпича. Фасад не украшен эркерами, но дом четырехэтажный, и Джейсону досталась комната на самом верху, в дальнем конце коридора. Обычное студенческое жилье, грязное, повсюду бумаги и книги, одежда, невымытые стаканы и чашки, постель не застелена, на стенах — календарь и женский портрет Модильяни, за окном — крыши домов, захламленные дворы и помойки.

Джейсон предложил Саре кофе, она согласилась, чтобы не обидеть хозяина, но ее так и передернуло, когда он извлек кружку из-под кровати и наскоро сполоснул холодной водой. Печенье он почему-то хранил в стеклянной банке, краешки галет потрескались, словно ободки старых тарелок, и Сара поспешно покачала головой, отказываясь от угощения. Удивленно покосившись на нее, Джейсон сам налег на печенье. Она лишь потом поняла, что он хранил этот деликатес специально для нее.

— Так, — заговорил он, — кое-что я для вас нащупал.

— Доктора Наттола?

— У него было два сына, — сказал Джейсон. — Доктор, конечно, давно умер, и один из сыновей тоже. Насколько я понимаю, естественная смерть: ему было восемьдесят. Второй, Кеннет, родился в феврале 1921-го.

— Сплошные Кены, — вздохнула она.

— Вот именно. Модное имечко в те времена. Теперь Кеном зовут разве что китайского повара. В общем, где бы этот Кен сейчас ни был, для вашего отца он несколько староват. В 1951-м, когда ваш отец поменял фамилию, Кену было тридцать лет, а не двадцать пять. Как по-вашему, он взял бы имя человека на пять лет младше его?

— Скорее уж так, чем на пять лет старше, — возразила Сара. — Почему бы не сделаться моложе? Люди всегда к этому стремились.

— В самом деле? — с сомнением переспросил Джейсон Тэйг. — Когда ваш отец умер, ему разве могло быть семьдесят шесть лет?

— Не знаю. Возможно. Все люди разные, и старятся они по-разному. Как знать? Он говорил, сколько ему лет, и я этому верила. — Она все принимала на веру, как любой человек на ее месте. — Можно разыскать очередного Кеннета?

— Не знаю. Нам ведь нужен человек, которого мы не сможем найти, так? Попытаться можно. Его отец умер в Ипсвиче, и брат тоже. Я начну с телефонного справочника. И вот еще о чем я хотел вас спросить...

Сара мрачно глянула на него. Приезд в Ипсвич и разговор с Джейсоном каким-то образом привели ее к выводу, что всю затею пора бросать. Чувство поражения было иррациональным, нелогичным, но Сара вдруг осознала, что расследование ни к чему не приведет. Слишком много допусков, вся постройка держится на гипотезе, будто человек, ставший Джеральдом Кэндлессом, был знаком с покойным Джеральдом или, по крайней мере, слышал о его смерти.

— Да? — со вздохом переспросила она.

— Насчет книг, которые вы мне послали. Читать я их пока не читал...

Сара пожала плечами. Как ни странно, студенты, люди, которым постоянно приходится иметь дело с новыми знаниями и печатным словом, оказываются донельзя ленивыми, как только речь заходит о чтении. Сара к этому привыкла. Она преподавала в университете.

— Полагаю, вы заняты учебой.

Джейсон не принял подсказку:

— Книги я не прочел, но в руках подержал. Что означает эта бабочка на обложке?

— Бабочка? А, черный мотылек.

— Пусть мотылек. Что он означает?

Ответа Сара не знала. Она никогда не спрашивала отца, никогда над этим не задумывалась.

— Этот рисунок был на его бумаге для письма, на визитных карточках и на книгах, конечно. А почему, не знаю. Разве это важно?

— Может быть. Мне ведь поручено искать ключ, верно? Откуда вы знаете, что это именно мотылек, а не бабочка? Конечно, между ними есть отличия, и вы, похоже, их знаете.

— Отец говорил, что мотылек, — пояснила Сара. — Он называл эту эмблему «мой черный мотылек». Больше я ничего не знаю.

— Вы не могли бы выяснить? У матери спросить?

— Она ничего не знает. Может быть, сестра что-то слышала. Да и какой во всем этом смысл, Джейсон? Не пора ли бросить нашу затею?

Джейсон скорчил смешную гримасу. Подумать только, некоторым женщинам нравятся такие вот изъеденные лица. А что, ведь полно киноактеров, в отрочестве страдавших от прыщей не меньше, чем Джейсон Тэйг. Правда, этим сходство между ними исчерпывается.

— Значит, вы за этим и приехали — сказать, что пора все бросить?

— Нет, — ответила она, — решила только сейчас.

Ничего не выйдет. Ни в книгах отца, ни в его бумагах, ни в словах не осталось ключа, ни малейшего намека, который помог бы в розысках.

— Вот вы, мужчина, — продолжала Сара. — Как бы вы поступили? В смысле — если решили бы сменить имя?

— Я об этом думал. Собственно, с этого и начал работу. Я бы сменил имя официально, но тогда полагается публиковать объявление в газете. У вашего отца имелись причины сделать это втайне. Мне вот не очень нравится мое имя. И фамилия. Джейсон, смейся. Вейся, Джейсон. Лейся, Джейсон, не пролейся. Если б я выбирал себе имя, я бы взял такое, какое мне нравится: Джонатан. Если у меня будет когда-нибудь сын, я назову его Джонатаном. А фамилии мне нравятся односложные и не самые распространенные: Дин, Белл, Кинг. Как насчет «Джонатан Кинг»?

— По-вашему, отцу нравилось сочетание «Джеральд Кэндлесс»?

— А что, не похоже? Наверное, имя Джеральд нравилось Кэтлин и Джорджу Кэндлессам, раз они так называли своего сына.

— Это нам не поможет, — сказала Сара, — ведь мы не знаем, почему оно им нравилось. Вы вот не знаете, почему выбрали имя Джонатан Кинг?

— Мне нравится, как звучит.

— Вот видите.

Роберту Постлю она отослала более чем осторожное, даже загадочное

письмо. Перечитывая его во второй или третий раз в своем кабинете на Монтегю-стрит, пытаясь уловить смысл между строк, Роберт решил, что Саре надоело возиться с мемуарами — как еще понимать выражение «непреодолимые в данный момент проблемы» и «затруднения в связи с установлением подлинной генеалогии моего отца»?

Он вернулся в офис после ланча с матерью Сары Кэндлесс и главой отдела распространения «Карлион Брент». В январе должна выйти девятнадцатая, и последняя, книга Джеральда, «Меньше значит больше». Элен Киркман уговаривала Урсулу помочь с продвижением книги на рынок. Потом Урсулу пригласили в отдел распространения и принялись обсуждать, каким газетам и журналам она даст интервью, в каких телепередачах снимется, в каких мероприятиях примет участие. Урсула, судя по ее испуганному виду, ни о чем подобном и не помышляла. Бедняжка думала, ее привезли в Лондон, чтобы согласовать дизайн обложки или спросить, можно ли поместить на форзаце фотографию Джеральда — не более того.

Как человек осторожный, Постль не упоминал при Урсуле о начатой Сарой биографии и письме. Он догадывался, что обе девушки не очень-то ладят с матерью. Джеральд избаловал их до безобразия. Роберт хорошо знал, какими вырастают избалованные дети, с которыми все носились в первые годы жизни: многообещающее начало, а потом — пшик. Ни упорства, ни цепкости, не говоря уж о том, что они отнюдь не склонны выслушивать чьи-либо замечания.

И письмо Сары — лишнее тому подтверждение. Ей, видите ли, понадобилось знать, почему отец хранил у себя в кабинете пальмовый крест, и она спрашивает об этом Роберта «как христианина» — боже, как он ненавидел это определение. Он католик, если угодно — приверженец Римско-католической церкви. Все жители Запада — христиане, хотя многие — отпавшие от веры или заблудшие. Постскриптум тоже не порадовал:

«Не знаете ли, почему папа помещал на обложках книг эту эмблему — черного мотылька?»

Постль понятия не имел, откуда взялся этот мотылек. Джеральд Кэндлесс достался ему по наследству лишь в 1981 году, когда Фредди Киприан вышел на пенсию. Девчонка просто решила забросить мемуары об отце. Он-то, дурак, надеялся получить первый вариант книги к Рождеству, издать ее одновременно с массовым вторым тиражом «Меньше значит больше». Сколько людей отдали бы десять лет жизни, только бы

опубликовать свою книгу! А она... Постель положил письмо поверх стопки бумаг и пошел вниз попрощаться с Урсулой: ее поезд уходил с вокзала Паддингтон в три тридцать.

С рекламой книг Урсула никогда не имела дела, даже не бывала в этом здании, куда издательство переехало с Фицровии тринадцать лет назад. Тогда Джеральд сменил агента, но с ним Урсула встретилась лишь однажды, на публичном обеде. Предшественник Элен Киркман (с тех пор их сменилось двое или трое) предупредил Джеральда: если он не начнет появляться в сопровождении жены, желтая пресса заподозрит, что с его браком неладно.

И еще как неладно! Они достигли нижней точки — и на ней продержались до самого конца. Урсула пришла на ужин, но ее даже не посадили за один стол с мужем. Она сходила на еще один прием, к американскому послу, светский и шикарный. Предотвратив тем самым возможные сплетни, Джеральд успокоился и не повез супругу с собой ни в турне по Америке, ни на фестиваль искусств в Австралии. Вышел новый роман, Джеральд разъезжал по стране, в основном по крупным центрам, выступал перед публикой, читал отрывки из книги, раздавал автографы, но и тут вполне обходился без жены.

Как-то раз, вскоре после переезда в Ланди-Вью-Хаус, Джеральду выпала поездка по Девону, и Урсула отправилась с ним. В те времена рекламная кампания не считалась столь необходимым делом, тем более для художественной литературы, и все мероприятия проходили намного спокойнее. После выступления книготорговцы угощали их шампанским и платили за ужин, хотя Джеральду удалось продать в Плимуте всего двадцать экземпляров расхваленного критиками «Вестника богов» и в Эксетере — семнадцать. Потом уже Урсула пришла к выводу, что поездка была формой компенсации за то, что муж перестал спать с ней. В ту пору он еще старался по-честному расплатиться с ней — в основном деньгами.

Она могла позволить себе практически любые траты на обустройство Ланди-Вью-Хауса, нанять помощников для работы в саду и в доме. Она приглашала погостить родителей, сестру и Пэм, которая была ее подружкой на свадьбе, а теперь и сама обзавелась мужем и детьми. На школьные каникулы приезжала Полин. Вслед за Фредериком Киприаном явился Роджер Паллинтер, потом Артуры, Битти Парис, Мэгги. По словам Джеральда, все это делалось для Урсулы, чтобы она не скучала. Потребовалось пронизательность ее сестры Хелен, чтобы обнаружить скрытую патологию:

— Обычно, когда люди женятся, общими друзьями становятся друзья

жены, а не мужа. У вас с Джеральдом все наоборот.

В ту пору ей еще не стало безразлично чужое мнение, не хотелось, чтобы Хелен, или Паллинтеры, или Артуры обнаружили отдельные спальни супругов. Вот почему она так дорожила гостевой комнатой на первом этаже. Летом — их первым летом в этом доме — приехали Колин и Сэлли Райтсоны.

Когда Урсула вышла замуж за Джеральда, она была благодарна Райтсонам, столь чудесно повлиявшим на ее жизнь. Хотя Колин ей не очень нравился, Урсула считала его кем-то вроде ангела-хранителя: не поскользнься он тогда и не сломай себе ногу, она бы не познакомилась с Джеральдом. Теперь, спустя восемь лет, ей представлялось, что Колин причинил ей зло. Всякий раз при виде Райтсонов она поневоле вспоминала тот день, когда Сара позвонила Бетти Вик и сообщила о приключившемся несчастье, вспоминала, как тревожилась при мысли, что Колина заменит незнакомый ей Джеральд Кэндлесс.

Колин Райтсон прославился любовными похождениями — больше, чем своими историческими романами, говорили злопыхатели.

— Почему же Сэлли его не бросит? — вслух удивлялась Урсула.

— Хлеб с маслом, — ответил Джеральд.

— Ты хочешь сказать, она живет с ним из-за денег?

— Большинство браков держатся на экономических связях. Иными словами, женщины не могут сами содержать себя. Скоро все изменится, но это будущее пока не настало.

Он говорил с ней — если снисходил, конечно — не как с партнером по браку, а как со случайным знакомым из паба. Урсула не призналась мужу, что Колин Райтсон приударял и за ней. Ей это не показалось ни приятным, ни забавным, ни угрожающим, ни оскорбительным. Колин ей не нравился. Он был старше Джеральда, почти возраста ее отца, лицо багровое, толстый, подслеповатый, неуклюжий, одежда провоняла табаком.

Райтсоны приехали в субботу после обеда. Сэлли, Колин и Джеральд отправились на прогулку с детьми, бросив Урсулу дома. Почему она осталась? Мигрень, наверное. В ту пору начались ее мигрени, однако боль либо прошла почти мгновенно, либо ее вовсе не было, ведь, когда Колин внезапно вернулся, она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы исполнить его желания.

Срочно понадобилось позвонить в Лондон, сказал Колин. Вернее, так он сказал Сэлли и Джеральду, Урсуле же вещал совсем другое — нагородил чепухи, которую неловко было слушать: она, мол, не выходит у него из головы, он же не каменный, и приехал в Ланди-Вью-Хаус только по этой

причине. Он сидел на диване рядом с Урсулой, затем они отправились в гостевую комнату.

Это было ужасно, это было дивно, это было то, чего она так долго ждала, — как выяснилось, все равно с кем. Если не смотреть в лоснящееся от пота багровое лицо с трясущимися, словно желе, щеками.

— Тише, тише, — уговаривал он.

Но она не могла сдерживаться, столько времени прошло.

— Тише, девочка! — пыхтел он. — Полегче, а? Я же так не продержусь... Бога ради...

Ему, наверное, больше нравились пассивные, улыбчивые тетки. Во всяком случае, больше он не приходил. А если бы пришел, иступленно твердила себе Урсула, она бы его прикончила — прихватила бы с собой разделочный нож и всадила бы в толстое брюхо.

Иногда ее подмывало рассказать Джеральду. Посмотреть, как он отреагирует. Но вместо этого она спросила, что сделала не так. Много лет она потом с яростью вспоминала свой робкий вопрос: не «что с тобой», не «почему ты меня больше не хочешь», а «в чем я провинилась». Когда началась эмансипация, Урсула стала читать о правах женщин и в какой-то мере прониклась новыми идеями. Она поняла, что так ее воспитали. И мать, и сестра Хелен — все были уверены: когда в браке что-то не ладится, виновата жена.

— Ничего, — сказал он.

Вот и весь ответ: ничего.

— Мы не ведем нормальной супружеской жизни, — продолжала она, не в силах выговорить «не занимаемся любовью». — Живем в разных комнатах. Почему? Вот я и спрашиваю, что я сделала не так. Чем не угодила?

Тогда он ответил. И она пожалела, что задала этот вопрос.

— Просто ты не тот человек. Не надо обижаться: нужной мне женщины нет и быть не может.

— А была? — шепотом выговорила она.

— Нет.

— Джеральд, чего ты хочешь от меня?

— Ничего, — повторил он.

К тому времени Урсула повзрослела. Она уже меньше боялась мужа.

— Так не годится, — сказала она. — Этого недостаточно. Я заслуживаю более честного ответа.

Джеральд вздохнул. Как ни странно, ей припомнилась строка Шекспира. Когда-то в школе Урсула играла леди Макбет, и сейчас выплыло

это стихотворение: «Сердце чем-то больно». Он вздохнул так, словно сердце его было чем-то больно:

— Когда мы поженились, я думал, что справлюсь. Думал, у нас получится. — О детях он не упомянул ни словом. Это происходило за четырнадцать лет до «Впроголодь». — Это не моя вина и не твоя.

— Объясни хотя бы, в чем дело.

— Попытаюсь. Отчасти. — От больного сердца его лицо посерело. — Задолго до встречи с тобой я сделал... одну вещь. Сделал случайно, по неведению. Не подлость, не преступление, но это разрушило мою жизнь. Я исправлял ее, как мог, но было поздно. Прости, нет сил об этом говорить. Когда-нибудь попытаюсь написать — в старости, может быть.

— Но при чем здесь я?

Джеральд словно не слышал вопроса:

— Мы не любим людей, которым причинили зло. Я знаю, что причинил тебе зло, вот в чем дело. Если тебе от этого легче — у меня никого нет. Полное и безусловное воздержание, можешь поверить.

Урсула поверила, но легче ей от этого не стало. Получается, зря она тратилась на сыщика. Брат Ян недавно развелся и женился на Джуди — как раз вовремя, чтобы их ребенок считался законным. Родные Урсулы убедились, что развод еще не конец света и возможен повторный брак. Кстати, и Роджера Паллинтера только что оставила жена.

— Ты просишь, чтобы я осталась с тобой? — собравшись с духом, спросила она.

— Нет, — ответил Джеральд. — Я ни о чем не прошу и ни на что не рассчитываю.

Урсула надеялась услышать, что он этого хотел бы, что она ему нужна. Но он сказал:

— Раз уж мы заговорили откровенно, могу признаться: мне все равно, останешься ты или уйдешь. Поступай как знаешь. Дети ты никогда особенно не интересовалась, и они, разумеется, будут жить с отцом.

Ничего более жестокого Урсула в жизни своей не слышала. Это потрясло ее так, что дыхание перехватило, и она замолчала. В ту ночь она горько плакала. На следующий день, в воскресенье, в газетах появились первые отклики на «Мольбы» — книгу приняли гораздо лучше, чем все его прежние работы. Критики заговорили о человечности Джеральда, о его сострадательности, о способности воспроизвести на страницах книги ту магию, которая соединяет мужчину и женщину.

Он поехал в Гонтон и скупил все газеты. Ничто не радовало его больше, чем положительные отзывы, и никогда еще его так не хвалили. Он

передавал газеты Урсуле через стол. Не успевала она просмотреть одну рецензию, как он зачитывал ей вслух другую, смеясь от счастья, один раз даже по-детски захолопал в ладоши. По-видимому, напрочь забыл вчерашний разговор или не придавал ему значения.

А теперь она должна стать его душеприказчицей, способствовать распродаже последней книги. Шагая по Рассел-сквер к метро, Урсула перебирала в уме все мероприятия, о которых с энтузиазмом поведала эта женщина, Элен Киркман: выступить на радио, в «Калейдоскопе», поговорить о творчестве Джеральда, потом еще телепрограмма «Книжный червь», интервью в «Гардиан» и «Таймс». Она призналась Элен и Роберту Постлю, что последний раз читала (или хотя бы держала в руках книгу Джеральда) двенадцать лет назад.

А теперь еще и это — Джеральд оказался не тем, за кого себя выдавал. Совершенно очевидно, что Роберт и Элен ничего не знают. Им неизвестно, как глубоко задело Урсулу это известие, каким чужим и страшным стал для нее дом. Она сразу же решила продать его и переехать. Заставила себя подождать до утра, не действовать под влиянием момента. Но солнце зашло и вновь поднялось, а Урсула все так же твердо намеревалась избавиться от Ланди-Вью-Хауса.

Вернувшись домой, она разберет все бумаги, закончит дело, которое было начала, но отступила в страхе. Наведет порядок, стерильную чистоту, уничтожив все следы Джеральда, и тогда выставит дом на продажу. Вот о чем размышляла Урсула, когда встретила взглядом с Сэмом Флемингом.

Первая реакция была детской: захотелось спрятаться. Не попадаться ему на глаза или, по крайней мере, сделать вид, будто она его не заметила, проскользнуть мимо, глядя под ноги. Но поздно — он увидел ее и протянул обе руки:

— Урсула!

Щеки заалели.

— Привет!

— Постойте, я угадаю. Вы были в издательстве?

Особой проницательности для этого не требовалось. Зачем еще она приехала бы в Лондон — чтобы посетить Британский музей?

— Я спешу на электричку, — сказала Урсула.

— В котором часу ваш поезд?

Она ответила честно — и тут же пожалела об этом: не могла соврать, перенести отправление на полчаса раньше!

— У вас много времени в запасе, — сказал Сэм. — Мы вполне успеем выпить по чашке чая.

Сидя напротив него в кафе, Урсула подумала, что вполне может высказать свои мысли вслух. Терять ей нечего. В эту минуту, помешивая чай, она вдруг поняла, что терять нечего — все потеряно.

— Зачем вы пригласили меня? — спросила она, прямо глядя Сэму в глаза. — Если бы вам хотелось повидаться, вы бы мне позвонили. Случайная встреча. Вы стараетесь быть вежливым? Нет никакой надобности.

— Я звонил вам, — сказал Сэм. — Звонил дважды. В первый раз мне сказали — я, признаться, не поверил, — что я не туда попал, во второй раз не застал вас, но просил передать мой номер телефона.

— Ясно. — Значит, это было в выходные, когда девочки гостили дома. — Наверное, вы говорили с моей дочерью. Мне ничего не передавали.

— Я хотел объяснить, что хотел поближе познакомиться с вами вовсе не ради книг вашего мужа. Не ради драгоценных первых изданий. Это просто смешно. Я хочу узнать вас потому, что вы мне нравитесь. Вы очень привлекательны. Мы могли бы найти общий язык.

— Спасибо за откровенность, — сказала она.

— Я по-прежнему уверен в этом. Более чем когда-либо. Эта случайная встреча — счастливое совпадение. Мне невероятно повезло.

— Не совсем случайная. — поправила Урсула. — Неподалеку находится ваш магазин, так? Каждый день примерно в это время вы проходите по площади. Однажды и мне пришлось пройти здесь. — На миг она ощутила отголосок того чувства, которое поразило ее — да, поразило как болезнь, тогда, летним вечером в отеле. Голос Сэма, его лицо, столь явное желание понравиться ей... Уже много лет никто за ней не ухаживал. — Мне пора на поезд, — объявила она.

— Я пойду с вами. Провожу вас. Так ведь обычно делается?

Урсула заверила Сэма, что провожать ее не стоит. Всего одна остановка до Кингс-Кросс и пересадка на кольцевую линию. Спасибо, что предупредили, откликнулся Сэм, но вообще-то он знаком со схемой лондонского метро, и это не мешает ему проводить Урсулу.

На перегоне между Кингс-Кросс и Юстон-сквер поезд затормозил и простоял десять минут. Урсула расспрашивала Сэма про Молли, он рассказывал ей о детях, и как раз заговорил о том, что Молли придется подумать о новом браке, когда Урсула сообразила, что опаздывает на поезд. Добраться до Паддингтона вовремя уже не удастся, а следующий поезд слишком поздно, она не успеет сделать пересадку в Барнстепле. Электричка дернулась, тронулась с места, но было уже поздно. Она прикинула, не попроситься ли переночевать к Саре или Хоуп. Одна из них

откажет, вторая позволит приехать, но таким мрачным тоном, что ей этого не вынести.

Глаза быстро наполнялись слезами. Сэм с тревогой поглядывал на нее. Все ясно, сказала себе Урсула, нервы сдают. Еще немного — и я окончательно потеряю голову, развалюсь на куски.

— Что случилось? — спросил он.

— Я опоздала на поезд.

— Понятно. Выйдем на следующей остановке.

Это была Бейкер-стрит. На эскалаторе Сэм сказал:

— Забронируем на ночь номер в гостинице, а потом я поведу вас ужинать, и вы поведаете мне свое горе. Догадываюсь, что горюете вы не из-за поезда и даже не из-за смерти супруга.

— Нет, — тихо согласилась она, — нет, не из-за него.

Ей послышалось, будто Сэм сказал, что хотел бы видеть ее счастливой, но на станции было шумно и ей, скорее всего, померещилось.

Когда думаешь, что собеседник тебя слушает, он на самом деле ждет своей очереди высказаться.

«Человек из Фессалии»

Джейсон Тэйг разыскал в Котсволде вдову Роберта Наттола, Анну. Ее супруг работал дантистом в Оксфорде, а выйдя на пенсию, поселился с женой в Чиппинг Кэмплен.

— Кстати, насчет дантиста, — сказала Сара. — Ведь был же у Кэндлессов дантист?

— Вряд ли. В тридцатые годы люди не ходили на регулярные осмотры к дантистам. К нему обращались, только чтобы выдернуть зубы, если разболются. На всякий случай я спрашивал бабушку, и она сказала, что у ее отца к двадцати пяти годам не осталось ни одного зуба.

— Да вы что?

— Вот-вот, так я ей и ответил. У бабушки, насколько я помню, были вставные челюсти. Она не ходила к дантисту до семнадцати лет. А когда переехала в Садбери, ей вырвали зуб.

Как бы понравились отцу рябое лицо и провинциальный говор «родственника»?

— Опять мы в тупике, — сухо подытожила Сара.

— Не сдавайтесь. У нас в запасе точильщик ножей и столяр. Вы чек мне выслали?

Саре было четырнадцать, когда «Гамадриаду» номинировали на «Букера». Достаточно много, чтобы понимать, какое значение придается этой награде, и достаточно мало, чтобы обидеться и жаловаться на несправедливость, когда папочке не досталась победа. Она читала роман и верила, что главная героиня, Дельфина, списана с нее. Уточнила у отца, и тот ответил:

— В Дельфине есть кое-что от тебя и кое-что от Хоуп.

Что именно? Отец пояснил: красота и ум. А как же все остальное? Застенчивость Дельфины, ее доброта, любовь к укромности? Их с Хоуп никто бы не назвал застенчивыми, сдержанными или добрыми, если на то пошло.

— Это другая девушка, из далекого прошлого, — сказал отец. — Нет, я не был влюблен в нее. Это... — Он помедлил и добавил: — Это моя родственница.

Теперь Саре вспомнился тот разговор. В связи с «Гамадриадой» она подумала о Фредерике Киприане. Тогда он еще был редактором отца. После «Гамадриады» он ушел на пенсию, не дожидаясь новой книги. Кое-кто говорил, потому и ушел на пенсию, что «Гамадриада» не получила «Букера». За ужином, когда объявляли победителя, Фредерик повел себя словно уязвленный автор: встал и вышел из-за стола. Издатели, как правило, столь болезненно не реагируют.

Сара несколько раз встречалась с ним в семидесятые годы, когда Киприан приезжал в Ланди-Вью-Хаус с женой или без жены. Он был далеко не молод, жена старше на несколько лет; вскоре она умерла. Сара знала, что Киприан живет неподалеку от ее дома в Кэмдене. Как-то раз она проверяла его адрес по справочнику, а зачем — забыла. Возможно, из праздного любопытства, поскольку ни звонить ему, ни навещать она не собиралась.

Но теперь повод появился. Если Киприан еще не умер — а Роберт Постль подтвердил, что старик еще на этом свете, — то живет он за углом, в двухстах метрах от нее. Сара прошла квартал и осмотрела снаружи здание из красного кирпича с высоким крыльцом. Дом казался заброшенным, необитаемым. Помедлив с минуту, она поднялась по ступенькам и нажала кнопку звонка.

Никто не ответил. Она позвонила снова, и дверь открыла женщина, с виду лет на десять старше Сары, усталая, измученная, раздраженная, в нелепом темно-лиловом костюме.

— Да? — спросила она.

— Я Сара Кэндлесс, дочь Джеральда Кэндлесса. Можно поговорить с мистером Киприаном?

— М-м-м...

— Он издавал книги моего отца в «Карлион Брент».

— Мне это известно, мисс Кэндлесс.

Женщина смотрела на нее с подозрением. Саре показалось, что это дочь Киприана, Джейн. Или Джин? Виделись ли они раньше, много лет назад, или она просто угадала что-то знакомое в этом настороженном, напряженном лице?

— Я была знакома с вашим отцом, — сказала Сара. — В молодости.

— Полагаю, это было не так уж давно, — сухо заметила собеседница. — Что ж, входите. Я Джейн Киприан. Мой отец очень стар и болен. Сами

увидите, — добавила она. — Может быть, вам повезет. Иногда он бывает в себе.

Сару охватило тревожное предчувствие, похожее на страх: предстоит встретиться лицом к лицу с человеком, утратившим здравый ум, контроль над собой. Она шла по коридору вслед за Джейн Киприан. Сам по себе коридор не был темным или зловещим, но, на взгляд Сары, скопище старой мебели, картин, украшений выглядело довольно мрачно.

Перед закрытой дверью Джейн Киприан остановилась и повернулась к Саре:

— Напрасно вы не позвонили заранее.

— Я живу рядом. Проходила мимо.

Сердитый взгляд, нетерпеливое движение плеч, и дверь отворилась. В комнате, представшей взгляду Сары, следовало бы жить выходцу из прошлого века. Она была полностью выдержана в викторианском духе, вплоть до ламбрекена с косичками над камином и фотографий в рамках над ним. Перед незатопленным очагом в покрытом чехлом кресле сидел старик. За те годы, что Сара не виделась с ним, Фредерик Киприан вылинял, съезжился и усох, точно опавший лист.

— Папа! — окликнула Джейн. — К тебе гости.

Старик повернул голову, потянулся к костылям, прислоненным к подлокотнику кресла, потом передумал и протянул навстречу Саре дрожащую руку:

— Урсула!

Сара покачала головой.

— Вас зовут иначе? — поинтересовалась Джейн Киприан.

— Так зовут мою мать.

— А! Он всегда путает. Это мисс Кэндлесс, папа.

— Урсула! — повторил он.

Сара заставила себя подойти ближе, протянуть руку, но Киприан посмотрел на ее кисть, словно на невиданный предмет. Голос его сделался высоким и тонким, словно с годами связки укоротились:

— Ваш муж совсем забросил меня, не навещает.

Она чуть было не ответила, что Джеральд Кэндлесс умер, но вовремя поймала взгляд Джейн, которая выразительно покачала головой. Не зная, как быть дальше, Сара беспомощно обратилась к ней:

— Я хотела спросить его насчет эмблемы на книгах моего отца.

— Попробуйте.

Но она не решилась.

Старик с тонкой кожей, с глазами не от мира сего показал Саре, что

есть вещи, которые ей не по силам. Она и не подозревала раньше об этом недостатке — о неумении общаться со стариками, с выжившими из ума людьми, не такими, как она. Ей вспомнилась беседа с Джоан Тэйг.

— Мне пора, — сказала она. — Зря я пришла.

— Наверное, зря.

Эта женщина презирала ее. Презрение сгущалось в воздухе, Сара физически ощутила его и, отвернувшись к двери, вся подобралась, выпрямила спину. Вслед прозвучал ясный ликующий голос старика:

— Я поймаю вас на слове и непременно приеду, когда погода наладится. Весной, повидать вас и ваших мальчишек.

За дверью, в захламленном коридоре, Джейн Киприан остановилась, чтобы пояснить:

— Альцгеймер, как вы догадываетесь.

— Очень жаль.

— Что ж, вам следовало позвонить.

Сара быстро шла домой, стараясь не думать о том, во что превратилась жизнь этой женщины. Ее трясло. Какая же озлобленная эта Джейн! Зачем так грубить людям? Надо поговорить с Хоуп, сказала она себе. С этого и следовало начать. Может быть, сестра знает, откуда взялся черный мотылек. И Сара поймала такси. У сестер не было принято являться друг к другу без предупреждения, а на полпути она сообразила, что Хоуп гостит у Фабиана, и продиктовала таксисту адрес на Шедвел Бейсин. Длинный путь, ехать на такси — расточительство. Неужели ей так понадобилось пообщаться? Или знакомство с Адамом сделало ее более уязвимой, в каком-то смысле — более одинокой?

Двое родственников Фабиана, провинциалы, остановились у него на несколько дней и ночевали в спальных мешках на полу гостиной. Хоуп, отворившая Саре дверь, обрадовалась при виде сестры, и Сара была тронута, хотя и слегка удивлена таким приемом, пока Хоуп не шепнула ей в коридоре:

— Мы как раз играем в Игру.

— Что? С кузенами?

— Твой приезд окончательно добьет их, и они отправятся в паб. Мы с ними не пойдем, у нас и дома достаточно выпивки.

Родственникам Фабиана, его двоюродному брату и сестре, было около тридцати. Хоуп взяла за лезвия кухонные ножницы и передала их брату:

— Я передаю ножницы закрытыми.

Брат осторожно принял ножницы, раскрыл и передал Саре:

— Я взял закрытые ножницы, и передаю их раскрытыми.

— Неправильно! — возликовала Хоуп.

Сара приняла ножницы, взяла их за кольца, закрыла и передала кухне:

— Я взяла ножницы раскрытыми, и передаю закрытыми.

Кухина раздвинула ножницы, дважды перевернула в воздухе, закрыла и сказала:

— Я взяла раскрытыми и передаю раскрытыми, — и с этими словами вручила ножницы Хоуп.

— Верно, — сказал Фабиан. — А почему?

— Потому что они раскрыты.

— Неправильно.

— Но ведь вы сами так говорите, верно?

Хоуп и Фабиан ехидно посмеивались. Кухина предположила, что все зависит от того, в какую сторону смотрят кончики, а ее брат решил, что считаются повороты. Они играли еще полчаса, но родственники так и не разобрались в правилах. Хоуп и Фабиан веселились от души, и у Сары тоже поднялось настроение. Кузен стал требовать объяснений, но Фабиан отказал наотрез: информация просочится, и они с Хоуп навсегда лишатся любимого развлечения.

— Кто-нибудь идет с нами в паб?

Хоуп решительно отказалась и, только дверь затворилась, извлекла бутылку — на этот раз не вина, а ликера «Стрега».

— Ох, напьюсь! — сказала Сара.

— Очень правильная мысль. По-моему, тебе не помешает. Фаб покопался в истории с убийством в Хайбери — помнишь то дело, на котором якобы основана «Белая паутина»?

— Что-то нашел?

— Он в этом спец.

— Это имеет какое-то отношение к папе, Фаб? И вообще, как по-твоему, «Белая паутина» действительно связана с этим случаем? Проливает хоть какой-то свет на папино прошлое?

Фабиан повертел в пальцах стакан, всматриваясь в колыхание бледно-желтого напитка, задумчиво отхлебнул глоток.

— Я не читал книгу. — Судя по его тону, и не намеревался читать. — Смотри сама. Я все записал. — Он передал ей зеленую папку с десятком исписанных листков.

— Научный подход, — с некоторым испугом протянула Сара.

— Только с виду, — подбодрил ее Фабиан.

— Я все думаю насчет черного мотылька. Он что-нибудь означает? Почему на папиных книгах эта эмблема? Ты что-нибудь знаешь, Хоуп?

— Никогда не задумывалась.

— Просто поразительно, как мало эти две юные леди, столь привязанные к своему отцу, интересовались им, — прокомментировал Фабиан и, поймав яростный взгляд Хоуп, поспешил уточнить: — Я имею в виду — при жизни. Обычно женщины хотят все знать о родителях, об их детстве. И когда на его книгах появился мотылек, вы уже были не маленькие девочки. Могли бы спросить: почему мотылек, папочка?

— Мы не спрашивали, — пожала плечами Хоуп. — Не спрашивали, и все тут.

Словно человек, осознавший глубокую истину, Сара проговорила задумчиво:

— А ведь и правда, люди обычно не проявляют особого интереса к человеку, который поглощен ими. Будто папиного интереса к нам было достаточно, ни для чего другого места не оставалось. Папа жил нами, мы принимали его обожание, но не особо вникали в жизнь самого обожателя.

— Замечательно, — откликнулся Фабиан, на которого эта речь не произвела впечатления. — Только теперь у нас трудности.

— Он бы ничего нам не сказал, — возразила Хоуп, вновь берясь за бутылку. — А может, тебе поговорить с той женщиной, которая делала обложку «Гамадриады»? — предложила она сестре. — Вероятно, ей что-то известно. Ведь первый раз мотылек появился на «Гамадриаде».

— Я ее не знаю. Даже имени не помню. Сколько лет прошло — восемнадцать?

— Зато я знаю. В смысле, знаю в лицо, а зовут ее Мелли Пирсон. Я встретила ее на улице, когда в последний раз ездила к тебе. Наверное, она живет в твоём районе, если только не в гости приходила.

Дважды на одни грабли Сара не наступала. Хотя Мелли Пирсон жила от нее не дальше, чем Фредерик Киприан, и Сара проходила мимо ее дома по пути к станции Чок-Фарм, на этот раз она предварительно позвонила.

— Я очень хорошо помню, как делала обложку для «Гамадриады». Мой первый большой заказ. — Голос спокойный, женщина никуда не спешит, рада помочь. — А потом книга стала бестселлером, о ней много говорили.

— Черного мотылька тоже вы нарисовали?

— Мотылька? А, эту маленькую эмблему. Да, кажется, я. То есть я его скопировала. Это важно?

— Не знаю. Возможно, — сказала Сара.

— Может быть, зайдете ко мне? Вы где-то рядом живете, верно?

На углу Рил-стрит остановилось такси, из машины вышел Адам Фоли.

Хотя Сара знала, что Адам живет в этом районе, от неожиданности душа ее дрогнула. Уже стемнело, но улица была хорошо освещена. Сара шла навстречу Адаму, чувствуя, как сильно бьется ее сердце. Длинная тень на тротуаре казалась изящной, как сам Адам. Он расплатился с водителем, обернулся и смерил Сару равнодушным взглядом. В его глазах не было даже искры восхищения или затаенной надежды, которую Сара привыкла подмечать в глазах случайных прохожих, — он попросту не обратил на нее внимания. И Сара ответила столь же отчужденным взглядом, прошла мимо, не замедляя шага, не оборачиваясь.

В следующую пятницу он наведается в Барнстепл, и Сара поедет в Ланди-Вью-Хаус. Предвкушение разливалось по коже словно горячий пар. Волна возбуждения сотрясла все тело, окружающий мир померк, и Сара, сама того не замечая, прошла мимо дома Мелли Пирсон. Затем опомнилась, повернула назад.

Она не сразу очнулась от грез. Ей пришлось постоять на пороге, с трудом переводя дыхание, сжимая кулаки. Не дожидаясь звонка, Мелли Пирсон распахнула дверь:

— Звонок не работает? С ним такое бывает. Я вас поджидала.

Вернувшись к реальности, Сара увидела оригинал обложки — не «Гамадриады», а «Белой паутины». Акварель стояла на мольберте. Голубой, белый и лилово-серый пейзаж, деревья расплываются в тумане, только птицы у пруда прорисованы четко.

— Я делала обложки для четырех книг вашего отца, — пояснила Мелли Пирсон. — Он купил у меня все оригиналы, кроме этого. Эта обложка ему почему-то не понравилась.

— Вы сказали, что срисовали откуда-то мотылька, — напомнила Сара. — Я, в общем-то, в этом плохо разбираюсь. Вас заранее попросили включить эмблему в рисунок или вы потом добавили его?

— Вроде того, — рассмеялась Мелли Пирсон. — Я видела мотылька на ксерокопии и постаралась, чтобы эмблема и рисунок не мешали друг другу. Понимаете, что я имею в виду? Скажем, если бы я сделала для «Гамадриады» темную обложку, мотылька не было бы видно.

— Как он называется?

— Мотылек? Не помню. Ваш отец передал мне ксерокопии иллюстраций из старой книги, кажется «Мотыльки Британских островов», что-то в этом роде.

— И вы не помните названия?

— Прошло девятнадцать лет, — сказала Мелли. — Одного мотылька я запомнила — «Танагра», похоже на «Танагрские статуэтки». Знаете,

терракотовые фигурки из Древней Греции. Но по-моему, для обложки я нарисовала другого мотылька. Можно посмотреть мои планы и наброски для «Гамадриады».

— Они сохранились?

— Я очень педантичная женщина, хотя с виду и не скажешь.

Фотографии и зарисовки водных птиц, диких уток, кроншнепов, крохалей, шилоклювок. Сначала Сара подумала, что художница перепутала папки, но потом вспомнила призрачные фигуры птиц на суперобложке «Белой паутины», серые перья, длинные тонкие ноги. Вот и первый вариант обложки, без птиц, только болото и туман, горизонт размыт.

Отец отверг это набросок, счел его слишком расплывчатым, обобщенным. И со второй попытки художница не угодила ему — вот второй вариант, с гусями, лапчатые следы на бледном мерцающем фоне, словно опавшие кленовые листья. В ход пошла третья акварель, где туман почти рассеялся, хорошо видны птицы, облака, прозрачная вода. И здесь появился мотылек — черный как сажа, на фоне серо-голубой с золотом пастели.

Эта маленькая эмблема будет появляться вновь и вновь на каждой книге Джеральда Кэндлесса под крылатыми стопами — логотипом «Карлион Brent».

Судя по примечаниям, написанным изящным почерком художницы, она использовала иллюстрации из «Мотыльков и бабочек Великобритании и Ирландии» Мейтленда Эммета, «Мотыльков Британских островов» Ричарда Саута и «Бабочек и мотыльков сельской местности» Эдварда Хьюма. Мелли Пирсон не жалела времени и сил и — неожиданность для Сары — любила не только образы, но и слова. Под заголовком *Psychinae* она писала:

«Психея, душа, а также бабочка или мотылек. Названы они так из-за аналогии метаморфозы и воскресения. Душа — дух человека, освобожденный от оков плоти. Один источник полагает, что название *Psyche casta* („чистая душа“) связано с тем, что некоторые представители этого рода не участвуют в размножении».

Похоже, в мотыльках скрыто нечто, чего с первого взгляда не видно. Сара всмотрелась в карандашные зарисовки Мелли Пирсон, подробные, с четко проработанными деталями, удивительно изящные. Полосатые и

узорные крылышки, мохнатые, словно у плюшевых мишек, тела. Угольно-черный большой мотылек с длинными усиками, рядом — крошечное существо в коричнево-черной пылице. Более крупное насекомое художница пометила крестиком, под меньшим стоял знак вопроса.

Перевернув страницу, Сара наткнулась на письмо отца, и от неожиданности сердце кольнуло. На миг она прикрыла глаза. Потом, собравшись с духом, прочла письмо от 6 мая 1978 года.

Уважаемая мисс Пирсон, полагаю, мне следует более точно объяснить насчет мотылька. Редактор сообщил Вам, что я хочу поместить такую эмблему на моих книгах, однако меня устроит не любой мотылек, а представитель вида *Erichnopterigini*.

Я никогда не видел его воочию, только на фотографиях. Надеюсь, музей Естественной истории поможет Вам в поисках. Насколько мне известно, у них есть отдел классификации насекомых. Мотылек называется *Erichnopterix plumella*. И еще один момент: надеюсь, Вам не покажется слишком педантичной моя просьба, но ни в коем случае не перепутайте этого мотылька с более крупным *Odezia atrata* — как Вы сами убедитесь, перепутать их несложно.

Буду рад увидеть Ваш проект.

Искренне Ваш

Джеральд Кэндлесс.

Что все это значит? Почему отца беспокоило, как бы одно латинское название не перепутали с другим? Совершенно не похоже на Джеральда, который не интересовался природой, в собственном саду не отличал азалию от герани.

— Что это значит, папа? — спросила она вслух. — Кто же ты такой?

Намек на разгадку забрезжил у нее в голове. *Atrata* — «черная», так? *Post equitem atra cura sedet.*^[16] Запомнившийся со школы латинский стих. Отец беспокоился, что одного черного мотылька художница примет за другого, большего за меньшего? Эти два мотылька, зарисованных Мелли Пирсон, и есть *Erichnopterix plumella* и *Odezia atrata*? Но почему это было так важно? Какая, в сущности, разница? И почему отец предпочел меньшего мотылька, ведь более крупный намного выразительнее? Меньший, судя по рисунку, даже не настолько черный.

— Скажи мне, папа, — повторила Сара. — Что это значит?

Мелли Пирсон ответа не знала. Больше записей в папке не нашлось, только наброски. К последнему варианту была прикреплена бумажка с надписью «Одобрено автором». И все.

Откуда отец знал названия этих мотыльков? Наткнулся на них в ту скрытую от всех пору, когда он еще не сделался Джеральдом Кэндлессом? Названия их вроде бы ничего не подсказывали, как Сара ни ломала себе голову, переставляя буквы и подбирая анаграммы. Возможно, мотылек сыграл особую роль в его судьбе или творчестве. Возможно, как золотой скарабей Юнга, подлетел к окну и помешал написать роковое письмо или сжег себе крылышки на лампе и тем самым указал отцу путь, которого следовало остерегаться.

Если так, ответа она не узнает никогда. И вполне вероятно, разгадка не навела бы ее на след, но почему-то Саре казалось, что именно тут спрятан ключ, и это маленькое черное насекомое скрывает тайну отца.

Джейсона Тэйга всегда приходилось долго ждать у телефона, поскольку аппарат находился на первом этаже и его не могли дозваться. Наконец трубку взяла какая-то женщина и согласилась, так и быть, сходить за Джейсоном. Сара просидела еще несколько минут, прислушиваясь к жизни чужого дома: ветер сотрясал оконные рамы в Ипсвиче точно так же, как в Кентиш-таун, хлопали двери, орало радио. Наконец в трубке послышался голос:

— Спасибо за чек.

Сара содрогнулась. Гнусавит, словно провинциальный диск-жокей.

— Не могли бы вы найти книгу про бабочек и мотыльков и посмотреть кое-что для меня? Или поговорить со специалистом? У вас в университете нет кафедры энтомологии?

— Очень сомневаюсь, — ответил он, — вот если б вам понадобился бизнес-менеджмент или компьютерные технологии...

— Спасибо, не надо. Мотыльки называются *Odezia atrata* и *Erichnopterox plumella*.

Джейсон попросил продиктовать по буквам, и Сара принялась диктовать на отцовский манер. В отрочестве им с Хоуп это казалось остроумным и увлекательным: «э» — эпистемология, «п» — поймерий, «и» — ихтиотоксикоз...

— Ага, — перебил он, — а может «п» — претензии, «и» — издевательство? Перестаньте хоть на минутку умничать и просто назовите по буквам!

Он оскорбил память ее отца! Холодным формальным тоном Сара

медленно, по буквам, произнесла латинские названия.

— Записали?

— Конечно, — сказал Джейсон. — Попробую разобраться. А как насчет «Белой паутины» и убийства в Хайбери?

— Это пока можете не трогать. Займитесь мотыльками. В конце недели я позвоню вам из Девона.

Убийством в Хайбери она займется сама. Сара долго смотрела на зеленую картонную папку, которую вручил ей Фабиан, почему-то не решаясь открыть. Может быть, она не зря колеблется. Мотыльки — мирные, безвредные существа, даже не кусаются, но убийство — это опасно. У любого читателя непременно возникают чудовищные предположения и подозрения. Разумеется, отец не имел никакого отношения к этому страшному делу и уж никак не по этой причине сменил имя, ведь убийство произошло спустя годы после того, как он поступил на работу в «Вестерн Морнинг Ньюс» и стал Джеральдом Кэндлессом. Тем не менее он создал роман, сюжет которого так напоминал подробности убийства в Хайбери, что критики сразу отметили совпадение и обсуждали его даже после того, как автор публично опроверг связь сюжета с реальным происшествием.

Он выждал более тридцати лет, прежде чем написать эту книгу. Почему? Не хотел ворошить прошлое, пока были живы причастные к убийству люди? Или эта история так мучила его, что он попытался освободиться, превратив жизнь в роман? Излить все на бумаге — и забыть? Но от чего он хотел избавиться? Не от вины — в этом Сара была уверена.

Значит, от страха? От боли? Когда человеку предстоит мучительная, трудная работа, он старается уверить себя, что надо подготовиться, сделать предварительные шаги, оправдать отсрочку. Сара поступила точно так же, как поступал Джеральд, если сам вид какой-то бумаги или документа тревожил его: он накрывал его чем-то другим, и Сара положила сверху папку с заметками Мелли Пирсон.

С глаз долой — из сердца вон, по крайней мере, на время. В качестве подготовки надо перечитать «Белую паутину».

История двух мальчиков, познакомившихся в школе в Норфолке, «на болотах». Отец Денниса был сельскохозяйственным рабочим, отец Марка — егерем в заповеднике, тогда (действие книги происходило после Второй мировой войны и в пятидесятые годы) подобных заповедников было немного. Мальчики полюбили друг друга, сами того не понимая, их любовь не находила выражения в словах или действиях. Деннис в пятнадцать лет уже осознал свою гомосексуальную ориентацию и оставался ей верен;

Марк отрицал свои склонности.

Мир, в котором они росли, и законы государства практически не изменились с прошлого столетия. В приличном обществе о гомосексуализме не заговаривали. Реакционеры приравнивали его к уголовному преступлению, только что не к убийству, и даже либералы считали «извращением», болезнью, психическим отклонением, следствием слабости и развращенности субъекта.

В Лондоне гомосексуалист еще мог наладить личную жизнь, в деревне он либо превращался в аскета, либо пытался — без особого усердия и успеха — ухаживать за женщинами. Деннис, пока жил дома, следовал первому пути и, как только смог, уехал; Марк выбрал второй вариант. Для него это было не столько выбором, сколько суровой необходимостью.

Перечитывая страницу за страницей, Сара вспоминала содержание, и ей снова казалось, что отец, вопреки обыкновению, написал роман о чем-то совершенно чуждом его личному опыту. Она снова взялась за наброски Мелли Пирсон и перечитала заметку о *Psyche casta*, странном крылатом создании, почему-то избегающем половой жизни.

Трудно привыкнуть к мысли, что этому человеку ты попросту не нравишься.

«Покинутый водяной»

Они пошли в ресторан поблизости от гостиницы Урсулы, и за обедом она поведала Сэму такие подробности о своем браке, какими никогда ни с кем не делилась. Он тоже рассказал ей о себе, а потом спросил, чего она хочет для себя теперь.

— Чего я хочу?

— Чего вы хотите от жизни. Чего ждете от будущего. Вот сейчас — что вам нужно?

— Избавиться от дома, — ответила она. — Вернуть себе прежнее имя, наладить отношения с дочерьми, забыть Джеральда. Это будет непросто.

— Наверное, не стоит и пытаться. Прошлое станет менее болезненным, когда устроится настоящее.

— Не знаю, не знаю. Я все время думаю о прошлом. Нужно отделаться от него. — Она растерянно поглядела на Сэма и вновь, уже не в первый раз за этот вечер, ощутила то сексуальное притяжение к нему, которое впервые охватило ее в дюнах Гонтона, и этому чувству, как всегда, сопутствовала тоска по упущенному времени, утраченным возможностям. — А теперь вы мне скажите — чего вы хотите?

— Я? Я хочу влюбиться, — бесхитростно ответил Сэм.

— Что?

— В прошлый раз это было замечательно. Честно говоря, это был первый раз. Мне хочется повторить. Что в этом странного?

— Обычно люди такого не говорят.

— Нет, они говорят, что хотят секса или «кого-то» найти. Но я хочу влюбиться. Я хочу отдаться во власть этого чувства, и пусть небеса все время меняют цвет и солнце светит как сумасшедшее. Я хочу нетерпеливо мерить шагами комнату, дожидаясь звонка. Я хочу, чтобы при звуке ее голоса у меня перехватывало дыхание, чтобы при виде нее у меня заплетался язык. Я хочу стать ею и чтобы она стала мной.

— Вы поразительный человек! — не удержавшись, Урсула

рассмеялась вслух. — И вы уже пробовали?

— Как видите, не преуспел. Пойдемте, провожу вас в гостиницу.

Они распрощались в фойе, договорившись встретиться утром и позавтракать вместе. Сэм обещал прийти к девяти. Урсула поднялась в свою комнату, приняла ванну и, поскольку ночную рубашку она с собой не взяла, обернулась в махровый гостиничный халат. Завтра она расскажет Сэму про миссис Эади. Ему об этом можно рассказать, вот только разобраться бы самой, что рассказывать, какие последствия имела та встреча.

Что она значила для самой Урсулы?

Женщина была так вежлива. Так любезна. При виде незнакомой, хорошо одетой дамы с бледным встревоженным лицом она сразу же поздоровалась и спросила, чем ей помочь. Урсула, заикаясь, выговорила свое имя. Слова не шли с языка. В жизни она не падала в обморок, но теперь боялась, что с ней это может случиться.

— Вам, кажется, плохо. Зайдите в дом, присядьте.

Урсула покачала головой. Если ей предстоит объясняться с дочерью этой женщины — разумеется, тут замешана дочь, — она предпочитает сделать это по всем правилам, резко и гневно, а не пользоваться ее гостеприимством. Но и эти соображения отступили перед накатившей дурнотой. Урсула, спотыкаясь, прошла в дом, в маленькую гостиную, ничего не видя вокруг. В глазах потемнело, она почти ослепла. Она не ожидала от себя такой слабости, не знала, что настолько не готова встретиться с этим домом и его обитательницами. Во всяком случае, не предполагала полной капитуляции, не думала, что страх и потрясение загонят ее в чужое кресло, заставят низко опустить голову, сжав ее обеими руками, и оставаться в такой позе, пока не отступит обморочная дурнота.

Она почувствовала легкое прикосновение к плечу, подняла глаза и увидела протянутый ей стакан воды.

— Спасибо. Извините.

— Вы посидите спокойно, — посоветовала старуха. — Сейчас станет легче. Я миссис Эади.

Ей давно миновало семьдесят; поверх темного джемпера и юбки она носила фартук, закрывавший ее почти целиком, словно комбинезон без рукавов — такой носила Урсулина бабушка, не столько ради того, чтобы не испачкать одежду во время уборки или за едой, а как домашнюю повседневную одежду. Красная, лоснящаяся кожа лица имела нездоровый вид, руки тоже были красные, большие, со скрюченными пальцами. На безымянном пальце левой руки красовался золотой ободок кольца, и почти

такое же кольцо — на правой руке. Белые волосы сияли словно лед.

Когда Урсула смотрела на нее снизу вверх — хозяйка стояла рядом, ожидая, пока освободится стакан, — старуха казалась высокой, почти шести футов ростом, крепкие, широко расставленные ноги слегка искривлены, прежде им приходилось, верно, носить более грузное тело, но теперь на больших, выпирающих костях почти не осталось плоти.

— Так-то лучше, — почти ласково произнесла миссис Эади. — Щеки уже порозовели.

Урсула вернула стакан и еще раз поблагодарила. Она понимала, что сама миссис Эади не спросит, зачем она пришла, а просто примет все как есть.

— Миссис Эади, — заговорила она. — Я Урсула Кэндлесс. Миссис Джеральд Кэндлесс. Джеральд Кэндлесс — мой муж.

Разумеется, она ожидала увидеть какие-то признаки растерянности на спокойном, неподвижном лице. Увидеть, как на миг скосятся глаза, подожмутся губы, слегка склонится седая голова. Но — ничего. Миссис Эади поставила стакан на полочку над столом, где стояли фотография в серебряной рамке, фотография в рамке из черепахового панциря и одинокая роза в зеленой с блестками вазе, и опустилась на стул напротив Урсулы.

— Наверное, мне следует поговорить с вашей дочерью, — продолжала Урсула. — С дочерью, которая живет с вами. Не знаю имени...

— У меня две дочери, — ответила миссис Эади и запнулась на миг, но заставила себя продолжать. — Они со мной не живут. Сын один живет рядом, но не в этом доме. Одна моя дочь вышла замуж и теперь живет в Йорке, а другая... — снова пауза... — Она сестра.

— В каком смысле?

— Сестра. Монахиня.

Урсула закусила губу — как ни странно, эти слова почти рассмешили ее. Не часто такое услышишь. Но приступ веселья тут же прошел.

— Значит, с вами живет кто-то еще, какая-то молодая женщина, — настойчиво повторила она. — Вы кому-то... — она искала подходящее слово, — сдаете комнату? Отдаете внаем?

— Нет.

— Миссис Эади, моего мужа видели, когда он приходил сюда и открывал дверь своим ключом. Извините, мне тоже неловко, это стыдно, вы же понимаете. Простите. Мне очень жаль. Может, я ошибаюсь, я была бы рада ошибиться...

— Ничего страшного, — женщина сказала это тихо и спокойно, словно была уже недосягаема для светских правил и связанных с ними проблем и

неловкостей. — Объясните, пожалуйста, чего вы хотите от меня, миссис... — она помолчала, вспоминая имя, — миссис Кэндлесс.

— Не знаю. Мне не следовало приходить.

— Когда вашего мужа видели здесь?

— Несколько дней назад, около недели. Во вторник утром.

— И он открывал дверь своим ключом?

Потом Урсула убедила себя, что искорки, вспыхнувшие в глазах собеседницы, ей просто померещились, поскольку миссис Эади спокойно и печально добавила:

— Меня не было дома, миссис Кэндлесс. Я лежала в больнице. Seriously заболела.

— Мне жаль, — сказала Урсула.

— Я и сейчас больна, но не стоит вдаваться в подробности. Пока меня не было, мог зайти сын, но у него время есть только вечером, после работы. Ключ от дома я оставляла соседке, чтобы она кормила кошку и поливала цветы. Вероятно, ее муж тоже заходил.

— Как он выглядит?

— Высокий темноволосый мужчина лет сорока пяти. Его могли принять за вашего мужа?

Урсула кивнула:

— Да, наверное. Не знаю. — На ближайшем к ней снимке гибкий, очень красивый юноша позировал рядом с мотоциклом. — Это он? Это ваш сын?

Ей не следовало спрашивать. И зачем вообще она задала этот вопрос, если в дом заходил не Джеральд и не этот худенький мальчик, а неведомый сосед? Если минуту назад на лицо миссис Эади упал луч света, теперь оно омрачилось печалью, губы крепко сжались, будто удерживая всхлип. Она не сразу ответила:

— Это был мой сын. У меня было четверо сыновей, миссис Кэндлесс. Это Десмонд. Его... Его убили. Со мной рядом живет Джеймс, а Стивен, учитель, перебрался на другой конец Лондона.

— Убили? — повторила Урсула, не зная, как вести себя перед лицом неприкрытой скорби.

Миссис Эади поднялась:

— Я долго прятала фотографию в ящике, но теперь... Нет ничего страшнее, чем пережить своего ребенка. Это противоестественно. Но даже такое горе притупляется со временем. — Урсула впиалась в ее лицо таким напряженным, почти жадным взглядом, что старуха, словно по обязанности, продолжала: — Вам это ни к чему. Это не имеет отношения к

тому, зачем вы пришли. Десмонда убили, замучили насмерть. — Она стиснула руки и договорила: — Насмерть забили, вот как. — И добавила напряженно, однако до конца соблюдая этикет: — Я и так вас сильно задержала.

— Да-да, мне пора идти.

По измученному лицу расплывался болезненный румянец. Миссис Эади слишком разоткровенничалась и теперь сожалела об этом. Она попыталась закончить беседу на светской ноте:

— Давно, в Ипсвиче, я была знакома с людьми по фамилии Кэндлесс.

— Наверное, это родственники моего мужа. Он из тех краев. Всего доброго.

Как только дверь закрылась за ней, Урсула бросилась бежать. Ее увлек ритм бега, свобода быстрого движения, и, выскочив на Хейнолт-роуд, она совершила неслыханный поступок: сняла туфли и помчалась дальше по теплому тротуару в одних чулках. Люди оглядывались. Урсула бежала не разбирая дороги и разрывалась от ненависти к Дикки Парфитту, который чуть не разрушил ее жизнь.

Утром, завтракая с Сэмом, вместо этого случая она заговорила о дочерях, о том, что после смерти Джеральда они стали ближе друг другу, рассказала, как плакала в такси и Хоуп держала ее за руку.

— Почему вы не изменили ситуацию, когда они были маленькими? — удивился Сэм. — Как бы он заставил девочек полюбить его, а не вас, воспротивиться вы этому?

— Я пыталась вмешаться, но, видимо, плохо пыталась. И у него было огромное преимущество перед другими отцами — он всегда находился дома. Что я могла сделать — силой оторвать от него Сару и Хоуп? Он никогда не оставлял нас наедине. Джеральд женился ради того, чтобы завести детей, просто и ясно. Он получил что хотел и не упустил ни капли их любви, радости, общения. Он забрал себе все.

— А без вас можно было обойтись?

— Еще как, только я не давала. Он был бы рад развестись и полностью завладеть детьми, но я не уходила. Возможно, я оставалась с ним только потому, что он мечтал о разводе.

Урсуле захотелось сходить в Британский музей. Сэм с трудом поверил, что она там ни разу не была, и согласился проводить ее, а потом пригласил на ланч. Она бы не стала дальше рассказывать о Джеральде, но Сэм проявлял неподдельный интерес и сочувствие к ее судьбе.

— Понимаете, у него больше ничего не было. Вся его жизнь сосредоточилась в дочерях.

— А работа? — напомнил Сэм.

— Да, еще работа. Не знаю, чем он больше дорожил, творчеством или детьми. Наверное, одинаково. Я думала, у него есть другая женщина, долгое время я была в этом уверена, а потом заподозрила, что не женщина, а мужчина. Теперь я так не считаю. Он сказал, что секс его не интересует, и я этому верю. Он мне никогда не изменял — и что с того?

— Да, физическую верность часто переоценивают.

Никогда в жизни Урсула не бывала столь откровенна, но Сэму Флемингу она рассказывала обо всем, или почти обо всем, словно недавно пробудившийся инстинкт подсказывал ей, что этому человеку можно довериться. Он слушал, а сам почти ничего не говорил, порой улыбался, слегка приподнимал брови. Не торопился с выводами. Ей не случалось прежде общаться с мужчиной, которому ее болтовня не надоедала.

Сэм отвез ее на вокзал на такси и заговорил о следующей встрече как о решенном деле. Свидание состоится непременно, вопрос лишь в том, где и когда.

— Возвращайтесь в Лондон. Вы говорили, ваша дочь приезжает домой на выходные. Пусть она подвезет вас, приедете в воскресенье вечером.

— Действительно, — сказала Урсула. — Почему нет? Не откажет же она мне.

— Вот и молодец, — похвалил Сэм.

Он вышел из такси вместе с Урсулой, поцеловал ей руку и тут же уехал. В поезде Урсула так и не раскрыла книгу, вспоминала, о чем они говорили с Сэмом, и чувствовала облегчение и какой-то непривычный покой оттого, что все ему рассказала. Он не раздражался, но и не лез с неискренним сочувствием. Ей запомнилась последняя фраза, которую она произнесла, выходя из ресторана:

— Трудно привыкнуть к мысли, что этому человеку ты попросту не нравишься.

Урсула прочла эти слова в одной из книг Джеральда, но не осознавала, насколько они верны, пока сама не произнесла их вслух. Вскоре после рождения Хоуп она убедилась, что Джеральд ее не любит. Это открытие сделало ее одинокой и ущербной: Джеральд не любит ее, он даже ее не хочет. Но еще долгие годы она цеплялась за мысль, что они с Джеральдом друзья. Так она и сказала Роджеру Паллинтеру. Они — равные партнеры. Урсула расшифровывала и перепечатывала рукописи Джеральда, занималась его доходами. Она до последнего пенса знала, сколько отчислений причитается с каждой книги, она вела переписку с бухгалтером, а с 1973 года, когда ввели НДС, составляла отчет для

налоговой инспекции.

Обманывала себя. Пусть они с мужем не делят больше супружеское ложе, зато их объединяет нечто более важное — семья, дом, общие друзья, решения, которые нужно принимать в связи с воспитанием и образованием детей. А потом наступил день, когда Джеральд молчал угрюмее обычного. И когда вечером Урсула спросила, закончил ли он главу, есть ли ей работа на завтра, Джеральд — он что-то читал, не книгу, а журнал, возможно «Спектейтор» — нахмурился и, не глядя на жену, пренебрежительно отмахнулся от нее — оставь меня в покое, говорил этот жест, что пристала, долго еще тебя терпеть?

И тут она увидела так ясно, словно прочла надпись черным по белому: Джеральд не любит ее, она ему неприятна. Это хуже, чем ненависть, — спокойная, равнодушная нелюбовь, полное безразличие в сочетании с легким раздражением. Не трогай меня, оставь меня в покое, печатай мои книги, готовь мне еду и веди счета, а от меня ничего не жди.

Тогда-то она и ввела в обычай ежедневные прогулки вдоль моря. Миля в одну сторону, миля в другую, в дождь и снег, в туман и ясную погоду, прочь из его дома, подальше от его детей (правда, гуляла она днем, пока девочки были в школе), по бледному с черными полосами песку, глядя то на легкое колыхание воды, то на лунный пейзаж кратеров и дюн. Сначала на прогулках Урсула обдумывала, уйти или остаться. Новый закон облегчил развод, смягчил положение женщины. Она могла добиться опеки над детьми, а Джеральду пришлось бы их всех содержать.

В те дни Джеральд научил Сару и Хоуп Игре. Той самой — «Передай ножницы». Это больше походило на тест или испытание, чем на игру. Она специально посмотрела в словаре: «испытание» — это «суровая проверка или тяжелый, мучительный опыт». Сперва, увидев три склоненные над столом головы, Урсула решила, что Джеральд играет с девочками в карты, но потом заметила переходившие из рук в руки ножницы. Девочки позвали ее в Игру — неслыханное дело!

Но они уже разгадали правила, или Джеральд подсказал — разве две малышки, семи и девяти лет, могли за десять минут разобраться в Игре? Ей это так и не удалось. Ее позвали в Игру, только чтобы попрактиковаться на новичке.

— Я передаю ножницы раскрытыми.

— Неправильно, мама!

— Ты ничего не поняла, да, мама?

— Ладно, попробуем все сначала. Я передаю ножницы закрытыми.

— Опять ошиблась, — сказал Джеральд. — Хватит на сегодня. Пошли,

ягнятки, погуляем по берегу.

Разве она сможет забрать у него детей?

Джеральд не был обычным отцом. Он не только обожал девочек — он каждый день занимался ими. Порой Урсула думала, что живет словно великосветская дама, передоверившая детей нянькам. Если она отнимет у Джеральда дочерей, то сломает ему жизнь, а может, убьет его. Не все ли ей равно? Как ни странно, после всего, что произошло между ними, ей было не все равно — и в тот день она это поняла.

Но ей нужно найти свой источник дохода. Урсула чувствовала моральную, если не материальную, потребность в такой независимости. Если бы она могла предвидеть, если бы в день свадьбы представила себе, в кого превратится через каких-нибудь десять лет... Она умела печатать, и больше ничего. Даже если она остается с Джеральдом, надо что-то делать со своей жизнью.

Из этих одиноких прогулок по берегу родилось желание учиться, и на следующий день Урсула записалась на вечерние курсы по истории искусств. Она доложила об этом Джеральду, и ей показалось, что он не расслышал. Если он и замечал, что жена отлучается из дома по вторникам и четвергам, его это не слишком огорчало. Потом она узнала, что он все отлично слышал и брал на заметку.

На курсах Урсула познакомилась с новыми людьми, обзавелась друзьями. До сих пор она общалась только с друзьями Джеральда, но теперь у нее появилась возможность занять своих. Но в то же время это все больше отдаляло Урсулу от детей. Это казалось естественным результатом их равнодушия и явного предпочтения, отдаваемого отцу. Хоуп и вовсе пренебрегала матерью. Возможно, Урсуле следовало проявить настойчивость и относиться к этим умным, одаренным девочкам словно к отсталым детям, которых нужно постоянно поощрять, окружать любовью и заботой. Но все это давал им отец, с которым Урсула не могла сравниться, не знала как, ей не хватало духу. Вместо этого она общалась со своими новыми друзьями, особенно с одним из них.

Тогда, через несколько дней после Пасхи, она нашла в кабинете Джеральда газетную вырезку. Он поехал в Эксетер выступать с лекцией в Юго-Западном университете, а Урсула зашла в кабинет за новой главой, которую Джеральд написал накануне, — это было «Быстротечное время» с безжалостным портретом Бетти Вик. Листы, исписанные привычными каракулями Джеральда, с помарками, дополнениями на полях, с текстом, невнятным для всех, кроме Урсулы, ждали ее на столе.

Она собрала их и нечаянно прихватила еще несколько бумаг: письмо

читателя, лежавшее под рукописью, приглашение на фестиваль искусств и в самом низу — газетная вырезка, вероятно, из «Дейли Телеграф». Название газеты отрезали, вместо заголовка уцелела лишь дата: понедельник, 16 апреля 1973 года.

Некрологи. Джеральд не говорил Урсуле, что потерял друга. Впрочем, он вообще с ней мало разговаривал. Сохранилась только часть объявлений, газету разрезали поперек, так что прочитывалась верхняя часть обеих колонок: Бейкер, Брендон, Брей, Бертон, Дейнес, Денисович, Докер, Дурант, Эади...

Эади — Анна Элизабет (урожденная О'Дрида), 12 апреля, в возрасте 76 лет, возлюбленная жена покойного Джозефа Эади, мать Джеймса, Стивена, Маргарет и сестры Франциски из ордена Святого Духа, бабушка Аманды, Лео, Питера и Дэвида. Похороны 18 апреля в церкви Христа-Царя, Лейтон. «Драгоценна в очах Господа смерть праведников Его».

Она перечитывала некролог снова и снова. Мощный бессмысленный, истерический порыв ярости нахлынул на нее. Почти не замечая, что делает, Урсула резкими, гневными движениями разорвала газету. Когда она немного успокоилась, от заметки остались мелкие обрывки. Урсула смахнула их в ладонь, потом положила в конверт, вынесла его на кухню и спрятала на самом дне мусорного ведра.

Наверное, Джеральд обратил внимание на пропажу, но, как всегда, промолчал.

Величайшее заблуждение — думать, будто внешняя привлекательность напрямую связана с сексуальной.

«Впроголодь»

Случилось что-то из ряда вон выходящее: Джейсон позвонил Саре в университет. Ее удивило, что он знает, где она работает: разве она упоминала об этом? Или Джейсон заодно решил разузнать кое-что и про нее?

— Я в Лондоне, — сообщил он. — Только что вышел из Музея естественной истории.

— Похоже, вы чем-то взволнованы?

— Вы еще не так разволнуетесь, когда все узнаете. Мы можем встретиться? Я хотел бы рассказать вам все с глазу на глаз.

Сара громко вздохнула — так, чтобы он слышал:

— Который час?

— Начало пятого.

Он захочет прийти к ней домой. Придется принимать его в гостиной, он будет пить ее вино, всеми порами впитывать непривычную роскошь. А потом спохватится, что опаздывает на поезд, и придется еще вызывать ему такси.

— Я тут неподалеку, — заговорила она. — Можем встретиться, выпить. Скажем, через час.

— А если не выпить, а поесть? — внес поправку Джейсон.

— Где можно поесть в пять часов дня?

— Неужели вы не знаете, — усмехнулся он. — В дешевых забегаловках кормят в любое время.

Сара предпочла бы паб. Пабы она любила, но Джейсон выбрал не паб или ресторан, а бистро с гамбургерами и пиццей. Хорошо, хоть лицензия на спиртное имеется — это она сразу же проверила, едва переступила порог забегаловки. Позади стойки с кассовым аппаратом и запечатанными в целлофановый пакет пончиками выстроились бутылки вина из Чили, а также из «Нового Света», как причудливо называют страну-экспортера в супермаркетах.

Здесь оказалось очень тепло и многолюдно, хотя рабочий день еще не кончился. Джейсон поджидал Сару за столиком у окна, но даже выпивку не догадался заказать. Тощий и бледный какой-то. Сара прежде не обращала внимания на его худобу, но теперь подумала невпопад: если у Джейсона есть девушка, ей должно быть неудобно сидеть у него на коленях.

— Давайте выпьем, — предложила она и сказала официантке: — Мы возьмем бутылку чилийского «Семийона».

— Разве что вы сами ее выпьете, — предупредил Джейсон. — Я пью пиво. — Свой заказ он адресовал Саре: — Мне пиццу и чипсы, но сначала хлеба с маслом.

— Пицца и картофель-фри на гарнир? — уточнила официантка, переводя взгляд с одного клиента на другого. — Чиабатта или фокаччо?

— Только не для меня, — отказалась Сара. — Я в это время суток не ем. Принесите мне стакан вина. Большой стакан.

Джейсон покосился на нее:

— Можете вычесть стоимость пиццы из моего следующего чека.

— Господи! Вы же сами сказали, это недорогое кафе. — Сара нетерпеливо взмахнула руками. — Ну, так что вы собирались рассказать?

— Вы останетесь довольны. Первый шаг сделан: скоро мы узнаем, кем был ваш отец. — Он достал из кармана куртки небольшой блокнот. — Помните, мы составляли список людей, которые заходили к Кэндлессам, кто мог знать о смерти мальчика?

— Разумеется. Мясник, булочник, свечной мастер. Молочник, врач, дантист — последнего, как выяснилось, не было. Но я думала, вы сегодня занимались мотыльками.

Принесли пиво и вино. Сара жадно отпила из бокала. Джейсон выждал, пока она опустит бокал на стол, и продолжал:

— Вот именно. Это связано с мотыльком. Мотылек подсказал мне, кем был отец вашего отца. Так мне кажется. Посмотрим, что вы на это скажете. Два мотылька, верно? Оба черные. — Джейсон сверился с записями в блокноте. — Большой, *Odezia atrata*, чернее. И в одной из книг о маленьком, *Erichnopterix plumella*, написано, цитирую: «Однако не вполне соответствует природе, что он не столь черен, как его наставник, ибо последний обычно присматривает, чтобы его ученику доставалась большая часть работы, к тому же по его мальчишеской природе даже относительная чистота показалась бы недостатком».

— О чем вы говорите? Когда это было написано?

— В тысяча девятьсот третьем году.

— Что за ученик, наставник?

— У этих мотыльков, помимо латинских названий, есть обычные. *Odezia atrata* в народе именуется «трубочистом», а *Epichnopterix plumella* — «сын трубочиста». Как вам это?

Никогда прежде Сара не видела, чтобы человек «пожирал» пищу, но именно так Джейсон расправлялся со своей гигантской пиццей. Он протянул ей миску с чипсами, она отрицательно покачала головой. Ей бы еще вина. Бокал вина, чтобы притупить отчаяние, унять возбуждение.

— Значит, вы утверждаете, что мой дед был трубочистом? И папа в какой-то книге прочитал про этого мотылька, название показалось ему занятным. Мотылек подходил в качестве герба тому, кто на самом деле был «сыном трубочиста»?

— Именно.

— Вы молодец, Джейсон, просто молодец! Что бы я без вас делала?

Он уже уничтожил половину пиццы. Оторвавшись на миг от тарелки, Джейсон встретился взглядом с Сарой и ухмыльнулся. Когда он улыбался, под натянутой испещренной шрамами от прыщей кожей проступал череп.

— Можете что-нибудь вспомнить в связи с этой теорией?

— Кое-что. Отец рассказывал нам с сестрой сказку. Герой, мальчик, лазил по трубам. Папа рассказывал нам о его приключениях. Когда я выросла, то решила, что папа взял сюжет из книги Кингсли «Водяные дети», отчасти так оно и есть, но, видимо, отчасти эта история основана на реальных фактах.

— Ваш отец не лазил по трубам. Это были уже тридцатые годы.

— Но его отец лазил. Это вполне вероятно. Лазил, или прочищал их щеткой, или как там это делалось. А он — сын трубочиста. Черный мотылек — его тайная шутка.

— Которой он с вами не поделился.

От этой реплики Саре сделалось не по себе. Неприятно представлять себе, как отец натывается в книге на описание черного мотылька, читает его латинское, а потом английское название, как обычно, сухо вато посмеивается и принимает решение: поместить на своих книгах эмблему, эзотерический знак, как личную шутку. Себе Сара могла признаться, что ревнует. К кому? К мотыльку?

— Джейсон, — сказала она. — Ваша бабушка должна помнить трубочиста, верно? Должна знать его имя, может, что-то еще?

— Попробуем узнать, — согласился он.

Ланди-Вью-Хаус был пуст. Никогда прежде родительский дом не пустовал к приезду Сары. Хорошо еще, догадалась взять с собой ключ. Отопление выключено, внутри холодно. Сара занервничала. Ветер

усилился, подгоняя дождь, высокие волны бились о подножие утеса. Заглянув в гараж, Сара убедилась, что машины матери нет. Ей начала мерещиться авария на дороге, но легкую тревогу за мать поглотили обида и горе: никогда не случилось, чтобы она приехала домой и никто не встретил, не посадил за стол, не предложил вина, не расспросил, как прошла неделя. Будь отец жив... На глаза навернулись слезы. Сара сердито вытерла глаза, налила себе виски и включила обогреватель.

По крайней мере, теперь она может без свидетелей позвонить Джейсону Тэйгу, и пусть мама платит за долгий междугородный разговор. С бокалом виски в одной руке и телефоном в другой Сара устроилась в «папочкином кресле» и помедлила, прежде чем набрать номер Ипсвича.

С тех пор как Джейсон выяснил английское название черного мотылька, Сара ощущала и большую близость к отцу, и большую отдаленность. Они стали ближе, потому что, когда обнаружилась связь его прошлого с маленьким черным рисунком на суперобложке, Сара, хорошо зная отца, могла представить себе, как он читает научную книгу, растягивает губы в угрюмой усмешке, а потом, если кто-то спрашивает, откуда взялся мотылек, отвечает скупно: «Это мое личное дело. Шутка для меня одного». Что бы он сказал, спроси Сара об этом? Или Хоуп? И это теперь отдаляло ее от отца: тайна, которую он столь успешно скрывал от дочерей. Сара погладила подлокотник кресла. Ладони отца вытерли вельветовую обивку. Отставив свою руку там, где прежде лежала отцовская рука, Сара взялась за телефон.

Гудок за гудком. Она уже решила, что никто не подойдет, и хотела положить трубку, но тут раздался голос Джейсона:

— Алло?

Почему-то она ожидала, что он запыхается, прибежит к телефону, однако Джейсон говорил спокойно, почти равнодушно.

— Я спросил бабушку. Трубочист у них бывал, но его имени она не помнит. Это уж слишком.

— Врача-то она не забыла, — заметила Сара.

— Слушайте, она и так чудо природы, если учесть ее возраст. Надеюсь, мы с вами сохраним столь здравый ум, когда покроемся морщинами.

— Ладно, ладно, я не хотела проявить неуважение.

Обращаясь к кому-то, к другому обитателю дома, Джейсон попросил:

— Ты бы прикрутил радио. Извини, но я собственного голоса не слышу. Сара, она попытается вспомнить. Подумает, можно ли как-нибудь уточнить. Пусть она не помнит имени, зато вспомнила многое другое.

Подождите, сейчас принесу записи.

Сара ждала. Радио, которое так и не приглушили, играло музыку, какую обычно можно услышать, позвонив в офис фирмы и ожидая, пока примут твой заказ. Вот-вот раздастся голос: «Пожалуйста, подождите. Наши агенты ответят на ваш звонок». Бетховен, «К Элизе». «Джейсон», думала она, чем плохо это имя? Язон, греческий герой, добыл золотое руно, стал царем и женился на Медее. Дэвид — тоже герой, и звучит немного похоже на «Джейсона», но ведь не кажется нелепым, и Адам...

Джейсон вернулся:

— Вот что она помнит: ее брат умер двадцатого апреля, в среду. Он заболел в понедельник восемнадцатого, а умер в среду. Врач приходил несколько раз, но в больницу мальчика не клали. Он умер дома. В четверг, двадцать первого, пришел трубочист — по предварительной договоренности. Зима кончилась, печь больше не топили, и Кэтлин Кэндлесс, моя прабабушка, приступала к весенней уборке, которая начиналась с чистки дымохода. Бабушка говорит, в четверг утром, ровно в восемь, трубочист стоял у двери, и ее послали попросить его прийти в другой раз. Потом вышел отец, сказал трубочисту, что мальчик умер накануне, и договорился на следующую неделю.

— Имени трубочиста она не помнит, а насчет его детей что-нибудь известно?

— Она почти не знала его. Это был человек, черный от сажи. Он возил щетки с собой, на велосипеде.

Сара хотела сказать, что остается только выяснить имя этого человека, это несложно, не так уж много лет прошло, но тут в комнату вошла Урсула, и она сменила тон на более деловой и отрывистый:

— Я отправила вам чек по почте. Завтра или послезавтра перезвоню.

Улыбка на лице Урсулы вызвала у дочери безотчетное раздражение, и, словно недовольная мамаша загулявшей дочери, она сказала:

— Ты где пропадала?

Урсула расхохоталась. Они с Джеральдом — редкий случай, когда супруги выступали заодно, — принципиально никогда не задавали девочкам этот вопрос. Сара надулась и нехотя похвалила внешний вид матери:

— Выглядишь просто замечательно. Слово десять лет сбросила.

— Я ездила в Лондон, разговаривала с Робертом Постлем, а потом встретила друга и решила задержаться на денек.

— А с лицом ты что сделала? — Сара почти вплотную подошла к матери и, сообразив, что такая позиция подходит не только для допроса, но

и для проявления родственных чувств, запечатлела на ее щеке поцелуй. — Похоже, ты хорошо провела время. Дом промерз насквозь. Я звонила вчера много раз, а тебя не было.

— Я займусь ужином, — предложила Урсула. Поцелуй обезоружил ее, балованная дочь казалась веселой и приятной собеседницей, на сердце потеплело. Она глянула в зеркало на свое раскрасневшееся лицо, сияющие глаза, приподнятые уголки губ и, поддавшись порыву, спросила:

— Ты отвезешь меня в Лондон? В воскресенье. Мне пора возвращаться.

— Да, если тебе надо. — Сара смотрела на нее с изумлением. — Папин отец, наверное, был трубочистом. Ты ничего не знаешь?

У нее чуть было не вырвалось: «Не знаю, и знать не хочу», но Урсула вовремя вспомнила, насколько сильно дочери любили Джеральда, и, как всегда, мысль об этой любви заставила ее воздержаться от резких слов.

— Посмотрим, что у нас есть на ужин, — сказала она.

Когда Сара вошла, он сидел за столом с Викки, Полем и Тайгером. Она с ног до головы облачилась в черное: мини-юбка, колготки в сеточку, сапоги до колен и черный свитер, позаимствованный у Хоуп, — Саре он был маловат. Тайгер оглядел ее с ног до головы и спросил:

— Куда-то еще собираешься?

— Похоже, у тебя свидание, милая, — проворковала Викки. — Так вырядилась.

— Под настроение, — Сара жадно выпила вино. — Я сегодня немного не в себе.

Он не проронил ни слова. Появился Александр, за ним — Роза. Все тут же засобирались в клуб, паб им надоел. В клубе тоже можно есть и пить, но там стильно, красиво. Они выпили по последней и поднялись, Викки набросила пальто, Сара тоже надела черную, чуть ниже бедер, накидку — собственность Хоуп.

— Ваше счастье, если ее пропустят, — внезапно произнес Адам, до этого молчавший. — У нее вид профессионалки.

Викки задохнулась от возмущения. Сара холодно глянула на обидчика:

— Что ты сказал?

— Ты слышала. Я вырос в этом городе, у меня тут родственники. Мне ни к чему показываться на людях со шлюхами.

— Бога ради! — Александр поднял руку, втиснулся между ними, словно разнимая драчунов. — Что с тобой? Что Сара тебе сделала? И ведь это уже не в первый раз.

— Ничего я ему не сделала! — возразила Сара. — Он просто дерьмо.

Ему приходится вести себя таким образом, на хрен, потому что он слишком глуп, чтобы поддерживать нормальную беседу.

— А ты женщина, преподаешь в университете — и не можешь обругать человека без грубых словечек? То-то у нас образование в упадке. Ты и к студентам в таком виде являешься?

— Хватит, остыньте, — заторопилась Викки. — Мы в клуб идем или нет? Ты бы извинился перед Сарой, Адам!

— Раньше я сдохну, — бросил он.

Он схватил со спинки стула куртку и вышел. От возбуждения Сару словно сковал паралич, язык заплетался. Друзья подумали, что Адам сильно ее обидел.

— Мне тоже пора, — сказала она.

— Ладно тебе! Не расстраивайся из-за него. Сегодня же суббота.

— Нет, я пойду домой. Увидимся через неделю.

Пошатываясь, она выбежала на задний двор. Адам ждал, прислонившись к ее машине.

— Куда едем? — спросила она.

— На стоянку трейлеров. Я добыл ключи от трейлера, дома полно родни. Но сначала в поле. Не могу терпеть.

— Сядешь за руль?

— Нет, — сказал он. — Поведешь ты. Я хочу к тебе прикасаться, когда ты за рулем.

— Неизвестно, почему одно мы помним, а другое забываем, — сказал Лоренс. — Если бы Фрейд был прав, мы бы вытеснили все плохие воспоминания и наши умы превратились бы в обитель блаженства.

«Пурпур Кассия»

Фотографии пробудили в ней чувства и воспоминания, которые она считала давно похороненными. Она годами не обращалась к сокровищнице прошлого, разве что приоткрывала альбом со свадебными снимками, но теперь пришлось этим заняться. Молодая женщина, которая на самом деле не Кэндлесс, подтолкнула Джоан к этому, а потом, из-за нее, и Джейсон. Вот уже несколько дней Джоан Тэйг посвящала все вечера возне с альбомами.

Джейсон искал что-то, что могло сохраниться в ее памяти. Он сам не знал что. Имя давно умершего человека. Джоан казалось, она отдала внуку все свои воспоминания. Но теперь она усомнилась. Просто удивительно, какие моменты возвращаются вдруг из прошлого. Она садилась, клала альбом перед собой — не на колени, а на стол, — вглядывалась в фотографию, потом прикрывала глаза и отдавалась во власть свободно текущих воспоминаний.

Она начала с бабушки и дедушки. Парадный портрет, снятый в фотостудии к золотой свадьбе, напомнил, как девочкой она приходила к старикам в коттедж, как они сидели, каждый в своем кресле, по обе стороны черной металлической плиты, немного пугающий вид рук, скрюченных, словно корни деревьев из детской книжки — оба страдали артритом. Вернулся запах этого дома, запах говяжьей похлебки и лаванды, слышались голоса, своеобразное саффолкское наречие, странные слова: луг они называли «выгоном», болезнь — «немочью». «Бледная немочь», вздыхала бабушка, навестив в тот понедельник бедняжку Джеральда.

Потом она вгляделась в свадебную фотографию родителей: мама и тетя Дороти, подружка невесты, в широких сатиновых юбках. Мамино свадебное платье много лет висело в кладовой в прозрачном пакете, и в качестве особой привилегии на него можно было посмотреть, однако она

никогда больше его не надевала. После смерти Джеральда Кэтлин отдала покрасить платье в черный цвет, как будто через пятнадцать лет могла влезть в свадебное платье и носить его вместо траурного. Разумеется, платье она так и не надела, и о дальнейшей судьбе наряда Джоан ничего не знала.

А вот снимки на пляже, на которые «мисс Кэндлесс» так и вытаращилась — не очень-то вежливо с ее стороны, думала Джоан. Она прекрасно понимала, что творится в голове у этой девушки: люди на фотографии выглядели небогатыми, старомодными, некрасивыми, и дети у них неуклюжие. Вот почему Джоан тогда расплакалась, и гостя вынуждена была извиниться. Теперь она не заплачет. Она спокойно и печально смотрела на круглое счастливое личико Джеральда, на его кудряшки и сияющие глаза. Крепко держась за мамину руку, он бежал впереди. На другой странице нашелся еще один снимок Джеральда, вернее, снимок с Джеральдом, поскольку там были еще мальчики Эпплстоуны, все трое сидели на невысокой садовой ограде. Чей это коттедж из темного кирпича, с маленькими окнами и высоким крыльцом? Эпплстоунов? Она забыла.

Джоан впервые обратила внимание, что все фотографии сделаны на улице. А потом вспомнила то, что когда-то прекрасно знала: в те дни любительским фотоаппаратом не снимали в доме — не хватало освещения. Вспышку еще не придумали, или она была им не по карману. Для хорошего снимка требовался солнечный свет, и отец воспользовался им, когда фотографировал жену с детьми на берегу моря, в редкий выходной день. Пейзаж напоминал Саутволд, хотя Джоан не уверена. Как они туда добрались? Разумеется, не на машине, у них даже знакомых с машиной не было. Наверное, доехали в «шарабане», то есть на дилижансе.

Это последний снимок Джеральда, за восемь или девять месяцев до смерти. Тогда фотографировались только летом, на каникулах, фотоаппарат являлся предметом роскоши. Джоан взгляделась в улыбающееся лицо мальчика, гадая, каким бы он стал, если бы вырос. Если бы смог прийти к ней на свадьбу... Но тут, вздрогнув, она поняла: останься Джеральд в живых, она не встретила бы Фрэнка, не вышла бы за него замуж. Именно потому, что после смерти брата дом и вся деревня ей опостытели, она при первой же возможности уехала в Садбери.

Джоан прикрыла глаза, соскальзывая в сон. В ее молодости говорили, что нельзя сосредотачиваться на горе, надо отринуть его, оставить позади. Все неприятное — забыть или хотя бы убрать с глаз долой. Вот почему она никогда не рассказывала Фрэнку, как умер Джеральд, и сама старалась не

думать об этом. Если воспоминания по собственной воле возвращались к ней, Джоан загоняла их поглубже, и они покоились на самом дне души — дремлющая, скрытая угроза. А теперь она сама, фотографии, девушка, которой не полагалось носить фамилию Кэндлесс, их пробудили. И Джоан с облегчением поняла, что так лучше для нее, и в каком-то смысле для Джеральда: теперь она сможет встретить воспоминания лицом к лицу.

Когда Джеральд умер, ей позволили посмотреть на брата. До этого много часов — целые сутки — ее не впускали в комнату к больному. Доктор Наттол приходил, уходил, возвращался опять, предлагал прислать медсестру, но мама сама училась на медсестру и не нуждалась в помощнице. Джоан притаилась на верхней площадке лестницы, под дверью Джеральда. Там было темно, на лестнице всегда было темно, пока не зажгут газ. Она прислушивалась к бормотанию врача, к высокому, испуганному голосу матери, а потом Джеральд начал кричать: «Голова! Голова болит!» Он кричал от невыносимой боли, и Джоан зажала уши руками. Но крик становился все пронзительнее, и тогда она побежала вниз и спряталась в кладовке среди швабр.

Потом наступила тишина, пришла какая-то старуха, говорила шепотом. Она пришла обмыть тело, как потом поняла Джоан. Вернулся доктор Наттол, отец проводил Джоан в комнату, где сидела мама, и доктор тоже был там, а Джеральд лежал на постели, изжелта-белый, как свечной воск, и неподвижно смотрел в потолок. Джоан сказали поцеловать брата, но она не сумела, не могла даже ничего сказать, только трясла головой. Когда Джоан стала взрослой и родила детей, она подумала, что родителям не следовало заставлять ее целовать труп.

Наступил вечер, ночь, но занавески в спальне не опускали. Сейчас небо над Ипсвичем светится словно бронза, но тогда по ночам оно становилось темно-синим и на нем проступали звезды. Джеральд лежал в комнате до утра, мама сидела у его постели. Джоан не могла вспомнить, сколько ни старалась, спала ли она и спал ли отец, но утром мама спустилась в кухню и готовила завтрак главе семьи — как всегда, как выполняла бы свой долг, даже если бы сама умирала.

Ждали гробовщиков. Джоан кто-нибудь сказал, что их ждут? Или она сама догадалась, когда гробовщики уже пришли, что их-то и ждали с утра? Нет, когда постучали в дверь, мама сказала, что это от гробовщика. Она даже назвала фамилию, но Джоан ее забыла, как забыла имя трубочиста. Стучат, сказала мама, это гробовщики. А потом: нет, они должны прийти в девять, а сейчас только восемь. Она опустилась на стул, так и не поставив чайник на плиту, и с беспросветным отчаянием в глазах взмолилась:

— Это трубочист. Я не могу сегодня заниматься дымоходом. Только не сегодня!

Никогда прежде родители не проявляли нежности друг к другу, она не видела ни поцелуя, ни ласкового прикосновения. Но тут отец, неуклюже ступая, подошел к матери, принял из ее рук чайник, обнял за плечи. Он поглаживал жену по плечу, а Джоан попросил:

— Сходи открой дверь, будь умницей. Скажи ему, сегодня нельзя. Объясни почему. Скажи ему про братика и попроси зайти в другой раз.

Она подошла к двери и открыла, но тут отец передумал, догнал ее и сам поговорил с трубочистом, а Джоан стояла рядом. Тогда она впервые услышала слово «менингит», которое на всю жизнь останется для нее самым страшным, хуже проклятия, словом, обозначающим беду, боль и утрату.

Трубочист к тому времени управился с чьей-то трубой, он уже вымазался в саже, одежда была черная, словно вся пропиталась угольной пылью, но щетки, орудия его ремесла, оставались чистыми, он каждый раз выбивал и начисто вытирал их после работы. Велосипед он прислонил к ограде. В те времена воры не интересовались велосипедами. Стоя у двери, Джоан могла разглядеть только переднее колесо и руль. Но сейчас она уверена, что когда-то видела этот велосипед целиком, с прикрепленной к багажнику металлической табличкой, где то ли белым по черному, то ли черным по белому было выведено имя трубочиста и перечислены услуги.

Другое дело — как выловить это имя из памяти. Она пыталась снова и снова, но безрезультатно. Вспоминалось только, как отец повторял: «Менингит, менингит», а трубочист ответил: какое горе, он придет в другой раз, на той неделе, когда им удобнее. В тот день явился еще посетитель — жена трубочиста.

Это было днем. К тому времени тело Джеральда уже унесли. Пришла тетя Дороти и привела с собой Дорин, а мальчиков оставила дома. Несмотря на свой возраст, Джоан тогда поняла, что, хотя на кладбище ходят мужчины, смерть, как рождение и брак, в первую очередь затрагивает женщин. Дорин исполнилось всего два года, но в этой ситуации она могла принять участие, а мальчики ни к чему. Весь день к их дому тянулись соседи выразить соболезнования, и когда в дверь снова постучали — примерно через полчаса после прихода тети Дороти, — все решили, что это еще кто-то из знакомых.

Тетя Дороти открыла дверь и провела в дом высокую женщину. Назвалась она по имени или просто «жена трубочиста»? Муж рассказал ей об этом несчастье, и вот она пришла выразить свое сочувствие, поддержать

миссис Кэндлесс в тяжелой утрате.

Кто-то предложил гостье чашку чая, или мама, или тетя Дороти. Это Джоан помнила отчетливо, как и то, что женщина заговорила с Дорин, и Дорин тут же потянулась к ней, как тянутся малыши к любому человеку, кто проявит к ним искренний интерес. Но жена трубочиста отказалась от чая, пояснив — да, теперь Джоан отчетливо вспомнила, почему гостья отказалась от чая: сказала, что не может засиживаться, с ней пришли дети, или кто-то из детей, но она оставила их перед домом, было бы неприлично брать их с собой.

Облик этих детей стерся из памяти, хотя Джоан провожала их мать до двери, как ей поручили родители. Она открыла дверь и увидела ребятишек — троих или четверых? — возле калитки, где утром их отец прислонял велосипед. Мальчики, девочки? Почему память не сохранила этого?

Джоан открыла глаза, снова взялась за альбом и вспомнила кое-что еще: с того момента она испытывала что-то вроде благодарности к трубочисту и его жене за участие, и это побудило ее — к чему? Что-то она затеяла или даже осуществила ради этой благодарности — но что именно?

Воспоминания и успокаивали, и утомляли, поэтому Джоан легла спать пораньше. Утром, выпив чаю, она вернулась к фотографиям времен своей свадьбы, войны, рождения детей. Эти снимки поглотили ее полностью: их с Фрэнком медовый месяц, Фрэнк в военной форме, Питер, их первенец, в коляске. Фотограф часто поджидал возле детской поликлиники и снимал мамаш с детьми, когда они осторожно спускали или поднимали коляски по лестнице. Нашлась похожая фотография Энтони — должно быть, два года спустя фотограф все еще работал в этих местах.

А вот еще один снимок, который она давно не рассматривала: студийный портрет всей семьи, сделанный через год после демобилизации Фрэнка. Джоан сидит с маленькой Патрицией на руках, по бокам от нее мальчики, а муж стоит за спиной. Эти юные лица и наряды, которые даже сейчас казались ей модными и элегантными, увлекали больше любой телепрограммы. Последние дни она даже не включала телевизор. Но, отдаваясь на милость прошлого, погружаясь в чувства тех времен, она все-таки сознавала, что искать надо не там. Разгадка тайны не отыщется в первых годах ее брака, в той семье, которую создали они с Фрэнком.

Прежде она думала, что разгадка, если таковая вообще имеется, скрывается в немногих снимках, сделанных до смерти Джеральда, но, просмотрев их, не нашла ничего полезного. Джейсону требовался трубочист, и все поиски направлены на то, чтобы обнаружить какую-то зацепку, извлечь из глубин памяти его имя. Джоан снова закрыла глаза,

откинула голову на спинку кресла и мысленно вернулась в тот день, день после смерти Джеральда. На пороге дома стоит трубочист, возле калитки прислонен велосипед — ей виден только руль, — лицо у трубочиста грязное, щетки чистые. А вот его жена, милое, доброе лицо, она приласкала Дорин. «Миссис Такая-то». Ведь мама и тетя Дороти обращались к ней по имени: хотите чаю, миссис Такая-то, всего доброго, миссис Такая-то.

Может, надо заглянуть в более отдаленное прошлое, до смерти Джеральда, или, наоборот, в последующие годы? Трубочист являлся каждый год в апреле и прочищал дымоход перед весенней уборкой, но Джоан не помнила, как он приходил в прошлый раз. Наверное, была в школе. А в следующий раз?

Через два года она уехала в Садбери. За это время несколько раз чистили трубы, но она не помнила визитов человека с черным лицом, в памяти остался только опустевший дом и одиночество. Или трубы просто перестали чистить, мать утратила интерес к дому и готовке, к мужу и дочери, надолго замкнулась в себе, в той глубине души, где ее умершее дитя, наверное, еще продолжало жить. Отец все чаще проводил время в мужских компаниях, а Джоан сбежала из дома за двадцать две мили — смехотворное расстояние по нынешним временам, а тогда это было довольно далеко, другой край графства.

Через шесть лет она вернулась, чтобы сыграть свадьбу. 1938 год. Джоан раскрыла последний альбом, тот самый, куда сейчас не заглядывала, потому что раньше так часто листала его. Вместо заставки в свадебном альбоме полагалось разместить снимок церкви, и церковь Святого Стефана была довольно красивой, хотя в Садбери Джоан присмотрела для себя храм получше. Вот фотография, где она идет к дверям церкви под руку с отцом. Одной рукой придерживает длинный белый шлейф, в другой сжимает букет. Отец здесь выглядит счастливым, а на других, более поздних фотографиях — и мать. Они прошли через все это и вернулись к нормальной жизни, насколько это возможно.

Что она ищет здесь? Джоан почти забыла. Любимые фотографии проплывали перед глазами: свадьба, подружки невесты, общий снимок на ступенях храма, отъезд из церкви, дальше праздничный ужин. Прекрасный месяц май, чудесный день. Счастлива невеста, если солнце светит...

Счастье — это хорошо, но ведь нужна и удача. Горло судорожно сжалось. Что она сделала, чтобы приманить удачу? Надела, но обычаю, что-то старое, что-то новое, что-то чужое, что-то синее... Разгадка близка, она это чувствовала. Вот и последняя фотография в альбоме.

Снимал шафер Фрэнк. Имя его Джоан забыла, с фотоаппаратом он

обращался неумело — даже непонятно, каким образом этот снимок оказался среди профессиональных. Так захотелось Фрэнку, чем-то ему приглянулась эта фотография. Обычно, просматривая свадебный альбом, Джоан закрывала его, не доходя до этой страницы, или быстро скользила по ней взглядом, не вникая в детали.

Но сейчас она внимательно рассматривала снимок. Они с Фрэнком держатся за руки, а напротив стоит улыбающийся человек со щетками под мышкой, за спиной у него прислонен к стволу дерева велосипед, и четко видна треугольная табличка на багажнике, на которой белым по черному написано: «Дж. У. Райан, трубочист».

Любовника Урсулы звали Эдуард Акенхэм, он был ее единственным мужчиной. Колин Райтсон не в счет, и хотя для некоторых женщин мужа становятся также и любовниками, это не их с Джеральдом случай. Эдуард, художник, жил в маленьком домике в Клоули и зарабатывал себе на жизнь, преподавая историю искусств на вечерних курсах в Ильфракомбе.

С самого начала Урсула понимала, что он за человек. Она не строила иллюзий, все ее иллюзии были некогда связаны с Джеральдом, и все они рухнули. Вечный бедняк, хронический неудачник, красавец, хоть и несколько потрепанный, Эдуард считал своим долгом в каждом семестре обзаводиться новой возлюбленной из числа студенток. Изредка отношения растягивались на два семестра, и Урсула оказалась одной из таких счастливиц.

Эдуард сразу честно предупреждал подружек, что у него нет денег и нет желания заводить семью. С другой стороны, он был свободен, у него было место для встреч — очень живописный коттедж, к тому же паб рядом. Любовью он занимался нежно, осторожно, страстно. На какое-то время его преданность безраздельно принадлежала очередной подруге. Он отдавал ей всю свою любовь — столько, сколько мог, и на определенных условиях. Да, это был порядочный человек.

Почти целый год Урсула чувствовала себя желанной, красивой, сексуальной, привлекательной. Ни разу за это время у нее не случилось мигреней. Эдуард сделал ей комплимент, очень похожий на тот, который она выслушала от Джеральда во время медового месяца:

— Почти любой мужчина мечтал бы заняться любовью с такой женщиной, как ты.

Однако наступил июнь, курс истории искусств подошел к концу. Эдуард уехал в Испанию к такому же нищему, как он, другу, решительно попрощавшись с Урсулой и сделав ей на прощание еще один комплимент: «Это был один из лучших „опытов“ в моей жизни». Урсула расстроилась:

она влюбилась в Эдуарда и знала, что станет горевать. Но также знала заранее, что влюбленность неизбежна, ведь при той жизни, которую она вела, невозможно не привязаться к первому же доброму, умному и красивому мужчине, обратившему на нее внимание.

Урсула где-то читала — наверное, в каком-нибудь журнале, в разделе «советы читателям», — что, если удалось скрыть свой роман от мужа, гораздо мудрее и великодушнее ничего ему не рассказывать. Однако она понимала, что это правило неприменимо к Джеральду, который давно перестал быть ее мужем, и превратился в не слишком приятного домохозяина. Итак, в субботу утром, когда прошел приступ мигрени, Сара уехала на занятия верховой ездой, а Хоуп — в танцкласс, она поведала Джеральду об Эдуарде Акенхэме.

Он на миг оторвался от «Таймс»:

— И что, по-твоему, я должен сказать?

К своему ужасу, она успела научиться его манере вести разговор и могла ответить на эту реплику равноценной:

— Именно то, что ты сказал. — Действительно, ничего другого она от него не ожидала. — Еще комментарии будут?

— Нет, если только ты не попадешь в газеты, — ответил он. — Учитывая, что ты имеешь отношение ко мне.

«Имеешь отношение ко мне», а не «ты моя жена».

— И я не хочу, чтобы мои девочки стали свидетелями каких-либо травмирующих сцен.

— Никаких сцен. Все уже кончено, — сказала она.

— Будут и другие.

Но других не было. До сих пор.

— Зачем вы рассказали ему? — спросил Сэм Флеминг.

— Не знаю, — вздохнула Урсула. Она поведала Сэму и об этом, и о многом другом. — Вернее, тогда не знала. Это не было мстью, попыткой причинить ему боль. Потом, пытаясь разобраться, я подумала, что рассказала в надежде на развод. Понимаете, сама я не решалась уйти, не могла забрать детей и покинуть этот дом, но подсознательно мне хотелось, чтобы Джеральд бросил меня или вынудил уйти. Чтобы он сделал это за меня.

— Но он этого не сделал.

— Ему было все равно. В каком-то смысле, я была ему необходима, но не так, как нужна мужчине женщина. Он стал известным, давал интервью газетам, о нем печатали статьи в воскресных приложениях. Для его имиджа как нельзя лучше подходил стабильный брак, ничем не омраченная

семейная жизнь. Его детям полагалась мать (вероятно, ему и в голову не приходило, что они могут остаться без отца), пусть даже они не испытывали к ней никаких чувств. Она должна жить в доме, чтобы у девочек были папа и мама, как у всех одноклассниц. Теперь многое изменилось, но тогда большинство детей жили с обоими родителями.

— Примерно в то время он написал «Гамадриаду».

— Девушка в этой книге — сплав Сары и Хоуп. Она, конечно, старше их обеих и несколько идеализирована. Мне, по крайней мере, дриада кажется идеализированной, но, вероятно, ему девочки виделись именно такими.

— Гамадриада умирает, если срубить ее дерево, — произнес Сэм. — Это означало, что дочери не смогут обойтись без него, без его поддержки?

— Бог его знает, что он имел в виду. Иногда я не понимала, где кончается реальность и начинается символика. С другой стороны, гамадриада похожа на змею. Что-то я разговорилась. Я уже много лет столько не говорила.

— Говорите сколько угодно, — попросил Сэм. — Мне нравится. Я люблю слушать.

Урсула улыбнулась в ответ. С вечера воскресенья, когда Урсула остановилась в той же гостинице, что и в прошлый раз, а Сэм уже поджидал ее в холле, они почти не расставались. Из Девона Сара довезла ее в Лондон без приключений, несущественный разговор прерывался частыми паузами, пока на западной окраине Лондона Сара не спросила, где живет мамин друг.

Когда женщина упоминает своих «друзей», все почему-то считают, что речь идет о других женщинах, подумала Урсула. Ей казалось, что для нового поколения эти правила уже не действуют, но нет.

— Если твоя подруга живет на этом краю Лондона, я могу подвезти тебя к ней, — предложила Сара.

— К нему, — уточнила Урсула.

— Что?

— Это друг, а не подруга. Он живет в Блумсбери, а я — в гостинице. Ты же не поедешь на восток, так что высади меня по дороге, и я возьму такси.

— Вот чушь, — делилась Урсула на следующий день с Сэмом. — Любая дочь на ее месте принялась бы расспрашивать о таинственном «друге», поддразнивала бы мать, хоть что-то сказала. Я лишний раз убедилась в том, как дочери далеки от меня.

— Может, ей не хотелось лезть в вашу жизнь.

— Нет, ей просто все равно. У нее свои проблемы.

— Вас это огорчает?

— Нет, — призналась Урсула. — Вовсе нет. Ведь я приехала в Лондон, вы меня ждали, все было просто замечательно, и я забыла о Саре. Обо всем забыла.

Он ждал ее, обнял и поцеловал, словно знал ее уже много лет, но их отношения не притупились привычкой, наступающим с годами равнодушием. Они поужинали в гостинице, выпили немало вина, а потом Сэм проводил Урсулу в номер и снова поцеловал. На следующий день он повел ее в свой магазин и показал коллекцию с первыми изданиями Райтсона, Паллинтера и Артура. Это вызвало странное ощущение, словно они одновременно близки и далеки: у Сэма не оказалось книг Джеральда Кэндлесса. Сэм сказал, что сейчас у него нет ни одного экземпляра его романов.

Дальше был ланч в ресторане по соседству, а вторую половину не по сезону теплого и ясного дня они провели в парке Виктории. Урсула чуть ли не впервые слышала про этот парк и понятия не имела, где он находится. Но Сэм, выросший по соседству, в Хакни-Вик, сохранил сентиментальную привязанность к самому большому из лондонских парков, которого многие избегали из-за его расположения между Хомертоном и Олд-Фордом. Урсула призналась, что никогда не ездила на лондонских автобусах; Сэм посмеялся и сказал: значит, пора попробовать.

Трава была изумрудно-зеленой, небольшие озера отливали прозрачной синевой. Сэм положил руку Урсулы себе на сгиб локтя. Она уже отвыкла ходить под руку, но не призналась в этом, потому что теперь, когда вместе с Сэмом в ее жизнь возвращались простые повседневные радости, прошедшие годы вряд ли можно назвать жизнью.

Квартира Сэма размещалась в том же доме, где магазин, двумя этажами выше. Он приготовил обед. На этот раз решили обойтись без ресторана. Потом Урсула не могла сказать, кто сделал первый шаг, поскольку какие-то «шаги» совершались на протяжении всего вечера: Сэм завладел ее пальцами, потом обнял ее за талию, они дружно смеялись. Поддавшись порыву, Урсула обернулась и обняла Сэма. Легкий поцелуй, за ним другой, более серьезный, глубокий, прелюдия самого акта. К тому времени, как они перешли в спальню и оказались в кровати Сэма, они уже занимались любовью — естественно, легко, словно по старой доброй привычке, ничего общего с теми давними супружескими совокуплениями или с возбуждением, которое сопутствовало свиданиям с Эдуардом Акенхэмом.

Но второй раз, на рассвете, все было иначе, и потом, лежа в объятиях Сэма, изумленная Урсула уже ни с кем его не сравнивала.

— Бабушка попросила его прийти на свадьбу, — пояснил Джейсон. — Постоять возле церкви, на счастье. Она забыла об этом, но вспомнила, когда увидела снимок.

— Она его попросила?

— Считалось, новобрачная будет счастлива, если на свадьбе побывает трубочист. Им приплачивали за это. Почему-то бабушка прониклась именно к этому Райану и пригласила его. Прадед выдал ему пять шиллингов, по нынешнему — двадцать пять пенсов, но тогда это были немалые деньги. Бабушка встречалась с его женой и детьми — детей она только видела, но не разговаривала с ними. Жена трубочиста зашла к ним выразить соболезнование, когда умер Джеральд, а дети ждали ее на улице.

По спине Сары пробежал холодок словно ледяной палец гладил позвоночник, косточку за косточкой. Один из этих детей был ее отцом. Сын трубочиста.

— Сколько времени прошло с момента смерти ее брата и до свадьбы?

— Примерно шесть лет. Ей исполнилось девятнадцать. А дальше произошло кое-что интересное. Трубочист, этот Дж. У. Райан, умер на следующий год. Это бабушка тоже вспомнила — ей рассказывала мать. Он умер от туберкулеза или какой-то другой болезни легких, потому что дышал угольной крошкой. Тогда семья переехала.

Сара вздрогнула:

— Джейсон, это же «Вестник богов». Вы так и не прочли эту книгу? Там отец умирает от силикоза, а мать одна растит детей. И в другой книге — «Глаз на закате» — то же самое. Их берет на воспитание дядя, брат отца, вдовец, живущий в Лондоне. Сколько детей было у Райанов?

— Джоан видела в тот день троих, но, по ее словам, детей было больше — пятеро или шестеро.

— Джейсон, я тебя обожаю! Честное слово! Ты просто чудо. Высылаю чек. Ты же выяснишь, куда они переехали, что с ними случилось?

Разговор с Джейсоном вновь пробудил в Саре желание взяться за книгу. Она представила себе трогательную историю семьи Райанов, их бедность, безвременную смерть отца. Наверное, придется побольше выяснить о ремесле трубочиста. Глава вторая: краткая история трубочистов вообще. Подобное исследование ей понравится — не копание в архивах в поисках записей рождений и смертей, а нормальная библиотечная работа, старые книги, возвращение к первоисточникам.

Если связать историю семьи с сюжетом «Глаза на закате», это придаст

ее мемуарам дополнительное, «художественное» измерение, чего и ждут от нее читатели. В первой главе, в первых же строках она расскажет более оптимистичную версию «Водяных детей», которую они с сестрой слушали на ночь вместо сказки.

— Жил-был трубочист, и было у него два сына...

Бесчувственные люди достигают власти, и тем большей, чем толще у них кожа. Из них выходят лучшие тираны.

«Полчаса в переулке»

В десять часов вечера в пятницу Сара отворила дверь Ланди-Вью-Хауса. Урсула вышла навстречу и, с недавних пор приученная к небольшим знакам внимания, протянула ей руку. Сара легко и без сантиментов клюнула мать в щеку.

— Как ты здесь?

Урсула могла бы ответить, что в основном была вовсе не «здесь». Могла бы сказать, что заглядывала в окна двух риэлторских компаний, но внутрь войти пока не решилась. Но трудно преодолеть давнюю отчужденность в отношениях. Сара устроилась в кресле, прихватив с собой стакан виски. На маленьком столе возле «папочкиного кресла» лежала вверх обложкой книга в бумажном переплете — здесь до приезда Сары сидела Урсула.

— Читаешь Титуса Ромни? — спросила Сара.

— Да. Неплохая вещь.

— Ма, ты подумала над тем, что мы с Хоуп рассказывали тебе про папу?

— Насчет того, что он поменял имя?

— Не просто имя. Он поменял свою жизнь. Стал другим человеком.

— Зачем мне думать об этом, Сара? Я ничего не знала. Если он действительно сделал это, то задолго до нашего знакомства.

— Но ведь и ты теперь носишь это имя.

Урсула вздохнула перед тем, как «высказать все»:

— Уже нет. Я вернула девичью фамилию. Теперь я Урсула Вик.

— Почему? — воскликнула Сара.

— Ты сама говоришь, это не мое имя, так что я не обязана его носить. Джеральд выбрал это имя — я от него отказалась. — На самом деле причина в другом, но сойдет и такое объяснение. — Пожалуй, мне тоже не помешает выпить, — добавила она.

— Я тебе налью.

До сих пор ни одна из дочерей не предлагала поухаживать за ней. Сара не забыла даже, что мать пьет только белое вино, и налила ей в бокал охлажденного.

— Ма, имя «Райан» ни о чем тебе не говорит?

— Не думаю. Ирландское имя, довольно распространенное. А что?

— Может, папа его упоминал, или писал каким-нибудь Райанам, или получал от них письма?

— Никогда. Почему вдруг, Сара?

Сара объяснила почему. Урсула изобразила интерес, хотя на самом деле не хотела ничего знать.

— В 1939 году семья переехала в Лондон, — закончила свой рассказ Сара.

— Началась война. Большинство людей пыталось эвакуироваться из Лондона.

— Они не могли. Слишком бедные. Вдову Райана позвал к себе родственник, и она приняла приглашение. Выбора у нее не было. И потом, они попали в Лондон еще до войны. Война ведь началась в сентябре, а они, наверное, переехали летом, после того как умер трубочист — то есть Райан, папочки отец.

— Если он был его отцом.

— Думаю, был. Вспомни книгу и истории, которые он нам рассказывал. Если ты вспомнишь что-то про Райанов, скажи мне, хорошо?

На этот раз встречались не в пабе, а в «Зелени», и время назначили более позднее, девять вечера. По установленным ими неписаным правилам Саре не следовало заговаривать с Адамом Фоли, а потому дальнейшие события застали ее врасплох. Едва приехав в клуб, Сара прямоком отправилась в туалет, а вскоре к ней присоединилась Роза. За это время Сара произвела в своей внешности изменения, на которые никогда прежде не решилась бы: уложила живописно включенные волосы гелем, накрасила губы ярко-красной помадой и втянула живот, чтобы черные кожаные брюки лучше смотрелись.

В момент нерешительности она сняла черный бархатный ошейник с золотыми шипами, но тут же надела снова, и как раз в эту минуту в туалет вошла Роза. Оглянувшись через плечо, подруга закрыла дверь и сказала Саре, что очень рада ее видеть, она боялась, что после той ссоры Сара не придет, но волноваться ей не о чем, поскольку сюда Адам Фоли не явится. Он не знает, где они собираются на этот раз, — собственно, потому-то и решили улизнуть в «Зелень», ничего ему не сообщая. Пусть Сара ни о чем не беспокоится и развлекается в свое удовольствие.

Саре пришла в голову дикая мысль помчаться в паб, но она тут же ее отбросила. В последний раз они зашли чересчур далеко, пора одуматься. Но как пережить этот вечер?

В маленьком душном помещении наверху, с тусклым освещением, как в американских барах, где к легкому запаху марихуаны примешивался аромат освежителя воздуха, Тайгер доверительно сообщил Саре, что поведение Адама всех поражает. Это было отвратительно, сказал Александр, а хуже всего то, что Адам отказался извиниться. С видом человека, который принес последние новости, Викки поведала, что, по ее мнению, Адам Фоли — самый большой грубиян на свете.

Так продолжалось некоторое время. Может, стоило выяснить заранее, что от Адама скрыли место сегодняшней встречи, думала Сара. Но ведь и в этом случае она ничего не могла бы изменить. Потом она сообразила, что ей нужно последить за собой и не пить много, ведь ей предстоит возвращаться домой сегодня в полночь, а не завтра утром. При этой мысли ей захотелось упиться в стельку.

Начались танцы, какая-то актриса выступала на сцене с шуточками о трансвеститах — по словам Розы, эта женщина изображала мужчину, который изображает женщину. Отбросив сдержанность, Сара поглощала клубный коктейль с шампанским, и тут по ступенькам поднялся Адам Фоли и подошел вплотную к их столу. Ночь выдалась холодная, он надел длинное, почти до пят, пальто.

К ее крайнему изумлению он произнес:

— Я пришел извиниться.

Повисло молчание — все внимали с безотчетным волнением.

— Прошу прощения. Я виноват. Сожалею о своем поведении. Ты меня извинишь? — Не дожидаясь ответа, он подвел итог: — Вот и хорошо. Инцидент исчерпан. Воевать не из-за чего. А теперь можно мне сесть и выпить?

Никто не отвечал. Адам придвинул к себе стакан, налил вина из стоявшей на столе бутылки. Сара, уже списавшая со счетов этот вечер, теперь дрожала от возбуждения. В его присутствии — Адам сел к ней вплотную — на нее накатывала предобморочная дурнота. Молчание нарушил Александр, спросив, не желает ли кто поесть в «Красном ангеле» или в индийском ресторанчике.

Стали обсуждать варианты, где и что можно отведать. Адам повернулся к Саре спиной. Она сидела возле квадратной колонны в стиле арт-деко, которая подпирала — или делала вид, что подпирает, — черный с золотом потолок. Не снимая пальто, Адам сел так, что задвинул Сару

глубже в нишу возле колонны, отрезал ее от компании.

Еще хуже стало, когда Адам переставил свой стул так, что сиденье врезалось ей в колени. Он придавил ее к стене, Саре стало больно. Она не знала, что делать, а вокруг никто ничего не замечал. Возбуждение разгоралось сильнее оттого, что Сара не понимала, какую игру Адам затеял на этот раз. Но если она поставит себя в смешное положение, попытается выползти из своего угла или начнет взывать о помощи, все будет кончено. А вдруг он сдавит ее так, что поранит?

И тут Адам поднялся с места. Пола пальто упала Саре на лицо, толстая, душная масса твида. Вскрикнув, Сара оттолкнула Адама. Он отступил, оглянулся через плечо и «очень удивился»:

— Господи, когда ты успела забиться в этот угол?

Словно он ее не замечал. Словно она ничего собой не представляет — не женщина, не человек, пустое место. Он говорил о ней, как о собачонке, забравшейся под кровать, и на миг Сара засомневалась, показалось, будто все, что было между ними, все, что они делали вместе, ей померещилось. Это длилось всего мгновение, но обругать Адама Сара так и не смогла — слова не шли с языка.

Все отправились перекусить. Почти все. Она услышала слова Адама, ее сердце сделало сальто и с громким ударом вернулось на место.

— Значит, карри.

На лестничной площадке он отступил в сторону, пропустил вперед Розы и Викки, а потом двинулся вперед, предоставив Саре плестись в хвосте. Горло у нее пересохло и как будто распухло. Сзади на его пальто, почти на уровне пояса, остался размытый отпечаток ее красных губ. Почему этот отпечаток так волновал ее, почему сомнения только усиливали возбуждение? Никогда прежде она не задавалась такими вопросами. Если Сара и была пьяна, хмель уже выветрился, но шла она медленно, словно с трудом нащупывая ступени.

С силой распахнулась входная дверь. Сара едва успела выставить вперед руки, чтобы удар не пришелся по лицу, а привратник или швейцар громко проворчал: «Ну и подонок!»

Друзья уже вышли на улицу. Наверное, Адам сказал им, что Сара поехала домой, поручила ему попрощаться за нее. Она с горечью подумала, что все уже привыкли к ее ранним уходам, а вот Адам на этот раз задержится. На парковке было темно, машины разъехались, посреди на асфальте переливалась лужа бензина. Сара обошла лужу, высматривая свой автомобиль, и увидела одинокий огонек.

Сигарета. Адам сидел на крыле чужого автомобиля и курил. Когда

Сара, вздрагивая всем телом, подошла вплотную, он вынул сигарету из рта, зажал ее двумя пальцами и медленным, плавным жестом вложил Саре в рот.

Почти в тридцать два года — рановато, пожалуй — Сара обнаружила в себе зачатки эксцентричности. О необычном романе с Адамом Фоли она предпочитала думать пореже, поскольку мысли могли нарушить или вообще уничтожить атмосферу отчужденности и холодности между ними. Но это решение было не менее эксцентричным, чем сам роман. Кроме того, ей не хотелось никого пускать в свой дом. Она дважды приглашала мать — сразу после смерти отца и совсем недавно, — но ее отказ доставил Саре прямо-таки смешное облегчение. После каждого отказа, вернувшись домой, она наслаждалась роскошью уединения, выпивала и засыпала в одежде прямо на ковре.

Она чувствовала, что лучше вообще никого сюда не звать, даже (и это открытие удивило ее) Хоуп и Фабиана. Сара немного развлеклась, перебирая способы полностью оградить себя от гостей: например, развесить на стенах порнографические снимки, никогда не делать уборку, ходить по дому голой.

Однако в тот вечер, когда Сара ждала Джексона, от крайних мер пришлось отказаться. При мысли об этом визите Сара застонала и принялась корчить рожи перед зеркалом — еще одна эксцентричная привычка, помимо склонности разговаривать вслух с самой собой. Джейсон зайдет, потому что он сейчас в Лондоне, приехал по ее делам и напросился к ней. Ну и что? Он мог бы сообщить ей новости по телефону или в письме, но можно сделать это и при личной встрече, ведь они оба в Лондоне. Джейсон позвонил в колледж после ее семинара — и что еще она могла сказать? Он даже не заметил, как мрачно прозвучало ее согласие.

От шрамов после прыщей, старой одежды и акцента он, конечно, не мог избавиться, но мог бы хоть принять ванну и вымыть волосы. Колин Райтсон, старая развалина, несколько месяцев назад в приступе жалости к себе поведал Саре, что, помимо артрита и снижения слуха, страдает еще одним недугом — утратой обоняния. Когда Джейсон переступил порог ее дома, Сара и сама была бы рада лишиться обоняния, к сожалению слишком хорошего. Одежда Джейсона пахла землей, кожа и волосы — застарелым потом.

Она предложила ему выпить и уселась как можно дальше от гостя. Большую часть дня Джейсон провел в архиве, искал записи о членах семьи Райанов, нашел всех детей Джона Уильяма и Анны Элизабет Райан, проследил судьбы некоторых из них. Заметив, как торопливо и словно

украдкой он проглотил джин — можно подумать, кто-то покушался на его порцию, — Сара предложила налить еще. Джейсон покачал головой.

— Бабушка хранит бренди для лечения, — пояснил он. — Иногда я симулирую обморок. — Сара даже не улыбнулась. — Джин я уже давно не пробовал. Не хотелось бы расклеиться. Может, воды нальете?

— Сейчас. — Она принесла из холодильника «Перье». — Расскажите про Райанов.

— Они поженились в 1925 году, в Ипсвиче. Фамилия жены — О'Дрида. Первенец, Джон Чарльз, родился 20 апреля 1926 года.

Глаза сильно закололо, как будто подступили слезы, и собственный ровный голос показался ей чужим:

— Это и был мой отец?

— Вполне возможно. А вы как считаете? Он всего на три недели старше Джеральда Кэндлесса.

Сара постаралась сохранить тот же ровный тон:

— Смерть ровесника произвела на него неизгладимое впечатление. Можно себе представить, как его отец вернулся домой рассказал, какая стряслась беда, у Кэндлессов умер единственный сын, и миссис Райан пошла навестить их вместе со своими детьми, с маленькими мальчиками... Господи, это же моя бабушка! — Голос ее сорвался, с этим Сара ничего поделать не могла, но слезы сдержала, резко наклонив голову и прижав ко лбу кулаки.

— Не надо раскисать, — Джейсон, подошел к ней, сел рядом, даже руку на плечи положил.

Лучшее средство, чтобы в зародыше погасить любые эмоции. Сара едва не сбросила его руку, едва не прикрикнула на него, чтобы отошел и оставил ее в покое. Еще хуже, чем чужая немытая ладонь, оказался платок, серый, мятый, покрытый засохшими соплями, задохнувшийся в нестираной одежде.

— Все в порядке, — она порывисто вскочила. — Спасибо. Давайте, еще налью. Со льдом.

Джейсон радостно закивал. На его стакане отпечатались липкие пальцы, остались разводы слюны.

— Продолжайте, — попросила Сара. — Со мной все в порядке.

— Семья была католическая, из Ирландии, об этом бабушке рассказывала мать. Вслед за Джоном Чарльзом на свет появились еще пятеро. Сначала Джеймс Роберт и Десмонд Уильям. — Джейсон читал вслух свои записи. — Это они, вероятно, поджидали у калитки вместе с вашим... — он осторожно покосился на нее, — с вашим отцом, поскольку

Маргарет родилась только в августе 1933 года, а двое младших, Мэри Энн и Стивен, лишь в 1935 и 1937 году соответственно.

— Выходит, Стивен был младенцем, когда умер его отец.

Джейсон сверился с записями:

— Трубочист Райан умер в апреле 1939 года, когда Стивену было... полтора года. Вашему отцу только исполнилось тринадцать. Вскоре после этого, еще до начала войны, насколько я понимаю — точно мы не знаем, учтите, — семья переехала в Лондон. Миссис Райан, а с ней Джон, Джеймс, Десмонд, Маргарет, Мэри и Стивен перебрались в Лондон, к родственнику.

— Что это за родственник?

— Во всяком случае, не брат, — ответил Джейсон. — О'Дрида — редкое имя. Я просмотрел несколько телефонных справочников разных областей и не нашел никого. В архиве есть запись об Айне Элизабет О'Дрида, родившейся в Хэкни в 1897 году, и о ее сестре Катерине Мэри О'Дрида, родившейся в 1899 году, а братьев нет.

— Ваша бабушка не могла бы уточнить?

— Я предлагал ей на выбор: «дядя», «деверь», но впустую. Похоже, она рассказала все, что ей известно. — Джейсон с усмешкой добавил: — Если стану давить, она вспомнит и то, чего не знала.

— Хэкни нам что-то даст?

— Может быть. Однако в современном справочнике Хэкни О'Дрида отсутствуют. Еще бы, сто лет прошло.

— Что же дальше?

Вместо ответа он задал встречный вопрос:

— Ваш отец католик?

Сара покачала головой, но тут же вспомнила о загадочном предмете, все еще хранившемся в словаре, между «Графом» и «Динамичностью», и отдала пальмовый крест Джейсону:

— Он не уходил из дома по воскресеньям с утра. Я бы знала, я всегда проводила выходные дома.

— Может, он ходил на субботнюю мессу. Во многих католических храмах есть вечерняя служба по субботам.

— Как вы много знаете! — Ей вдруг захотелось подразнить Джейсона.

— Пора мне домой, — сказал Джейсон, глянув на часы.

Он произнес эти слова сокрушенно, со вздохом, пожимая плечами, и посмотрел на Сару, будто она могла предложить ему более привлекательную альтернативу. Что, она должна оплатить ему номер в гостинице?

— Выпейте на дорогу, — сказала она и, пока он наполнял стакан, добавила, поддавшись внезапному порыву: — Я оплачу вам такси до Ливерпуль-стрит.

— Спасибо. На десятичасовой я опоздал, но еще будет поезд в одиннадцать.

— С утра у вас лекция?

— Вообще-то я сейчас не хожу на занятия, — теперь он избегал смотреть Саре в глаза. — Разве вы не догадались? Я... провалился, в общем. После Пасхи так и не возвращался.

— Ясно. — Но ей ничего не было ясно. — А ваша стипендия, на что же вы существуете?

— На ваши деньги, — откровенно ответил он. — Вас мне будто Бог послал. — Тут он заставил себя встретиться с ней глазами. — Во всех смыслах.

Сара прошла в кухню, нашла кошелек и вернулась к нему с двумя десятками. На такси за глаза хватит, ну да ладно.

Джейсон с благодарностью принял купюры:

— Бабушка не знает. Думаю, она перестала бы меня кормить, если бы догадалась, и тогда мне конец. К тому же я у нее моюсь. Надо приучить себя к холодному душу, но мне, по словам бабушки, не хватает силы воли. Родители тоже не знают. Считают, что я все еще бьюсь над психологией. Ничего, что-нибудь подвернется, так всегда бывает.

Сара брезгливо размышляла: по нынешним временам можно все-таки соблюдать элементарную гигиену. Нагреть воды в чайнике, ополоснуться над раковиной, сходить в баню. Но выскажи она это вслух, Джейсон наверняка возразит, что у нее нет подобного жизненного опыта, и окажется прав.

— Наверное, стоит разработать линию О'Дрида, — подытожил он. — Этим и займусь.

Сара проводила Джейсона до двери, а потом даже вышла на улицу и вместе с ним дождалась такси. Он весело помахал ей из окна машины. Она поднялась вверх, с отвращением принюхалась и принялась открывать окна. Саре казалось — пусть это и нелепо, что она не сможет прикоснуться к заляпанному стакану. Но в конце концов она решилась, натянув резиновую перчатку. Неловко держа стакан за ободок большим и указательным пальцами, она понесла его в кухню, отодвигая подальше от себя, словно мертвое насекомое.

На следующий день Роберт Постль отослал Саре сигнальный экземпляр «Меньше значит больше». Редакция предупредила, что

обложка не окончательная: пустынная городская улица — не рисунок, а фотография, и больше похоже на континентальную Европу, чем на Лондон. Сзади разместились похвальные отзывы о последней книге автора, панегирики от Малкольма Брэдбери и Э. Уилсона.

Несколько строк внизу извещали читателя, что книга выйдет в свет 29 января 1998 года, цена — 16.99 фунта в твердом переплете, размер 234 на 153 миллиметра, объем 256 страниц, далее следовал серийный номер. Короткая биография на форзаце сообщала ложные, как теперь знала Сара, сведения — ее отец не был единственным ребенком и не учился в Тринити. Но горестная правда оставалась неизменной: он умер в июле 1997 года.

Эта книга, как и многие другие, посвящалась ей и сестре: «Моим дочерям, Саре и Хоуп». Глаза опять защипало от слез. Вспомнилось, как отец спрашивал разрешения посвятить им книгу.

— Так полагается, — пояснил он. — Окажете ли вы мне честь, позволив посвятить вам следующий роман?

«Вестника богов» он посвятил Колину Райтсону, другую книгу (кажется, «Впроголодь») — Роберту Постлю, а «Быстротечное время» — памяти матери. Ранние книги он не посвящал никому. Только теперь Сара сообразила, что ни одного произведения отец не посвятил своей жене, Урсуле. И почему она раньше не обращала внимания на надпись «Памяти моей матери»? Он хотел почтить не Кэтлин Кэндлесс, но Анну Райан.

Значит ли это, что Анна Райан умерла незадолго до публикации «Быстротечного времени»? Или незадолго до того, как отец приступил к работе над книгой? Сара принялась разбирать хранившиеся у нее книги отца, нашла этот роман и посмотрела дату публикации: 1975 год. Ей тогда исполнилось девять, но она не помнила, как писалась эта книга. По правде говоря, хотя Сара читала ее, как и все книги отца, содержание выветрилось из памяти. Нужно перечитать ее, нужно перечитать все книги отца, прежде чем браться за свою.

Итак, вероятно, Анна Райан умерла в 1973 или в 1974 году. Раз Джеральд узнал о ее смерти, значит, он поддерживал какие-то отношения с родными и знал, что с ними происходит. Узнавал ли он о своих родственниках по линии О'Дрида? Райан и О'Дрида — ее отец, по всей видимости, был ирландцем. Не потому ли, сочиняя себе новую биографию, он указал университет Тринити?

Сара написала Джейсону Тэйгу с просьбой отыскать запись о смерти Анны Райан в начале семидесятых и проверить, не значатся ли О'Дрида в телефонном справочнике Дублина.

Письмо Сары застало Джейсона в его комнате на верхнем этаже белого

кирпичного дома в Ипсвиче за чтением «Белой паутины». Книгу в бумажном переплете тоже прислала ему Сара, и книга, как и письмо, пахла ею, каким-то особым ароматом, мускусным, чуть горьковатым ароматом французских духов. Даже обложка имела отношение к Саре, хотя непонятно почему — ведь на книге бледно-голубое небо и расплывчато-белое солнце прятались за импрессионистскими потеками и завесами белого тумана, а Сару он неизменно видел в черном.

На вкус Джейсона, описания знаменитых болот и птичьего заповедника Саффолка слишком затянуты. Повествование заметно оживилось, переместившись в Лондон, где секс поднимал свою весьма привлекательную голову. Один из юных героев книги зарабатывал себе на жизнь проституцией, с удовольствием погрузившись в гей-культуру. У Денниса появился постоянный содержатель, кроме того, он то и дело подбирал одноразовых партнеров, чаще всего в лондонских туалетах, в совершенно незнакомых Джейсону кварталах столицы. А его одноклассник Марк не желал признавать свою сексуальную ориентацию и соглашался даже на лечение, лишь бы сделаться «нормальным».

В ту пору гомосексуализм считали болезнью, моральным извращением, с которым можно справиться усилием воли, либо умственным расстройством, поддающимся лечению. Вернувшись к первой главе, Джейсон установил, что действие происходит в 1960 году. Пока Марка лечили усиленными дозами эстрогена, а потом в психиатрической клинике, внушая отвращение к мужчинам, Деннис постоянно встречался тайком с «дешевыми» парнями и переехал в оплачиваемую любовником квартиру. Чувству вины, которое терзало одного из героев, постоянно противопоставлялась беззаботная наглость второго.

Марк добровольно лег в психиатрическую клинику Южного Лондона. На его теле закрепили электроды и были его током всякий раз, когда на экране появлялось эротическое изображение гомосексуальной пары. Лечение не помогло, только ввергло пациента в депрессию, и он подумывал о самоубийстве. Джейсон был потрясен: подумать только, подобные дела творились совсем недавно, когда его родители уже появились на свет. Но откуда все это известно Джеральду Кэндлессу?

Когда Марк и Деннис были подростками, между ними завязались какие-то отношения, но детали автор умело скрывал. Сразу после неудачного лечения Марк в Лондоне встретил Денниса, узнал, какой жизнью тот живет, и жестокая разница, необходимость понять, почему их судьбы оказались столь несхожими, превратилась для Марка в навязчивую идею. Ему требовалось либо как-то разрешить внутренний конфликт, либо

убить Денниса, ведь пока тот жив, ему не будет покоя.

Тут Джейсон наконец оторвался от книги и с удивлением обнаружил, что просидел над ней три часа. Два дня назад, едва такси завернуло за угол дома Сары, Джейсон попросил остановиться и вышел, не обращая внимания на брань водителя. Доехал на метро до Ливерпуль-стрит и почти полностью сэкономил те самые двадцать фунтов. От них осталось достаточно на полбутылки джина или на ужин. Джейсон сбежал вниз по ступенькам и двинулся к угловому магазину. По дороге он опять вспомнил Сару и, махнув рукой на джин, приобрел пинту молока, пиццу, пакет кексов и фунт сыра «Чеддер».

— Помни: если ты говоришь мужчине, что любишь его, — сказала миссис Рул, — ты потом об этом можешь и позабыть, но он будет припоминать тебе эти слова до конца жизни.

«Пурпур Кассия»

При жизни Джеральда Полин последний раз гостила у них жарким летом 1976 года. Джеральд писал «Полчаса в переулке», наименее признанную и успешную из его книг. То ли жара на него так действовала, то ли просто не мог сосредоточиться. Большую часть времени они проводили на пляже — не на той длинной полосе песка, что тянется на семь миль вплоть до Франатон Барроуз — там слишкомлюдно, — а в небольшой бухте у северного мыса, где они оставались одни. Там было настолько тихо и безлюдно, что порой начинался прилив, затем отлив, потом снова волны набегали на девственный песок, на который за все это время не ступала нога человека.

Полине исполнилось семнадцать, и у нее появился ухажер, Брайан, — единственный парень в ее жизни, за которого она потом и вышла замуж. Сара пыталась побольше узнать о нем и постоянно заводила разговор с Полин на эту тему, что, впрочем, было нетрудно. Хоуп все это не интересовало, она все еще предпочитала замки из песка. Джеральд возводил на песке прекраснейшие крепости, с валом и рвом, зубчатыми стенами и высокими башнями. Маленькая Хоуп обожала разрушать их, но Джеральд не сердился на нее, а только смеялся.

Урсула каждый день плавала, а Полин плавать не умела и учиться не хотела. Она сидела на берегу и рассказывала Саре о Брайане и об их возможной помолвке, хотя, мама и сказала, что ей еще рано. Впрочем, при этом Полин все время поглядывала на Джеральда и восхищалась его замками из песка. Будущее ей виделось с Брайаном, но влюблена она была в Джеральда. Непостижимо, каким образом восьмилетняя Хоуп раскрыла ее тайну, но она все поняла и еще чаще забиралась к Джеральду на колени, обвивая его шею руками и бросая на Полин лукавые взгляды.

Хорошая погода закончилась раньше, чем школьные каникулы.

Однажды вместо берега и синего неба они увидели всепоглощающий туман, словно на море опустилась белая туча. Джеральд заперся в кабинете, задернул шторы, и, включив свет, вновь принялся за роман. С того дня туман постоянно висел над морем, иногда целый день, иногда рассеиваясь к полдню, а через неделю Полин уехала домой — начинался учебный год. Но сначала, накануне отъезда, между ней и Джеральдом что-то произошло — что именно, Урсула так и не узнала.

Любой другой муж, не изменявший жене и не собиравшийся этого делать — а Джеральд ей верен, в этом Урсула не сомневалась, — поделился бы с женой, если бы какая-нибудь женщина начала заигрывать с ним, а он ее отверг. Урсуле казалось, мужчина с гордостью бы рассказал о таком, ведь это подняло бы его в глазах супруги: что бы он ни натворил до или после, на этот раз он устоял, а значит, он хороший муж. Рассказал, чтобы предстать человеком сильной воли, непоколебимым и — неотразимым.

Джеральд не сказал ничего. Разумеется, вряд ли он бы стал заводить с Урсулой разговор о человеческих отношениях, сексе или своих чувствах. Но она поняла, что с Полин они явно поругались. Лицо у Полин припухло, и, хотя следов слез было не видно, она примолкла. Взгляд, прежде постоянно устремленный на Джеральда, блуждал. Зато Джеральд выглядел умиротворенным. И не то чтобы проявлял повышенное внимание к дочерям — куда больше? — но сверх обыкновенного демонстрировал любовь к ним.

Что натворила Полин? Зашла к нему в кабинет — так это видела Урсула — и неуклюже, по-детски, предложила себя? Как отреагировал Джеральд, Урсула не представляла. Надеялась только, что не слишком жестоко. На прощание он, как обычно, поцеловал Полин, но та не ответила с привычным восторгом, а съежилась, словно полуодетый человек на холодном ветру.

Пришло традиционное благодарственное письмо («Дорогая тетя Урсула»), но последних положенных строк в нем не оказалось. На этот раз Полин не написала — «Надеюсь приехать к вам в следующем году», и восклицательный знак Урсула, по обыкновению, протянула письмо через стол Джеральду, и тот, как обычно, молча его прочел. Только Сара спросила:

— А про Брайана она что-нибудь пишет?

В следующем году умерли родители Урсулы: весной — отец, в конце лета — мать. Их дом и сбережения были завещаны Яну, Хелен и Урсуле в равных долях. Не считая денег, вырученных за кольцо, это первая значительная сумма, доставшаяся Урсуле за время замужества, и хотя

капитал был не столь уж велик, его бы хватило для бегства. Она могла купить квартиру и протянуть какое-то время, пока не найдет работу, не испытывая чувства вины, что, оставив Джеральда, все еще живет на его средства. Еще до того, как она получила наследство, мысли о будущих деньгах (она примерно представляла себе каких) подталкивали Урсулу к подобным размышлениям. Об этом она размышляла на похоронах матери, поглядывая на Яна и его жену Джуди, ту самую, которую Герберт Вик грозился отхлестать хлыстом. Теперь у них было двое детей, и Ян казался довольным и счастливым, как никогда. Надо полагать, живется ему неплохо, если он светится счастьем даже на похоронах матери.

Полин подошла к ним, ведя за собой высокого рыжего парня:
— Вот он, Брайан, тетя Урсула. Мы обручимся на Рождество.

Она широко улыбнулась Джеральду: видишь, кому-то я нравлюсь, кто-то находит меня привлекательной, кто-то меня хочет. Не проронив ни слова, Джеральд ответил мефистофельской зловещей улыбкой и пожал юноше руку.

Каждое утро, гуляя по пляжу, Урсула прикидывала, что будет, если забрать девочек из престижных любимых школ, увезти из этого дома, с этого берега, далеко от отца. Один раз она чуть было не осуществила свой план: бросила перепечатывать «Гамадриаду» и написала Джеральду длинное прощальное письмо. Но потом порвала его и положила унаследованные деньги на общий с мужем счет. Она не ушла, но отложила побег на будущее и, отчасти поэтому, записалась на курсы истории искусств в Открытом университете.

«Гамадриада» получила восторженные отклики, многие знаменитости называли ее «книгой года». Она номинировалась на «Букера», и Урсула ходила вместе с Джеральдом на Букеровский ужин. Если Джеральд и был разочарован тем, что премия ему не досталась, он этого не показал. Фредерик Киприан с грохотом отодвинул стул, поднялся из-за стола, постоял минуту и шумно, назло всем, вышел, но Джеральд только плечами пожал. Журналист поинтересовался у Кэндлесса, что он чувствует. И верно ли, что ему предлагали изменить конец, но он отказался?

Джеральд умел напускать на себя важность.

— Подобно Понтию Пилату и Стриндбергу,^[17] — заговорил он, — я ответил им: «Что я написал, то написал».^[18]

— Наверное, вам следовало прислушаться к их совету, — настаивал журналист.

— А вам бы следовало вернуться к темам, в которых вы больше

смыслите. Как насчет травки и рока?

Одна сцена в романе привлекла внимание Урсулы, когда она перепечатывала текст. Юная девушка, подруга героини, списанной с Сары и Хоуп, заигрывает с человеком старше себя, и тот ее отвергает. По характерным оборотам речи она узнала Джеральда и Полин, его сухой юмор и ее наивные банальности. Это было жестоко, Урсула боялась, что Полин прочитает книгу и узнает себя или кто-то из знакомых ей скажет.

Хотя опасаться нечего. Полин тогда ничего не читала. Весной умер ее отец, свадьбу отложили, а когда была назначена окончательная дата, она написала Джеральду и попросила его быть посаженным отцом. Сара, которой исполнилось шестнадцать, сказала: противно, что женщину полагается «выдавать», словно корову или мешок пшеницы, но Джеральд только усмехнулся и принял приглашение:

— Почему бы нет? Это мой единственный шанс. На вас, мои эмансипэ, надежды никакой. Вы скорее меня выдадите.

За этим, разумеется, последовали объятия и страстные клятвы. Впрочем, Саре и Хоуп пришлось по душе роль подружек невесты: они нарядились в розовое и лиловое, а маленькую дочку Яна одели в сиреневое. В пастельные тона, как выразилась Хелен. Свадебная фотография даже попала в газеты благодаря Джеральду — он как раз переработал «Гамадриаду» в сценарий, и фильм под названием «Девчонка» только что показывали по телевидению. Полин была в восторге. За свадебным ужином, изрядно выпив шампанского, она бросилась ему на шею и провозгласила Джеральда лучшим дядей на свете. Все было прощено — или, по крайней мере, забыто.

Урсула прилежно изучала историю искусств, ездила во Флоренцию в галерею Уффици и в Мадрид в Прадо. После медового месяца она почти не бывала за границей, вообще редко отлучалась из дома. Джеральд не любил поездки, незнакомые места, толпу. Мы и так живем у моря, зачем нам куда-то ездить, говорил он. Правда, в ту пору он начал кататься в рамках рекламной кампании в Соединенные Штаты, Канаду, а один раз на четыре дня — в тогдашнюю Западную Германию. Урсула поехала с ним в Берлин — хотелось посмотреть на Стену. Но когда Роберт Постль предложил отправиться с Джеральдом в Нью-Йорк, Вашингтон и Чикаго, а потом в Канаду, отказалась. Джеральд молча повернул голову, смерив ее взглядом.

— Не любишь летать? — спросил Роберт Постль.

— Смотря с кем, — ответила она.

Редактор подумал, что она про авиакомпанию, но Джеральд все понял. В его глазах промелькнула догадка и еще кое-что, что заставило Урсулу

вздрагнуть: Джеральд был доволен. Ему нравилось, когда она огрызалась. Он наслаждался ее неприязнью — хороший способ развеять скуку. Повернувшись к мужу спиной, Урсула холодно пояснила Роберту, что не сможет надолго оставить детей. Сара не настолько взрослая, чтобы присматривать за сестрой.

Ездить в Европу ей никто не запрещал. Никому не было дела. О детях заботилась Дафна Бетти, которую Джеральд нанял из-за имени. Как бы хорошо Урсула ни знала мужа, даже она не могла угадать, какие заметки на будущее (мысленные, а то и письменные) он делал по ходу ее рассказов о гостиницах, в которых она остановится, картинах и достопримечательностях, которые увидит. Она делилась впечатлениями с девочками, но Джеральд ее внимательно слушал.

С таким же вниманием он слушал, когда Урсула возвращалась и рассказывала, где побывала и что посмотрела. Однажды ее заметки о Вазари, лежавшие возле печатной машинки, оказались не на месте — чуть сдвинуты под углом к краю стола. Урсула недоумевала: с какой стати Джеральду интересоваться ее учебной или творческой работой? Обычно она не удостоивалась его внимания — так в чем же теперь дело?

Прежде чем перепечатать очередную главу «Пурпура Кассия», она убрала заметки в ящик и закрыла на ключ.

Сэму она ничего не рассказала, только упомянула, что ездила во Флоренцию.

— Поедем туда вместе, — воодушевился он.

— Ты и я?

— Как мне нравится, когда ты говоришь «ты и я», а не «мы с тобой», в отличие от большинства. Держу пари, когда подходишь к телефону и слышишь: «Урсула?», ты отвечаешь: «Да, это она».

— Джеральд приучил, — ответила Урсула. — Одно доброе дело он для меня сделал: выучил грамматику. Ты в самом деле хочешь, чтобы мы поехали во Флоренцию?

— Куда угодно, — сказал он. — В разумных пределах.

Этот разговор состоялся в Ланди-Вью-Хаусе. Услышав о приезде Сэма, Дафна Бетти спросила, стелить ли «в комнате мистера Кэндлесса», но Урсула (отважилась бы она дать такой ответ девочкам?) отрезала:

— Спасибо, не надо. Он будет спать со мной.

Почему бы и нет, ответила Дафна и запела песенку про двух спящих на рассвете влюбленных, которые никак не могут проститься. Сэм ей сразу понравился, и она подмигивала ему, как только хозяйка отворачивалась.

— Я бы съездила в Рим, — сказала Урсула. — Но, боюсь, не

получится.

— Отправляемся завтра, — решил Сэм. — Я все устрою. Поеду в Барнстепл и куплю билеты.

— Ты сможешь?

— Разумеется. Это каждый может. Поедем на выходные и еще на пару деньков.

Мелькнула мысль о девочках. В эти выходные Сары не будет, а Хоуп так и так почти не появляется в родительском доме.

— Я счастлива, — сказала Урсула. — Счастлива как ребенок. Чистое, невинное счастье.

Хоуп и Фабиан собирались зайти выпить по стаканчику, поэтому, услышав звонок, Сара решила, что это они. Что это им приспичило ехать в кинотеатр «Одеон» на Свисс-Коттедж, если одна обитает в Кроуч-энде, а второй, когда они не живут под одной крышей, — в Докленде? В общем, они обещали навестить Сару после сеанса. Сара убедила себя, что решение не пускать никого в дом к сестре не относится.

Звонок раздался в полдесятого — рановато для окончания последнего сеанса. Возможно, фильм пришелся не по душе. Но когда Сара взяла трубку домофона, в ней послышался голос Джейсона Тэйга.

Ее охватило недовольство, даже яростный протест. Разве дом англичанина уже не крепость? Если у этого бродяги нет своего угла, это еще не значит... Она хотела его выставить, но Джейсон — ее помощник и сыщик, так что пришлось смягчиться. Тем не менее, впуская его в дом, она не слишком гостеприимно предупредила, что ждет сестру.

— Буду рад познакомиться, — ответил Джейсон, не сводя глаз со стоящих на столе бутылок и бокалов.

— Хотите выпить?

— Пока нет, — отказал он. — Разве что воды.

Это ее насторожило. Он что, надолго? На подбородке у него появились новые прыщи. «Хотимчики», называют их американцы, вспомнила Сара, и ее передернуло. Наливая себе в стакан джина, она отметила, что пахнет от Джейсона лучше, вполне прилично, и волосы он вымыл.

— Вам стоило сначала позвонить, — сказала Сара.

— Это не так-то просто. Другое дело — если у тебя мобильник. А мне нужно найти автомат, добыть мелочь, проторчать в очереди. Проще подъехать.

Проще тебе, подумала она.

— Узнали что-то новое?

— Ага. Просто сенсация.

— Нашли О'Дрида?

— Лучше, — просиял он. — Я нашел вашего дядю.

— Моего дядю?

— Именно. Младшего из братьев вашего отца. Жив-живехонек

На миг, на одно ужасное мгновение, она растерялась. Ей хотелось оттолкнуть от себя новость, ничего не знать. Словно что-то ужасное, темное, бесформенное караулило ее за дверью, и вот дверь открывается, она сама открывает ее. Детям снятся мохнатые буки, живущие в шкафу, — ей они тоже снились. Она просыпалась с криком и звала папу. Отец всегда приходил на помощь, успокаивал ее, а теперь не придет. Сара потянулась к стакану, поднесла к губам — и тут снова раздался звонок Хоуп и Фабиан. Джейсон проводил ее взглядом, когда она пошла к домофону, упиваясь своим триумфом.

Хоуп явилась в огромной бархатной шляпе цвета темного шоколада, они с Фабианом все еще смеялись по поводу этой шляпы и того переполоха, который она вызвала в кинозале. Сзади сидела женщина, ей было плохо видно, и она попросила, чтобы Хоуп сняла шляпу. А когда Хоуп предложила ей пересесть — благо зал на три четверти пуст, а шляпу она снимать не станет, здесь холодно, — упорная зрительница возразила, что имеет право сидеть где хочет, а вот Хоуп не имеет права загораживать людям экран своей огромной шляпой.

Тут Сара представила Джейсона, но Хоуп плохо его помнила и, похоже, не узнала, не увязала с Сариной работой над мемуарами.

— Здравствуйте, — она скользнула по нему взглядом и продолжила: — И тогда Фаб начал разъяснять ей, что человек имеет право сидеть где хочет и тому подобное. Это было уморительно, а потом парень из переднего ряда обернулся и сказал — если охота поболтать, сидели бы дома и смотрели телик. Началась перебранка, а потом я тихо взяла да и сняла шляпу. Видела бы ты — все сразу заткнулись и принялись смотреть фильм, самую скучную картину года, верно, Фаб?

— Джейсон собирает материал для моей книги, — сказала Сара. Наверное, зря. Слишком поздно она спохватилась, что Хоуп была решительно против того, чтобы посторонний копался в прошлом их отца. Она смерила Джейсона тем взглядом, каким человек, который не любит животных, смотрит на пса, свернувшегося у друга на диване.

— Можно мне большой-пребольшой стакан красного? — попросила она и продолжала с улыбкой, широко раскрыв глаза: — Вы профессиональный детектив?

— Не думаю, — ответил Джейсон. — Не очень-то представляю себе,

что это такое.

Хоуп приподняла брови и опустила взгляд — настоящая «судья миссис Кэндлесс». И вдруг ей в голову пришла замечательная идея:

— Сыграем с ним в Игру!

— Сейчас?

— Почему бы нет?

Нельзя недооценивать Хоуп — иногда она сама гениальность. Налив гостям вина, Сара пошла за ножницами. Кухонные куда-то подевались, так что пришлось довольствоваться маникюрными, с серебряными ручками из набора, доставшегося Саре после смерти Бетти Вик.

— Что за игра? — спросил Джейсон.

— Сейчас увидите. Налей ему тоже, выпить ему не помешает.

— Будете?

— Добавьте в джин воды. Совсем чуть-чуть.

— Надо передавать ножницы закрытыми или раскрытыми, — объяснил Фабиан. — Вы должны угадать как и объяснить почему. Ясно?

— Ага. Думаю, да.

— Я передаю ножницы закрытыми.

— Я беру ножницы раскрытыми и передаю закрытыми, — сказала Сара Хоуп.

— Я беру их раскрытыми и передаю раскрытыми, — с этими словами Хоуп передала ножницы Фабиану.

— А как же Джейсон? — вмешалась Сара. — Сейчас его очередь, или он только смотрит? — Она взяла ножницы у Фабиана:

— Я беру ножницы раскрытыми и передаю раскрытыми.

— Я беру ножницы раскрытыми, — подхватил Джейсон, переворачивая ножницы, — и передаю их закрытыми.

— Нет, — ответила Сара. — Я только что заметила. Женщинам проще, да?

— Папа догадался, еще когда был мальчиком. Он сам рассказывал. Но он гений и понял все сразу. Он не говорил, но я в этом уверена. Я беру ножницы закрытыми и передаю их раскрытыми.

Джейсон, который сидел подавшись вперед и раздвинув ноги, теперь положил ногу на ногу и продолжил:

— Я беру ножницы закрытыми и передаю их закрытыми.

— Правильно, — сказала Хоуп, — а вы знаете почему?

— Конечно. Когда ноги скрещены, вы передаете ножницы закрытыми, а когда врозь — раскрытыми. Элементарно, Ватсон.

Хоуп заметно побледнела:

— Невероятно!

— А что такого? Это очевидно. Детская игра. Любой догадается.

— Вовсе нет. Люди пытаются понять годами. Вот ты, Фаб, сколько промучился?

— Не помню. Недели две минимум. Но я не гений. Обычный юрист — память хорошая, а воображение так себе.

— Не верю своим глазам! — повторила Хоуп.

Пока сестра надевала свою знаменитую шляпу, Сара прикинула, что может выставить Джейсона, попросив Фабиана подкинуть его до Ливерпуль-стрит. Правда, тогда она не услышит про О'Дрида. И тут ей захотелось все узнать. Страх прошел — чудовище, таившееся во мраке за дверью, отступило. Джейсон завоевал ее доверие, ведь никто до сих пор так быстро не разгадывал Игру.

— Вам наверняка показывали в детстве! — не унималась Хоуп. Она не могла смириться с поражением. — У вас синдром подавленных воспоминаний.

Джейсон только пожал плечами и улыбнулся.

— Вас подвезти? — предложил Фабиан.

— Нет, Джейсон задержится. Он хотел мне кое-что рассказать. — Хоуп приподняла брови, передразнивая сестру, и Сара сердито добавила: — Я налью ему еще стаканчик и послушаю наши семейные тайны. Езжайте. Я позвоню.

Джейсон подождал, пока закроется дверь:

— Напрасно ваша сестра устроила скандал из-за шляпы. Это неприлично.

— Может быть. Расскажите мне о моем — вы говорите — дяде?

Джейсон извлек блокнот, заглянул в него и посмотрел на Сару:

— В прошлый раз вы здорово расстроились. Все это бьет по нервам, я понимаю. Вы как, справитесь?

— Конечно.

— Ну хорошо. Поехали. В дублинском телефонном справочнике значится один-единственный О'Дрида. Ему восемьдесят пять, Анна Райан была его сводной сестрой. Как вы помните, они с сестрой родились в Хэгни, но после смерти матери, миссис О'Дрида, отец вернулся в Ирландию, оставив дочерей теще из Ипсвича. Бабушка их вырастила. О'Дрида обосновался в Дублине, снова женился и завел еще нескольких детей. Из них в живых остался только Лиам О'Дрида, с которым я и говорил. Он все и рассказал. Старик вполне *compos mentis*.^[19]

— Но он мне не дядя, а двоюродный дед.

— Дойдем и до дяди. Слушайте внимательно. Лиам О'Дрида никогда не видел сводных сестер, он намного младше. Зато был знаком с Джеймсом Райаном. Дочь Лиамы приехала в Лондон в шестидесятых учиться на медсестру и разыскала сына тети — вернее, сводной тети. Других родственников в Лондоне у нее не имелось. Она несколько раз заезжала к Джеймсу.

— Это следующий по старшинству брат моего отца? — уточнила Сара.

— Да. По словам Лиамы, он уже умер. Сестры, Маргарет и Мэри, кажется, живы. С Мэри случилось что-то странное, но что именно, он то ли не знает, то ли забыл. Когда я говорил «дядя», я имел в виду младшего из братьев.

— Он еще жив?

— В этом году ему исполнится шестьдесят. Он родился в 1937-м. Когда умер отец, ему было всего полтора года. Лиам ничего про него не знает, кроме того, что Стивен работал учителем в Плимуте.

— В Плимуте! Значит, он и папа... Послушайте, мы с папой жили в том же графстве — Плимут всего в шестидесяти милях от нас. Какое-то время отец даже работал в Плимуте.

— Возможно. Ну и что? Больше мне ничего не известно. Если хотите, могу съездить в Дублин, но это обойдется вам в круглую сумму. Из Лиамы больше не выжмешь. Следующий — Стивен.

— А Маргарет и Мэри?

— Лиам не помнил даже их имен, только то, что было две сестры и одна из них сделала что-то странное. О смерти Джеймса и Десмонда он знает, Джона тоже считает умершим. Двух последних он называл «те два мальчика». Да, еще он сказал, что их мать, его сводная сестра...

— Моя бабушка.

— Ваша бабушка. Он сказал, она вроде бы вышла второй раз замуж.

— А где жил Джеймс, когда эта студентка его навещала?

— Лиам не помнит. А сама девушка — теперь ей уже пятьдесят пять — вышла замуж за канадца и уехала в Новую Шотландию.

Сара помолчала с минуту, вспоминая, как отец ездил в Плимут. Она была еще маленькой, когда он выступал там в книжном магазине и подписывал экземпляры новой книг. Если бы Стивен туда зашел, он бы узнал старшего брата? Плимут — большой город. Но сколько людей собралось послушать отца? Сотня от силы.

Сара напряглась, с трудом сдерживая свои эмоции.

— Открою-ка еще бутылку, — сказала она.

— Только без меня, — предупредил Джейсон и, к ее изумлению,

добавил: — Вы слишком много пьете.

— Странно слышать это от вас.

— Да, я пропустил стаканчик, но я-то пью только с вами, а вы — не только со мной, верно? Это очевидно. Вы много пьете, и очень зря, вам это не на пользу. Вы такая красивая — зачем себя портить?

Она расслышала только конец фразы, пропустив начало мимо ушей. Так вот какой она виделась Джейсону? Сара изумленно отставила бутылку:

— Я и забыла, вам пора на поезд.

— Я уже опоздал, — ответил он. — Последний ушел в одиннадцать. Вы бы не могли — в смысле, можно у вас переночевать?

Если бы он начал раздеваться, Сара бы и то так не удивилась. Разум отчаянно кричал «нет!». Нет, нельзя, отправляйтесь в гостиницу, я заплачу. Сара поднялась и отнесла бокалы на кухню, размышляя над сложившейся ситуацией. В голове вертелась одна мысль: какой ужас. Но, вернувшись в комнату, она сказала: да, конечно, оставайтесь. Сара выдавила улыбку и даже похлопала гостя по плечу. Конечно, оставайтесь, что делать...

А ведь у нее одна ванна! Что, если он почистит зубы ее щеткой? Да нет, кому такое придет в голову! Сара пробормотала «спокойной ночи», попросила выключить свет и побежала в ванную, а оттуда — со щеткой в руке — в спальню.

Ей стало легче, когда она закрыла дверь, и совсем хорошо — когда Джейсон погасил свет. Теперь можно представить, что она, как всегда, одна. В квартире ни звука — лишь изредка доносится отдаленный гул транспорта. На тумбочке у кровати лежал сигнальный экземпляр «Меньше значит больше». Сара открыла последнюю книгу отца и принялась читать.

Зачитавшись, она полностью забыла о нежданном госте в соседней комнате. Джеральд Кэндлесс все-таки создал историю о человеке, который внезапно, без объяснений, бросает семью, берет другое имя, находит новую профессию и начинает новую жизнь. Периодически протагонист вспоминает прежнее счастье, дружную семью, любящих родителей.

Эти воспоминания побуждают Филиппа в последний раз вернуться в родительский дом, окунуться в прошлое, посмотреть на все, что он утратил и что, как ему кажется, все еще здесь осталось. Все эти годы он хранил ключ. Филипп наблюдает за домом с противоположной стороны улицы, с болью следит, как из дома выходит мать, а когда она скрывается из виду, открывает дверь.

На этом месте Сара заснула, вернее, задремала. Затем резко проснулась и, перевернув страницу, прочитала еще кусок. Но, когда сильно устанешь, как ни старайся читать, сон все равно сморит. Это Сара поняла

еще в студенческие дни. И хорошо — зато она перестанет думать о Джейсоне Тэйге. С этой мыслью Сара провалилась в сон, успев только сбросить книгу на пол и выключить лампу.

Сначала ей показалось, что это сон: кто-то большой и живой рядом, чья-то рука обвивает ее талию, губы касаются щеки. Окончательно проснувшись, Сара обнаружила вполне реальную руку и теплую кожу и с воплем села:

— Слезь с меня!

Изо всех сил Сара оттолкнула Джейсона, хотя особых усилий не потребовалось — парень тощий, почти невесомый. Она поднялась и, стоя на кровати, несколько раз его пнула. Затем соскочила на пол и завернулась в одеяло.

— Пошел вон, чертов насильник! — орала она. — Вон из моей квартиры. Убирайся!

Кто-то из них включил свет — кажется, Джейсон. Моргая, он опустился на кровать.

— Убирайся! Немедленно!

— Я не насильник, Сара, — пробормотал он. — Я на такое не способен.

— Уходи, — повторила она. — Одевайся и уходи, прошу тебя.

— Я думал, я тебе нравлюсь. Один раз ты даже сказала, что меня обожаешь. По телефону, в шутку, конечно. Я все понимаю. Но мне казалось, я тебе нравлюсь, а когда ты разрешила остаться, я подумал, может быть, ты... ну, не все для первого раза, но хоть что-то... — И тут, к ее ужасу, он уткнулся в ладони и разрыдался.

— Господи! — выдохнула Сара. — Господи!

— Я так одинок. Я изголодался по любви. Я сыграл в вашу Игру и выиграл, я решил, что показал себя. Я так одинок, я до смерти изголодался.

— И я должна тебе помочь? Уходи. Немедленно.

— Те, кто вступает в брак, чтобы избежать неприятностей, попадают в еще худшую беду, — заметил Оливер.

«Впроголодь»

Как-то по дороге в Оксфорд Джеральд рассказывал Саре про кардинала Ньюмана, отец которого выбирал сыну университет в роковое утро следующим образом: если кучер подаст карету с западной стороны, мальчик будет учиться в Кембридже, но упряжка подъехала с востока, и Ньюман отправился в Оксфорд.

Конечно, в наши времена такие решения никто в последний момент не принимает, прокомментировал Джеральд. У его дочерей будет возможность выбрать любой, самый престижный вуз. Урсула, для проформы сидевшая с мужем впереди (девочки ехали сзади), подумала, что не стоит так постоянно льстить девушкам семнадцати и неполных шестнадцати лет, но ничего не сказала. Слишком поздно, ущерб — если это ущерб — уже нанесен.

Урсула упорно продвигалась к диплому Открытого университета. В семье об этом знали, дочери поначалу даже проявляли любопытство. Зачем ей это? Она что, собирается искать работу? Но почему история искусств? Джеральда это не интересовало. Он и телевизор-то смотрел редко, включал, только когда по «Би-би-си-2» показывали фильм, снятый по «Гамадриаде», а потом — по «Бумажному пейзажу». Когда Урсула заняла под кабинет пустовавшую комнату на первом этаже, Джеральд не возражал, а только удовлетворенно выдал:

— Значит, гостей больше принимать не будем.

На обратном пути в Девон Джеральд без умолку обсуждал с Хоуп ее будущую студенческую жизнь и блестящие результаты на выпускных экзаменах, вспоминая успехи Сары, прискорбный недостаток образования Полин и диплом с отличием Роберта Постля. Достижения Урсулы в области истории искусств обходили стороной. Правда, и об учебе Джеральда в Тринити не проронили ни слова. Урсула не обижалась: все-таки лучше, чем пренебрежительные реплики мимоходом.

Джеральд писал сценарий по одному из ранних романов. Перепечатывать ничего не требовалось, и Урсула с головой ушла в учебу. Но весной Джеральд взялся за новый роман. Иногда название приходило к нему сразу, на первых страницах. Как и в этот раз. Книга называлась «Впроголодь».

После отъезда Сары отношения между супругами немного наладились. Хоуп была целиком поглощена школой, вечером постоянно оставалась на дополнительные занятия, так что сближение — если это можно так назвать, — по всей видимости, объяснялось просто: Урсула и Джеральд больше времени проводили наедине. Кроме жены поговорить было не с кем, и Джеральду волей-неволей приходилось общаться с ней. Неприязнь, которую он раньше демонстрировал, куда-то исчезла.

В одно раннее утро, когда Урсула смотрела на видео лекцию об итальянском Возрождении, Джеральд вошел в комнату и уселся рядом. Фильм кончился, и муж начал задать вопросы, явно заинтересовавшись. В другой раз он начал расспрашивать о курсах, которые Урсула посещала в Ильфракомбе. Урсула опасалась насмешек и предположений, что она выбрала историю искусств только из-за Эдуарда Акенхэма, но Джеральд ничего такого не сказал.

Урсула пыталась понять, что означает это неожиданное внимание — разговоры за обедом, проявление заботы (муж даже спрашивал ее о самочувствии!). Может быть, пришел возраст и Джеральд смирился с ней и своей судьбой? В мае ему исполнится пятьдесят восемь. Скоро дети разъедутся, и они останутся вдвоем.

Первую главу романа «Впроголодь» Джеральд вручил Урсуле дождливым мартовским днем. Из-за ливня она не пошла на обычную прогулку по пляжу, а села за машинку. И тут — не сразу, где-то к концу второй главы — она начала понимать, что он с ней сделал. Даже сейчас, тринадцать лет спустя, она вспоминала об этом с той же, доходившей до тошноты, болью. Она читала историю мужчины, выбравшего себе в жены наивную девочку из пригорода, чтобы та родила ему желанных детей.

Роман начинался с того момента, когда эта девочка — Уна — превратилась в глуповатую женщину средних лет. Уна была замужем за выдающимся музыкантом, творческим, преуспевающим человеком, и, поскольку сама вкусом и талантом не обладала, решила повысить свой интеллектуальный уровень. Первые главы повествовали о странностях академической жизни семидесятых — начала восьмидесятых, о нелепых темах дипломных работ, низком уровне технического образования, о вечерних секциях восточных единоборств и загадочных кружках, об

образовании по почте и по телевидению.

В главах о прошлом рассказывалось о детстве героини: Уна, единственная дочь богатого владельца магазина, избалованная, невежественная, не знающая жизни девушка, росла в Голдерс Грин. Как-то она выбралась на концерт — и встретила будущего мужа, того самого композитора, который присматривал себе физически здоровую и не слишком требовательную жену.

У них родились двое сыновей. Они жили в северной части Лондона, в Хайгейте. Уне было не о чем беседовать с мужем и его такими же начитанными друзьями. Вдобавок, вопреки его ожиданиям, она оказалась плохой поварихой и домохозяйкой, а с ролью матери и вовсе не справлялась. Зато ее претензии росли, и, когда семья переехала в Сомерсет, Уна стала думать, как получить высшее образование и догнать мужа.

Добравшись до этого места, Урсула встала, пошла в кабинет к мужу и потребовала объяснений.

— Сперва сама объясни, — возразил он. — Я не понимаю, в чем дело.

Она так и сделала. Он все отрицал. Уна — брюнетка, ей сорок шесть, а не сорок три, как Урсуле, живет в Сомерсете, ее муж — композитор и моложе Джеральда, у них сыновья, а не дочери.

— Все равно она списана с меня, — настаивала Урсула.

— Чушь!

— Зачем ты это сделал? Вернее, делаешь, — уточнила она.

— Это делаешь ты, а не я, Урсула. Впрочем, ничего удивительного: люди часто сравнивают себя с персонажами книг, а еще охотнее утверждают, будто послужили прототипами. Почему, не знаю. Наверное, из тщеславия. Тщеславия и жажды оказаться в центре внимания.

Урсула просила его не публиковать роман. Джеральд смеялся и повторял, что это игра ее воображения. Спасибо, хоть изменил имя героини с «Уны» на «Имоджен» — ведь из английских женских имен только «Урсула» и «Уна» начинаются на «У». Еще сделал Имоджен бездетной, и теперь она училась на социолога, а не на искусствоведа.

Набрав шесть с половиной глав, Урсула остановилась. Хватит, объявила она. Больше она не напечатает ни строчки. Урсула ожидала, что Джеральд спросит, как она собирается отрабатывать деньги, на которые живет, но он промолчал. Такие вещи его не интересовали.

Его почерк разбирала только Урсула, так что Джеральд съездил в Барнстепл и купил печатную машинку. Работая в свое время журналистом, он научился кое-как печатать двумя пальцами. Но получалось слишком медленно и неаккуратно, Роберта Постля это не устраивало, так что вскоре

обязанности Урсулы стала исполнять профессиональная машинистка Розмари.

«Впроголодь» опубликовали осенью 1985 года. Критики встретили роман холодно. Урсула опасалась, что кто-нибудь из друзей и знакомых или какой-нибудь газетчик обнаружит сходство между характером и жизнью ее и Имоджен. Никто ничего не заметил.

— Я читал «Впроголодь», — сказал Сэм, — и мне не показалось, что Имоджен списана с тебя. Вы не похожи.

— Ее жизнь — моя жизнь. Ты не знал меня раньше. Она говорит моими словами. Одевается, как я одевалась.

— Такая история произошла с Сомерсетом Моэмом и Хью Уолполом, — припомнил Сэм. — Моэм списал персонаж с Уолпола. Самонадеянный критик Элрой Кер был его точной копией, Моэм не изменил ни черточки. Когда «Пирог и пиво» пошла в печать, Моэм отослал Уолполу сигнальный экземпляр, тот прочел его за ночь и узнал в жестоком описании себя. Что он мог сделать? Только подать в суд, но он не стал. Говорят, эта книга погубила Уолпола — он резко изменился, утратил уверенность в себе. А ведь он считал Моэма другом!

— Я считала Джеральда мужем. После этого мы почти не разговаривали. Это был конец.

Они поднялись на холм Пинция — отсюда, по словам Сэма, город особенно красив на закате. Купол Святого Петра таял в сгущавшихся сумерках, колокола звонили к вечерне. Наконец небо сделалось из алого фиолетовым, и Сэм с Урсулой стали спускаться, задержавшись, только чтобы полюбоваться сквозь решетку старинным садом.

— Дай мне руку, — попросил Сэм, когда они шли вниз.

— Я уже слишком стара для этого.

— Пожалуйста!

Она взяла его за руку, и Сэм принялся рассказывать, что Велизарий не стал отстраивать этот участок оборонительной стены Аврелиана вала, поскольку римляне уверяли, что сам святой Петр защитит это место от любого врага. Перед ними, тоже держась за руки, шли юноша и девушка. Юноша оглянулся через плечо, и его смуглое красивое лицо показалось Урсуле похожим на лицо Фабиана. Да, он почти двойник Лернера — двенадцать лет назад.

Хоуп привезла Фабиана с собой в Ланди-Вью-Хаус в декабре, как только закончился семестр в Кембридже, где они познакомились. Как раз к ее восемнадцатилетию выходил роман «Впроголодь». Лернеру исполнилось восемнадцать в июне.

Как хорошо Урсула помнила этот день. Джеральд уже нервничал, расхаживая взад-вперед по дому, и тут в замке заскрежетал ключ. Хоуп задержалась на полчаса, по мнению отца, — сама она не уточнила, когда придет. И наконец — ключ поворачивается в замке, и Хоуп кричит:

— Папочка!

Как раз тогда она начала носить огромные шляпы и вернулась с первым приобретением — черным бархатным гнездом. Швырнув его на диван, Хоуп бросилась в объятия отца. Пожав руку Фабиану, Урсула стала ждать, когда отец и дочь закончат обниматься.

— Это Фабиан, — спохватилась Хоуп.

Джеральд глянул на юношу и поспешил спрятать недовольство, вспыхнувшее в его глазах. Урсула заметила это позднее, когда Джеральд, полагая, что никто не увидит или, по крайней мере, ничего не заподозрит, пристально разглядывал Фабиана. На мгновение лицо Джеральда преобразилось, взгляд потемнел, он стиснул губы, словно сдерживая невольную дрожь. Наконец взял себя в руки, выпрямился и улыбнулся.

Урсула непроизвольно сжала руку Сэма и заглянула ему в глаза.

— Десять тысяч лир за твои мысли!

— Вспомнила поклонника дочери. Этот молодой человек на него похож

— Нечего думать о других мужчинах, — проворчал Сэм. — Лучше думай обо мне.

Сара долго лежала в темноте, но не могла уснуть. Вновь накатило беспросветное отчаяние, как после смерти отца, только сейчас она не понимала, отчего так несчастна. Дело не в Джейсоне Тэйге — он, конечно, идиот и все понял неправильно, но он не хотел ее изнасиловать. Просто вскрылись старые раны: отец умер, он не вернется, не поможет.

Будь он жив, Сара поехала бы к нему, кинулась в его объятия, он бы поговорил с ней, утешил. Правда, есть еще один человек, который может ее поддержать, обнять, поцеловать, сказать, что все обойдется. Но едва женщина подумала о нем, как обозвала себя дурой. Его имя первым приходило в голову, но обращаться к нему стоит в последнюю очередь. Их отношения с Адамом Фоли строились на взаимном соперничестве и грубости. Нежности от него не дождешься.

Позвонить ему? Сара вздрогнула. Казалось бы, близкому человеку можно звонить в любое время дня и ночи, чтобы облегчить душу, но в ее жизни таким человеком был только отец. Ни друзей, ни любимого. Почему-то ее притягивала только грубость и сила — полная противоположность любви, которую давал отец. Но об этом Сара думать не хотела — слишком

больно. Тогда она вспомнила Адама и секс с ним, от которого получила хоть какое-то ответное удовольствие, и в конце концов уснула.

Прошло две недели. Саре пришлось заниматься делами, с которыми прежде справлялся Джейсон, — она больше не хотела обращаться к нему. Сара отослала парню чек, последний, как она решила, без каких-либо объяснений, и самолично принялась за поиски Стивена Райана. Найти его было нетрудно — дядя значился в телефонном справочнике Плимута, указанная улица располагалась в районе Матли. Сара практически не ориентировалась в Плимуте, но это сообразила.

Позвонить Стивену Райану — не то что Джону Джорджу Кэндлессу. Тогда Сара еще ничего не понимала, ей казалось, она знает, кто такой Джеральд. К тому же Стивен — ее родной дядя. Не может же она просто снять трубку, набрать номер и представиться его племянницей. Она решила написать письмо. Промучившись, Сара наконец закончила и — скомкала лист, выкинула его и написала коротко и ясно:

«Дорогой мистер Райан, по всей вероятности, я
ваша племянница, дочь вашего пропавшего брата Джона.
Я пишу о нем книгу. Можно приехать поговорить с
вами?»

И только бросив письмо в почтовый ящик, сообразила, что не упомянула о смерти отца.

О родстве Луиза Мэнли говорила: нечего радоваться, что кровь не водица. В воде хотя бы не бывает тромбов.

«Глаз на закате»

В ответ Сара получила письмо, адресованное миссис С. Кэндлесс: «Дорогая миссис Кэндлесс...» Такое обращение сперва удивило Сару, но она быстро сообразила, что, по мнению дяди, ее девичья фамилия тоже Райан, а Кэндлесс она по мужу. Стивен писал, что счастлив будет с ней познакомиться — после пяти вечера он дома. Хотя Сара ничего не спрашивала, Стивен рассказал о себе.

Он овдовел четыре года назад. Трое детей давно выросли, переженились и обзавелись внуками. Сын остался в Плимуте, одна дочь переселилась в Корнуолл, другая — в Йорк. Стивен преподавал в школе, в апреле ему исполнилось шестьдесят, и он рассчитывал проработать еще пять лет, до пенсии. Упоминание о книге заинтересовало Стивена, поскольку и сам он написал две: одну — о прогулках в Дартмуре, а другую — в форме дневника пастора, проводящего лето в Дорсете и разыскивающего окаменелости. Если миссис Кэндлесс решит его навестить, она может оставить сообщение на автоответчике — днем мистер Райан на работе.

Саре показалось, что Стивен боится этой встречи — стесняется, даже не хочет говорить по телефону, пока не увидит ее своими глазами и не поймет, что она за человек. А может быть, ей кажется, и дядя просто привык к подобным формулировкам. В любом случае, такая сдержанность ее устраивала. В одиннадцать утра, когда Стивен наверняка был на работе, Сара набрала номер и оставила сообщение, что заглянет во второй половине дня в пятницу.

В субботу в Барнстепл приезжает Адам Фоли.

Высокий каменный монумент на холме, словно перст, вздымавшийся в небо, подсказал, что Сара въезжает в Девон. Она немного успокоилась. Дорога показалась ей слишком долгой.

От Джейсона Тэйга — ни слова. Сара, собственно, ничего и не ожидала, но его молчание все равно ее злило. Мог бы написать,

подтвердить получение чека. Не умер бы, если бы извинился. Но чего ждать от человека из такой семьи? Ее отец был снобом и воспитал Сару в таком же духе. И меняться она не собиралась.

Джоан Тэйг она вспоминала с содроганием. Слава богу, эта женщина не приходится ей теткой. Зато теперь менее чем в двадцати милях ее ждал дядя, который мог оказаться не лучше. Она проехала вдоль побережья и через Доулиш. Начинало темнеть. Уже декабрь, через неделю ей исполнится тридцать два, через две недели — самый короткий день в году, а там и Рождество. Первый день рождения без отца, первое Рождество, которое она не ждет с радостным предвкушением. На праздники она не поедет домой, это точно. И Хоуп тоже. А где проведет Рождество Адам?

После пяти она въехала в Плимут. В городе горели все огни, супермаркет «Сейнсбери» с крышей в форме парусов казался флотом белых каравелл. Она свернула направо, в район Матли, припарковалась возле тротуара, где не было желтой запретительной полосы, выключила зажигание и посмотрела в зеркало. А потом сделала то, чего никогда раньше не делала, — припудрила нос и подкрасила губы, как старуха, как бабушка Вик. Слегка пригладила волосы, провела влажным пальцем под каждым глазом, убирая лишнюю тушь.

И все это — ради старого школьного учителя. Похоже, она сходит с ума. Если сравнить ее ДНК с ДНК Стивена Райана, обнаружится заметное сходство. Такое же, как с отцом, размышляла она, или нет? Его дети, у которых есть уже собственные дети, приходятся ей кузеном и кузинами. Она могла столкнуться с ними на улице в Фоуи или Труро и ничего не заподозрить. Вторая дочь живет в Йорке — там Сара писала несколько глав диссертации. Она могла каждый день проходить мимо двоюродной сестры, встречаться с ней взглядами, замечать даже, что женщина отдаленно похожа на нее.

Все дома в районе Стивена — большие и маленькие — были построены в конце викторианской эпохи. Три комнаты наверху, две внизу, ванная, кухня, «буфетная». Где-то здесь жила одноклассница Сары, бабушка которой называла «буфетной» темную кухоньку с печкой-чугункой. За каждым коттеджем расположился сад. Вдоль высоких стен параллельно основной улице шли небольшие переулки — мощенные камнем проходы. И тут Сара что-то вспомнила. Недавно она читала о таком вот каменном туннеле, который кто-то видел во сне. Но кто?

Дома, сложенные из темно-серого гранита, казались неколебимыми, как скалы Дартмура. Она прошла по дорожке и позвонила в дверь. На крыльце вспыхнул свет. Сара сделала глубокий вздох и попыталась

расслабиться, распрямила плечи и разжала кулаки. Дверь открылась. К тому, что случилось дальше, Сара была явно не готова.

Перед ней стоял настоящий Джеральд Кэндлесс.

Только моложе. Таким Джеральд был, когда Саре исполнился двадцать один год и его густые вьющиеся волосы еще не поседели. Этот человек казался тоньше, стройнее и выше. Не таким огромным, как отец, с его крупной головой, широкими плечами и медвежьей фигурой. Зато черты — широкий рот с тонкими губами, крупный нос с горбинкой, широкий лоб, такая же грива волос... На секунду голова у Сары пошла кругом, и маленькая прихожая пустилась в пляс. Сжав кулаки, женщина сглотнула и произнесла с наигранным оптимизмом:

— Спасибо, что согласились принять.

— Можно подумать, вы увидели привидение, — голос тоже почти как у Джеральда.

— Да, — кивнула она, — вы очень похожи на отца.

Стивен провел ее в помещение, которое некогда служило прихожей, а теперь стадо частью гостиной, растянувшейся до задней стены. Стивен разжег камин, и Сара почувствовала, как здесь уютно: в этом слегка неопрятном доме явно жил интересный и деятельный человек. Она посмотрела на дядю: он даже одевался как отец — мешковатые вельветовые штаны, клетчатая рубашка, свитер, какие носят на острове Файр.

— А почему он сам не приехал?

Тут Сара поняла, что ничего ему не сказала. Будет ли это для него ударом? Вряд ли, сорок шесть лет прошло.

— Отец умер.

— А! — отозвался Стивен.

— В прошлом июле.

— Вот как. Ну, что ж. Очень жаль. Сочувствую. Сколько лет ему было?

— Семьдесят один.

— Глупый вопрос. Он на одиннадцать лет старше меня.

— Это случилось неожиданно. Ему собирались делать шунтирование, и тут он умер.

— Проходите, — кивнул он. — Садитесь.

Сара опустилась на диван. На подлокотнике громоздилась стопка книг, на сиденье лежала «Гардиан» и еще какая-то газета левого крыла.

— Как к вам обращаться? — спросила Сара.

— Только не «мистер Райан». И не «дядя». Боже упаси. — Он широко улыбнулся. — Друзья зовут меня «Стефан». Так меня называла жена, она

была полячка.

Человек, которого представляла Сара — нечто среднее между Джоан Тэйг и Фредериком Киприаном, — попросил бы называть его «дядюшка Стив».

— Я Сара. Вы уже знаете. Но я не миссис Кэндлесс...

Она заколебалась. Напротив нее вдоль стены тянулись стеллажи с книгами. Сара отвернулась, поборов соблазн найти обложку с черным мотыльком. Она чувствовала, что, в отличие от Тэйгов, этот человек слышал псевдоним отца.

— Я Сара Кэндлесс, — повторила она. — Мой отец — ваш брат, Джеральд Кэндлесс.

— Как писатель? Он взял имя в честь него?

— Он и есть этот писатель.

Стефан резко втянул воздух и пробормотал:

— Господи. Тот романист? Джеральд Кэндлесс?

— Да.

— Джеральд Кэндлесс — мой брат?

— Да.

Он поднялся, подошел к окну, затем обернулся:

— Невероятно.

— Не спорю.

— Я читал его книги. Почти все собрал. Правда, в мягкой обложке. Погодите-ка, погодите. Поразительно. Моя дочь защитила магистерскую диссертацию по его творчеству.

— Отец был бы счастлив узнать об этом.

— Но как так? Каким образом Джон Райан превратился в Джеральда Кэндлесса?

— Надеюсь, это вы мне объясните, — и Сара рассказала ему все, что знала. — Теперь ваша очередь.

— Давайте, я налью нам по стаканчику. А позже сходим поужинать, если вы не против. Но сперва — семейная история.

Он надолго отлучился. Откупорить бутылку вина и поставить бокалы на поднос — намного быстрее. За это время Сара прочла статью в «Нью Стейтсмен», прошла вдоль стеллажей. Нужно было подбросить угля в огонь, но Сара в жизни не топила камин. Странно, ведь ее дед трубочист. Возле очага лежали поленья. Женщина неуверенно подняла одно, потом второе и положила на угасающие угли. Стефан вернулся как раз тогда, когда огонь снова занялся.

— Извините. Мне нужно было побыть одному. Надеюсь, вы

понимаете.

— Конечно.

— Я думал о нем, — пояснил Стефан. — И о том, что могу вам рассказать. Давайте, налью вина.

Он выключил верхний свет, оставив только бра над столом. По комнате разливалось золотистое приглушенное сияние, и все равно Сара старалась не глядеть на человека, столь похожего на Джеральда.

— Отец умер, когда я был еще маленьким, — начал Стефан. — От туберкулеза. Похоже, угольная пыль повредила легкие, хотя врачи это отрицали. Ума не приложу, как мама со всем справлялась. Одна, с шестью детьми, старшему из них тринадцать. Она была католичкой, и мы воспитывались в вере. Ваш отец был алтарным служкой. Удивительно, что у родителей нас было всего шесть. Мы снимали дом, скорее лачугу. Мама подрабатывала уборщицей, на это мы и жили. Разумеется, сам я ничего не помню, мне рассказывали братья и мать. Когда мы вели себя плохо, она любила повторять — в шутку, конечно, — что сейчас наденет шляпу, пойдет и утопится в Оруэлле. Так называлась местная речка. А когда отец умер, то и впрямь хотела наложить на себя руки — ей казалось, Господь наказал ее за глупые угрозы. Бедная мама была очень набожной. Разумеется, ничего такого она не сделала — ей приходилось кормить шестерых детей.

— А Кэндлессов вы помните? — спросила Сара.

— Даже не знаю, кто это.

— В Ипсвиче жила семья Кэндлессов. Мой дед, — она впервые улыбнулась, произнося это слово, — чистил у них трубы. Припоминаете?

Стивен покачал головой:

— Джон взял их фамилию?

— Их сын, ровесник отца, умер в детстве.

Стефан призадумался:

— Вот как.

— Расскажите, Стефан, — теперь, когда Сара произнесла имя вслух, оно уже не казалось таким нелепым. — Как вы приехали в Лондон?

— Родственник матери позвал ее к себе. Правда, в основном он общался с ее сестрой.

— С Кэтрин О'Дрида?

— Вы хорошо осведомлены, — усмехнулся Стефан. — Тетя Кэтрин рассказала ему о положении сестры, и он предложил матери переехать к нему со всеми детьми. Думаю, из христианского милосердия и по доброте душевной. Он был хороший человек, только очень строгий и замкнутый.

Еще он слишком носился со своей добродетелью, хотя тогда я этого, разумеется, не понимал. Звали его Джозеф. Мы, дети, называли его «дядя Джозеф». Бездетный вдовец. Наверное, не стоило говорить, что он носился со своей добродетелью, впрочем, сказанного не воротишь. Хотя если бы не он, Джон бы не учился в школе в Лондоне, а пошел работать в четырнадцать, а мы бы и вовсе остались без образования. Дядя нас спас.

— Вы переехали перед войной?

— Да, за несколько недель до Второй мировой. Лейтон, конечно, далеко от центра, но его тоже бомбили. Трех братьев и старшую сестру эвакуировали, вывезли загород вместе со школой. Мама, дядя Джозеф, Мэри и я остались в городе. Нам некуда было бежать.

— Лейтон? — переспросила Сара.

— Восточный Лондон. E10 на карте. Мы жили там, на Гудвин-роуд. Там был наш дом.

Сара молчала, но Стефан словно прочел ее мысли:

— Вы хотите сказать, дом был не наш. Вы не правы. Дядя Джозеф женился на маме. Много лет спустя, уже после его смерти, сестра Маргарет объяснила мне: они обвенчались только потому, что в те времена считалось неприличным, когда неженатые мужчина и женщина живут под одной крышей. Соседи бы начали сплетничать.

— Как это по-викториански, — сказала Сара.

— Что ж, после войны мировоззрение людей изменилось. Не думаю, что мама любила его или он ее — дядю Джозефа трудно любить, хотя он был хорошим человеком.

— Он ваш родственник, но его фамилия не Райан и не О'Дрида. Как же его звали?

— Джозеф Эади. Моя мать в замужестве стала Анной Эади.

Ужинали они в итальянском ресторане недалеко от дома. Стефан сказал владельцу:

— Принесите нам кувшин домашнего белого. У нас праздник.

Заметив свое отражение в зеркале за спиной Стефана, Сара в очередной раз убедилась, что пошла в мать, а Хоуп — в Райанов. Только теперь она обратила внимание на то, как Стефан похож на Хоуп. Мысленно она добавила к его лицу длинные темные кудри, косметику и, конечно же, огромную черную шляпу — и рассмеялась. Стефан вопросительно приподнял изогнутые, как у Хоуп, брови.

— Знаете, моя сестра — ваша точная копия.

— Так, кроме вас, у Джона есть другие дети?

— Только сестра, на два года младше. Она юрист.

Стефан кивнул, погрузившись на миг в какие-то мысли или воспоминания, потом улыбнулся сам себе и посмотрел на Сару. В его взгляде читалось изумление:

— Вы, пожалуй, не поверите, скажете — додумываю, но, когда я читал книги вашего отца, я то и дело натыкался на знакомые вещи, словно списанные с нашей семьи. Разумеется, мне и в голову не приходило, что автор — мой брат. Но именно поэтому мне так нравились его книги. Джеральд Кэндлесс, наверное, мой любимый писатель. Он на многое смотрел так же, как я, писал о людях, похожих на тех, кого я знал. Например, Хлоя Рул из «Пурпура Кассия» — вылитая мать, а Джекоб Мэнли в... забыл название...

— «Глаз на закате».

— Вот именно, в «Глазе на закате». Очень похож на Джозефа. И, конечно же, в самой первой книге, «Центре притяжения», тот парень, который ушел на флот, его имени я тоже не помню...

— Ричард Вебер.

— Точно, Ричард Вебер. Прямо мой брат Джон: тоже служил в Северной Ирландии, потом его отправили на Филиппины, и он думал, что атомная бомба спасла ему жизнь, и терзался угрызениями совести.

— Это мой отец?

— А разве нет?

— Вам лучше знать. Но ведь он приезжал в Плимут, выступал здесь, подписывал книги. Лет двенадцать или пятнадцать назад.

— Помню. Я хотел пойти на его лекцию, но уехал в отпуск с семьей.

— Вы бы его узнали?

Стефан пожал плечами:

— Когда он исчез, мне было четырнадцать. Фотографий его у нас нет — разве что какой-нибудь групповой снимок. За тридцать лет люди сильно меняются — к тому же с чего мне подозревать, что он мой брат? Наверное, я бы уловил сходство, но порой его замечаешь и в случайном прохожем.

Сара пила вино, размышляя, что ей еще садиться за руль и ехать через все графство. Впрочем, об этом пока можно не думать. Принесли еду. Стефан подлил вина.

— Вы... — Сара хотела спросить, любил ли дядя отца, но не смогла, — были к нему привязаны?

Стефан, несмотря на разницу в возрасте, оказался более раскрепощенным:

— Я очень любил его, — бесхитростно ответил он и добавил: — Джон мне был как отец.

— Он, а не Джозеф?

— Джозеф? Нет. Отчим был добр, тратил на нас деньги, следил, чтобы мы ходили в церковь, ели досыта, были прилично одеты, учились, «корпели над книгами», как тогда говорили. Но он не любил общаться с детьми и не знал, о чем с ними говорить. Просто выполнял свой долг. Как Джекоб Мэнли, — с улыбкой добавил Стефан.

— А мой отец делал нечто большее?

Стефан отложил вилку, отломил кусок хлеба и раскрошил в пальцах.

— Он любил детей. Любил всех нас. Знаете, зачастую старший сын в большой семье считает несправедливым, что ему приходится возиться с малышней — это же не его дети, ему их навязали. Но Джон — ваш отец — никогда не жаловался. Он был совсем не такой, как Джеймс, второй брат. Джеймс ненавидел сидеть с нами, со мной и Мэри, а Джону мы никогда не надоедали. Он рассказывал нам истории, чудесные сказки... — И снова в глазах Стефана промелькнула догадка. — Да, конечно, теперь понимаю. Вам он их тоже рассказывал?

— О да!

— Он обожал нас. Поэтому его исчезновение оказалось неожиданным и ужасным.

— Вы не едите, — негромко сказала Сара.

— Нет. Я слишком... слишком разволновался. — Он отпил вина, закусил хлебом и, покачав головой, сложил нож и вилку. — Было тяжело, когда Джон — когда он исчез. Сорок шесть лет прошло, а все так, будто случилось вчера. Отчетливо и болезненно. Вы уж извините.

Сара ждала, пока собеседник придет в себя. Стефан пил вино небольшими глотками, словно лекарство. Потом встряхнулся — так встряхивается кошка, спрыгнув с большой высоты, чтобы восстановить равновесие.

— Разумеется, он уже два года не жил с нами. А с сорок третьего по сорок пятый и вовсе служил во флоте. Но все свободное время он проводил у нас дома.

— Учился в университете?

Этот вопрос удивил Стефана:

— Разве что после исчезновения. Джон окончил школу в семнадцать и устроился телефонистом в «Ассошиэтед Пресс».

— Кем-кем? Телефонистом?

— В те времена каждого репортера сопровождал телефонист, который передавал его статьи в редакцию. Других средств связи не было, электронную почту еще не изобрели.

— И что дальше?

— Это открыло ему путь в журналистику. Но вскоре Джон записался во флот. Мы скучали, но, по крайней мере, знали, где он, и его ждали. Потом Джон вернулся, снова поселился с нами, получил работу в местной газете. Мама им очень гордилась. Первый человек в нашей семье, занимающийся... как бы это сказать... умственным трудом. «Белый воротничок», как говорят американцы.

— Он работал на «Уолтамстоу Геральд»?

Стефан покачал головой:

— На их конкурента, «Уолтамстоу Индепендент». Журналистом широкого профиля. Занимался репортажами из зала суда, с заседаний местных властей и совета графства. К тому же он отлично стенографировал.

— Неужели? — переспросила Сара — она об этом понятия не имела.

— Дома Джон всегда рассказывал о своих приключениях. Даже в Лейтоне и Уолтамстоу происходят порой удивительные вещи. А потом Джон снял комнату в Уолтамстоу.

— Почему он переехал, если был так привязан к вам?

— Наш брат Джеймс женился. Ему было всего двадцать один, но девочка забеременела.

Сара непонимающе посмотрела на дядю — одно никак не вытекало из другого. Стефан невольно рассмеялся, а когда перестал хохотать — словно избавился от тяжелого бремени, даже помолодел и разругнулся.

— Ох, как изменился мир, моя дорогая Сара! Ну как вам объяснить? В сорок девятом году такое считалось страшным позором. Мне было всего двенадцать, но даже я это ощущал. Не мать, а Джозеф мне объяснил, что произошло и будет дальше: Джеймс должен как можно скорее жениться на этой девушке. Матери и Джозефу она не нравилась, да и Джеймс ее не то чтобы любил, но выхода не было. Им пришлось пожениться и поселиться у нас. Жилья в стране не хватало, идти им было некуда. Джон (наверное, правильнее называть его Джеральдом) решил съехать. Он единственный из нас не делал трагедии, даже посмеивался. Заявил, что подобные истории — сплошь и рядом. Джеймс не совершил ничего страшного, разумный человек его не осудит. Удивительно, насколько четко я помню этот разговор. Джон сказал, что некоторые преступления невозможно простить, но грех Джеймса не из их числа, как бы ни возмущался Джозеф. Главное — позаботиться о ребенке, который появится на свет. У него должны быть оба родителя, нормальная семья, и об этом нельзя забывать. Семья — это святое. Самый страшный грех — разрушить семью. Я на всю жизнь

запомнил его слова.

— То есть, святое?

— Я не понял, Сара. Мне было всего двенадцать. Меня больше беспокоило, что с нами поселится чужая женщина и брат, который заменил мне отца, уезжает, а я ничего не могу поделать.

— Но он часто вас навещал?

— Три-четыре раза в неделю, иногда оставался на выходные и спал в кресле внизу. Нам и без него было тесно. Джеймс с Джекки и новорожденным поселились в бывшей комнате матери и Джозефа, родители перенесли кровать в столовую, вторая спальня досталась сестрам, а я переехал в кладовку с двумя койками. — Тут Стефан спохватился: — Заказать еще что-нибудь?

— Кофе, — сказала Сара.

— И все? Может, еще полграфинчика вина?

— Почему бы и нет?

Еще Сара хотела задать один необязательный, но очень интересный вопрос. Она знала, что многие люди, у которых было счастливое детство (и не только они), воспринимают мать и отца бесполоыми и не представляют сексуальных отношений между ними. И Джеральд, такой сильный и «земной», казался Саре каким-то асексуальным. Она не помнила, чтобы он целовал мать или хотя бы касался ее руки. И тут в сознании всплыло то утро, в доме на Холи-маунт, когда Сара по обыкновению вбежала в комнату отца и застала его не в одиночестве, а с матерью — оба спали, крепко обнявшись.

— А у Джона была девушка? — резко спросила Сара.

Они возвращались из ресторана в свете фонарей. Стефан пожал плечами:

— Была какая-то. Кажется, тоже работала в газете. Шейла или Шерли. Тогда я в таких вещах еще не разбирался, но, кажется, ничего такого между ними не было. Домой Джон ее не приглашал. Не помню даже, как я узнал о ее существовании. Наверное, встретил их вместе на улице.

— Расскажите, как он исчез.

Стефан отпер дверь, и они прошли в дом. Часы в холле пробили один раз. Половина девятого.

— Чего-нибудь хотите? — предложил дядя. — Вина?

— Не стоит. Мне еще машину вести. — Голова и так плыла, но от глотка бренди она бы не отказалась. — Разве что капельку бренди, если найдется.

— Конечно.

Присев на диване в гостиной, Сара размышляла об отце, его юности, любимых братьях и сестрах. Сегодня она точно не уснет. Нет смысла мчаться домой и мучиться всю ночь бессонницей. Лучше остаться дослушать повесть до конца, не откладывая на потом. Стефан вернулся с бокалом и отнюдь не «капелькой» бренди.

— Спасибо, — поблагодарила Сара и неожиданно для себя подняла бокал. — За Райанов!

— Да, мы еще живы, — улыбнулся Стефан. — Я и мои дети. Двое — Джеймса, двое — Маргарет.

— А у Мэри детей не было?

— Мэри ушла в монастырь.

— Ой! — по-детски вскрикнула Сара.

— Точно, «ой». Я сам долго не мог привыкнуть. Но это действительно было ее призвание, по-другому и не скажешь. Джозеф это сразу понял и обрадовался. Мэри умерла пять лет назад. Видите ли, мы не долгожители. Кажется, я собирался рассказать, как исчез Джон.

— Да.

Стефан уселся напротив, откинулся в кресле, созерцая потолок, а потом выпрямился, словно готовясь к тяжелому испытанию.

— Это случилось летом 1951 года. Второго июля Мэри праздновала день рождения. Джон пришел к нам, он бы в жизни не пропустил такой праздник. Гостей не звали, это нам было не по карману. Мэри пригласила только двух одноклассниц на чай. Ей исполнилось шестнадцать. Все собрались — Джеймс, правда, работал в ночь, зато Джекки и малыш Питер сидели с нами. Твой отец, Джон, подрос к восьми — заканчивал репортаж о ежегодном собрании какого-то общества. Какого именно, не помню. Джон принес Мэри подарок, даже два: коробку шоколадных конфет (шоколад выдавали по карточкам, целая коробка была роскошью) и сборник стихотворений «Юный Пегас». Мэри его долго хранила. Книг у нас было мало, и эту я запомнил. Потом мы играли в Игру. Даже мы с Мэри считали ее слишком детской, но в семье всегда в нее играли, когда собирались вместе. Мы обожали проверять ее на одноклассниках — сообразят ли они, в чем заговоздка. Смешная игра: ты говоришь...

— Я передаю ножницы закрытыми, — тихо продолжила Сара.

— Ага, — Стефан кивнул, подумал и снова кивнул. — Значит, он и вас научил?

— Да.

— А я научил своих детей, а Маргарет — своих. Насчет Джеймса сомневаюсь. Кстати, Маргарет жива, а вот Джеймс умер — от инфаркта,

как и твой отец. Только мы с Маргарет и остались. Так, о чем я? Точно, о дне рождения. В тот день мы последний раз видели Джона. Он пожелал всем спокойной ночи и поспешил на автобус в Уолтамстоу. Автомобилей тогда почти не водилось. Ни у кого из наших знакомых машины не было. Когда Джон уходил, он выглядел веселым и бодрым, как обычно. Был понедельник, он пообещал маме заглянуть в среду и попить у нас чаю перед очередным заданием. Может быть, речь шла о собрании городского совета Лейтона, не помню. Еще Джон хотел нам что-то рассказать, но это, сказал, не к спеху.

— Рассказать? Но что?

— Мы так и не узнали. Он не пришел. Джон был очень обязательным, всегда держал слово. Если такие люди подводят, значит, случилось что-то серьезное. Мама сразу заволновалась, а когда Джон не явился и на следующий день, то чуть с ума не сошла.

— Она не звонила ему?

— У нас не было телефона, Сара. И у Джона не было. В пятницу мама попросила Джеймса сходить в офис «Индепендента» — там размещалась типография — и все разузнать. На работе Джона тоже не видели. Он исчез, даже не попрощавшись. Впрочем, коллег это не удивило: оказывается, за несколько недель Джон подал заявление об увольнении — ему оставалась всего пара дней. Мама решила, об этом он и хотел рассказать: Джон перешел в другую газету и уезжал от нас.

— Так и случилось, — подтвердила Сара. — А когда вы перебрались в Плимут, Стефан?

— В 1971 году. А что?

— Отец работал в Плимуте, в «Вестерн Морнинг Ньюс» с 1951 по 1957 год.

— Но уже не как Джон Райан?

— Нет, как Джеральд Кэндлесс.

— А! — в который раз воскликнул он и замолчал. Потом продолжил: — Джозеф заявил в полицию об исчезновении пасынка, но власти не проявили интереса. Молодой человек, живущий отдельно от семьи и не представляющий угрозы для общества...

— А вы? Кто-нибудь из вас пытался его найти?

— Наша семья не детективное бюро, — сухо ответил Стефан. — Мы не знали, с чего начать. У нас и телефона-то не было. Джозеф — не помню, говорил ли я вам — работал почтальоном. Джеймс — автомехаником. Мы с сестрами были еще слишком молоды, к тому же Маргарет готовилась к университету — тоже чудо в глазах мамы и Джозефа. Постепенно мы все

смирились с уходом Джона. Мы горевали, нам очень его не хватало — но что мы могли поделать? Кажется, спустя какое-то время Маргарет разослала в провинциальные газеты запросы, не работает ли там наш брат, Джон Чарльз Райан, но везде ей ответили отказом. Ничего удивительного, судя по тому, что вы рассказали. Это все, что я знаю. С тех пор прошло сорок шесть лет, но Джона мы не видели. Никто из нас не видел.

— Насколько вам известно.

— Да, — согласился Стефан с некоторым удивлением. — Насколько мне известно.

Пора ехать. Разумеется, она еще заглянет. Им со Стефаном есть что обсудить. Саре хотелось узнать, как жила семья потом, после исчезновения старшего брата, но времени не было. Они и так просидели больше шести часов. Стефан устал, щеки ввалились от напряжения и горестных воспоминаний. У Сары разболелась голова. Она чересчур много выпила, а теперь еще нужно ехать много миль через болота до Тавистока, а потом до Окхэмптона и Бидефорда. Остался всего один вопрос. Сара уже стояла в прихожей, Стефан подал ей пальто.

— Вы рассказали обо всех членах семьи, кроме одного. Третьего брата, Десмонда. О нем вы ни не проронили ни слова.

— Да, — согласился он.

— Насколько я понимаю, он тоже умер. Вы сказали, в живых остались только вы с Маргарет. Что же случилось с Десмондом?

Стефан проводил Сару до выхода, открыл дверь и на минуту сжал руку племянницы. Ей показалось, что дядя хотел ее поцеловать, но не стал.

— Не сегодня, — сказал он. — В следующий раз. Мы оба слишком устали. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Стефан, — попрощалась она.

— На самом деле закат не бывает багровым, — сказала она. — Небо багровеет, лишь когда солнце скроется.

«Человек из Фессалии»

Над болотами висел туман. Он стелился по дороге в низине, повисая обрывками на ветровом стекле. Сара вела машину медленно, неуверенно, сама не понимая, что именно — алкоголь или эмоции — тому виной. Часами она сдерживала слезы, а теперь они давили, обжигая глаза. И в то же время Сара боялась заснуть за рулем, боялась, что нога соскользнет с педали и машина въедет в густой туман — в какую-нибудь реку или пруд, или врежется в стену.

Сара выпила почти литр вина, на долю Стефана досталось лишь полграфина. А потом еще бренди. В ушах зазвучало предупреждение Джейсона. Но как я проживу, если брошу пить, подумала Сара. Как бы я протянула этот вечер? Я хочу к папе. Я не могу без него. Пока он был жив, я столько не пила.

Дорога казалась бесконечной. Несколько раз Сара уже хотела припарковаться где-нибудь у обочины, вытянуться на заднем сиденье и, укрывшись пальто и одеялом, поспать. Но ей будет страшно на этой пустой, безлюдной равнине. Никогда раньше Сара не боялась ни бандитов, ни темноты, ни того, что в ней таится, но в тот вечер женщина чувствовала себя уязвимой. Разговор со Стефаном словно содрал с нее кожу, проступили слабые места. Сара упорно гнала вперед, радуясь фарам встречных машин и свету в окнах пустых городков, через которые проезжала.

Наконец Сара добралась до Ланди-Вью-Хауса. Дом темнел мрачным силуэтом, зато море сияло как налитые в тарелку чернила. Блестящая водная гладь с невидимыми островами. Из-за набухших сизых туч проглядывал тонкий серп луны. Сара открыла дверь и прошла наверх, не включая свет. Ей не требовалось освещения, чтобы найти дорогу в доме своего отца.

Урсула подошла к дочери и поцеловала ее. Она никогда так не делала, и поцелуй насторожил Сару. Вспомнилась любимая цитата отца из

«Укрощения строптивой»: «Но что же это чудо предвещает?»^[20]

— Я подумываю продать дом, — сообщила мать под конец завтрака.

— Этот дом? — Глупый вопрос, будто у мамы их несколько.

— Не хочу жить здесь одна. Во-первых, он слишком велик для меня.

— А во-вторых?

Урсула не ответила.

— Полагаю, без отца он тебе уже не дорог.

— А как же Хоуп? Дом много значит для нее.

— После похорон Хоуп заглядывала всего пару раз.

Сара собиралась поделиться с матерью своими открытиями, но теперь передумала. Если та продаст дом, под каким предлогом Сара будет приезжать в Барнстепл на свидания с Адамом Фоли? Урсула, конечно, не могла прочесть мысли дочери, но кое-что она угадала:

— Я понимаю, для детей родительский дом — это «свой дом», даже когда они выросли. Но я не хочу до конца своих дней жить в одиночестве на утесе с видом на Бристольский пролив.

Лишь для того, чтобы вы с Хоуп могли изредка заглядывать сюда и пользоваться домом как гостиницей, чуть не продолжила она, вспомнив ночные прогулки Сары. Но промолчала. Многолетняя привычка к деликатности умирала медленно, ее остатки все еще не до конца покинули душу Урсулы.

— И куда ты переедешь?

Урсула ответила правду. Она действительно еще не решила:

— Не знаю.

— Ты обратилась к риэлтору?

— Пока нет. Хотела сначала поговорить с тобой. И вот еще: пока ты здесь, посмотри, может, захочешь что-нибудь оставить на память. Мебель, украшения. Вещи отца. Его статьи из большой коробки в кабинете.

С головы до пят она облачилась в черный бархат, ногти накрашила темно-синим лаком. На лицо наложила макияж — более яркий и вызывающий, чем позволяла себе в Лондоне. Сняла колпачок с такой же, цвета ночного неба помады с блестками и присела, держа ее в руках. Через неделю тебе исполнится тридцать два года, твердила она себе. Ты еще молода, но время уходит. На миг ей померещился бесформенный ужасный монстр с когтистыми лапами и плотоядной усмешкой, и Сара, отложив синюю помаду, взяла красную.

В комнате Хоуп висело длинное черное пальто. Сара примерила его и сняла. Бэтвумен, да и только. Она видела, как мать поглядывает на ее ногти, но Урсула, как обычно, воздержится от комментариев.

— Не надеть ли мне папину шубу? Все-таки холодно. Она у него в комнате?

— Я принесу.

Шуба закрыла Сару до колен, как пальто. Курчавый черно-серый каракуль напоминал волосы отца. Сара закуталась в мех, прикрыла глаза и представила, что это отец обнимает ее. Из холла доносился голос Урсулы — она чересчур жизнерадостно общалась с кем-то по телефону. Сара махнула рукой и беззвучно, одними губами, предупредила, что вернется поздно.

После ухода Сары Урсула закончила болтать с Сэмом, вернулась на кухню и заглянула в шкаф со швабрами. Пока Сара не спросила про шубу, Урсула и не вспоминала о лежавшем здесь мешке с одеждой Джеральда. Пусть Сара забирает шубу. Все остальное Урсула сейчас уберет в багажник машины.

Порывшись по карманам мужа, миссис Кэндлесс нашла два скомканных носовых платка, пятифунтовую банкноту, огрызок карандаша, чек за бензин и ключ. Любой человек знает форму ключей от своего дома. Прикрой глаза — и увидишь знакомый силуэт. Этот ключ Урсула не помнила, но сразу догадалась, какую дверь он открывал — дома на Гудвинроуд.

Значит, Дикки Парфитт все-таки видел там Джеральда! Двадцать восемь лет прошло, а все словно вчера. Теперь уже Урсула не узнает, зачем Джеральд туда ходил. Впрочем, какая разница. И все-таки перед глазами поплыли темные круги — к ночи разыграется настоящая мигрень.

В пабе собрались все, кроме Адама. Роза оценила ногти Сары, добавив, что тоже подумывала сделать что-нибудь эдакое, «дизайн ногтей», или как там оно называется. Впрочем, она уже старовата. Сара прекрасно знала, что Роза тридцать три. Все принялись обсуждать, чем заняться и куда пойти.

— Почему бы не остаться здесь? — предложила Сара, поглядывая на часы.

— Здесь скучно. И в клубе тоже скучно.

Кто-то из знакомых Александра устраивал вечеринку. Отмечал юбилей — тридцатилетие. Александра пригласили, так что они не будут там незванными гостями.

— Даже впятером? — уточнила Роза.

Сара поежилась. Только она всегда появляется в компании одна, без спутника. Наверное, друзья считают, что у нее никого нет.

— Выпьем еще по одной, — вмешалась Викки, — и пойдем в новый

ресторанчик, как его там? «Невод». Поедим рыбы с картошкой — и в клуб. Согласны?

С напускным безразличием Сара спросила:

— А как же Адам нас найдет?

— Можешь радоваться — он сегодня не придет. Остался в Лондоне.

В глазах Сары потемнело, ее словно парализовало, накрыло серой сетью. Не придет. В Лондоне. Две эти фразы, не переставая, вертелись в голове. Сару ждал бесконечный тоскливый вечер, такой же, как в детстве, когда в гости заявлялась тетушка Хелен или бабушка и девочкам приходилось часами слушать скучные, утомительные взрослые разговоры, пока на выручку не приходил отец. Теперь отец не поможет. Никто не придет на помощь. Сара опустила взгляд на нелепый синий маникюр, на ноги, обтянутые черным бархатом. Она с трудом их переставляла, зато наряд казался сексуальным. И все зря — как глупо.

Сара выпила «еще по одной» и поплелась с компанией в ресторан. Она боялась, что ее молчание выглядит подозрительно, не могла проронить ни слова. Отсутствие Адама уже не казалось загадочным. Разумеется, это очередной вызов, намеренная провокация, дерзость, которая так ее возбуждала. Остается гадать, когда Адам вернется, — по негласному уговору, связаться с ним Сара не могла. Что это — проверка или окончательное унижение? Он хочет знать, сколько она вытерпит? Будет ли приезжать сюда неделю за неделей ради призрачной надежды? Сару трясло, кусок не лез в горло, ее тошнило.

— Я не пойду с вами в клуб, — решила она. — Лучше поеду домой. Что-то мне нехорошо.

Впервые после смерти отца Сара провела ночь с субботы в родительском доме. В воскресенье она проснулась без похмелья. Вдобавок не нужно садиться за руль и дрожащими руками, с раскалывающейся головой вести машину до Ланди-Вью-Хауса. Сара встала пораньше и набрала номер Стефана. Сработал автоответчик. Сара надиктовала сообщение: нельзя ли ей приехать и дослушать рассказ, если дядя не занят во второй половине дня?

Наверное, пора все рассказать матери. Или подождать, пока Стефан завершит повесть?

— В любом случае, приеду сюда в следующую субботу, — произнесла Сара вслух, но, услышав свои слова, тут же пошла на попятную: нельзя допускать, чтобы Адам ею манипулировал. Она не вернется до последней субботы месяца, после Рождества. — Папа когда-нибудь уходил из дому вечером в субботу? — ни с того ни с сего спросила она.

— Возможно. — Урсулу это не интересовало. — Иногда. Относил рукопись Розмари. А что?

— Я думаю, он ходил в церковь. Мне кажется, он все-таки вернулся — вернулся к Богу.

К удивлению Сары, мать громко рассеялась. Затем, смутившись, извинилась и добавила:

— Если вы с Хоуп хотите приехать на Рождество, я постараюсь все устроить. Мы славно проведем время. — Урсула заколебалась. — И Фабиана позовем. Конечно, и мне бы хотелось пригласить друга, а еще можно позвать...

— Нет! Не могу. И Хоуп не сможет. Это будет ужасно — неужели ты не понимаешь?!

— Возможно. Как скажешь.

— Ты ведь обойдешься без нас, верно? Пригласишь друга, или кого ты там хотела.

— Да, друга, — подхватила Урсула.

После ланча Сара еще несколько раз позвонила Стефану, но реагировал только автоответчик. Дядя не говорил, что отлучится на выходные? Не собирался к сыну? Сара не помнила. Она оставила новое сообщение — предложила увидеться в следующую пятницу. Придется снова приезжать в субботу...

И тут, сама не зная почему, она позвонила Хоуп. Сара никогда не звонила сестре из Девона. Набирая номер, успела сообразить — не стоит сообщать Хоуп о продаже дома. Сара не хотела обсуждать это по телефону, опасаясь слез и истерики. Нужно было что-то сказать:

— Я забираю бумаги отца. Не знаешь, почему он не сохранил отзывы на «Белую паутину»?

— Они его не устроили. Критики заявили, что он написал триллер. Ты-то не помнишь, ты была в отъезде.

— Ты говорила, сюжет основан на реальном преступлении?

— Так писали в газетах: это похоже на дело об убийстве Райана.

— На что?!

— На убийство Десмонда Райана. Так писали. Не знаю, правы они или нет. Разве Фаб не упоминал об этом в своем докладе?

— Наверное. Не обратила внимания.

Вечером, вернувшись из Девона, Сара прямиком направилась к Хоуп. В кои-то веки она застала сестру одну — Фабиана дома не было.

— Это случилось задолго до нашего рождения, — начала Хоуп — Один из критиков называл, кажется, 1960 год.

— Десмонд был братом отца, — проронила Сара. — Младшим. — И она рассказала Хоуп о визите к Стефану и о том, что узнала о Райанах.

Хоуп слушала не перебивая. На миг кровь прилила к ее лицу и снова схлынула.

— Значит, спустя столько лет папочка написал роман о смерти собственного брата?

— Выходит, что так.

— Но ведь папочка ушел из дома за десять лет до этого убийства!

— Он про него знал. О нем писали в газетах. Тебе известны подробности?

— Не особо, — ответила Хоуп. — Само собой, я читала «Белую паутину», как и ты. Но ведь папочка писал не репортажи. По его словам, он фильтровал материал, многое менял, переделывал, чтобы вышло интереснее. Зачем тебе это? Ты же собиралась писать о папе, а не о его семье?

— То есть «не о семье»? Я не могу обойти молчанием его родных

— Я бы так и сделала. Теперь ты знаешь, как его звали, его настоящее имя, и что в 1951 году он взял себе другую фамилию — разве этого недостаточно?

— Я все еще не знаю, почему он так поступил, — вздохнула Сара.

— Во всяком случае, не потому, что его брата забили насмерть или что там с ним случилось через девять лет. Кстати, я тебе говорила, что мама мне сегодня позвонила? Не говорила? Сказала, что хочет продать дом. Меня это не удивляет.

— Тебе все равно?

— Странное дело, — сказала Хоуп, — я много думала об этом. Еще до разговора с мамой. Я даже подумывала, не можем ли мы с тобой собрать денег, взять кредит и выкупить дом. А потом решила: какой смысл? Все равно я не смогу там жить. Я не могу видеть это место, находиться там. Без папочки... — Хоуп посмотрела на сестру, по ее щекам струились слезы. — Я так любила его, так любила. Даже слишком.

Объявление о продаже получилось сдержанным — строгий готический шрифт на белом фоне, — но прохожие останавливались, читали. В это время года прохожих было мало, зато останавливались машины. Риэлтор предлагал рекламировать жилище как дом известного романиста Джеральда Кэндлесса. Все что угодно, лишь бы продать, цинично отвечала Урсула.

Бумаги из его кабинета вынесли, остались только книги. Прямо комната квартиры-музея писателя, думала Урсула: ряды справочной

литературы, полка с собственными произведениями напротив рабочего стола, печатная машинка без чехла. Урсула даже положила рядом лист бумаги и чернильную ручку поперек листа, а потом убрала. К чему эти глупые игры?

Сара взяла себе первое издание «Впроголодь». Слава богу, ей не придется больше упираться взглядом в черного мотылька на желтом корешке и портрет женщины на передней обложке. У женщины были черные волосы и ярко-красные губы, но Урсула узнавала свои черты. Остальные первоиздания — четыре тома, не востребованных Хоуп, — она собиралась передать Сэму. Следующей книгой после «Впроголодь» был «Человек из Фессалии», расшифрованный терпеливой машинисткой из Ильфракомбе. Слегка браня себя за мелочность, Урсула вспоминала, с каким удовлетворением наблюдала за мучениями Джеральда: тот никак не мог справиться с огромной стопкой бумаг, исписанных неразборчивым корявым почерком. Раз в неделю он хватал толстую пачку, запихивал в огромный коричневый конверт и вез в Ильфракомбе.

Девочкам Джеральд не сказал ни слова. Урсула тоже молчала. Дочери даже не знали, что мать так и не прочитала «Белую паутину». Сара услышала об этом только сейчас и очень удивилась. Затем Джеральд снова поехал в Соединенные Штаты рекламировать «Человека из Фессалии», а Урсула осталась дома. Любопытным Джеральд отвечал, что издатели не пожелали оплатить ей проезд.

Через год у него обнаружили порок сердца. Он и раньше не любил гулять, а теперь выходил еще реже — даже после небольшого подъема приходилось останавливаться и переводить дыхание. Затем лег на обследование, и прямо во время электрокардиографии у него случился приступ — пока незначительный, но тревожный.

И опять же, девочкам ничего не сообщили. Женщина, давно переставшая любить мужа, разделила бремя его болезни и тревог. Те же, кто его любил, оставались в неведении, полагая, что отец проживет еще лет двадцать.

В год «Призрачной аудитории» Джеральду вручили орден «Британской империи». Урсула поехала вместе с мужем на аудиенцию и сидела с Робертом Постлем. После церемонии Джеральд рассказывал, как королева спрашивала его, сколько всего книг он написал и над какой работает. Обедали на Шарлот-стрит. Роберт спросил, что Джеральд ответил королеве насчет следующей книги — ему, издателю, было интересно.

— Может, я вовсе брошу писать, — проворчал Джеральд. — Выйду на пенсию.

— Писатели не выходят на пенсию. И уж никак не в шестьдесят лет.

Постль не воспринял всерьез эту угрозу, и правильно: не прошло и недели, как Джеральд сел за «Белую паутину». В ту пору Урсулу его книги уже не волновали, но с девочками отец поделился, и они вместе обсуждали работу. От его творчества в доме было не спрятаться.

Как только Сара начала работу в Лондоне, Джеральд подарил ей квартиру, а на следующий год купил квартиру Хоуп. Он бы предпочел Южный Кенсингтон или Бейсуотер, но пришлось довольствоваться Кентиш-тауном и Кроуч-эндом — на большее денег не хватило. Девочки были в восторге, они трогательно благодарили отца, прекрасно понимая, как им повезло — все их сверстники обречены много лет выплачивать кредит. Работа над новой книгой шла медленно. Урсула опасалась, не плохо ли Джеральду — вдруг он не пишет, а лежит на диване в кабинете, схватившись за сердце. Что-то явно не давало ему работать — он уже не выдавал страницу за страницей, легко играя словами, а изо дня в день боролся в неравной схватке с ужасным демоном. Джеральд выходил из кабинета пообедать или посидеть с книжкой в гостиной — бледный, измученный, взгляд устремлен в никуда, вокруг глаз черные круги.

Через несколько недель супруги перестали разговаривать. Но если Джеральд и мог не общаться с человеком, с которым жил под одной крышей, Урсуле это оказалось не по силам. Постепенно они вновь начали обмениваться репликами — о девочках, погоде, море, о его здоровье.

Однажды вечером, приходя в себя после мигрени, Урсула поглядела на мужа и подумала, что ему еще хуже, чем ей.

— Ты совсем плох, — сказала она.

— Только душой, — ответил он. И засмеялся — наверное, этому «только».

— На твоём месте я бы обратилась к врачу.

— На твоём месте я бы пожелал мне скорее отправиться к праотцам, — парировал он.

Джеральд писал роман два с половиной года. После того как рукопись ушла к Роберту Постлю, Джеральду прислали эскиз обложки. Белый, пронизанный золотыми лучами туман, глухая белизна с легкими шафрановыми и голубыми потеками. Обложка показалась Урсуле картиной импрессионистов, Моне без сюжета. Джеральд был в ярости. Он дал волю чувствам, и между супругами состоялся откровенный разговор. Джеральд отослал набросок обратно Мелли Пирсон и потребовал перерисовать, но даже окончательный вариант — с птицами, солнцем и бледной полоской воды — вызывал у него отвращение, граничащее с фобией. Оригинал,

подаренный ему на презентации в пастельно-серой раме, Джеральд отправил обратно. Теперь картина висела в гостиной художницы.

Критики назвали «Белую паутину» триллером. Одна газета поручила рецензию отделу детективов; в другой роман обозвали «повестью об убийстве с потугами на Достоевского». «Ивнинг Стандарт» злорадствовала — Джеральд Кэндлесс не способен больше придумывать новые сюжеты и положил в основу дело Райана, печально знаменитое и жестокое убийство, которое в наши дни представляет интерес лишь в рамках истории борьбы за права гомосексуалистов.

Джеральд не привык к плохим отзывам. Даже «Полчаса в переулке» удостоились лучшего. Он не хотел, чтобы дочери читали рецензии. Сара в то время уехала в Америку, но вот скрыть статьи от Хоуп Джеральд не мог. Та, разумеется, встала на защиту отца и хотела даже написать в ряд газет. К счастью, Джеральд убедил дочь, что ее поступок принесет больше вреда, чем пользы.

Свою последнюю книгу — из опубликованных при жизни — он написал за четыре месяца. «Улыбку в мезонине» никто не назовет триллером, приговаривал Джеральд. И действительно, никому это и в голову не пришло. Вместо привычных восьмисот слов рецензенты уделили ей в среднем по четыреста. Роман занял двадцатое место в одном из списков бестселлеров. Урсула, по установившейся за девять лет традиции, не читала и этот роман.

— Даже не знаю, о чем он, — призналась она Сэму, снимая книгу с полки и передавая ему.

— О человеке, который работал в провинциальной газете и вставал в пять утра, чтобы написать пьесу, и о женщине, отказавшейся от шанса выйти замуж, чтобы ухаживать за престарелыми родителями.

— Забери их с собой в Лондон. В выходные заглянет Сара, я дождусь ее, а потом тоже приеду, и тогда, может быть...

— Уже не вернешься обратно?

— Сначала я должна поговорить с девочками, Сэм. Они не станут возражать. Им, в общем-то, нет дела до меня. Пойдем погуляем по берегу?

Море было тускло-синим, под цвет темных облаков с редкими просветами чистого неба. Ракушки, истолченные морем в порошок, косыми полосами покрывали плоский, почти бесцветный пляж. Кое-где валялись осколки и целые створки, напоминавшие лезвия. Воздух был прозрачен и холоден. Низко на горизонте между холмами туч, словно озерцо желтого света, сияло солнце.

— На самом деле закат не бывает багровым, — заговорила Урсула. —

Небо багровеет, лишь когда солнце скроется.

— Твой супруг писал об этом в одной из книг.

— В самом деле? Меня это не удивляет, он подмечал все. Помнишь, «не бывает, чтобы человек содрогнулся от потрясения, от какого-то неприятного открытия. Это выдумка романистов». Люди дрожат только от холода.

— Дай мне руку, — попросил Сэм.

Они шли вдоль кромки воды, где слежавшийся песок был плотным как известка. Джеральд ни разу не написал о море, которое двадцать семь лет плескалось под окнами его дома. Он выходил на берег лишь в идеальную погоду. Волна подкатилась к их ногам. Урсула сделала шаг назад, а Сэм отпрыгнул, смеясь. Я не стану никогда больше думать о Джеральде, поклялась она себе, я отрежу прошлое.

Они дошли до места, где песчаные холмы закачивались, и повернули назад. Гостиница, долгое время простоявшая пустой и темной, теперь ожила. Чем ближе Сэм и Урсула подходили к ней, тем больше видели освещенных окон. Там они решили отметить Рождество. Там же, где встретились, подумала Урсула, с улыбкой обернувшись к спутнику. Сэм наклонился и поцеловал ее.

Урсуле не давал покоя один вопрос. Она вспомнила, как вначале знакомства Сэм говорил, что хотел бы влюбиться опять. Если она прямо спросит его, то получит столь же честный ответ. Зачем же себя мучить? Неужели мне мало? — Урсула задавала вопросы себе, но не Сэму, пока они смотрели, как заходит солнце и небо постепенно становится багровым.

Судья похвалил Уильяма за то, что тот ударил Марка по лицу. Он сказал, что этот семнадцатилетний юноша подает пример того, как должен вести себя мужчина, если извращенец обратится к нему с сексуальным предложением. У Марка был сломан нос, выбит зуб. Судья издевательски назвал это «косметическим ущербом».

«Белая паутина»

Без всяких оснований она рассчитывала найти дома письмо от Джейсона с извинениями и просьбой позволить ему продолжить работу. Письма не оказалось, но, повинуясь внезапному порыву, Сара выслала Джейсону чек на ту же сумму, какую платила еженедельно за его изыскания. Этот парень неуклюжий и противный, но в ушах Сары все еще звучали его стенания. Она подумывала даже написать сопроводительное письмо — «надеюсь, что у тебя все в порядке», — но не нашла подходящих слов и в конце концов просто запечатала чек в конверт.

Теперь придется заканчивать работу самостоятельно. Она посетила газетный архив в Колиндейле. Примерные даты Хоуп ей назвала. Но все равно дело продвигалось медленно: пока она нашла газеты в каталоге, пока их принесли... В архиве гражданских актов поиски осуществлялись намного быстрее. Наконец, потратив более двух часов, Сара получила то, что нужно.

Десмонда Райана убили в октябре 1959 года. Первый репортаж об этом преступлении опубликовала «Ивнинг Ньюс». Тело нашел друг, у которого был ключ от квартиры на Хайбери-Крезнт. Убитого опознали как Десмонда Уильяма Райана, двадцати восьми лет, проживавшего по данному адресу. Полиция расследует убийство.

На следующий день аналогичные сообщения появились во многих газетах — краткие, несколько завуалированные, с явной перестраховкой. Не обязательно быть параноиком, чтобы заподозрить какую-то скрытую подоплеку. Местный еженедельник «Уолтамстоу Индепендент» был менее сдержан. В пятничном номере длинная статья повествовала о «заговоре

извращенцев» и «коррупцированной системе». Негодование автора статьи раскалилось до невероятной степени. В те времена слово «гомосексуалист» не употреблялось в печати, как и «гей». Возможно, термин «гей» тогда еще не придумали, решила Сара. Далее говорилось о предпринятом полицией масштабном расследовании и о неслыханной в истории Британии «паутине порока».

«Извращенцы» вступали друг с другом в контакт, используя тайные пароли в киножурналах и нудистских изданиях. Были сообщения о новых расследованиях, об аресте священника за «ужаснейшее из всех мыслимых преступлений», как назвал это председатель выездной сессии. Выяснилось, что «эти больные люди» встречаются в «общественных уборных» и предаются там своим омерзительным делам. Такого рода поведение стало чуть ли не нормой для метрополии, зародившись в Сохо и распространив «свои мерзостные щупальца» до Финсбери, Ислингтона и Хайбери, до Лиссон-гроув, Килберна и уважаемых северных пригородов.

Какое отношение ко всему этому имеет Десмонд Райан, Сара не понимала, пока не дошла до отчета о заседании криминального суда по делу его убийцы — Джорджа Питера Гивнера. В центральных газетах суть дела вновь затушевывалась эвфемизмами и ханжеством, но Сара сумела понять, в чем дело. Гивнер снял для любовника квартиру на Хайбери-Крезнт и периодически жил там вместе с ним. В тот вечер, по данным полиции, Гивнер отпер дверь своим ключом и застал Десмонда с другим мужчиной. Началась бурная ссора, во время которой «другой мужчина» скрылся, а Гивнер сначала ударил Райана настольной лампой, потом забил насмерть восемнадцатидюймовой мраморной статуэткой обнаженного юноши. Об этой статуэтке Аполлона писали с особым вкусом.

На следующий день свидетель, «другой мужчина», рядовой по имени Джеймс Генри Брич, давал показания о внезапном приходе Гивнера, который обругал Райана и полез в драку. Он не был очевидцем убийства, но видел, как Гивнер схватил статуэтку и нанес первый удар. После этого солдат сбежал по лестнице и выскочил на улицу. Он отрицал сексуальную связь с Райаном, уверяя, что они были просто «близкими друзьями», но полиция нашла в квартире Райана его письма — безграмотные, почти без знаков препинания излияния любви вперемежку с предложениями платы за благосклонность.

Среди прочих посланий нашлось еще одно, только грамотное, письмо образованного человека, почерк неразборчивый, подпись — только инициал Дж. Стояла дата — всего за неделю до убийства. Но обратного адреса не было, и личность автора установить не удалось. Письмо зачитали

в суде, как и письма Брича, и газета полностью приводила всю корреспонденцию. Саре показалось, что в письмах солдата редактора заинтересовало не столько «извращение», сколько невежество. Письмо Дж. резко отличалось по стилю.

«Десмонд, ты поймешь, от кого это письмо. Нет необходимости объяснять. Мне понадобилось восемь лет, чтобы собраться с духом и написать тебе. Я ненавидел тебя и винил во всем. Из-за тебя я лишился всего, чем дорожил. Думается, ты понимаешь, почему после того, что случилось, я не мог вернуться. Но это не твоя вина и не моя. Никто не виноват. А теперь я хотел бы повидать тебя, поговорить, чтобы мы попытались простить друг друга и забыть все. Прошу тебя о встрече. Позвоню на следующей неделе.

Дж».

Суд воспринял это письмо как еще одно доказательство порочных склонностей Десмонда Райана и не придавал ему особого значения. Следующим свидетелем обвинения выступил человек, который утром после убийства нашел тело. Он описал царивший в комнате разгром: мебель сломана, ковер пропитался кровью, красные пятна на стене. После этого суд сделал перерыв до понедельника.

Однако напрасно Сара искала в газете за вторник репортаж с очередного заседания суда. Вместо этого в следующем номере появилась краткая заметка о том, что Джордж Питер Гивнер покончил с собой в камере. За воскресную ночь он успел разорвать на полосы рубашку и подштанники, сплел веревку и повесился.

Папка с бумагами, посвященными Джеральду Кэндлессу, или Джону Райану, распухла до размеров телефонного справочника. Сара добавила к стопке ксерокопии газетных статей и уселась дочитывать «Белую паутину». С месяц назад она отложила книгу, потому что не нашла в ее сюжете никакой связи с жизнью отца и считала необходимым заняться его последним романом «Меньше значит больше». Но теперь, раскрыв на середине его «триллер», Сара с ужасом всматривалась в пугающие картины: «белый призрак», полужверь-полуптица, оставял на снегу кружевную, как паутина, вязь следов, и ей стало по-настоящему страшно, будто ребенку, который, оставшись в доме один, читает рассказ о привидениях. Она дошла до главы, где герою снится сон о тоннеле: выход

завален камнями, он поворачивает назад, но и в том месте, где он вошел, уже поднялась высокая каменная стена.

В это время года рано темнело. Добравшись до сцены убийства, Сара включила свет, принесла вина и залпом выпила первый стакан. Ей уже было понятно, почему критики назвали роман триллером. Ни прежде, ни после отец не описывал столь наглядно, во всех подробностях, насильственную смерть. Здесь, в «Белой паутине», была достоверно реконструирована драка Джорджа Гивнера и Десмонда Райана — Гарри Мерчанта и Денниса Конлона по книге: один успел схватить предмет, который можно использовать в качестве оружия, другому автор вложил в руки только провод от лампы. С характерным для Кэндлесса пристрастием к историческим образам участники этой битвы сравнивались с римскими гладиаторами, вооруженными, соответственно, мечом и сетью.

Никогда прежде книги отца не вызывали у Сары содрогания, но сейчас, читая описание комнаты, в которой брызги крови разлетались во все стороны, словно алые птицы ударялись о стеклянные стены, она вынуждена была отвести взгляд от ровных черных строк. Стало неприятно читать о том, как был изуродован красавец Десмонд-Деннис, вникать в бесконечный, мучительный, страстный монолог о прекрасном разбитом лице, о кровавой трещине в черепе, о сломанных пальцах. Она поспешно пролистывала страницы, пока не дошла до момента, когда нашли тело. Потом пришлось прочесть о самоубийстве Гивнера-Мерчанта, о его жалком, одиноком конце, о долгих часах перед тем, как мертвое тело нашли в камере.

Ни слова о письмах. Марк, друг детства, появляется лишь в третьей главе, когда узнает об убийстве из газет, как и Сара. Элемент триллера быстро исчез из романа, тайна и напряжение исчерпались, и следовал затянутый анализ чувства вины Марка. По какой-то причине он принимал на себя ответственность за смерть Денниса.

Читая, Сара все подливала вина в бокал и к последней главе опьянела, буквы плясали перед глазами. Ничего нового она из книги не узнала, кроме того, как мучительно отец переживал смерть младшего брата. Она уснула в кресле, и книга упала на пол.

К тому времени, как Урсула получила специальность, рабочих мест не осталось — заканчивались восьмидесятые годы. Джеральд, хоть и не превратился в инвалида, должен был беречь больное сердце и нуждался в заботе. Урсула научилась готовить ему диетические блюда и уговаривала мужа ежедневно гулять в саду, по ровной местности. Она бы взяла его с собой на прогулку вдоль берега, но крутой подъем мог стать для него

роковым.

Ни слова девочкам. На этом он настаивал.

— Они любят меня, — говорил Джеральд. — Мне выпало редкое счастье: две замечательные, красивые женщины меня любят. Чем я это заслужил? И неужели я отплачу им за любовь преждевременным огорчением?

По мнению Урсулы, Джеральд сделал вполне достаточно, чтобы заслужить любовь дочерей: он вставал к ним ночью, целовал и обнимал, рассказывал сказки, давал им все, чего душа пожелает, не скупясь тратил на них деньги, купил каждой по квартире, — но она не стала высказывать свое мнение вслух. Джеральд сам ездил на регулярные обследования в клинику, забрасывая по дороге очередную главу «Улыбки в мезонине» своей машинистке. Урсуле отвозить его не разрешалось, поскольку Джеральд считал женщин — за исключением Сары и Хоуп, разумеется — ненадежными водителями.

Врачи решили прибегнуть к ангиопластике: забитый сосуд расширили, введя в него с помощью катетера воздушный шарик, который затем надували. Этот метод понравился Джеральду, поскольку позволял обойтись без операции, но желанного результата добиться не удалось: артерия была почти полностью перекрыта.

В тот раз домой его везла Урсула, и Джеральд не жаловался на ее манеру вождения. Он был подавлен. Он всегда отличался прекрасным здоровьем, а теперь сила покидала его, как остриженного Самсона. Книги Джеральда принимали с горячим одобрением, а потом и с восторгом, но критики не одобрили «Полчаса в переулке», с пренебрежением отнеслись к «Белой паутине», а «Улыбку в мезонине» едва заметили, отводя ей в лучшем случае краткий абзац внизу страницы.

Он прекратил работать. Сильнодействующие препараты имели побочный эффект: Джеральду снились кошмары. Жене он говорил только, что опять видел страшный сон, какой именно — не пояснял. Неужели опять про каменный туннель? Но спрашивать она не хотела.

Никаких чувств к Джеральду не осталось в ее душе — ни жалости, ни любопытства, не говоря уж о любви. Спасибо хоть на том, что он не стал бременем или источником раздражения. Он — ее судьба, признала Урсула и добросовестно ухаживала за мужем, следила, чтобы он удобно сидел, был тепло одет, хорошо накормлен. Так она могла бы заботиться о состарившейся и не слишком любимой собаке. Разговоры их давно сделались пустыми и скучными. Он сам до этого довел. Постоянным пренебрежением и редкими жестокими выходками он уничтожил в Урсуле

и любовь, и даже симпатию к нему, приучил к молчанию — ей не хотелось общаться с мужем, — но и сам не знал, о чем с ней говорить. Изредка они обсуждали симптомы его болезни, погоду, прилив.

Из его друзей-писателей умер Роджер Паллинтер, умерла и жена Артура, а сам Артур снова женился и переехал во Францию; Адела Черчхауз выжила из ума, ее не выпускали одну из дома; «альцгеймер» Фредерика Киприана прогрессировал; Битти Пэрис написал автобиографию и умер в день ее публикации. Только Райтсоны порой навещали их, но Джеральду и не требовалось других гостей, кроме его любимых дочерей. Хоуп и Сара всегда приезжали по выходным, иногда являлся Роберт Постль, привозил Джеральду свежие сплетни из литературно-издательского мира, сопровождал Урсулу на прогулки по пляжу.

Иногда ей думалось, что надо бы выйти на люди, передохнуть, но за всю жизнь Урсула ни разу не сходила в кино одна, а теперь уже поздно было обзаводиться такой привычкой. Вечерние курсы давно приелись. Джеральд не ссорился умышленно с соседями (одна семья жила на самой вершине утеса, две другие — пониже гостиницы), но давал понять, что снисходит к ним и тяготеет их компанией. Люди смущались и не навещали их больше, и в то же время им не приходило в голову позвать в гости одну Урсулу.

Задолго до разгара сезона гостиница поместила в местной газете объявление, приглашая временных нянь. Когда Урсула предупредила Джеральда, что хочет откликнуться на объявление, будет отлучаться на один или два вечера в неделю (хоть какая-то отдушина), он впал в ярость. Это работа для деревенщины, для таких, как Дафна Бетти! Она бы еще в прислуги пошла! Урсула чуть ли не впервые услышала из уст Джеральда слово «деревенщина». Тяжелое темное лицо налилось кровью, на лбу и висках выступили вены, похожие на заскорузлые корни. В таком случае она, конечно же, не пойдет на работу, поспешила ответить Урсула. Но потом ломала себе голову, откуда взялись эти комплексы насчет «деревенщины» и «прислуги».

О родителях Джеральда она почти ничего не знала, он никогда о них не говорил, сказал только в самом начале, как их звали. Они давно умерли, отец был мастером-печатником, а он — единственный ребенок. Теперь Урсуле пришлось в голову, что его мать, возможно, ходила убираться к зажиточным женщинам — или это слишком «психологическое» объяснение? Но глубоко вникать она не стала.

Наконец Джеральд приступил к новому роману, которому суждено

было стать последним: «Меньше значит больше». Он преобразился, казался помолодевшим, счастливым, силы вернулись к нему. Он писал неотрывно и закончил работу за шесть месяцев. Когда издатели предложили ему съездить на литературный фестиваль в Хэй-он-Вай, Джеральд с готовностью согласился, надеясь встретить там знакомых и выступить с публичным чтением — он умел и любил читать свои тексты вслух.

Те времена, когда Урсула ездила с Джеральдом, порой по его просьбе, давно миновали. Он не звонил ей, пока был в отъезде, хотя долго разговаривал по телефону с девочками. Вернувшись, Джеральд ни словом не обмолвился о фестивале, о том, как прошло мероприятие, кого он видел. Вместо того чтобы, как обычно, передохнуть после книги, а потом приняться за сбор материала, снова приковал себя к письменному столу.

Так, во всяком случае, думала Урсула. Джеральд не извещал ее о своих намерениях, и это было странно, потому что и в самые плохие для их отношений периоды, даже после ее демарша по поводу романа «Впроголодь», Джеральд всегда сообщал ей, что приступил к новой книге. Он просто не мог удержаться, в первую неделю работы его обычно распирало от счастья, энергия била струей. Если б он мог поделиться радостью с кем-то другим, помимо Урсулы, он бы так и сделал, но никого рядом не оказывалось, а потому он сообщал ей:

— Сегодня взялся за новую!

И Урсула так и не собралась с духом ответить: «Ну и что?» Энтузиазм Джеральда, вопреки всему, трогал ее.

— Все хорошо. С самого начала поймал верный тон. Думаю, выйдет что надо.

Разумеется, время шло, и в нем росла тревога, сомнения, терзания. Урсула с легкостью читала все это по его лицу, хоть Джеральд и сдерживался. С тех пор как она перестала перепечатывать его рукописи, Джеральд не рассказывал Урсуле, о чем пишет, иногда лишь говорил о практической работе: бумага кончается, или что сегодня он отвозит главу машинистке.

На этот раз Урсула была уверена, что Джеральд работает с лихорадочной поспешностью, однако он ничего не сказал ей о новом замысле. Ей подумалось: может быть, он взялся не за роман, а за автобиографию, хотя и заявлял неоднократно, что никогда не станет ее писать. Примерно тогда же он предупредил Урсулу, что пригласил на выходные Титуса Ромни с женой. С Ромни Джеральд познакомился в Хэй-он-Вай.

— Поклонник, — пояснил он.

— Он — твой?

— Разумеется, не я же — его. Впервые услышал его имя месяц назад.

Урсула только плечами пожала, но потом вспомнила, кто такой Ромни. Вроде бы Постль упоминал о нем. Наверное, один из его авторов.

— Не волнуйся, ночевать они не останутся. Могут поселиться в гостинице, если хотят. Но угостить их воскресным ланчем мы ведь можем? Приедут девочки, мы помучаем этих Ромни, позабавимся.

— Прелестно.

— Бога ради! — нетерпеливо отмахнулся Джеральд. — Он слабак.

После очередного обследования кардиолог порекомендовал коронарное шунтирование. По всей видимости, предстояло заменить участки двух артерий. Если Джеральд не согласится на операцию, можно усилить дозы лекарств и еще на какое-то время продлить его жизнь, при условии, что он будет беречь себя. Кроме того, возможны неприятные побочные эффекты: бессонница, кошмары, но если сделать шунтирование...

— Согласен, — перебил врача Джеральд. Кошмаров у него и так хватало. — Когда можно сделать операцию?

Урсула сидела рядом с ним. Кардиолог вполне мог принять их за преданных, много лет проживших в любви и согласии супругов. Жена намного моложе, она обеспокоена, но не теряет головы и станет примерной сиделкой.

— Должен вам сказать, мне очень нравятся ваши книги, — сделал комплимент врач.

Джеральд и не догадывался, что это человек узнал его.

— Спасибо на добром слове, — отозвался он.

Медицинская страховка покрывала все расходы. Операцию назначили на следующую неделю. Медсестра предупредила, что нога, из которой возьмут сосуд для замены, будет заживать дольше, чем прооперированные артерии.

— Уверен, все пройдет замечательно! — ответил Джеральд. — Жду не дождусь.

В машине, по пути домой, он предупредил ее:

— Ни слова моим девочкам!

— Я этого не слышала.

— Все ты прекрасно слышала.

Он продолжал работу. Над чем — Урсула не знала. Сидел в кабинете все утро и большую часть второй половины дня. Она ждала, когда он повезет рукопись Розмари, но Джеральд почти не выходил из дому, только

гулял в саду или добирался до края утеса. Пока что он печатал сам. Он всегда сам перепечатывал черновик, с тех пор как Урсула отказалась ему помогать, но не мог подготовить рукопись к сдаче в издательство. Из-за двери кабинета доносился перестук клавиш и сердитое бормотание: приходилось вымарывать очередную ошибку.

Может быть, он не хотел показывать текст Розмари. А жене? Какое ей дело, в очередной раз спрашивала себя Урсула. Она привыкла относиться с полным равнодушием ко всему, что делает Джеральд, ей было безразлично даже, жив он или умер. Но теперь она готова была забыть обиду и унижение, помочь ему, словно не поставила точку на той книге, «Впроголодь». Она так и не предложила Джеральду перепечатывать рукописи, но пристально наблюдала за ним и заботилась о нем, как никогда прежде.

Операция должна была состояться в четверг. Не спрашивая Урсулу и ничего с ней не обсуждая, Джеральд принял как данность, что во второй половине дня в среду она отвезет его в больницу. Потом она вернется домой и, словно любящая встревоженная жена, позвонит врачам в четверг вечером. Ей скажут, что состояние пациента «удовлетворительное», она снова позвонит утром, а когда разрешат визиты, приедет к нему.

О визите Ромни она забыла. Джеральд напомнил ей. Впрочем, с такими гостями хлопот немного. Она всегда готовила по воскресеньям отбивные для Джеральда и девочек, просто на этот раз взяла кусок мяса побольше. Джеральд сидел, положив на колени сигнальный экземпляр «Меньше значит больше», а на стол — несколько томов Британской энциклопедии. Человек с больным сердцем — учитывая его склад ума, он, вероятно, пытался осмыслить путь, по которому бежит кровь в его венах. Она протискивается сквозь забитые тоннели, каждый раз все-таки достигает конечной станции и вновь отправляется в путь, чтобы вновь пробиваться через артерии, с каждым разом становящиеся еще на микрон уже.

Пока тоннель не окажется замурован с обеих сторон.

— Как ты полагаешь, жалость сродни любви? — спросила она Сэма когда они вместе вернулись в Ланди-Вью-Хаус. — Вроде бы так говорят.

— Так говорили прежде, — уточнил он. — Героини романов XVIII века жалели своих воздыхателей. Собственно, это и означало любовь, но позволяло соблюсти приличия и скрыть свою слабость.

— Получается, если кого-то жалеешь, то ты — сильнее? В последние дни жизни Джеральда я оказалась сильнее, чем он. Я стала его жалеть. Вот что это было — жалость, а не любовь.

— А что он писал в это время? «Меньше значит больше»?

— Нет, — сказала Урсула, — к середине июня он уже получил сигнальный экземпляр. Он вносил в него правку перед самой смертью. Не знаю, что он писал. Я искала рукопись сразу после его смерти и потом еще раз, когда разбирала бумаги. — Она улыбнулась при виде озадаченного лица Сэма. — Удивляешься, как я узнала бы его новую работу? Он так ужасно печатал! Но среди бумаг не нашлось грязного черновика, все рукописи были отпечатаны либо мной, либо Розмари.

Урсула пришла к выводу, что Джеральд сам уничтожил начатую книгу. Что бы это ни было — автобиография, роман, сплав обоих жанров, он избавился от рукописи. Летом он не мог втайне от всех сжечь большую стопку бумаги, но мог попросту выкинуть ее в корзину, которую регулярно выносила Дафна Бетти.

— Хорошо, что под конец я почувствовала к нему жалость, — подвела итоги Урсула. — Пусть не любовь, но хоть капельку тепла, капельку сочувствия.

— Ты надеялась, что он перенесет операцию и еще поживет? — спросил Сэм.

— Так далеко я не загадывала. — И вдруг Урсула ощутила внезапную отвагу, готовность задать тот главный вопрос. Разговор о жалости и любви подвел ее к этому. Сэм смотрел на нее с нежностью, но без ложной сентиментальности — так ей казалось.

— Сэм, — заговорила она, — помнишь, на первом свидании ты сказал мне, что хотел бы снова влюбиться?

Он кивнул.

— Вот я и хочу знать... влюбился ли ты. В меня.

Она затаила дыхание. Сэм молчал, и его молчание убивало ее. Ведь это означало, что для нее все кончено.

— Нет, я не влюблен, — сказал он наконец. — И ты тоже.

— Не знаю, — прошептала она.

— Видимо, я недостаточно молод. Или один раз в жизни у меня уже случилось чудо, которое не вернется. В этом все дело. Глупо было надеяться. Но я люблю тебя, я хочу жить с тобой вместе. Хочу, чтобы мы были вместе всегда. До конца жизни. Как, по-твоему, этого достаточно?

— Да, — сказала она.

Легче стереть буквы, высеченные в камне, чем вернуть сказанное слово.

«Бумажный пейзаж»

— Вы не читали «Белую паутину»?

— Нет, — сказал Стефан. — Сам не знаю почему. Когда была написана эта книга?

— В 1992 году.

— А, тогда понятно. В тот год жена болела, читать было некогда. И конечно, я не просматривал рецензии, так что даже не знал о выходе книги. А когда появилось издание в мягкой обложке — на следующий год?

С утра, перед отъездом в Плимут, Сара сверила даты:

— Книга в твердом переплете вышла в октябре 1992 года. В бумажном — в октябре 1993-го.

— В октябре она умерла. — Стефан помолчал, потом улыбнулся племяннице. — Вы говорили, Джон жил в Гонтоне?

— Да, в доме на утесе.

— Летом моя сестра Маргарет ездила отдыхать в Гонтон с дочерью и зятем. Остановилась в гостинице «Дюны». Это где-то поблизости?

— Совсем рядом, — подтвердила Сара. — В сотне ярдов от нас.

— Она жила там в июле. Они могли даже встретиться — и не узнать друг друга.

— А может быть, он узнал ее, — предположила Сара. — Вы не помните точную дату?

— Они выписались из гостиницы шестого июля и заехали навестить меня, а потом вернулись домой.

Отец испытал шок. Сара все еще видела его потрясенное лицо, безумный взгляд. Перед уходом на прогулку (а ведь они с Ромни направлялись в сторону гостиницы) отец выглядел как обычно. Когда он вернулся, было ясно: с ним что-то случилось. Он что-то увидел, и это зрелище вызвало шок. Он увидел свою сестру и узнал ее — спустя сорок шесть лет. Маргарет не узнала брата, иначе она последовала бы за ним. Эта встреча ударила отца в самое сердце.

— Расскажите про вашего брата Десмонда, — попросила Сара.

— Хорошо. Налить вам чашку чая?

— Спасибо, не нужно, — отказалась она.

Стефан смотрел на нее знакомыми отцовскими глазами. Голос его тоже показался похожим на голос отца. Хотя на самом деле отец обладал глубоким, звучным басом, в произношении слышалась характерная для севера Англии картавость, а Стефан, которого увезли из Саффолка двухлетним, стал говорить как образованный лондонец. Сейчас он наблюдал за племянницей, затем отвернулся, снова обратился к ней, будто никак не мог решиться.

— Десмонд, — мягко напомнила Сара.

— Да, Десмонд, — вздохнул он. — Вы же знаете, его убили.

— Да.

— Когда Джон исчез, — продолжал Стефан, — Десмонду было двадцать, он жил дома со всеми вместе. Джеймс с женой и ребенком, Маргарет, Мэри, я, и мама с Джозефом. Мы с Десмондом жили в одной комнате. Райаны красивы — они высокие, темноволосые, с правильными чертами лица. Ко мне это не относится, я не удался. Но Десмонд был самым красивым в семье. Люди говорили, у него от девчонок не будет отбоя, и так бы оно и вышло, только вот девушки его не интересовали.

— Он был «голубым».

— Да. Вы читали репортажи о суде? — спросил Стефан.

Сара кивнула.

— Я не читал. В ту пору. Никто из нас не читал газеты. Немыслимо даже представить себе, как принял бы эту весть Джозеф. Вы человек другого поколения, вам не понять, как в пятидесятые относились к гомосексуалистам. А я еще помню тот смутный ужас, который вызывала одна мысль о них. Это произошло много лет назад, задолго до принятия декрета, узаконившего сексуальные отношения между совершеннолетними людьми одного пола. Тогда «общественность» возмущалась гомосексуализмом не меньше, чем во времена Оскара Уайльда.

— Я не знала. Но читала статьи и кое-что поняла.

— Вы убедились: и судьи, и все официальные лица называют гомосексуализм ужаснейшим злом, омерзительным преступлением, они видят в нем умышленную, преднамеренную порочность. Самые либеральные и просвещенные люди видели в нем болезнь, некую форму душевного расстройства. Еще в шестидесятые годы мужчин клали в психиатрические лечебницы и «отучали» от этой склонности с помощью шоковой терапии.

— В «Белой паутине» отец пишет об этом.

— В самом деле? Лично я ничего не знал о гомосексуализме, пока Десмонд не предстал перед судом в 1955 году. За «непристойное и извращенное поведение» в общественном туалете его приговорили к шести месяцам тюремного заключения.

Сара чуть было не переспросила, что такое «непристойное и извращенное поведение», но вовремя остановилась и вместо этого робко, поскольку истина ее несколько пугала, уточнила:

— Но разве он... с несовершеннолетним?

— Ему было двадцать четыре года, а его партнеру, насколько помню, за тридцать. В те времена, Сара, это считалось преступлением независимо от возраста. К счастью — да, к счастью, иначе не скажешь, — Джозефа к тому времени уже не было на свете. Он умер за год до суда. В больших газетах о таких судебных разбирательствах предпочитали помалкивать, но местные газеты сдержанностью не отличались. И «Уолтамстоу Индепендент», в котором некогда работал брат Джон, смаковал все подробности. Мою мать тыкали во все это носом.

— Чем Десмонд зарабатывал на жизнь?

— Он перепробовал множество профессий. Работал в магазине мужской одежды. Был курьером, барменом, а перед арестом работал в одной гостинице в Паддингтоне, пользовавшейся довольно сомнительной репутацией. Однако у него всегда было много денег, гораздо больше, чем он мог бы заработать. А мы не обращали на это внимания и не делали никаких выводов. Мы были невинны — или невежественны. После тюрьмы Десмонд уже не вернулся к нам. Он обзавелся собственной квартирой в Хайбери, за нее платил тот самый человек, который его убил. Он переехал не потому, что мама отреклась от него. Не такой она была человек. Никто из нас не собирался порывать с ним, он просто не захотел возвращаться домой. Кажется, с тех пор он не работал. Иногда навещал маму, приносил ей подарки. Всегда был хорошо одет, всегда счастлив.

— Счастлив?

— Вы, наверное, думаете, что в пятидесятые у гомосексуалиста не было особых причин радоваться, но Десмонд был счастливым человеком. «Гей», «весельчак» — очень точный эпитет для такого человека, как он. Радость была из него ключом. Он был очень милый, приятный, всеми любимым и нисколько не стыдился своего образа жизни. Вы спросите, а чего тут стыдиться, но тогда со всех сторон твердили, что геи больны и порочны, что они либо намеренно выбрали преступный путь, либо душевно неуравновешенны.

Сара призадумалась:

— Он говорил с вами об этом?

— Понимаете, мы уже не так часто общались. В 1955-м я уехал в университет, домой возвращался только на каникулы. Пару раз Десмонд разговаривал со мной. Вот почему я знаю, что он не стыдился себя. Кое-кто мог бы сказать, что брат просто хотел меня развратить — тогда много говорили о развращении молодежи, но на самом деле Десмонд вовсе не уговаривал меня последовать его примеру — и с какой стати? У каждого свой путь. Он-то знал, что одни люди рождаются с традиционной ориентацией, другие — геями, как одни появляются на свет голубоглазыми, а другие — с темными глазами. Разумеется, он никогда не пускался в физиологические подробности, рассказывал мне только о своих чувствах, а еще — о клубах и банях.

— Паровые сауны, турецкие бани?

— Он любил там бывать. Полагаю, Десмонду нравилось обнажаться, ему нравились люди постарше, которые приходили в бани и любовались им. Гивнера он не упоминал, то есть не называл его по имени. Их отношения были достаточно примитивными: Гивнер любил Десмонда, снял ему квартиру, тратил на него деньги, а Десмонд ему изменял. А как иначе? Если для Гивнера это стало неожиданностью, значит, он жил в мире грез. Вы сказали, что читали репортажи о суде?

Сара кивнула:

— Гивнер повесился в своей камере.

— Да. Мать переживала ужасно. Смерть Десмонда, суд. Все вокруг сплетничали. Соседи все знали.

— Если бы Десмонд был уважаемым гетеросексуалом с женой и детьми, осиротевшая мать могла рассчитывать на сочувствие, но поскольку он был геем, к горю присоединялся еще и позор?

— Вот именно. К тому времени у Джеймса с Джекки появился второй ребенок, и они переехали в другой дом, за пару кварталов от нас. Мэри была послушницей. Мы с Маргарет преподавали в школе недалеко от дома и жили с матерью. Но маме были нужны не мы все, а Джон. Я уже рассказывал, как мы пытались его разыскать. Давали объявления в газету, но ответа не получили. И мама сказала, что ответа не будет. Она никогда больше не увидит Джона.

— А потом вы переехали в Плимут?

— Я и не надеялся получить эту работу. Хорошая школа, в Лондоне меня бы в такую не взяли. И место понравилось — не столько сам Плимут, сколько окрестности. Итак, я уехал, с мамой осталась одна Маргарет. Кто-

то должен был остаться. Типичный случай одинокой женщины, отказавшейся от личной жизни ради своих родителей.

— «Улыбка в мезонине», — подсказала Сара.

— Вероятно. Но мама ничего подобного от нее не требовала, она не хотела такой жертвы. Маргарет была помолвлена и заставила своего жениха дожидаться целых семь лет, пока мама не настояла, не велела ей немедленно венчаться и уехать. В конце концов Маргарет подчинилась.

— А что было дальше с вашей мамой?

— Она умерла от рака весной 1973 года. Долго болела, ее то клали в больницу, то снова выписывали, сделали мастэктомию и гистероктомию. Рак перешел на легкие. Ужасная смерть. Если бы Джон — Джеральд — если бы он знал, то может быть... Ну, да что там. Почему вы спросили, читал ли я «Белую паутину»?

Сара пожалела, что не взяла книгу с собой. Она была уверена, что в доме Стефана, горячего поклонника творчества Джеральда Кэндлесса, найдется экземпляр в бумажном переплете. Уже половина седьмого. Если бы она спохватилась раньше, они бы успели сходить в книжный магазин. В торговом центре наверняка нашлась бы «Белая паутина». Но теперь уже поздно.

— Это история о двух мальчиках, выросших на болотах, — начала она. — В школе они получают кое-какой сексуальный опыт, но об этом пишется смазанно, без подробностей. Потом они вырастают, и один становится открытым и счастливым, не слишком разборчивым гомосексуалистом, а второй измучен своей нетрадиционной ориентацией.

— А! — сказал Стефан. — Понимаю. Откуда такое название?

— «Белая паутина»? Это цитата из какого-то стихотворения, не помню какого. Марк, один из протагонистов, то и дело говорит о перепутанных, как паутина, следах, которые оставляют бродящие по болоту создания. Еще ему снится, что он идет по каменному тоннелю и впереди проход замурован, а когда он поворачивает обратно, тот вход также оказывается перекрыт. Типичный сон о западне, он означает желание спастись, убежать, и понимание, что спасения нет. Марк женат, у него добрая, понимающая жена, двое сыновей. Потом он видит на улице Денниса, следует за ним, присматривается к его жизни, но не желает встретиться с ним лицом к лицу. Когда любовник Денниса убивает его и кончает жизнь самоубийством, Марк винит во всем себя. Ему кажется, если бы много лет назад он сказал Десмонду правду, сказал, что любит его и хочет жить с ним, ничего подобного не произошло бы. Это книга о чувстве вины и осознании себя.

Помолчав, Стефан спросил:

— Вы думаете, эта книга основана на реальных событиях?

— Все его книги основаны на фактах — он сам так говорил. Но отец менял факты, пропускал через фильтры, перерабатывал. Он менял названия мест, имена, отношения между персонажами. Отделить факты от вымысла в его книгах непросто, но чувства всегда подлинные, отец писал о том, что пережил либо сам, либо кто-то из близких. — Сара встала, подошла к стеллажу и принялась рассматривать ряд отцовских книг в бумажных переплетах, цепочку черных мотыльков. Резко обернувшись, она встретила глазами с человеком, который — теперь она точно это знала — был ее дядей.

— Наверное, то письмо, найденное полицией, написал отец.

— Какое письмо?

— В стопке писем от Брича была записка с подписью «Дж». Ее тоже зачитывали в суде.

— Мы на суд не ходили. Пока продолжался процесс, мы даже газет в дом не приносили, маму берегли. А потом Гивнер повесился, и все было кончено.

— В письме говорилось, что Дж. ищет примирения. Много в нем неясно, но, по-видимому, Дж. после восьмилетнего отсутствия хотел вернуться в семью, однако сделать это он мог только после откровенного разговора с Десмондом. Вам это что-то говорит?

— Нет. Абсолютно ничего. К сожалению.

— Дж. обещал позвонить Десмонду примерно через неделю. Письмо отправили за несколько дней до убийства. Может, он успел позвонить, договориться о встрече. Но тут Гивнер убил Десмонда.

— О чем же он собирался поговорить?

— Может быть, хотел объяснить кому-то из членов семьи, почему ушел, где прятался, почему сменил имя. Может быть, с помощью Десмонда он хотел подготовить свое возвращение. Правда, он пишет, что они с Десмондом причинили друг другу величайшее зло.

— Доберемся ли мы когда-нибудь до истины, Сара?

— Не знаю. Мне почему-то кажется, что нет.

В голове теснились мысли, которые Сара не решалась высказать вслух. Если бы Джеральд Кэндлесс встретился с Десмондом и объяснился с ним — превратился бы он снова в Джона Райана, вернулся бы домой на Гудвин-роуд, к своей семье? Разве он тогда написал бы новые книги? Встретил бы он тогда Урсулу, женился бы на ней? Появилась бы Сара на свет?

Стефан попрощался с ней на крыльце и пожелал счастливого

Рождества.

В свете фар ярко сверкнула белая табличка «Продается». Посреди зимы никто не обзаводится недвижимостью — пройдет еще несколько месяцев, прежде чем матери удастся продать дом. «Прежде чем дома не станет», — чуть было не сказала Сара, потому что именно так она воспринимала ситуацию. Когда дом перейдет в чужие руки, он словно исчезнет, словно поднимется мощная приливная волна и смоет его в пучину моря. Он будет лежать на дне, словно Лайонесс или Данвич, [\[21\]](#)невредимый и недоступный, навеки закрытый для всех.

Глупая фантазия. Мать уже легла, но из-под двери спальни пробивался свет. Нормальный человек, подумалось Саре, сейчас распахнул бы дверь, сунул голову в комнату, сказал бы что-нибудь веселое, приятное, спросил бы о чем-нибудь или даже подошел бы к женщине, лежащей в постели с книжкой, и поцеловал бы ее. Она бы и рада была совершить этот обряд, но не могла. Постояла с минуту под дверью, колеблясь, сознавая свою полную некомпетентность в столь простом, детском деле, и наконец, крикнув «Спокойной ночи», скрылась в своей комнате.

Психологи говорят, что для ребенка лучше выбирать в качестве образца родителя одного с ним пола, но они с Хоуп воспитывались на примере отца и теперь не могли, да и не хотели, избавиться от этой «модели поведения». Как же несчастен был бедный папочка, думала Сара, укладываясь в кровать. При жизни отца она и не задумывалась над тем, счастлив он или нет, знала только, что он ее отец, иногда напоминала себе, как ей повезло с ним, таким умным, талантливым, вызывающим всеобщее восхищение, и при этом — таким добрым, щедрым и любящим.

А он носил в душе этот ужас. О, почему он ничего мне не говорил? Когда мы с Хоуп выросли, почему он не поделился с нами? Мы бы его утешили, помогли примириться с жизнью, ведь мы так его любили!

На следующий день заняться было нечем. Если бы Сара предусмотрела пустой день, она бы не поехала домой, а остановилась в гостинице в Плимуте. Для прогулки было слишком холодно, а на встречу с друзьями она собиралась лишь вечером. Кабинет отца пуст, выпотрошен, мучительно находиться в нем. Ей вспомнилась одна из любимых цитат отца: «Увы, уныла плоть, а книги все прочитаны». Книг нет, но вечером плоть Сары не будет уныла, невзирая на мороз, невзирая на все ее недоумения и переживания.

Возникшая близость с матерью вновь ослабла. Сара перестала ее целовать — наверное, навсегда. Какое бы бремя ни нес по жизни отец, мать обязана была разделить его, но — Сара тому свидетель — она этого не

сделала. Она предоставила мужа его горю и одиночеству и, как героиня романа «Впроголодь», следовала собственным мелочным и эгоистичным интересам.

За ночь сердце дочери ожесточилось против Урсулы, и теперь она с удивлением и даже отвращением вспоминала, как накануне вечером, когда ехала домой через болота, размышляла, не познакомить ли мать с одиноким вдовцом Стефаном. Как-никак, брат ее покойного мужа. Правда, не так давно брак между ними считался бы противозаконным, словно кровосмешение.

Но теперь Сара молчала. Ей нечего сказать матери. Во второй половине дня произошла маленькая неожиданность: позвонила Викки, смущенная, несколько напуганная. Сказала, что Адам Фоли приехал на выходные и собирается встретиться с ними в пабе, а она не знает, как это воспримет Сара, ведь Адам почему-то держится с ней так враждебно, так грубо, он опять отравит Саре вечер, и потому Викки (тут ее голос окреп и зазвенел негодованием) вполне готова позвонить Адаму и сказать, что его никто не ждет.

— Не надо, — ответила Сара, и ее тело заняло от возбуждения. — Мне все равно. Я не обращаю внимания на подобные выходки.

Вызывающий костюм уже стал частью привычного ритуала. На этот раз Сара, не колеблясь, накрутила губы синей помадой под цвет ногтей. Отыскала в шкафу Хоуп черные чулки — чулки, а не колготки — и мини-юбку в обтяжку, из-под которой, стоило наклониться, виднелись края чулок. Туфли с четырехдюймовыми каблуками принадлежали лично Саре. Она уже забыла, по какому случаю их приобрела, но сейчас они пришлись как раз кстати. Было бы еще лучше, если бы она отрастила волосы до пят либо сбрила совсем, обнажив изящную форму черепа, но теперь уже ничего не поделаешь.

Еще только полседьмого. Сара сидела у себя в комнате, перечитывая «Пурпур Кассия», единственную книгу отца, которая теперь имелась в доме. И ту она привезла с собой. Теперь она знала, что в этом романе, как и в других, описана его семья: Хлоя Рул — мать, Питер в детстве — Стефан, а взрослый — вероятно, Джеймс. Кэтрин — сплав Маргарет и Мэри, а строгий богобоязненный сосед, похожий на Джекоба Мэнли, — еще один лик Джозефа.

Сара не могла сосредоточиться на чтении. Половое влечение перебивает все прочие импульсы, подумала она, изгоняет все мысли, наполняет тело, освобождая его от контроля разума, и тогда кровь кипит, сердце бьется все чаще, кожа словно горит.

Урсула мысленно отметила необычный оттенок губ и ногтей, но вслух ничего не сказала. Не промолвила ни слова, увидев, как Сара наклонилась над невысоким баром и из-под юбки показались края чулок. Только когда Сара налила себе на два дюйма виски и отхлебнула изрядный глоток, мать заговорила:

— Сара, разумно ли это? Ты же едешь на машине в Барнстепл!

— Все нормально, — ответила Сара. — За меня можешь не беспокоиться.

Тайгер не пришел. У Розы появился новый поклонник, или, может быть, парень на вечер — Нил. Переступив порог паба, Сара начала волноваться, что Адам все-таки не придет. Слова Викки ничего не меняли. Его отсутствие станет очередным шагом в этой игре, построенной на провокации и грубости, разочаровании и ожидании нового, — старой, доведенной до крайности игре в недоступность.

Сегодня Сара пила виски, оставляя синий отпечаток на бокале. Через полчаса она сходила в туалет и оглядела себя в зеркале. Можно подумать, она долго просидела в ледяной воде и замерзла до полусмерти: лицо бледное, губы синие. Она уговаривала себя: сейчас вернется к столу, и Адам уже там; она оттягивала возвращение, приглаживая успешные спутаться волосы, накладывая очередную слой синей помады. Вот вернется к столу, и Адам уже там.

Но его не оказалось. Викки подняла вопрос о том, где провести остаток вечера. Барнстепл — такая дыра. Не пора ли всей компании перебраться в Лондон? Если б они жили в Лондоне, как счастливые Сара и Адам, у них была бы сотня местечек на выбор. Кто-то предложил наведаться в винный погребок, закрывавшийся только в полночь, кто-то тем временем принес еще пять порций выпивки. Александр посоветовал здесь же и поужинать, и все принялись изучать меню. Сара чувствовала, что ей кусок в горло не полезет.

Принесли их заказ, обычный набор пивного бара — пироги с почками, рыбу и курицу с жареным картофелем, все это составили на маленький столик, и без того загроможденный соусами и корзинкой с хлебом. Сара отщипывала кусочки хлеба и подливала себе выпивку. Что же делать, если Адам так и не явится? Шло к десяти. Уже час она не участвовала в разговоре, ограничиваясь «да» и «нет». Если Адам не придет, повторится то, что уже было в прошлые выходные, — снова одинокое возвращение домой, темный дом, где ее ждет — или не ждет — мама, а папочки больше нет. Она этого не выдержит.

Или Адам хочет от нее какого-то поступка? Доехать до коттеджа,

позвонить в дверь, выслушать оскорбления, повернуться и уйти, чтобы через пять минут он нагнал ее в темноте. Или он вынуждает ее к нестерпимому, унижительному ожиданию, и она должна ехать домой и снова возвращаться, неделю за неделей, пока, не выдержав, не наберет его лондонский номер? Но как долго это терпеть? И потом, пойдя навстречу желаниям Адама, Сара нарушит правила игры — ведь именно враждебность, постоянное взаимное отталкивание так заводят обоих.

Подняв глаза, она увидела Адама — он вошел не через главный вход, а через боковую дверь. В одно мгновение все ее страхи, все сомнения испарились. Жар затопил ее, поднимаясь к голове, кровь приливной волной ударила в голову. Мелькнула одна лишь разумная мысль: как это странно, необъяснимо, ведь достаточно лишь увидеть этого человека — даже не услышать его, не ощутить прикосновение руки, а только увидеть, — и ее охватывает столь мощное желание. Собственное тело пугало Сару, оно вышло из-под контроля и вело себя так, как можно будет только потом, в объятиях Адама, под его руками. У нее вырвался судорожный вздох. Прежде она не утрачивала власть над собой до такой степени. Адам косился в ее сторону, слегка приподнимая брови.

Хорошо еще, что друзья объясняют ее реакцию недовольством или страхом перед Адамом. Тот подошел, встал у стола, поздоровался, ни к кому не обращаясь:

— Привет!

Он не смотрел в сторону Сары. Она знала, что он не посмотрит. Роза сдвинулась влево, Викки — вправо, Адам втиснул между ними стул и сел.

— Это Нил, — представила Роза.

— Привет, Нил!

— Мы как раз обсуждали, куда пойти.

— Как всегда, — заметил он.

— Вот именно. Есть идеи?

— Тут особо некуда идти.

— Можно в клуб. Открылся новый погребок.

— Мне все равно, — ответил Адам. — Я тут не задержусь. Заглянул, чтобы выпить по-быстрому.

Холодным, равнодушным взглядом он смерил Сару. Она ответила ему таким же. Желание пьянило, она не знала, сумеет ли, поднявшись, устоять на ногах. Сейчас он «выпьет по-быстрому» и выйдет, а она — за ним. Паб скоро закрывается. А если она не встанет, не сможет идти? Холодные глаза встретились с ее глазами. Он ждет, чтобы она начала перепалку, которая постепенно будет становиться все более ожесточенной, оскорбительной,

остро-волнующей.

Сара заговорила, с трудом выталкивая слова:

— У тебя свидание, Адам?

— Что?

— Я спрашиваю: у тебя свидание?

Адам покачал головой: дескать, невозможно понять, что бормочет эта сумасшедшая, что за мысли бродят у нее в голове. Ребята напряглись. Сара почувствовала, как Роза под столом пожимает ей руку — такая поддержка была для ее неожиданной, но еще более неожиданным оказался следующий жест Адама. Пошарив в большом кармане своего пиджака, он вытащил книгу, томик в мягкой обложке, и бросил ее на стол. Один из бокалов опрокинулся, красное вино потекло между тарелками, закапало на пол. Викки принялась вытирать его бумажной салфеткой.

Это была книга ее отца, «Призрачная аудитория».

Страницы замусолены, уголки обложки надорваны, картинка — призраки, застигнутые рассветом — испорчена. Вино залило переплет, казалось, из черного мотылька сочится кровь. Словно защищаясь от удара, Сара прижала руку ко рту.

— На блошином рынке купил, — похвастался Адам. — За тридцать пенни. Хотите почитать — милости просим, если, конечно, кто-то из вас сможет продраться через это, — я, например, не смог. — Неторопливо повернув голову, Адам посмотрел Саре в лицо, краснеющее все сильнее, потом перевел взгляд ниже, ощупывая ее тело. — Ты-то, конечно, давно имела возможность получить это сомнительное удовольствие.

Сара, потрясенная, ничего не могла ответить, она ощущала лишь все более цепкоежатие пальцев Розы — ненужную, невостребованную поддержку.

— Этот знаменитый романист был напыщенным старым дурнем, верно? Претенциозный глупец! По мне, это своего рода достижение — написать девятнадцать книг, одну скучнее другой!

— Адам! — попытался одернуть его Александр.

Одновременно с ним заговорила Викки:

— Послушай, это уже неприлично. Разве ты не знаешь, что Джеральд Кэндлесс — отец Сары?!

— Какой смысл говорить о нем, не будь он ее отцом? Правда, не очень-то она на него похожа. Он смахивал на ящерицу с бакенбардами. Как говорится, мудрое дитя знает своего отца, верно?

— Разумеется, он был моим отцом, ты, убудок! — взорвалась Сара.

— Прелестно. Большое спасибо. Гордиться тут особо нечем. На твоём

месте я бы о таком родстве помалкивал.

— Прекрати, Адам! — Роза, негодуя, вскочила. — Это просто невозможно. Мы не станем тебя тут терпеть. Это отвратительно, это ужасно...

— Что ужасно? Я не сказал этой женщине ничего, чего бы она не знала: этот любимец интеллектуальной публики был завзятым халтурщиком, и книги его — сплошное дерьмо, только он называл это искусством и кое-кого сумел убедить.

Сара вырвала руку из пальцев Розы, поднялась, накинула на плечи отцовскую дубленку и, едва ли отдавая отчет в своих действиях, схватила со стола книгу. Обеими руками прижав бумажный томик к груди, она ринулась к боковой двери, которая открывалась прямо на парковку. Вслед ей Викки кричала:

— Сара, подожди!

Но она даже не оглянулась.

Боль сковала плечи, поднялась выше, туго стянув череп, как будто Сара надела тесную жесткую шляпку. В пабе было холодно, на улице ее пробрала дрожь. Сырая темная ночь, черный туман над машинами, мелкими блестящими капельками на капотах оседает влага. Сара отперла машину и села на водительское место. От ее дыхания окна затуманилось, превратились в стеклянные матовые стены.

Она знала: не пройдет и пяти минут, как Адам откроет дверцу и сядет рядом, на пассажирское сиденье. Пять минут, не более. На этот раз ему понадобилось всего три. Включился внутренний свет, и Сара увидела свое отражение в зеркале заднего вида: измученное, состарившееся лицо, губы синие, будто с мороза.

Адам забрался в машину, закрыл дверь, опустил руку ей на колено. Свет погас, они погрузились в непроглядную тьму. Адам взял безвольную руку Сары, коснулся ее ладони языком.

Слабым голосом, словно измотанная или тяжело больная, она выговорила:

— Не могу. Сегодня — не могу. И больше никогда.

— Что с тобой?

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю.

— Из-за того, что ты сказал.

Лицо Адама казалось расплывчатым пятном, но даже в темноте было видно, как блестят его глаза.

— Это игра, — напомнил он. — Ты сама знаешь. Наша игра. Ты

играешь, и я играю. Нас это заводит.

— Нет.

— Раньше тебе нравилось, — настаивал Адам. В голосе его зазвучала паника. — Бога ради, я же прикалывался. Мне нравятся его книги. И эта книга тоже. Ты же сама знаешь, что я говорил понарошку.

Сара постаралась взять себя в руки, и в какой-то мере ей это удалось.

— Но ты сказал эти слова. Пусть и понарошку. Мне все равно. Эти слова сказаны, и тут ничего изменить нельзя. Я их не забуду. Не смогу забыть. Ничего не могу с собой поделать.

— Извини, — сказал Адам. — Прости меня. Мне очень, очень жаль. — Он говорил искренне. Говорил смиренно, покаянно, испуганно, совсем не так, как раньше, как ей нравилось. — Я беру все свои слова обратно. Я ничего не говорил, хорошо?

— Хотела бы. Не могу. — Сказанного не изменишь, подумала она.

— Можешь. Скажи это.

— Не могу. Ты задел больное место, куда нельзя бить. Все.

— Сара, я не понимаю...

— Я еду домой. Пока.

Адам пытался протестовать. Сара вышла из машины, открыла пассажирскую дверь и постояла в ожидании. Не сразу, но Адам все-таки вылез. Не глядя на него, хотя его фигура отчетливо вырисовывалась в свете фонаря, Сара вернулась на свое место, включила зажигание, нажала кнопку, чтобы завести «дворники». Когда она выехала на улицу, Адам уже исчез. Растворился.

Глаза кололо, голова болела все сильнее. Хотелось облегчить боль, но как это сделать, она не знала. На полпути к дому начался дождь. «Дворники» ритмично шуршали — бессмысленный, до ужаса однообразный звук. Все так же прижимая книгу к себе, Сара побежала в дом. Через несколько шагов и она, и книга промокли насквозь. Она почти никогда не плакала, но сейчас, едва захлопнув за собой входную дверь, разревелась. Рухнула на пол в темном коридоре и рыдала, захлебываясь слезами, прижимая к себе отцовскую книгу, отсыревшую, со слипшимися страницами.

Что делала Шахерезада после того, как рассказала тысяча первую сказку? Может быть, оказавшись в безопасности, она утратила стимул для творчества? Вовсе нет. Шахерезада начала писать. Однажды написанные ею истории будут обнаружены, и они окажутся намного лучше первой тысячи, потому что безопасность гораздо питательнее для таланта, чем вечная угроза.

«Гамадриада»

Плотный туман вползал в сны Сары, ей казалось, что она где-то за городом, но не на морском берегу. Сон был черно-белый, без красок. Даже не черно-белый, а серый — темно-серый и светло-серый. Они шли навстречу друг другу, Сара и Адам Фоли, выступили из тумана, встретились, разошлись. Он сказал:

— Это не я говорил. Это все мой двойник.

— У тебя нет двойника, — возразила Сара, не испытывая никаких чувств к Адаму — ни сексуального влечения, ни задора враждовать. Туман сгущался, обволакивая руки и ноги. Опустив глаза, Сара увидела, что все ее тело усыпано мелкими каплями, похожими на осколки разбитого окна.

— У него нет двойника. Он один такой, — проговорил отцовский голос, и на месте Адама Сара увидела отца, она узнала его, хотя он стал моложе, выглядел как Стефан, как другой брат, который погиб страшной смертью еще до ее рождения.

— Я бежал, оставил все в прошлом, — проговорил Стефан-Десмонд-отец, — но в тумане я каждый раз вижу его.

Она осталась в одиночестве, без исцеления. Нужен ли ей Адам, спросила себя Сара и откровенно ответила: нет, не нужен, она видеть его больше не хочет. Дом продадут, она больше не вернется сюда, не увидит Розы, Александра и Викки. Не увидит густую пелену тумана, поднимающегося над морем. Не увидит рододендроны и острые, похожие на бритвы, ракушки, и ракушки, истолченные в черный песок, и остров, застывший вдали на плоских серых водах.

Есть ли у нее друзья? Множество знакомых — да. Коллеги-преподаватели. Сестра и ее приятель. Дядя, у которого своя жизнь, свои дети. Тетя, с которой она так и не встретилась, двоюродные братья и сестра, с которыми она и не собирается знакомиться. Как обычно — Сара была достаточно честна, чтобы не скрывать этого, — мать она поставила на последнее место, чуть не забыла о ней.

Прошрое Джеральда Кэндлесса расследовано — настолько, насколько это возможно. Сара пролистала собранный в папке материал — фотокопии газетных статей, свои записи, фотографии, привезенные из Ланди-Вью-Хауса, краткие аннотации его книг, составленные ею самой, наброски ее мемуаров, отчеты Джейсона Тэйга, отчеты Фабиана — скучные, приземленные, — родословное древо Кэндлессов, родословное древо семьи Райанов. Теперь она знала об отце все, кроме одного: почему? Стефан рассказал ей о детстве ее отца, о его родителях, отчине, братьях и сестрах, о школьных днях и первой работе, о службе в армии и работе после войны, о том, как он покинул семейный дом и как исчез.

Но она не знала одного: почему он исчез, зачем сменил имя.

Придется обойтись в своих мемуарах без ответа на этот вопрос. За неделю до начала нового семестра Сара поднялась с утра пораньше и села за компьютер. Напечатав две тысячи слов, она прервалась, чтобы написать письмо Роберту Постлю — извинилась за задержку, ей требовалось собрать материал, но теперь она взялась за дело всерьез и назначила крайний срок — май. Конец мая, поспешила добавить Сара.

В тот момент, когда она писала на конверте адрес издательства, позвонила Урсула. Полагая, что мать звонит из дому, Сара спросила, идет ли там снег. Вроде синоптики обещали снегопад в Западных графствах. Урсула ответила: Блумсбери не в Западных графствах. Сару настолько удивило это совпадение — ее мать находится как раз в том районе, куда отправлялось ее письмо, — что она не сразу заинтересовалась целью ее звонка.

Но тут пришло в голову, что Урсулу надо наконец познакомить с результатами расследования, рассказать о вновь обретенных родственниках. По правде говоря, мать имела право заранее узнать об этом, а не прочесть в опубликованных мемуарах.

— Слушай, если ты удержишься в Лондоне на несколько дней, может, заглянешь завтра вечером? Хоуп тоже придет. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Обычно матери воспринимают такие слова как предупреждение о грядущей помолвке или даже свадьбе — в общем, о чем-то сексуальном, —

но Сара до такой степени убедила себя, что на сексе поставлен крест, что не обратила внимания на ответ Урсулы: мать тоже хотела чем-то поделиться с ней.

— Дом еще не продала?

— Рано. Всего две недели, как он выставлен на продажу.

Вместо шляпы Хоуп обвязала голову шарфом — Фабиан заявил, что в меховой шапке она смахивает на Бориса Ельцина.

— Мама, наверное, думает, что у меня помолвка.

— Но ведь ты ни с кем не помолвлена, верно?

— С кем я могла бы обручиться, по-твоему?

Открывая бутылку вина, Хоуп сообщила, что они с Фабианом как раз подумывают о помолвке.

— Как всегда. Вы уже десять лет «подумываете».

Хоуп села за стол и уставилась на стакан, словно в магический кристалл.

— Если мы обручимся, надо будет поселиться вместе. А потом, года через два, если притремся, можно будет и пожениться.

— Вы здорово спешите.

Приехала Урсула в меховой шляпе, которую Фабиан не одобрил на Хоуп, но которая вполне устраивала Урсулу. Насколько Сара заметила, мать с головы до пят оделась во все новое. Она снова подстриглась, причем явно не в Барнстепле.

Урсула тоже принесла бутылку — шампанское.

— Дом продала или что? — спросила Хоуп.

— Риэлтор звонил утром. Есть покупатель.

— А к чему шампанское? — спросила Сара, поцеловав мать (главным образом, как она призналась себе позднее, потому, что от Урсулы восхитительно пахло Римом, то есть, «Биаджотти»).^[22] — Впрочем, можем выпить его вместо твоего вина, Хоуп.

— Погляди на бутылку, — возразила Хоуп. — Мое вино мы уже выпили.

Отец удивительно ловко открывал шампанское, без хлопка, не проливая ни капли. Хоуп справилась почти так же хорошо, но все-таки пришлось сходить на кухню за тряпкой, чтобы вытереть стол.

— Я собираюсь рассказать вам все, что выяснила о папе.

— Что-нибудь ужасное? — Хоуп, подумалось Саре, выглядит точь-в-точь как двадцать лет назад, когда боялась перелистнуть страницу, чтобы не наткнуться на какой-нибудь ужас, или когда папина сказка принимала зловещий оборот. И тогда папа должен был пообещать, что ничего плохого

не случится, бояться нечего, — и всегда держал слово. — Ты же не хочешь расстроить меня? — настаивала сестра.

— Нет. Мне кажется, ничего страшного.

Она не могла дать ей слово, как отец. Сара попросту рассказала все, что известно, следя за эмоциями на подвижном лице Хоуп: та прикрывала ладонью рот, роняла голову на руки, постанывая, то ли горестно, то ли протестуя. Урсула сидела неподвижно и бесстрастно. Она так и не притронулась к шампанскому. Сара выпила и налила себе еще, чувствуя, как пересыхает в горле.

Слова Хоуп будто помимо воли вырвались из груди:

— Но почему? Зачем он это сделал?

— Этого я не знаю.

— Но ты должна знать! — Хоуп набросилась на мать, точно следователь на подозреваемого. — Ты тридцать пять лет была его женой. Неужели он тебе не рассказывал?!

— Нет. Да, я была его женой. И понятия не имела, что он не тот, за кого себя выдавал. Откуда мне было знать?

— Вот в чем вопрос, — вставила Сара. — Следует ли рассказать об этом Роберту Постлю?

— Постлю? Какого дьявола?

— Я пишу книгу о папе, не забыла? Постль был его редактором, теперь он собирается издавать меня. Надо ли заранее предупредить его, что на самом деле отца звали Джон Райан и обо всем прочем, или сначала закончить рукопись?

Урсула ничего не отвечала. Она слушала молча. Потом взяла бокал шампанского, отпила глоток. Потянувшись в свою очередь за бутылкой, Хоуп сказала:

— Если ты предупредишь его, все станет известно. Роберт разволнуется, это же очевидно, скажет кому-нибудь, хотя бы своей жене, или секретарша прочтет почту. Не забывай, через две недели выйдет «Меньше значит больше». Произойдет утечка, так всегда бывает, подхватят газеты, и нам придется спасаться от репортеров.

— Что ж, это не совсем честно по отношению к Роберту, но ты права. Не будем ничего ему говорить, пока я не отошлю рукопись. Ты согласна, мам?

— Да, разумеется, если ты так решила. Репортеры все равно явятся, когда твоя книга выйдет.

— К тому времени мы успеем подготовиться, — сказала Сара, не поясняя, каким образом это произойдет, — она и сама не знала.

Она тяжело вздохнула. Ей думалось, что, как только она поделится с родными, станет легче, но этого не произошло. Теперь с внезапной ясностью Сара осознала: скоро мать и сестра уйдут, а она снова останется наедине с непонятными ей самой чувствами. Выпивка на этот раз не помогла. Ничего, когда родственницы уйдут и бутылки опустеют, она проверит, что еще из спиртного осталось в квартире. Ночь она продержаться сумеет.

— Я говорила, что хочу кое-что сказать тебе, Сара, — начала Урсула. — Тебе и Хоуп.

Неужели говорила? Сара не помнила. Наверное, речь шла о продаже дома. В честь чего же шампанское?

— Помнишь, когда ты отвозила меня в Лондон, я сказала, что еду повидаться с другом?

— Ну да. Я отвезла тебя в гостиницу. Ты ведь и сейчас там живешь?

— Нет, сейчас я не там. Я живу с одним человеком — с тем другом. Ты спрашивала, где она живет, а я тебе сказала: не она, а он. Помнишь?

Сара кивнула. Спорить не хотелось.

— Я живу у него. То есть — я живу с ним. Его зовут Сэм Флеминг, и мы будем жить вместе. Либо у него, либо купим что-то, когда продадим дом, — не решили пока.

— Почему ты нам ничего не говорила?

— Я много раз пыталась сказать тебе, Сара, но ты не слушала. Ты никогда не слушаешь. Я начала объяснять, когда ты отвозила меня в гостиницу. Ты подходила к телефону, когда он звонил. И вот наконец я решила приехать сюда и сказать вам обеим. Вот так. Это все.

Мать сбилась с дыхания, покраснела.

— Извини, что я сказала, будто ты меня не слушаешь, — поспешно добавила она. — У вас обеих достаточно своих проблем и забот. С какой стати вы станете меня слушать? Но сейчас я все сказала. Скоро я познакомлю вам с Сэмом. Он хотел приехать со мной уже сегодня, но я сказала — не в этот раз.

Сара не отрывала глаз от покрасневшегося лица матери, удивляясь тому, как Урсула смущается, удивляясь каждому ее слову. При этом Сара не смотрела на Хоуп, даже на какой-то миг забыла о ее присутствии. Когда Хоуп испустила яростный вопль, Сара так и подскочила.

— Нет! Ты не можешь так поступить!

Урсула вжалась в кресло, приподняла руку, словно защищаясь. Сара впервые поняла, что этот жест давно стал для матери привычным, но прежде она отгораживалась от нападок отца. Теперь ей приходилось

обороняться от Хоуп.

— Почему это так задевает тебя, Хоуп? Ты знала, что я продаю дом. Тебя это устраивало.

— Не устраивало!

— Ты не возражала. Я буду жить в Лондоне, с человеком, к которому очень привязана. Рядом с вами. Мы сможем чаще видеться...

— Видеться?! Я в жизни не захочу видеться с тобой. Ты была папочкиной женой! Забыла? Ты была его женой!

Разом избавившись от неловкости и смущения, Урсула строгим, полным горечи голосом ответила:

— Тебе об этом ничего не известно. Кто знает, что творится между супругами? Ты ничего не знаешь. Ничего.

— Я знаю одно: я тебя ненавижу. — По щекам Хоуп катились слезы. — Ты была замужем за папой, а теперь решила жить с каким-то человеком, с каким-то ужасным человеком, кто еще захочет жить с тобой! Лучше бы ты умерла! Лучше бы ты умерла вместо папочки!

Ей снова было восемь лет, лицо по-детски припухло. Сара не на шутку испугалась. Что делать, она не знала, и сделала единственное, что могла: попыталась обнять сестру. Хоуп ее оттолкнула.

— Не смей! — продолжала она вопить. — Я тебе запрещаю. Папочка запрещает.

— Как ты верно заметила, Хоуп, твой отец умер, — произнесла Урсула.

Хоуп с трудом натянула пальто, резко отбросила лезущие в глаза волосы, кулаками утерла слезы. Урсула, откинувшись на спинку кресла и побледнев, следила за каждым движением дочери. Хоуп резко распахнула дверь и помчалась по ступенькам. Когда внизу грохнула дверь, дом содрогнулся.

Сара потеряла руку — Хоуп в ярости ушибла ее. Покосилась на мать в надежде, что та сейчас выпрямится, усмехнется, скажет, что Хоуп ведет себя как ребенок, какой бес в нее вселился, и на этом инцидент будет исчерпан. Но Урсула ничего подобного не сказала. Лицо ее казалось лицом тяжело больного человека. Все померкло — яркая внешность, красивая новая одежда, изысканная прическа и счастье — да, счастье, — которым мать так и лучилась, переступая порог. Она была убита, ее словно поразила молния, сбила с ног, отняла жизненные силы.

— Мам! — окликнула ее Сара. — Мама!

Наконец Урсула пошевелилась. Приподняла плечи — и вновь опустила. То ли встряхнулась, то ли ее пробрала дрожь.

— Мне пора.

— Послушай, она... — Сара собралась оправдывать Хоуп, у которой вырвались эти слова, но тут вспомнила, что точно так же извинялся Адам, и его извинения ничего не изменили. — Пусть сейчас она и хотела тебя обидеть, потом привыкнет, переживет. Ты как, нормально?

— Нет. Я оправлюсь. Со временем. Я тоже переживу. Мне пора.

— Давай, вызову тебе такси.

Урсула отвечала разумно и спокойно:

— Я могу поймать такси на улице, Сара. Это не так сложно. Конечно, я мало бывала в Лондоне, но сумею поймать такси или дойти пешком до станции, потому что здесь оставаться не хочу. Не хочу больше говорить, во всяком случае — не сейчас. Осталось сказать только одно. Я никогда прежде этого не говорила, и, вероятно, не следовало бы сейчас, но все-таки скажу. Я была глубоко несчастна с вашим отцом. У нас не было настоящего брака. После рождения Хоуп он отвергал меня и унижал всеми мыслимыми способами. Он не прибегал к физическому насилию, но постоянно бичевал меня словами. А теперь мне пора.

Сара лишь растерянно смотрела на мать. Машинально она поднялась, подала Урсуле пальто. Мать обернулась, их лица почти соприкоснулись, взгляд матери был усталым и печальным. Сара приложила губами к холодной, словно окаменевшей щеке. Урсула не ответила на поцелуй. Они молча спустились по лестнице. Слишком поздно Сара спохватилась, что не поздравила мать, не пожелала счастья в ее новой жизни. Но — поздно.

— Мам, ты не пропадай. Я ведь даже не знаю, где ты сейчас живешь, по какому телефону звонить.

— Я хотела дать вам обоим адрес и телефон, — сказала Урсула. — Но с этим стоит подождать, верно? Спокойной ночи.

Вернувшись в квартиру, Сара посмотрела в окно. Еще не было восьми часов. Она видела, как под обнаженными ветвями деревьев мелькает высокая фигура матери. Зажглись фары свернувшего из бокового переулка такси. Мать отошла слишком далеко, и Сара не видела, села она в такси или нет. Поэтому, когда через пять минут раздался звонок домофона, она решила что мать вернулась. Что-то забыла или пожалела о своих прощальных словах. Схватив трубку, Сара крикнула:

— Открываю, мама!

Молчание, легкий щелчок и ответ:

— Только это не мама. Это Джейсон.

— Я думал, ты меня непустишь, — проговорил он.

Джейсон тоже подстригся и выглядел получше, как будто начал

нормально есть. Исчезли прыщи. Он протянул Саре конверт:

— Твой чек. Возвращаю. Я больше не работал, не за что и платить.

— Выпить хочешь? — спросила она.

— Я принес бутылку вина. В кармане пальто. А ты думала, я растолстел в одночасье? Я работу нашел. Не на полную ставку, конечно. Дело в том, что я вернулся в колледж.

— Ты снова учишься?

— Начну с нового семестра. Не в Ипсвиче, а здесь, в Лондоне. Выпьем вина?

Сара и так выпила немало. Она покачала головой, отказываясь, и Джейсон улыбнулся, забавно приподнимая брови:

— Припаси на завтра. Ты выяснила все-таки, почему отец сменил имя?

Она рассказала ему про Стефана, показала новые бумаги из папки, затем — те две тысячи слов, которые успела написать.

— Больше искать нечего, верно? — сказал он.

— По-моему, нечего.

— Ты так и не выяснишь, зачем он это сделал. Знаешь, что сказала моя старушенция, когда об этом услышала? Он сделал что-то ужасное кому-то из близких. Или кто-то из родных что-то сделал ему.

Сара кивнула и еле слышно ответила:

— Если бы мне нагадали, что я буду рада видеть человека, который называет свою бабушку «старушенцией», я бы не поверила.

— Ты сноб, Сара.

— Конечно.

Джейсон рассмеялся:

— Ладно, мне пора. Я пока еще живу в Ипсвиче, последний поезд в одиннадцать.

Сара мгновение колебалась. Ей разом представилось все: умерший отец, обиженная мать, Хоуп, заигравшийся в оскорбительную игру Адам, — и слабым голосом, отводя взгляд, она выговорила:

— Хочешь остаться на ночь?

Причиной плагиата чаще бывает отчаяние, чем умышленная подлость.

«Врата жениха»

Рукописи обоих авторов легли на стол Роберта Постля одновременно, в начале августа. Первую, полученную от агента, он ожидал увидеть лишь через месяц или даже позже, вторую же он вовсе не надеялся увидеть.

Рукопись «Благодарное дитя. Воспоминания об отце» по объему вдвое превышала «Запретный лес», что вполне устраивало Роберта. Титус Ромни выполнил условия договора, предусматривавшего публикацию двух его книг. На первый взгляд в романе не было и двухсот страниц, но Роберт и этому радовался. В последний раз, когда они с Титусом говорили о книге, писатель заявил, что все замыслы кончились и белый лист бумаги внушает ему страх. С тех пор прошло больше года. Летит время.

Сара, конечно, выбрала не слишком удачное название. Она обыгрывала цитату из «Лиры» («Большей змеи ужалит дитя неблагодарное»). Пару месяцев назад Сара намекала редактору, что мемуары станут сенсацией. Ее отец на самом деле не был Джеральдом Кэндлессом, он принял это имя в возрасте двадцати пяти лет. Она еще многое говорила в том же духе, но Роберт Постль сразу засомневался, такая ли уж знаменитость Джеральд Кэндлесс, чтобы желтая пресса отреагировала на эту весть. Может быть, может быть. Все зависит от того, о чем написала Сара. Но это уже проблема отдела рекламы, а не его лично.

Урсула продала Ланди-Вью-Хаус и поселилась вместе с лондонским книготорговцем, специализирующимся на первых изданиях. Роберт рассчитывал познакомиться с этим человеком на свадьбе у Хоуп, но не удалось. Более того, и сама Урсула отсутствовала на свадьбе дочери. Кое-кто спрашивал, почему ее нет; Роберт не принадлежал к числу любопытствующих, но именно ему Полин сочла своим долгом объяснить, что Хоуп крупно поссорилась с матерью и примирения пока не состоялось.

— По-моему, тетя Урсула могла бы проявить больше уважения к памяти дяди.

Сара познакомила Постля с человеком по имени Стефан, который, по

его мнению, был староват для нее, но, как оказалось, этот Стефан и не был ее приятелем. Когда Сара стала объяснять, по какой причине книга и к маю не будет готова, рядом с ней объявился другой парень, помоложе, который, конечно, и был ее ухажером. Какое-то жуткое книжное имя — Гарет, Даррен... нет — Джейсон.

Сара обещала, что ее мемуары станут сенсацией, а Джейсон, рассмеявшись, приобнял ее и сказал:

— Не преуменьшай, это похлеще, чем сенсация.

И вот теперь Роберт с некоторыми опасениями взирал на рукопись. Нет, хуже: он боялся. Достаточно знакомое, даже привычное чувство. Все издатели страшатся исков о клевете и диффамации и вынуждены нести ответственность за нелепые ошибки, грубые неточности и прямую ложь авторов. Не говоря уж о плагиате. Всего этого он вправе был ожидать от книги Сары и потому боялся.

Две картонные папки, положенные одна на другую и стянутые одной резинкой, мирно лежат на столе перед ним. В конце концов, это всего-навсего бумага, черные буквы на белом фоне. Но печатные листы всегда выглядят невинно. Что может быть обманчивее, если вспомнить, какие беды способно натворить печатное слово?

В субботу Роберт уезжал в отпуск с женой и младшими детьми, которые еще жили дома. Служащим «Карлион Брент» полагалось отдыхать в августе, в мертвый сезон. Итак, одну рукопись он прочтет сейчас, вторую возьмет с собой в Луберон. Какую сейчас?

Очевидное решение — начать с более короткой книги. С той, которую не хочется читать, спихнуть бы ее поскорее. Он рассчитывал одолеть роман за два-три часа. Потом наступит черед Сариной книги. Ее он будет читать на прогретой солнцем веранде отеля или за столиком кафе... Сохранились ли фотографии Джеральда с маленькими дочками? Вроде бы он видел одну в архиве издательства. Отличная выйдет обложка.

Сунув «Запретный лес» Титуса Ромни в кейс, Роберт отнес его домой и после ужина и девятичасовых новостей извлек рукопись из картонной пачки и начал читать.

К северу заросли становились зелеными, густыми, настоящий лес с зелеными полянами. Но здесь деревья были приземистыми, пыльными и даже весной, казалось, не могли распрямиться во весь рост. Если пройти немного по тропе, охватывает тишина, город отступает. Замирает шум большого шоссе, фонари тоже остаются позади. Небо прозрачно-серое, не темное, на нем громоздятся яркие тучи, похожие на осколки, луна то показывается из-за них, то скрывается, то является вновь.

Дом недалеко. И родительский дом, где его братья и сестры все еще живут с матерью, и дом, где живет сам Джон. Один из домов — в полумиле к западу отсюда, другой расположен южнее. Пожалуй, он достаточно далеко углубился в лес. Никто из родных сюда не забредет. Лишь один тип людей появляется здесь с наступлением темноты — те самые люди, которых он ищет.

Собственная четко сформулированная мысль напугала Джона. Нельзя говорить так дерзко, напрямую, даже с самим собой. Он пришел лишь затем, чтобы оглядеться, проверить, правдивы ли слухи. Эти слухи бродили по офису и в печати. Джон понятия не имел, каков первоисточник, но об этом со всеведущей усмешкой говорили мужчины постарше. Разумеется, не в присутствии женщин. Он слушал эти рассказы и тоже усмехался или отводил взгляд — в зависимости от ситуации. И все запоминал, жадно усваивал информацию.

Лес, говорили мужчины постарше. Около водокачки. Форест-роуд, Гроув-хилл, дальше через пустырь. Там они собираются. Вздумаешь пойти туда вечером, парень, ни к кому спиной не поворачивайся.

Но ему как раз это и было нужно. Только нельзя говорить об этом вслух, даже самому себе. Он пришел

оглядеться. Неясная пока возможность, шанс на будущее, нечто, о чем следует подумать, взвесить все «за» и «против», понять, по нему ли такой образ жизни. Альтернативы нет. Бани, по-видимому, не подходят, а другой вариант — нет, только не это. Едва Джон узнал об этих катакомбах, едва одноклассник поведал о них, он раз и навсегда зарекся посещать общественные уборные. Даже близко к ним не подходил. На флоте эта проблема решалась без труда — Господь ведаёт, ему хватало и других проблем! — но с тех пор, как он сделался репортером... Каждый раз приходилось бежать домой или в редакцию, а если прихватывало по дороге, он искал паб или, в крайнем случае, прятался за деревом.

Итак, больше ему идти некуда. Он зашел в дебри запретного леса, в самый центр треугольника, и теперь, приближаясь к цепочке небольших прудов, осмелился спросить себя, что будет, если и это окажется пустышкой. Что он почувствует — разочарование или облегчение? И так ли уж ограничен выбор — одно или другое? В любом случае, он не может больше жить, как жил. Провожать Шейлу, целовать ее на прощанье, крепко зажмурившись, воображать ее кем-то — чем-то — другим, подменяя действительность фантазией. Он завидовал братьям, завидовал нормальному Джеймсу, в котором беременная жена все еще пробуждала желание, завидовал Стивену, потому что тот еще мал. А Десмонд? Он все чаще задумывался насчет Десмонда. Сомневался, колебался на пороге уверенности. Неужели Десмонд, красавец, совсем еще мальчик, создан таким же, как он?

Уединенное и вместе с тем открытое место, редкие деревья, пруды множеством ярких глаз уставились в небо. На поляне — скамья, словно прижавшаяся к деревьям. Он вспомнил совет не поворачиваться спиной, прижаться к дереву. Тихо, ни ветерка, но какое-то движение чувствуется в темноте. Он не слышал, но ощущал вибрацию, как будто под чьими-то шагами слегка дрожала земля. Он уже не один. Или это игра воображения?

Джон присел на скамью. Только теперь он впервые

как следует огляделся по сторонам. Обшарил взглядом противоположный берег прудов, посмотрел, что творится у него за спиной, проникая взглядом в темноту между невысокими стволами вплоть до того места, где с тропинкой, по которой он пришел, пересекалась другая. Луна вышла из-за облаков. Там, в глубине зарослей, стояла еще одна скамья, и на ней сидел мужчина. Он не мог разглядеть фигуру, но знал, что это не женщина. Женщина не пойдет в такое место одна, да еще ночью.

Он заставил себя отвести глаза от фигуры на той скамье. Закурил. Назначил себе десять минут — столько времени займет одна сигарета. После этого он уйдет. Вернется домой — не в комнату, которую снимает, а в дом у Мидленд-арч, увидит родных, переночует на раскладном диване и перед сном сумеет принять решение. Что делать дальше. Во-первых, прекратить свидания с Шейлой. Это будет правильно, это будет великодушно. Он ведет себя с ней нечестно, ведь он никогда не сможет... никогда, никогда! Никогда больше. Ему вспомнились те случаи на Филиппинах, но усилием воли, сжимая кулаки, разжимая, стискивая ладонями голову, он изгнал этот образ. Глубоко затянулся.

Можно сходить к врачу. Разумеется, не к семейному, не к тому, который лечит маму, братьев и сестер. Что бы там врачи ни говорили о конфиденциальности, довериться им нельзя. Если мать узнает, останется только покончить с собой. И эту мысль тоже надо заглушить, подавить, умертвить в зародыше. Он обратится к частному врачу, заплатит наличными, и тот направит его на лечение. Сигарета почти докурена. Он посмотрел на пруды и берег за ними. В гладкой поверхности каждого озерца отражалось бурное небо. И тут он заметил, что человек, сидевший на другой скамейке, поднялся и идет к нему.

Как мог он заметить? Он же не смотрел в ту сторону. Он ощутил колебание воздуха слева, как раньше о чужом присутствии ему возвестила вибрация земли. Теперь он поднял глаза. Да, мужчина направлялся к нему. Нужно уходить. Джон докурил сигарету, закопал

окурок в глинистую почву и уткнулся взглядом в колени. Сейчас мужчина подойдет, заговорит с ним. Скорее всего, попросит закурить. Он достанет зажигалку, щелкнет и при свете огонька увидит молодое лицо...

Но мужчина опустил на скамейку, на дальнем от Джона конце. Джон глянул на него и тут же отвел взгляд. Тучи сгустились, потемнели, луна скрылась за ними. Он мало что мог рассмотреть. Мужчина зажег сигарету, и ее огонек показался необычно ярким. Они сидели, каждый на своем краю скамьи, и Джон снова загадал: я выкурю еще одну сигарету и тогда уйду, вернусь домой.

Человек откинулся на спинку скамьи. Сигарета небрежно свисала с его губы. Глаза Джона привыкли к темноте, две сигареты позволяли кое-что разглядеть. Мужчина поглаживал себя. Он закрыл глаза и не видел реакцию Джона, но Джон знал: тому известно, что на него смотрят. Он следил за тем, как человек на другом конце скамьи засунул руки в штаны, как его ладони движутся медленно, медленно и умело — так показалось Джону. Он не знал, что делать, но ведь что-то делать надо. Домой уйти он уже не мог. Уйти домой значило отказаться от всего, отречься от надежды, умереть. Он должен сделать что-то. Он начал повторять движения того человека.

Он делал это раньше, но так — никогда. Никогда у него не было при этом товарища. Он даже не мечтал о таком: двое мужчин сидят, разделенные только скамьей, сигареты у обоих погасли, глубочайшая тишина многозначительнее любого слова, и только руки ритмично движутся. Мужчина повернул голову и открыл глаза. Они встретились взглядами.

— Пошли туда.

Джон встал и пошел вслед за незнакомцем по тропинке, в глубь леса. Он будет делать все по подсказке, не проявляя инициативы, он станет учеником. Его спутник был молод, чуть за двадцать, худой, заурядная внешность, от него слегка пахло мылом. Голос грубый, как у рабочего. Надо поцеловать его. Это как с девушками. Начинать всегда приходится с поцелуя.

В лесу темнее и теплее, чем на поляне. На миг чужие глаза уставились на него, весь свет словно сосредоточился в их выпуклых, остекленевших оболочках. Потом веки опустились, и чужие руки потянулись к нему. Поцелуя не было. Снова он повторял чужие движения, только теперь делал это не с собой, а с другим. Говорят, проститутки не допускают поцелуев, это слишком интимно, однако Джон интуитивно понимал, что не по этой причине незнакомец уклоняется от поцелуя. Потом он перестал думать об этом, перестал думать вообще, мозг затопила волна бездумного, глубочайшего наслаждения.

Мир изменился. Никогда прежде Джон не чувствовал себя настолько живым, никогда ему не было так страшно. Хватило одного вечера в запретном лесу. Он надеялся на другие вечера, сходил туда еще раз в поисках человека, имени которого не знал. Он сел на ту же скамью, сидел и ждал, глядя на воду, пока не пришел кто-то. Двое. Два полисмена.

Они шли бок о бок, остановились возле скамьи, один направился к нему.

— Ждете кого-то? — спросил полисмен, и Джон ответил, что просто отдыхает, вышел погулять, и тогда полисмен посоветовал:

— Ступай домой, сынок.

А второй добавил:

— Считай, что тебя предупредили.

Джон побрел домой. Потом он понял, как ему повезло. Его пожалели. Полиция использовала провокаторов. Если бы слуги закона знали, зачем Джон пришел в эти места, они могли подослать к нему своего человека. Теперь Джон понимал: позови мужчину его к себе, он пошел бы с ним. С радостью, с восторгом. Но два полисмена ограничились предупреждением и отправили его домой.

Вскоре после этого Джону поручили репортаж с выездной сессии суда. Двое мужчин, один совсем молодой, другой — лет пятидесяти, обвинялись в непристойном поведении. В ожидании суда старший покушался на самоубийство в камере. Обоих посадили в тюрьму, хотя преступление совершалось отнюдь не в публичном месте, а в собственном доме старшего мужчины.

После этого дела и других подобных главный редактор поручил Джону написать большую статью о проблеме гомосексуализма. Джон встревожился: неужели редактор что-то заподозрил? Неужели что-то во

внешности, в манере говорить выдавало его? Какая-то мелочь, ему самому незаметная, но многое говорящая наблюдательному человеку? Однако вскоре он успокоился: его выбрали благодаря опыту и репортерскому таланту. Некоторые коллеги сочувствовали Джону, и он вновь услышал совет не поворачиваться спиной. Один из журналистов недавно брал интервью у биолога, который наблюдал гомосексуальное поведение у самцов крыс, отделенных от самок. Это подтверждало теорию, согласно которой мужчины становятся «извращенцами» оттого, что мало общаются с женщинами. Все в редакции засмеялись, и Джон вместе с ними.

Но искренне смеялся он один. Он пытался «общаться» с женщинами и предпочел бы забыть этот опыт, вычеркнуть его из памяти. Он начал исследование с посещения кофеен, которые, по словам редактора, облюбовали «извращенцы». До сих пор Джону удалось поговорить лишь с одним «извращенцем», и реплики их сводились к «да», «спасибо» и «до свидания». Он не был уверен, сумеет ли распознать «гомика» с первого взгляда, но, как выяснилось, по этому поводу можно не волноваться. За соседним столиком сидела парочка «хабалок». Нетрудно догадаться, почему их так называют: пронзительные голоса, аффектированные манеры, утрированные жесты. И снова Джон задумался, не так ли он сам выглядит со стороны, и в очередной раз дал себе слово быть осторожнее, сдерживать смех, говорить потише, более низким голосом.

А дома, у мамы, отчима, братишек и сестренки — мир и покой. В этом тесном доме царил порядок, все чисто, так и сверкает. Ему всегда казалось, что здесь говорят только правду и каждое слово блестит и переливается, как бриллиант чистой воды. Пусть те, кто издевается над святостью семейного очага и твердит о скелетах в шкафу, придут и полюбуются его семьей. Больше всего на свете он мечтал когда-нибудь создать такую семью для себя. Обрести очаг, покой, полную безопасность.

Только внешний облик матери казался крупным и сильным, даже подавляющим. Ее дух — прежде Джон говорил «душа» — кроток и нежен, невинен и застенчив. Он был почти уверен, что она никогда не слышала про однополую любовь, а услышав — не поверила бы. Специалисты, эти самонадеянные врачи и психологи, утверждали, будто гомосексуалистами становятся сыновья волевых женщин, склонных к доминированию в семье. Им бы познакомиться с его матерью, смиренной, тихой, сострадательной, всегда готовой склониться перед мужским мнением, — и двое ее сыновей выросли «голубыми».

Насчет Десмонда он теперь уверен, точно так же, как знал, что следующий за ним по старшинству брат и самый младший «нормальный». Младшему едва исполнилось четырнадцать, но Джон вполне мог это угадать, он бы разобрался, даже если бы мальчику было восемь лет или шесть. Но так ли это важно? Главное — скрывать, скрывать как можно дольше, годами, чтобы мать и Джозеф никогда ничего не узнали. В той стране, где все они жили, скрывать позорную тайну необходимо. Он уже убедился, что лучше заболеть сифилисом или попасть в сумасшедший дом, нежели сознаться в гомосексуальных наклонностях.

Специалист по заразным болезням, у которого Джон брал интервью в местной больнице, считал себя либералом. Он сказал Джону, что, по его мнению, с проституцией бороться не стоит, а то размножатся гомосексуалисты. Джон спросил, является ли гомосексуализм болезнью, и если да, относится ли он к числу недугов, от которых этот врач берется лечить.

— Я занимаюсь венерическими заболеваниями, — не слишком приветливо ответил врач. — Но на мой взгляд, сексуальное отклонение — болезнь. Как видите, я называю это отклонением, а не извращением. Этих людей следует жалеть, а не судить. Мы обязаны лечить их, а не сажать в тюрьму.

— И как вы приметесь за лечение?

Джон хотел это знать. Если у него есть хоть малейший шанс, он уцепится за него. Наблюдая за Десмондом, он почему-то пришел к выводу, что Десмонд не хочет измениться. Но Джон этого хотел. Он хотел ощутить к Шейле или к любой другой девушке то желание, которое вызвал у него незнакомец на росчисти.

— Как я примусь за лечение? Я и приниматься не стану. Я терапевт, а в этом вопросе нам приходится довериться психиатрам. Сейчас много говорят о шоковой терапии.

Джон поговорил и с психиатром. Тот был уверен, что причину всегда надо искать в дисфункциональной семье. Гомосексуалисты, как правило, выросли без отцов или с матерями, которые не справлялись со своей ролью, вот и получилось: женская душа в мужском теле. Джон подумал о своей семье, об идеальной матери, которая вторично вышла замуж лишь ради того, чтобы дать осиротевшим детям нового отца.

Что сказал бы психиатр, поведай Джон правду? Будь он в силах сказать эту правду? Он заранее знал ответ: ему, мол, только кажется, что все так идеально, а

на самом деле его мать вовсе не мягкая и пассивная женщина, Джозеф отнюдь не диктатор, каким кажется, а его родные на самом деле несчастливы, они только скрывают и подавляют свои чувства.

На следующий день он вернулся в кофейню. «Визгунов» не было, но другие «лица с отклонениями» имелись в наличии. Он легко распознавал их. Казалось бы, среди них он свой, но Джон в эту компанию не вписывался. Женщина пристально смотрела на парочку за угловым столом — длинные волосы, узкие брюки, куртки в обтяжку. Легче ли карлику жить на острове, где вокруг никого, кроме карликов? Неизвестно. Но выход наверняка есть. Если бы можно было жить свободно, быть самим собой, делать что хочешь, и чтобы все принимали тебя таким, каков ты есть, были довольны тобой, любили тебя. Немыслимо, смешно, невозможно!

Ты ненормальный, больной, сумасшедший, грязный, ты не даешь обществу исцелить тебя — вот кто ты такой. Почему Десмонд не рыдает и не рвет на себе волосы, оплакивая удар, нанесенный ему судьбой? Почему он счастлив?!

Джон заказал кофе и сырный рулет. При виде тех двоих в нем поднялось беспокойство, совсем непохожее на тревогу, которую вызвало предложение редактора: захотелось вернуться в запретный лес. Разумеется, вернуться туда нельзя — там поджидает полиция. Но есть ведь и другие места, лондонские парки, например парк Виктории, ближайший к его дому. Там имеются общественные уборные. Омерзительно: то, к чему он страстно стремится, приравнено к мочеиспусканию и калоизвержению. Не может любовь обитать в отхожем месте — почему не один писатель не создал еще такого афоризма?

Сам не замечая, не думая ни о чем, он передвинул стул и оказался за соседним столиком, рядом с теми, длинноволосыми. С виду — просто человек решил пересесть к окну. Он заказал вторую чашку кофе. На «извращенцев» поглядывал исподтишка, чтобы никто не обратил на это внимания, но успел разглядеть у одного

из них тонкие выщипанные брови. Шейла тоже выщипывает брови, но чтобы мужчина... Нахлынуло возбуждение.

Он сидел так близко, что слышал каждое слово. Один работал парикмахером, другой — продавцом мужской одежды. Они обсуждали клиентов и покупателей, совсем не так, как «нормальные» мужчины. От одной фразы по спине Джона пробежала дрожь.

— И все эти красивые крепкие самцы — совершенно голые.

Выходит, каких-то слов он не разобрал. Например, тех, что предшествовали этой реплике. Речь шла явно не о парикмахерской или магазине. Но, вслушавшись, он почти сразу же понял.

— Осторожнее. С перманентом и за милю не подпустят.

— Надо брови отрастить.

— Давай, а? И пойдем вместе.

Джон не стал задерживаться в кофейне. Его словно что-то душило, потянуло на улицу, хотя кофейня проветривалась и там приятно пахло — кофе и пирожными. Он стоял на пороге, жадно глотая воздух. Лишь через полчаса Джон позволил мыслям вернуться к подслушанному разговору. Он вспомнил, какое место обсуждали эти люди. Куда они пойдут. Куда он может пойти. Если им можно, почему бы и ему не пойти?

Идеальное место для свиданий: полная анонимность. Так ведь они говорили? Словно превращаешься в невидимку. А самое замечательное: туда можно пойти под законным предлогом. Многие так и делают. Наверное, даже большинство. Это ведь не парк и не лес, где рыщет полиция, не гнусная общественная уборная. Напротив — самое что ни на есть гигиеничное место. Чистое-пречистое. Что бы там ни произошло, это не будет грязным, грубым, потому что вода все смоеет. Убелит как снег.^[23]

IV

Статья, по мнению редактора, вышла слишком сочувственной. Гомосексуалисты в ней представлены больными или непонятыми людьми, можно подумать, это инвалиды, страдающие от врожденного недуга. Джона критика напугала. Ему снова почудилось, будто редактор что-то подозревает. Он переписал статью, добавив статистику: сколько людей осуждено за «порочное и извращенное» поведение.

Но редактор этим не удовлетворился:

— Вы просто не понимаете, что это за грязные свиньи. Знаете, мне рассказывали про одного, который мазал себе кетчупом гениталии, изображая месячные.

— Я же не могу вставить это в статью! В конце концов, нашу газету читает вся семья!

— Я не предлагаю использовать это, мистер Райан, я просто подал идею. Вы пишете так, словно у бедняжек туберкулез!

Этого Джон стерпеть не мог, причем злился больше на самого себя, чем на редактора. Он предал себя, свое племя и род. Я старался, как мог, заявил он, больше ничего из себя не выжму, пусть теперь кто-нибудь другой попотеет. Он больше не боялся потерять работу, кое-какие перспективы уже наметились. На самом деле, он присмотрел даже две вакансии.

В тот же день он позвонил из своего кабинета — отгороженного в типографии помещения с телефоном и печатной машинкой — в общественные бани Майлэнда. Он плотно прикрыл дверь, хотя опасаться нечего — если кто и подслушает, решат, что репортер продолжает собирать материал для злосчастной статьи.

Ответил голос с выговором кокни. Джон знал, что есть мужские и женские дни, и спросил, какие дни отведены для мужчин. Вторник, четверг, пятница и суббота, был ответ. Полотенце приносить? Нет, и о мыле или шампуне также можно не беспокоиться.

Это было в понедельник, до вторника он не успел бы собраться с духом, к тому же его посылали на собрание муниципалитета. Требовался хороший стенографист, а этим своим искусством Джон мог гордиться. Четверг? В четверг вечером он еще не войдет внутрь, но понаблюдает снаружи. Разыщет это место, обследует окрестности, понюхает, чем там пахнет.

В среду он, как всегда, когда выдавался свободный час, навестил родных. Поужинал с ними. Вечерний чай выходит из моды, думал он порой, вместо него приходится довольствоваться чашкой чая с печеньем на полдник, а вечером — обедом, как говорят люди с претензиями, или, для тех, кто по определению Джорджа Оруэлла, принадлежит к «верхнему нижнему среднему классу», — ужином. Он даже опубликовал статью о новом распорядке дня и об изменениях в застольном этикете, на которую откликнулись множество читателей. Но дома традиция вечернего чаепития сохранилась, и Джон дорожил ею. Эти вечера в кругу семьи — лучшие часы его жизни. Угощение начинали с консервированных фруктов и сгущенного молока, ветчины с языком (по праздникам вместо языка — цыпленок), вареных яиц, салата и помидоров, тоненьких ломтиков хлеба с маслом, а на сладкое — коричный кекс или кекс «Данди», иногда фруктовые пирожные, печенье и каждому по шоколадке.

Маму он считал лучшей поварихой на свете. Он хвалил ее вслух и видел, как она расцветает от похвалы. Жизнь у нее была нелегкая, но она обрела награду в большой и дружной семье. Некоторые женщины, думал Джон, согласились бы иметь много детей, если бы те появлялись на свет сразу большими, разумными и финансово независимыми, но мать тяжелым трудом вырастила шестерых. Денег ей всегда не хватало, а с тех пор как умер отец, недоставало и любви — этого рода любви. Стоит взглянуть на Джозефа, и сразу все поймешь.

Джозеф, как всегда, торчал дома. Хоть бы сходил куда-нибудь и мать сводил. Нет, он неизменно оставался

дома, с приемными детьми, которым был как отец. Стивен, Мэри, Маргарет, Десмонд, Джеймс и Джон — четырнадцати, без малого шестнадцати, восемнадцати, двадцати, двадцати двух лет — и старший, повидавший мир и вернувшийся — о, как он был рад вернуться!

Джозеф прочел молитву. Он был набожным католиком, но вел себя как пуританин, постоянно сидел над Библией и благодарил Бога перед каждой трапезой. Десмонд отсутствовал. На работе задержался, сказала мать. Он служил в лондонском отеле, в какой должности — даже родные не знали, носильщиком, скорее всего, но Десмонд предпочитал не уточнять. Джон огорчился: он любил, когда семья собиралась в полном составе.

Молодая жена Джеймса сидела между ним и Анной. Беременность уже стала заметна. Джону казалось, что ему этот младенец дороже, чем родителям малыша, которые вынуждены были пожениться, когда Джекки «залетела». Мама тоже радовалась первому внуку, и Джозеф, когда улегся гнев, радовался вместе с ней.

Джон взял на себя разговор со Стивеном. Он собирался поговорить с ним попозже, вечером, отойти с братом в сторону после чаепития, успокоить, помочь разобраться. Джозеф обнажил перед мальчиком позорную сторону этой ситуации, он говорил со свойственной ему сдержанностью и даже кротостью, но слова его были резки: Джеймс и Джекки совершили грех и теперь должны расплатиться, должны вступить в брак, и их чувства не имеют ни малейшего значения. Они поженятся и будут жить с матерью Джеймса и его отчимом, хотя это неудобно для всех, тесно, но больше им податься некуда. За грехом, сказал Стефану Джозеф, всегда следует расплата, то есть нечто неприятное, мучительное.

Джон хотел сказать мальчику совсем иное. Под предлогом, будто Джон хочет взглянуть на собранную Стивеном коллекцию сигаретных пачек, они поднялись в спальню Стивена и Десмонда. Первым делом Джон напомнил брату, сколь многим они обязаны Джозефу, которого следует любить и уважать, однако не каждое

его слово нужно принимать близко к сердцу. Не такая уж это трагедия, и уж вовсе не преступление в глазах любого разумного человека.

— Дядя Джозеф сказал, это большой грех, — напомнил Стивен.

— Да, сказал. Но, поверь мне, такое случается сплошь и рядом. В молодости физические желания очень сильны, противиться им нелегко. Дядя Джозеф забыл про это. Джеймс и Джекки не сумели обуздать свои желания, и теперь у них будет малыш. Разве это преступление?

— А что же такое грех? — призадумался Стивен.

— Причинять людям вред, предавать, лгать, действовать во зло. Главное для нас — этот малыш. Он или она получит семью, мы все будем его любить. Ведь у нас есть семья и любовь, правда?

Стивен кивнул.

— Семья — это святыня, Стивен. Разрушить семью — вот что такое грех.

Джон верил в каждое сказанное слово, он знал цену этим словам, но, когда он рассуждал о желании, голос его дрогнул, пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжить с прежней уверенностью. Ближе к ночи, вернувшись к себе, в наемную комнатку, он с неведомой прежде силой ощутил потребность, неотступную потребность в сексе. Он стал делать то, что делал в лесу вместе с тем человеком. Закрыв глаза, представил, что тот рядом.

Неужели ему всегда суждено заниматься сексом с закрытыми глазами? В одиночестве, в темноте. Ему уже двадцать пять лет, и лишь однажды в жизни он занимался сексом так, как ему того хотелось, вместе с другим мужчиной, и не довел акт до конца. Лишь предвестие того, что могло бы быть — нечто дивное, — и вновь занавес опустился.

На следующий день он встречался с главным редактором газеты, где для него могла найтись вакансия. Большая популярная газета, которая выходила в предместье Лондона. Одно плохо — еженедельник. Он все еще дожидался ответа от другой газеты, ежедневной, весьма престижной, но здесь возникала другая проблема: ее издавали на западе, далеко от Лондона. Он так скучал по родным, пока служил во флоте! И теперь — новая разлука? Пять часов на поезде, они будут видеться раз в несколько недель, он сможет ежемесячно приезжать на выходные...

Но из газеты пока не ответили, а редактор еженедельника назначил встречу на этот день. Здесь расстояние ничтожное — можно доехать на автобусе. Не приносит ли он карьеру в жертву семейным узам? Возможно, если его карьера — журналистика, если именно этого он хочет в жизни. В полотняной сумке под кроватью лежал неоконченный роман. Хватит ли времени и сил дописать эту книгу?

Он чуть не опоздал на собеседование, поскольку до ухода с работы должен был подготовить к публикации историю о человеке из Лейтона, который собирался переплыть на яхте Атлантический океан, раздобыть фотографию, осмотреть его яхту. Чуть — но все-таки не опоздал. Редактору понравились кое-какие публикации Джона, владение стенографией оказалось еще одним плюсом в его пользу, но редактор не предложил ему работу сразу, а пообещал связаться с ним. Назад Джон ехал не на автобусе, а на метро, на Бэнк-стейшн перешел на центральную линию. На вечер оставалась еще одно дело — выяснить у секретаря местной ассоциации, как прошло собрание жильцов, однако, раз уж приходилось возвращаться в Лейтон, сначала можно зайти к маме. Может, на этот раз и Десмонда застанет — они уже несколько недель не виделись. Но вместо того, чтобы

ехать до Лейтона, Джон вышел из поезда на Майл-энде.

Целый день он отгонял от себя мысли о бане, старался забыть, о чем говорили те двое в кофейне. Он всячески старался отвлечься, и это оказалось не так трудно, поскольку пришлось сосредоточиться на поисках работы. Но сейчас, в поезде, соблазн взял верх. Только сходить посмотреть, убеждал он себя. Постоять снаружи, проследить за входом, выяснить, кто пользуется баней, в самом ли деле одни мужчины.

Найти бани оказалось легко, тем более что адрес он выяснил по телефону. В кафе на другой стороне дороги окна незанавешены и дверь стеклянная. Заранее высмотрев столик у окна, Джон вошел внутрь.

Надо поесть, уговаривал он себя, не может же мама кормить его каждый день. Он заказал чашку чая и сел за стол прямо перед широким окном, откуда были прекрасно видны бани, длинное здание из коричневого кирпича, широкое крыльцо у входа и вращающаяся дверь. Джон заказал пай с морковью и горохом и печеное яблоко со сладким кремом. Если он убедится, что в баню идут одни извращенцы, он доест свой ужин и никогда больше сюда не вернется.

Минут через пять появился первый посетитель, высокий, крепко сложенный, в поношенном синем костюме в тонкую полоску и рубашке без воротничка — Джон мог рассмотреть его во всех подробностях. Следующий — коротко стриженный, словно солдат. Оба самые обычные с виду мужчины, чьи-то мужья и отцы. Джону кусок не лез в горло. Он смотрел во все глаза.

Еще трое, двое из них немолоды. Джон не ожидал встретить здесь таких мужчин — пожилых, облысевших, пузатых. У одного были седые усы, другой облачился в длинный теплый плащ — это в июне-то. Однако сам факт, что сюда ходят и старики, успокаивал: они словно придавали заведению респектабельность. Ведь здесь городские бани, люди ходят сюда не только «за этим». Собственно, респектабельность ему не требовалась, нет, но было важно, что, посетив бани, он совершит столь же обычный для «нормального» мужчины поступок, как

сходив в паб.

Он расплатился за еду, которую так и не смог съесть, перешел шоссе и подошел к широким ступеням. Было около семи, в восемь он должен получить у секретаря ассоциации местных жителей протокол собрания, так что посетить бани он не успевал — или убедил себя в этом. В другой раз, сказал он себе. Когда будет время. Сердце билось сильно и часто, как тогда в лесу. Он обошел здание, сначала слева, косясь на окна, слишком высокие, чтобы что-то разглядеть, потом сзади, где не оказалось ничего, кроме сплошной кирпичной стены, немного пугающей своей слепотой — ни одного окна, — затем по правой стороне бань вышел обратно на шоссе. На следующей неделе, сказал он себе, во вторник или в четверг, и направился к метро.

Единственный способ справиться с этим — не думать, отвлекаться на другие мысли, заставить себя отвлекаться. Надо разобраться с вакансиями. Редактор еженедельника написал Джону и предложил работу. Джон принял его предложение. Все что угодно, лишь бы убраться из «Индепендент», от этих сплетников, сумасшедшего редактора, вонючих типографских станков, шума и суеты. Пусть новая работа ничем не лучше — все же перемена.

Но еще оставалась ежедневная газета на западе. Оттуда тоже написали, назначили собеседование на субботу. Это Джона устраивало: значит, люди понимают, что у него есть свои обязанности на работе, он не может по первому требованию сесть в поезд и ехать за двести тридцать миль. Его приглашали на оба выходных дня, это предполагает заинтересованность в нем потенциальных работодателей. И хотя Джон уже пообещал перейти с июля на работу в еженедельник, он пока считал себя свободным. Он не обязан идти к ним только потому, что дал согласие — все поступают точно так же, как только подвернется что-нибудь позаманчивей. Но решится ли он уехать за двести тридцать миль от родных?

Эти размышления благополучно отвлекали мысли Джона от бани до той самой минуты, когда он уже начал подниматься по ступенькам и вплотную приблизился к вращающимся дверям. И тут шквал эмоций обрушился на него, отчаянный страх и напряженное предчувствие: сейчас он совершит роковой поступок, о котором, возможно, всегда будет сожалеть. С силой толкнув дверь, он вошел внутрь.

Большой холл. Слева — стол с кассой, над ним — плакат, где обозначены цены общей бани, бассейна и парной, указаны мужские и женские дни. Плату принимала женщина лет шестидесяти. Джон не ожидал

увидеть здесь женщину, но обрадовался ей: хотя ни малейшего сходства с его матерью в низенькой, толстой, старой кассирше не наблюдалось, он тут же наделил ее материнским взглядом, благожелательностью, спокойствием и благоразумием. Поверх синего блейзера кассирша носила клетчатый комбинезон на лямках.

Он уплатил за парную, кассирша выдала билет и махнула рукой в сторону зеленых пластиковых дверей. В левой двери приоткрывалось окошечко. Мужчина — тот самый, с короткой стрижкой, которого Джон видел неделю назад, — передал в окошко билет, и Джон последовал его примеру. Когда знаешь, что делать, все становится просто. Будет ли так же просто и дальше?

За дверями оказалась большая комната, с трех сторон тянулись перекладины, как в одежном шкафу, с которых свисали проволочные корзины, каждая со своим номером. Стриженный зашел в раздевалку, Джон за ним. Зная, что сейчас его никто не видит, он прижал руку к груди и ощутил частые сильные толчки, однако после нескольких глубоких вздохов сердцебиение успокоилось.

Следуя примеру мужчины, Джон тоже разделся, сложил вещи в корзину, куртку повесил на плечики, сигареты со спичками засунул в ботинок, мелочь достал из кармана, завязал в платок и засунул узелок в другой ботинок. Как и стриженный, он взял два полотенца, одно повязал вокруг талии, на манер туземной юбочки, а второе накинул на голову и плечи. Явился служитель и велел Джону взять номерок с собой, надеть на запястье или на лодыжку. Джон привязал номерок к левой руке.

В соседней комнате стояли бакелитовые или пластиковые стулья — белые и коричневые. Здесь пили чай. И вновь Джон удивился при виде пожилых, целомудренно закутанных в полотенца мужчин, которые курили, болтали, пили чай из белых чашек с толстыми стенками — ему-то представлялось нечто среднее между школьной душевой и римскими оргиями.

Зеленоватые флюоресцентные лампы освещали комнату. Белая плитка стен то ли посерела от времени, то ли обесцвечивалась от резкого освещения. Зато здесь

было тепло и приятно, словно на Филиппинах, — тепло, сыро, скученно. Старики, конечно, не вызывали ничего, кроме отвращения — выпуклости и складки плоти, белая пятнистая кожа, как у выброшенной на берег рыбы, ноги в узлах темно-серых вен, — но их присутствие успокаивало. Они-то, безусловно, явились сюда не ради секса, и когда Джон поймал на себе взгляд одного из ветеранов, он приписал его обыкновенному любопытству при виде новичка.

За другим окошком сидела официантка, помоложе кассирши, но тоже средних лет и вполне респектабельной наружности. Какая-нибудь прекрасная юная блондинка была бы тут совершенно ни к месту. К чаю можно купить булочки и сладкое, здесь же продавали мыло и шампунь.

Еще двери — с надписями «Пар» и «Массаж, душ, холодная вода». Левая дверь открылась, вырвались клубы горячего пара, и молодой человек перешел из парной в соседнее помещение. Джон соблюдая осторожность, пошел следом. Там тоже сидели старики, но были и красивые молодые люди. Респектабельность отступила на второй план. Джон почуял в воздухе какое-то напряжение, даже угрозу.

Человек, за которым он шел, был молод, его ровесник, он тоже опоясал бедра полотенцем и медленно, красуясь, направлялся к бассейну с холодной водой. Старики провожали его взглядами. Им явно под шестьдесят или больше. Что у них на уме? Думают, будто этот горделивый красавец ищет себе папочку? Пустые мечты!

Молодой человек сбросил полотенце на пол и шагнул в холодную воду. Джон не мог отвести от него взгляд. Ничего подобного он не ожидал. У юноши была белая кожа и светлые, как масло, волосы. Он вышел из воды, подобрал полотенце и прошел в душ, а за ним — второй мужчина, постарше, но тоже отнюдь не средних лет. Джон последовал за ними, напоминая себе, что пора заняться каким-то невинным с виду делом, душ принять хотя бы.

Блондин намыливался, его дружок — если это был дружок — предложил:

— Намылить тебе спину, приятель?

Они расстелили полотенце на скамье и принялись яростно тереть друг друга. Это прелюдия, или все мужчины — нормальные мужчины — ведут себя в бане подобным образом? Кто знает. Джон принял душ. Когда он вышел из-под душа, массаж все еще продолжался. Потом старший спросил:

— Ну как, приятель, сойдет?

— Отлично, спасибо, — ответил блондин. — Тебе помочь?

Они прошли под душ, а Джон двинулся было дальше, но эта парочка почти сразу же появилась снова. Один из них позвал другого:

— Теперь в парную.

И Джон пошел за ними.

За четверть часа он приобрел куда больше сведений, чем извлек бы из книг — если бы подобные книги существовали. Парная имела форму амфитеатра, и верхних ее этажей, полностью скрытых густым паром, Джон разглядеть не мог. Двое парней, за которыми он следил, растворились в тумане.

Он словно вошел в горячее облако, внизу стоял бледный туман летнего утра, но чуть выше пар сгущался до непрозрачной белизны и скрывал все. И вновь сердце тяжело и тревожно забилося: Джону показалось, что там, на пятой снизу полке, происходит нечто... такое. Наверное, померещилось. На четвертой полке никого не было, на третьей мелькнули две тени.

Вдруг он понял, что задерживаться внизу нельзя. Двое стариков на второй полке поглядывали на него с надеждой. Джон уже начал различать значение таких взглядов. А вдруг он подойдет поближе, окажется рядом с ними, думали старики. Это новый для него мир, о котором он прежде и представления не имел. Медленно, получая удовольствие от каждого шага, он подошел к старикам и прошел дальше, начал подниматься по ступенькам. Лесенка крутая, старики дальше второй

полки не заберутся. Постепенно скрываясь в белом тумане, он чувствовал, как старики провожают его взглядами, и знал, что каждое его движение доставляет им чувственное наслаждение и вместе с тем вызывает острую боль.

Теперь его уже ничто не остановит. Горячий пар обволакивал, словно разогретая шерсть. Расстелив полотенце, Джон вытянулся на четвертой полке. Кто-нибудь сам подойдет к нему? Он даже не знал, хочет ли он этого, ему казалось, на сегодня достаточно сделано, он многое узнал. Он лежал на спине, свесив одну ногу так, что она касалась последней ступеньки под ним, другую ногу согнул в коленке, правую руку подложил под голову, левую откинул чуть в сторону, так что она лишь слегка соприкасалась с телом. Второе полотенце прикрывало его — целомудренно? Дразняще? Он закрыл глаза. В жаре, в густом белом тумане, с закрытыми глазами он мечтал о том, что кто-то подойдет, кто-то посмотрит на него, дотронется...

Все время он чувствовал на себе чей-то взгляд. Не стариков внизу — они, наверное, не могли разглядеть его так высоко. На него смотрели молодые и красивые, различая сквозь колеблющуюся белую пелену только его молодость и очертания тела. Сеть, белая бязь, скрывающая лицо вуаль.

Через полчаса он поднялся и спустился по ступенькам. Ему удалось почти убедить себя, что ничего особенного не произойдет, во всяком случае не в этот раз, и потому он был удивлен и слегка шокирован, когда один из стариков внезапно вытянул руку и коснулся его ноги, когда Джон проходил мимо. Подавшись вперед, Джон резким движением смахнул чужую руку. Он снова принял душ, сбросил полотенца в корзину для грязного белья, оделся и вышел.

На свежем воздухе его пробрал холод, хотя ночь была вроде бы теплой, близилась середина лета. Он устал, жара в парной и масса новых впечатлений отняли много сил. В следующий раз что-то произойдет — если будет следующий раз...

Роберта настолько захватил роман Титуса Ромни, что время летело незаметно. Только добравшись до конца шестой главы, он поглядел на часы: полночь. Остальное подождет до завтра, он как раз успеет дочитать, прежде чем отправится в отпуск.

Роберт готовился ко сну, но в его мозгу теснились странные впечатления от прочитанного: если бы книгу прислал не агент Титуса Ромни, он предположил бы, что автор — Джеральд Кэндлесс, поздний Джеральд Кэндлесс. Не лучшая его работа и, пожалуй, незаконченная, слишком насыщенная, словно первый вариант или даже набросок.

Однако Роберт знал, что Титус Ромни и Джеральд Кэндлесс не были знакомы. Возможно, встречались на издательских мероприятиях или на книжных фестивалях, не более того. Выходит, Ромни сознательно или бессознательно пытался подражать Джеральду? Прочел «Белую паутину» и попал под влияние этой книги?

Забравшись под одеяло рядом с давно уснувшей женой, Роберт долго еще лежал без сна, размышляя о двух писателях, живом и умершем, и вдруг вспомнил, как недавно в интервью «Радио таймс» Ромни признался, что не знает, где найти новую тему.

VII

На редактора Джон произвел хорошее впечатление. Это очевидно. Показалось даже, что ему сразу предоставят место, но нет, по традиции обещали «связаться с ним», и Джон почувствовал некоторое облегчение: что он стал бы делать, если бы через две недели уже пришлось выходить на новую работу?

Ведь он принял другое предложение. Основная цель: пробиться на Флит-стрит или стать писателем, так сказать, «на полную ставку». Ступенькой на пути к этой цели может послужить и еженедельник на задворках Лондона, и провинциальная газета. Из-за родных он никак не мог решиться.

Через неделю, второго июля, день рождения у сестры Мэри. Ей исполнялось шестнадцать. Джон уже запасся коробкой шоколадных конфет, давно копил карточки. Через шесть лет после войны шоколад все еще выдавали по купонам, коробка «Черной магии» — отличный подарок. Но хотелось порадовать сестру чем-то еще. Получая семь фунтов в неделю, Джон не бедствовал и мог купить Мэри джемпер или отрез на платье, но девочку не интересовали наряды. По пути на станцию он зашел в книжный магазин и купил поэтический сборник «Юный Пегас».

В ту ночь Джону снился сон, тот самый, который каждую ночь навевала ему фантазия, где реальные образы красивых молодых парней сливались с его мечтой, так что Джон уже не знал, где кончается реальность и начинаются грезы. Сон переносил его в полную опасностей тьму запретного леса или в преображенные бани. Нагие тела распростерлись на ступенях храма, на высоких ярусах зиккурата, или юноши прогуливались горделивой и чувственной походкой, бродили среди наклонных пирамид, их окутывал туман, то сгущавшийся, то редевший, ненадолго дымка рассеивалась, а потом снова

опускалась грозовым облаком.

Порой туман становился столь плотным, что зрение — во сне или наяву — помрачалось, Джон замирал, ослепший, в белой пустоте, непрозрачной, удушливой, как туча, как войлок. Но на грани обморока, когда уже замирало дыхание, приходило облегчение: дымка становилась тоньше, уходила вверх, и Джон отчетливей прежнего видел перед собой молодых красавцев, которые уже не просто прогуливались, но обнимались, ласкали друг друга, а в последнем сне страстно совокуплялись.

Инстинкт подсказывал: он сам окажется в этих мечтах и увидит себя в собственном сне лишь после того, как осуществит все это в реальности. И Джон был готов действовать, он знал, что время настало. Он распрощался с мыслью о том, что на самом деле он, возможно, не гомосексуалист, что есть и для него какой-то выход, какой-то способ полюбить женщину. Он решился — безвозвратно, он ступил на этот путь и не свернет с него. При первой же возможности наведается в бани.

Когда именно — вот в чем вопрос. Отсрочка не была вызвана страхом и неуверенностью в себе, как прежние его колебания: редакция загружена по горло, времени действительно не хватало. Хотя Джон собирался уволиться и уже написал заявление, халтурить он не умел и продолжал с обычным рвением собирать материал. Он мог бы посетить бани во вторник, но в последний вторник месяца собирался комитет по строительству жилья, и там Джон обязан присутствовать — никто не стенографировал так, как он.

В среду вечером он выпил чаю в кругу семьи — заглянул на часок, — а потом побежал на школьный спектакль. Он бы не пошел, но на представление приехала знаменитая некогда актриса, дружившая с директором. На этот раз он застал Десмонда дома, тот зашел после работы переодеться перед вечерней вылазкой. Как всегда нарядный, в легком сером костюме и заливчатской фетровой шляпе. Они прошли вместе

до автобусной остановки, тут Десмонд, подмигнув, сказал, что спешит на свидание, и укатил в такси.

В четверг Джон совсем решил, что его великий день настал, что он пойдет в бани вечером, иначе придется ждать до вторника, потому что в субботу он обещал сводить Мэри и Стивена в зоопарк. В четверг номер сдавали в типографию, трудный день для всех, от репортеров тоже требовалась помощь, журналисты поспешно сочиняли заголовки, вносили поправки в готовый макет, подписи к фотографиям. Джону, как всегда, поручили составление шахматных задач.

Этим он и был занят, когда к нему подошел заместитель редактора и попросил съездить к семи часам в Вудфорд на политический митинг. Репортер, отвечавший за этот округ, заболел. Выступала Сильвия Пэнкхерст.^[24] Разве она еще не умерла? — удивился Джон. Нет, ответил редактор, умерла ее мать, а эта, похоже, помирать не собирается, так что Джону придется туда съездить.

Почему он не огрызнулся: сами и поезжайте, я увольняюсь? Он мог это сделать. И следовало бы. Уже завтра Джон собирался подать заявление об уходе. Но он, пожав плечами, проворчал:

— Ладно, хорошо.

Откажись он, это спасло бы его жизнь — но кто мог знать?

В пятницу утром пришло письмо из девонской газеты с предложением гораздо большего жалования, чем в еженедельнике. И тем не менее он готов был отказаться, выбрать первую вакансию. В субботу утром он написал заявление об уходе и бросил его в почтовый ящик по пути домой.

Мама обняла Джона и расцеловала. Такой прием не входил в традиции их дома, но ей показалось, что у Джона усталый вид — не беспокоит ли его что-нибудь? Он чуть не признался, что скоро поменяет работу, но не стал ничего говорить, поскольку еще не выбрал окончательно.

По пути к станции Мэри рассказывала, как мама ее

подруги каталась на слоне и на верблюде в Риджентс-парке, и спросила, нельзя ли им тоже покататься. Джон обещал, но, когда они добрались до зоопарка, выяснилось, что на экзотических животных больше не катают, хотя обоим детям разрешили посидеть на слоне. Высокий тощий юнец кормил львов. Волосы у него походили на львиную гриву, карие глаза, он был сложен как статуя дискобола, и той же ночью приснился Джону, пригрезился, словно наяву: сбросив на мраморные плиты набедренную повязку, обнаженный юноша вошел в белые светящиеся воды бассейна.

VIII

Выбери он еженедельник в Северном Лондоне, было бы просто сказать об этом маме с Джозефом и ребятам, поскольку в их жизни мало что изменилось бы. Джон мог бы жить в той же квартире и навещать их так же часто, как прежде. К понедельнику он твердо решил перейти в еженедельник, однако все еще не отписал в Девон. День-другой отсрочки ничего не изменят.

Утром понедельника заместитель редактора заглянул в его тесный «кабинет» и сказал, что очень огорчен просьбой об отставке. Главный редактор поговорит с ним об этом, когда вернется из отпуска.

— К тому времени я уже уйду, — сказал Джон.

— Нет, вы останетесь, — возразил заместитель. — Вы еще передумаете.

— Я бы не стал держать пари, — огрызнулся Джон.

Закончив хронику дня, над которой работал, он сел на автобус до Чингфорда, там выпил чаю с булочкой в шоферском кафе и пошел на собрание жителей Чингфорд-маунт. Собрание затянулось, бесконечная говорильня, и тут Джон задумался: сколько еще такой захолустной тягомотины он способен выдержать. А в Девоне, в настоящей газете... Но нет, он принял решение: Северный Лондон.

Только около восьми он попал на день рождения к Мэри. Девочка пригласила к себе двух подружек, одну милую, одну красивую, типичные вечно хихикающие девочки-подростки. Мэри — та никогда не хихикала, серьезная, тихая девочка, любящая и нежная. Джон вручил подарки, Мэри улыбнулась и даже слегка закатила глаза при виде шоколада, но, когда развернула книгу и заглянула в сборник стихотворений, сразу обняла брата и крепко поцеловала его.

Подружки снова захихикали. Одна из них посмотрела в «Юного Пегаса», скривила губы и спросила — хихикая! — читал ли Джон «Эмбер

навсегда». Джон кивнул в ответ. Несколько лет назад, пытаясь изменить свою ориентацию, он заставил себя прочесть и эту книгу, и многие другие слегка — о, только слегка! — порнографические гетеросексуальные произведения. Глядя на дерзкую девицу, он видел ее несомненную красоту — Лана Тернер^[25] местного разлива, — переспелая, на вид ей можно дать и девятнадцать. Ее красота не пробуждала в нем ни малейшего желания.

Вся семья была в сборе. Стивен, примостившись в уголке, заканчивал домашнюю работу. Маргарет в присутствии младших девочек держалась солидно, повзрослому. Десмонд сидел возле радиоприемника, слушал «Покер-клуб» Фила Харриса. Джозеф, благостный и ко всем расположенный, доедал остатки именинного пирога: он предпочитал Мэри всем другим, только ее он называл не падчерицей, а дочкой.

Десмонд предложил сыграть в Игру. Не Десмонд, так кто-нибудь другой предложил бы, без Игры не обходилась ни одна вечеринка. Выключив радио, Десмонд пояснил обеим девочкам, красивой и милой:

— Эта игра называется «Передай ножницы». Постарайтесь угадать правила.

— Это обязательно?

Красотка глаз не сводила с Десмонда. Неплохая вышла бы парочка, сухо усмехнулся Джон, вот только Десмонда девушка привлекает ничуть не больше, чем Джона. Она слегка надула губки, пытаясь кокетничать, но Десмонд ответил попросту:

— Конечно обязательно. Вам понравится.

Маргарет принесла рабочие ножницы матери, стальные, лезвия сильно потертые, серого цвета, кольца обмотаны пластырем, чтобы от постоянной работы на пальцах не появились мозоли. Мать сама обшивала всех детей. Мэри, именинница, раскрыла ножницы и передала сестре:

— Я передаю ножницы закрытыми.

— Я беру ножницы закрытыми и передаю их раскрытыми, — подхватила Маргарет и поменяла позу

за столом.

— Я беру ножницы раскрытыми и передаю их раскрытыми, — продолжала красотка.

— Неправильно...

Роберт Постль отложил рукопись, встал, прошелся по комнате. Остановившись у окна, он обеими руками уперся в подоконник и невидящим взглядом уставился на лондонскую улицу. Когда его впервые позвали в Игру? Где это происходило, он помнил прекрасно — разумеется, в Ланди-Вью-Хаусе. Хоуп была дома, а Сара уже уехала в университет. Урсула не стала играть, отказалась наотрез. Роберт приехал в гости к Джеральду с женой и двумя старшими детьми. Он вспомнил, как его удивило предложение поиграть. Жена тоже смутилась.

Это был 1981 или 1982 год. Сразу после того, как он стал редактором Джеральда, в первый раз, когда Роберт приехал в Ланди-Вью. Игра — они все произносили это слово с большой буквы. Через два года их с женой снова заставили играть, и тогда жена угадала правила. Что же получается — Титус Ромни тоже побывал в Ланди-Вью-Хаусе и его научили Игре? Роберт чувствовал, что выяснить это необходимо.

Но существовало иное объяснение, хотя об этом страшно подумать: стиль этой рукописи так похож на язык Джеральда, и Джеральд всегда описывал в своих книгах большие и дружные семьи...

Описание игры Роберт пропустил. Оно растянулось на несколько страниц.

— Так и не поняли, да? — спросил Стивен.

— Объясни нам.

— Нет-нет. Попытаете счастья в другой раз.

Только тут Джон сообразил, что еще ничего не ел. Вернее, спохватилась мама, принесла ему колбасные консервы, яйца и чай, отрезала кусок пирога. Снова включили радио, диктор читал какой-то рассказ, это не понравилось Десмонду, и он принялся крутить ручки в поисках веселой музыки. Девочки подарили Мэри лак для ногтей (она в жизни не станет красить ногти) и духи «Вечер в Париже» (ими она, возможно — только возможно — воспользуется), а еще она получила пятнадцать поздравительных открыток. Все открытки и подарки Мэри разложила на столике у окна, с трудом

впихнула, пришлось куда-то перекладывать вещи. В доме не хватало свободного места. Впрочем, это никого не огорчало.

Джон обсудил с Джозефом работу почты, что и как меняется в жизни, перекинулся парой слов с Десмондом. Хорошо, что на этот раз Десмонд никуда не уходит, сидит дома со всей семьей, вероятно, и спать уляжется одновременно со Стивеном. Конечно, Джон не считал себя вправе даже мысленно критиковать брата — каким уродился, таким уродился, — но мир и семейный покой всегда радовали его сердце, их он предпочитал всему. Перед уходом Джон пообещал заглянуть снова в пятницу и кое-что рассказать матери, поделиться новостями.

Все тут же насторожили уши, но Джон ничего больше не сказал. Разумеется, когда сын собирается рассказать матери какую-то важную новость, она тут же воображает, что речь идет о свадьбе. Джон только посмеялся:

— Нет, я не женюсь.

Он поцеловал на ночь сестер и маму. Джозеф пожал ему руку — он время от времени пожимал руку старшему пасынку, подбадривая и одобряя. Обе красотки уже отправились по домам. В половине одиннадцатого все семейство высыпало в коридор, чтобы «закрыть за Джоном дверь», как выражался Джозеф, и вслед ему отчим, тоже по традиции, сказал: «С Богом».

Джон помахал на прощание. Когда он обернулся, все уже вошли в дом и дверь закрылась. Для июля вечер выдался холодный, и автобуса пришлось долго ждать.

IX

Сломав лед, ты еще не обеспечил себе свободу навеки. Лед смерзается снова, даже трещины зарастают. Вот что понял Джон во вторник вечером. Бани уже не казались ему знакомым местом, все приходилось начинать сначала. Вот если бы он вернулся в тот четверг...

Он зашел в кафе, заказал чай. Сидя у окна, он снова следил за входом в бани, подмечая все, чего не разглядел в прошлый раз: портик из бетона, сдвинутые к дальней стене колонны по обе стороны от входа, широкую трещину в ступеньке. На синем небе собирались белые облака. Половина восьмого, а светло как днем.

Какой-то человек взошел по ступенькам, за ним другой. Второй отличался от первого, как красивая подружка Мэри — от заурядной школьницы. Он был немного похож на смотрителя львов из зоопарка, такой же высокий, стройный, молодой и красивый. Может, это и был смотритель львов. Солнце играло в его золотистой гриве. Джон затаил дыхание, напуганный и возбужденный.

Билеты продавала другая, но тоже пожилая кассирша. Джон оплатил парную, и на этот раз ему указания не требовались. Перед ним никто не заходил, некому было подражать, и почему-то он чувствовал себя более неловко, чем в первый раз. Когда он разделся, сложив вещи в корзину, сигареты и зажигалку в один ботинок, а деньги — в другой, зашел очередной посетитель и улыбнулся приветливо, по-дружески. Джону стало легче. Он закрепил на запястье номерок, взял два полотенца, одно обвязал вокруг пояса, второе накинул на голову и плечи.

Он не стал задерживаться ради чаепития, а сразу прошел в парную. Старики сидели на нижней полке. Джон не удостоил их даже взглядом, он искал того, золотоволосого, который недавно вошел в баню. Сегодня

в парильне было темнее, сгустился пар. С прошлого раза в памяти осталась яркая белизна, но сегодня комнату словно накрыла мистическая, как в храме, завеса. На той неделе Джон не обратил внимания на лампу, а сегодня обнаружил, что кто-то набросил на нее полотенце.

На четвертой полке, в дальнем ее конце, кто-то уже сидел. Джон не мог как следует рассмотреть этого человека, он вообще мало что различал в тумане, видел только, что человек молод и сидит в довольно вызывающей позе, разведя ноги, опустив руки на колени. Если бы сейчас в парильню зашел «смотритель львов», Джон не узнал бы его в мягкой дымке пара, в этом тумане. Не на это ли рассчитывали старики: в тумане все кошки серы?

На этот раз, когда Джон поднимался по ступенькам на верхний ярус, никто не пытался прикоснуться к нему, только пар горячими пальцами дотрагивался до груди, плеч и бедер, но ни одна рука из плоти и крови не потянулась к нему. Молодой человек на верхней полке растворился в тумане. Лампа осталась за спиной, впереди и выше простирался непроницаемый белый дым.

Он добрался до самого верха, до пятого уровня. Как и в прошлый раз, расстелил полотенце. Внизу распахнулась и снова захлопнулась дверь. Он ничего не видел. Опустившись на полотенце — одна нога свисала вниз, к четвертой полке, вторая согнута в колене, одна рука под головой, вторая лежит поперек груди, — Джон закрыл глаза.

В парильне тихо, жарко и тихо. Старики внизу даже не беседуют друг с другом. Что, если бы сегодня он повстречал «укротителя львов», если бы он оказался рядом, притронулся к нему и они вместе дошли бы до конца? Тело задвигалось в такт фантазии, Джон слегка повернулся, откинулся и вновь отдался во власть чувственного тепла. И вдруг ощутил чье-то присутствие. Ему не хотелось открывать глаза, напротив, он еще крепче зажмурился, отдаваясь кому-то во власть. Руки и ноги освободились от напряжения, мускулы тела

расслабились, энергия словно утекала прочь из кончиков пальцев.

Кто-то был рядом. Кто-то шел по четвертому уровню в раскаленной войлочной белизне, подошел и остановился рядом с ним. Остановился не просто посмотреть, окинуть взглядом красивое молодое тело, такое же красивое, как — в этом Джон был уверен — и тело самого наблюдателя. Новоприбывший сел рядом с ним. Сел, скрестив ноги, — как Джон угадал это? Он закрыл глаза, словно погружаясь в сон. Сел и потерся плечом о ногу Джона. Джон слышал дыхание — медленное, ровное.

Никто не спешил. Время полностью принадлежало им обоим. Голова, плечи, все тело подтянулось ближе к нему, опустилось бок о бок с ним. На миг Джон приоткрыл глаза, лениво повернул голову и увидел красивый темноволосый затылок, влажные и спутанные, но не утратившие шелковистости волосы, плечи, изящные, как у мраморной статуи, но теплого медового цвета. Убедившись, что партнер его красив и молод, Джон поспешил снова закрыть глаза.

Ему хотелось погладить эти мягкие волосы, но он не решался. Лучше так, пассивно, неподвижно ждать, предоставив все решать другому. Чужая ладонь обхватила его лодыжку. Джон замер. Требуется ли от него какой-то жест, подтверждение согласия?

Словно какой-то голос — хотя голоса не было — подсказал ему, что надо сделать. Дотянувшись до полотенца, укутывавшего его сверху, Джон сбросил его вниз. Мой любовник, твердил он про себя, этот человек станет моим любовником. Они лежали совсем близко, он ощущал твердость и податливость чужого, слегка скользкого тела и ждал, когда их тела соединятся.

Жар — чудесный и страшный, почти невыносимый. Мысли исчезли, ум сдался, остались плоть, фантазия, чувства. Нечто, прежде неведомое, — наверное, это и есть страсть, мучительная радость, нарастающая в груди, расцветающее, разворачивающееся, раскалывающее сердце счастье. Его целовали, и он

целовал в ответ, принимая, отдавая и снова принимая, обмениваясь текучим, словно вода, наслаждением, а горячий пар, влажный, как морская волна, сухой, как солнечные лучи, ласкал его кожу.

Мой любовник, повторял он. На миг он полностью отождествил себя с тем, другим, утратил себя, растворяясь в нем, и любовник растворился в том, кто был Джоном. На обоих снизошел покой. Любовник поцеловал его в щеку легким и нежным поцелуем. Джон выждал минуту, потом открыл глаза. Любовник повернулся к нему спиной, встал, спустился на несколько ступенек. Они возвращались к обыденной жизни, и Джон испугался утратить только что обретенного друга — сейчас он растворится в тумане, выйдет за дверь, исчезнет навсегда.

Нельзя этого допустить. Они должны встретиться снова. Горячая, страстная радость поднималась в нем. Он даже не видел лица этого человека, но уже был влюблен. И Джон пошел следом за ним, сквозь туман, мимо стариков, мимо их вытянутых навстречу ног. Он узнал все, что хотел, он приобрел необходимый опыт. Догнав своего возлюбленного, он опустил руку на золотистое скульптурное плечо интимным, даже собственническим жестом. Так, друг за другом, они вышли из жары, пара и скрывающей лица белизны, и в соседней комнате, где стояли столы и старики пили чай, который наливала им скрытая за окошечком официантка, Джон сбросил полотенце и приготовился смотреть. И любовник обернулся к нему.

Это был его брат Десмонд.

Крик ужаса вырвался из груди Джона. Он бросился бежать, скользя на влажном полу; не заходя в душ, он вылетел в предбанник и натянул одежду, задыхаясь, всхлипывая, не попадая в рукава, словно пленник страшного сна. Он выскочил на вечернюю, еще теплую улицу, зажав в кулаке узелок с монетами, которые забыл переложить в карман. Его накрыла волна жара, прошиб пот. На мгновение Джон остановился и тут же снова бросился бежать со всех ног.

Голос Джозефа зазвучал в его ушах: «С Богом!» Все драгоценные семейные вечера, все любимые лица огнем полыхали в его мозгу. Он не увидит их больше, он никогда не вернется домой после этого ужаса, после этого неискупимого греха. Он разбил свою семью, словно ударил кулаком по стеклянной стене и оказался снаружи, в пустом и холодном, чужом ему мире. Люди оборачивались вслед молодому мужчине с залитым слезами лицом, бегущему не разбирая дороги, и в смущении отводили взгляд.

Там, в белом тумане, закончилась его жизнь. Прошло немало часов, прошла ночь и половина следующего дня, вечность мучений и колебаний, пока Джон осознал: все кончено, и теперь ему предстоит воскреснуть к иной жизни...

И я сегодня не усну, подумал Роберт. Он улегся на супружеское ложе и долго лежал с закрытыми глазами, пока образы, теснившиеся в темноте, не измучили его окончательно. Тогда он поднялся и, стоя в предрассветной дымке у окна, попытался понять, как теперь поведать о своем открытии обоим — Саре Кэндлесс и Титусу Ромни.

---

notes

1

«Золотое сокровище» — антология поэзии XIX века, составленная Фрэнсисом Пэлгрейвом.

2

Последняя строка стихотворения Уильяма Кори «Гераклит».

3

Магазин модной одежды.

4

Джермен Грир (р. 1939) — австралийская феминистка, автор нескольких книг о женской психологии.

5

Персонажи одноименного фильма (1975) режиссера Брайана Форбса об идеальных женах, оказавшихся на самом деле киборгами.

6

Книга для детей Беатрис Поттер.

«Колодец одиночества» — книга Маргарет Рэдклифф-Холл (1880–1943), сексуальная биография мужеподобной девушки, которая влюбляется в женщин во время Первой мировой войны, а после ее окончания становится известной писательницей.

8

Джордж Герберт (1593–1633) — английский поэт.

9

Гуго Вольф (1860–1903) — австрийский композитор.

10

Профессор Хиггинс — персонаж пьесы Шоу «Пигмалион».

11

Ричмал Кромптон Ламбёрн (1890–1969) — английская писательница, автор серии книг «Просто Уильям» (в частности, романы «Уильям и лунная ракета», «Уильям и космическое животное»), сборника «Туманы и другие рассказы».

Чарльз Кингсли (1819–1875) — англиканский священник и писатель.

Юхан Август Стриндберг (1849–1912) — шведский писатель.

14

Благотворительный комиссионный магазин с очень низкими ценами.

Архивы писем семьи Пастон, отражающие исторические события в Англии XV века (Война Роз).

«Сидит за спиной всадника черная забота». Гораций, римский поэт I в. до н. э.

Юхан Август Стриндберг (1849–1912) — шведский писатель.

18

Иоанн, 19:22.

19

В здоровом уме(*лат.*).

Уильям Шекспир. «Укрощение строптивой», акт V, сцена 2. Пер. М. Кузмина.

21

Лайонесс — в кельтской мифологии затопленная морем страна на Западе.

Данвич — мистическая деревня из произведений Г. Ф. Лавкрафта (1890–1937).

Лаура Биаджотти — итальянский модельер и парфюмер.

23

Парафраз из Книги пророка Исаяи (1:18).

Сильвия Пэнкхерст (1882–1960) — дочь Эммелин Пэнкхерст, борца за права женщин. Одна из лидеров движения суфражисток, автор книги «История суфражистского движения» (1911).

Лана Тернер (1920–1995) — американская киноактриса. Во время Второй мировой войны ее называли «душечкой». В конце 1940-х годов была одной из самых эффектных женщин Голливуда.

Table of Contents

[Барбара Вайн](#)
[Черный мотылек](#)
[АННОТАЦИЯ](#)
[Барбара Вайн](#)
[Черный мотылек](#)

[*](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25